

Седагет КЕРИМОВА

МЕДВЕЖИЙ ДОЖДЬ

Баку - 2012

Редактор: Эмиль Эюбов

Переводчики: Сиявуш Мамедзаде
 Маис Гаджиев

Издатель: Севда Микайылгызы

Седагет Керимова. Медвежий дождь.
Баку, "Ziya", 2012. 522 стр.

Седагет Керимова известна в Азербайджане и за ее пределами как поэт, писатель и журналист. Она является автором 15-ти книг, изданных на лезгинском, азербайджанском и русском языках. Русскоязычным читателям знакомы две ее книги - "Блажная" (2001) и "За семью горами" (2005).

"Медвежий дождь" является очередным изданием автора на русском языке. В него вошли романы, повести и рассказы С.Керимовой в переводе с лезгинского и азербайджанского языков.

ISBN 978-9952-8142-4-8

МЕДВЕЖИЙ ДОЖДЬ

(Роман)

1.

В машбюро было как всегда оживленно. Наборщицы что-то бурно обсуждали между собой. Как только открылась дверь, и появился Азиз, все приумолкли и принялись деловито стучать на пишущих машинках.

- Девчата, есть срочный материал, кто со мной поработает? - спросил он.

Ответа не последовало. Он продолжил:

- Это задание редактора, материал должен выйти в сегодняшнем номере.

Девушки промолчали. Как обычно, начала ворчать худая коротышка Ваджиба:

- С утра печатала для пяти человек, с места не вставала. Теперь еще отдел искусства срочный материал решил заслать.

- Да, вижу, - кивнул Азиз на белые листы "халтуры" перед ней. Другие тоже знали, что редакционные материалы печатаются на серой бумаге, но сделали вид, будто ничего и не заметили. Ваджибы в редакции все остерегались, попробуй ей что-то сказать, десять раз пожалеешь.

Азиз так и застыл у приоткрытой двери, хлопая мелкими карими глазками, не зная, как ему быть. Диктовать свою писанину машинистке Севиль не хотелось, столько ошибок наделает, что сам же потом пожалеешь.

Тамилла улыбнулась, угадав его мысли. Она вынула из машинки начатую страницу и заправила чистую бумагу. Азиз обрадованно

подсел к ней.

В дверях появился уважаемый всеми Самед:

- Севиль, почему у тебя всюду напечатано "сев" вместо "посев"?

- Я печатала под вашу диктовку, - ответила раздраженно Севиль.

- А почему вместо "план" у тебя "палан"*? - Все так же спокойно спросил Самед.

- Я же не от себя... - разозлилась Севиль.

- Значит, и это я надиктовал. - Он оставил машинопись работы перед девушкой и вышел.

Прочитав подчеркнутое слово, Севиль покраснела до ушей. Ваджиба при этом вскочила с места, быстро пробежалась по тексту глазами и залилась звонким смехом. Тамилла выхватила у нее лист, подчеркнутое слово бросилось в глаза и Азизу.

- Пойди это в номер, опозорились бы точно, - сказал он, утирая проступившие от смеха слезы.

Вскоре про злосчастную ошибку знала вся редакция. Кто и когда успел разнести о ней слух, было непонятно.

- Что слаще всего на свете? - Все оживились, когда вошел Тахмаз.

- Халтура! - хором ответили трое девчат.

- Так оно и есть! - поддел он их. - Вам ведь в отличие от нас не приходится целый месяц орудовать пером, чтобы в итоге расписаться всего за двести манатов.

- Будь у тебя мозги, не заканчивал бы университет, а пошел бы на курсы машинисток, как мы, - не осталась в долгу Тамилла.

- Мне уже поздно для этого. Кто в сорок научится играть на зурне, тот, знаешь, где сыграет?

- Знаю, знаю.

Тахмаз загреб в охапку Азиза и пересадил на стул рядом с Ваджибой, а сам сел на его место. Он это проделал так быстро и смеш-

* *палан - подстилка (аз.)*

но, что девушек разразило смехом.

- Если все это так, то скажи, как у тебя с финансами? - спросил он у Тамиллы.

- Как всегда, - улынулась она, - сколько тебе нужно?

- Пятьдесят манатов. Хорошую кофту принесли, хочу для Розы купить.

Роза была женой Тахмаза. Где бы чего он ни увидел, обязательно должен был купить своей женушке.

- Ну-ка, принеси сюда эту кофту, - Тамилла сказала приказным тоном.

Тахмаз вышел и сразу вернулся с кофтой. Девчата единодушно решили, что это будет отличным приобретением. Тахмаз победоносно сложил покупку и запаковал ее в оберточную бумагу. А Тамилла вынула из сумки хорошо знакомую всем в редакции черную тетрадь и, достав из нее две купюры по двадцать пять манатов, дала их Тахмазу.

Тамиллу в редакции все называли "скорой помощью". Не бывало такого, чтобы она отказалась одолжить кому-нибудь денег, или не имела их при себе.

- Верну в получку, - сказал Тахмаз и, выбежав из комнаты, чуть ли ни нос к носу столкнулся с Айдан, которой шутливо бросил на бегу:

- Опять опоздала?

- Нет, задержалась, - Айдан вошла в машбюро, и по привычке шумно поздоровалась:

- Девчата, вам не свалиться с древа халтуры!

- Какой приятный запах, - потянула носом Тамилла, а за ней и Севиль с Ваджибой. Айдан не стала испытывать их терпения и положила на стол перед каждой по три ландыша.

- На улице такая прекрасная погода, даже не хочется идти на работу. После того, как побывала на "объекте", я ровно два часа гуляла по городу, - она вышла так же шумно, как и вошла.

Айдан остановилась в дверях с табличкой "Отдел фельетонов":

- Салам, товарищи!

Заведующий отделом Эльман, корреспонденты Гусейн муаллим и Самир сидели на своих местах. А кресло, как всегда, занимал Октай, заведующий отделом сельского хозяйства.

- Признайтесь, где вы были? - Октай попытался, как бы в шутку спросить про то, что занимало его всерьез. За три года после появления Айдан он полностью потерял покой.

- Была на объекте, - ответила Айдан, усаживаясь на свое место.

- Хорошая отговорка, - поддел ее Гусейн муаллим.

- Это не отговорка, Гусейн муаллим, - я действительно была на объекте, проверяла одно письмо с жалобой. Шестой раз уже побывала, но больше туда, ни ногой.

- Вот и нас не лишишь счастья тебя лицезреть, - произнес Октай таким страдальческим тоном, что все рассмеялись.

- Ребята, кто может одолжить мне заголовок? - вдруг обратился присутствующим Гусейн муаллим.

- Не говори хотя бы, что займы. Сколько лет уже я снабжаю тебя заголовками, но долга ты, так ни разу и не вернул. Лучше попроси, чтобы тебе помогли с заголовком, - слова Октая вызвали смех.

Увидев, как огорчился Гусейн муаллим, Октай решил отвлечь его:

- О чем статья?

- О виноградарстве.

- Тогда озаглавь материал "Медовые гроздья", - подмигнул Октай остальным в комнате.

- Отлично! - обрадовался Гусейн муаллим под общий смех.

- Что случилось, почему вы смеетесь?.. - обиделся он.

Самир утер прослезившиеся от смеха глаза:

- В сегодняшнем номере вышла публикация Октая под таким заголовком.

Гусейн муаллим бросил уничтожающий взгляд на Октая, но ничего не сказал. Когда Октай и Самир вышли из комнаты, Гусейн

муаллим подошел к столу Айдан:

- Просмотри-ка этот материал.
- Просмотреть, или подправить?
- Сама знаешь, - улыбнулся он виновато.

Она начала вслух читать статью:

- "В экономике колхоза "Комсомол" виноградарство занимает основное место". Вам еще не надоели такие шаблонные предложения? - сказала она ворчливо. - А дальше, обратите внимание, в одном предложении ровно четыре раза повторяется слово "труд".

- Доченька, как в народе говорят, ушла моя прыть, остается лишь ныть. Знай, что я пишу только ради гонорара. Не сравнивай меня с собой, ты еще молодая, у тебя голова еще не устала, - ответил Гусейн муаллим.

Айдан больше ничего не сказала и стала править материал.

Как-то Гусейн муаллим говорил ей:

- Я с интересом читаю все, что ты пишешь, у тебя прекрасно получаются зарисовки.

А через некоторое время он снова сидел перед ней уже списанной в руке:

- Просмотри, пожалуйста, и эту статью. Чувствую, что не хватает выразительности в начале. Может, что-то сделаешь? Она не сразу поняла, чего хочет этот степенных лет журналист. Когда, наконец, до нее дошло, она призадумалась и добавила в текст описание весеннего вечера. Гусейн остался чрезвычайно довольным.

В другой раз Гусейн попросил ее дописать концовку статьи. Она, молча, исполнила просьбу. Позже, такого рода обращения к ней стали обычным делом. То он просил помочь диалог построить, то зачин и концовку материалов. Айдан стеснялась отказать пожилому человеку в помощи, которая не очень-то ее и обременяла.

Вскоре об их "творческом союзе" прознала уже вся редакция. На одной из "летучек" Окайт, коснувшись публикаций Гусейна, сказал, что расцвет в его творчестве странным образом совпал с появлением

в отделе фельетонов Айдан. Неприкрытая ирония вызвала дружный смех.

Зазвенел внутренний телефон. Айдан подняла трубку. Это был редактор:

- Зайди, пожалуйста, ко мне.

Тот был один, поздоровался и предложил присесть, справился о ее самочувствии. Затем сказал:

- Если у тебя нет срочной работы, то возьми это письмо, внимательно изучи и дай мне знать, что решишь.

Анонимка была написана аккуратным ученическим почерком. В ней сообщалось о том, что главврач районной больницы Мурад Алиев халатно относится к своим пациентам, самовольно захватил большой земельный участок, который использует для личной наживы. Отмечалось, что он из тщеславия занимается прокладкой дороги, установкой фонтанов, посадкой деревьев.

Анонимный автор сообщал, что М.Алиев тратит время впустую вместо того, чтобы интересоваться состоянием пациентов. Главный выпад заключался в том, что он без разрешения открыл кабинет психотерапии, ведет незаконный прием и самовольно лечит больных.

Айдан перечитала письмо несколько раз. Ей показалось странным, что автор пытался навести тень на авторитетного врача, тогда как приведенные факты, напротив, вызывали к нему симпатию.

У Айдан возникло желание познакомиться с этим человеком, лица которого она никогда не видела, голоса не слышала и о котором не имела ни малейшего представления. Решила зайти к редактору. Тот спросил:

- Ну, как, заинтересовало письмо?

- Да, если позволите, то я займусь этим вопросом.

* * *

Эльман справился с очередным заданием. Айдан это сразу определила по его приподнятому настроению и выдала шуточный репорт

таж:

- Эльман Мамедов сидел довольный собой, завершив очередной фельетон, который должен был взбудоражить всю республику, когда в комнату вошла сотрудница отдела Айдан Омарова.

Она встала перед его столом:

- Товарищ "зав", учитывая, что вы заняты сверх меры и не замечаете при этом своих сотрудников, мы удаляемся.

- Это правда? - удивился Эльман.

- Конечно, правда.

- А я-то думал, что мы сегодня вдоволь с тобой побеседуем, - огорчился Эльман.

- Оставим на следующий раз, - приняв серьезный вид, она подошла к своему столу и начала собирать вещи.

- Будешь проверять жалобу на главного врача?

- Да.

- Ровно день трястись в дороге. Тебе это надо? Это далекий район. Будет нелегко.

- Ничего, - Айдан перекинула сумку за спину и распустила на плечи темно-каштановые волосы.

- Будь осторожна, смотри, чтобы тебя не похитили, - подшутил Эльман.

- Большое спасибо за вашу заботу, пока! - бросила Айдан, выходя из комнаты.

Гусейн муаллим обеспокоился, когда придя после обеденного перерыва, не увидел Айдан:

- А где наша ханум?

- Уехала в командировку.

- Интересно, где она оставила мою статью? - Он стал искать на своем столе. Затем подошел к столу Айдан и оживился, увидев записку. "Гусейн муаллим, вашу статью трудно переделать. Поэтому мне пришлось написать ее заново. Бумаги в правом ящике моего стола. Можете озаглавить так: "Когда есть вера".

Гусейн муаллим обрадовался и, взяв рукопись, направился диктовать ее в машбюро.

2.

Айдан доехала до районного центра в семь часов вечера. Всю ночь она не сомкнула в поезде глаз под стук колес, а с раннего утра продолжила путь в небольшом тряском автобусе. Ее порядком утомили крутые повороты на горных дорогах.

Первый секретарь райкома партии, узнав о цели приезда Айдан, поспешил выразить свое недовольство:

- Говорят, от преследований и храбрец может обернуться трусом, - и добавил, - сами увидите, что это за человек. Это уже пятый донос на него. Недавно комиссия была.

- Проверки что-то выявили?

- Что вы говорите! Мурад порядочный человек.

- А что это за сад?

- Вокруг больницы пустовал примерно гектар земли. Мурад разбил на этом месте фруктовый сад. Со всех уголков республики привез саженцы и адаптировал под местные условия. Вместо того, чтобы приветствовать подобный пример, сказать спасибо за труд, неблагодарные люди преподносят это благовидное дело так, будто он делает все в корыстных целях.

Айдан встала:

- Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Пойду, посмотрю своими глазами.

- Правильно. Но, сегодня уже поздно. В гостинице для вас приготовили хорошую комнату. Обед подадут в номер. Отдохните хорошенько, завтра с утра я вас познакомлю с главным врачом, - он проводил ее до двери.

Айдан попрощалась и направилась в гостиницу. Умылась и отдохнула. В номере оставаться не хотелось, и она вышла прогуляться. Вдоволь походив по улицам районного центра и дойдя до окраины

города, она увидела фруктовый сад. Пройдясь вдоль него, вдруг подумала: "Может быть, это и есть больничный сад?"

Вскоре, заведя перед собой двухэтажное здание районной больницы, она убедилась в своей правоте.

Воздух вокруг был наполнен тонким ароматом нежно-розовых цветов черешни. В расположившемся напротив больницы бассейне с фонтаном плавали золотые рыбки. Айдан ступала по зеленой траве, бархатной, словно ворсистый ковер, любовалась красотой небольшого ботанического сада и наслаждалась тишиной, царившей вокруг.

* * *

- Знакомьтесь, это наш главный врач Мурад Алиев. - Мамед Гейдаров представил Айдан в приемной перед своим кабинетом смуглого мужчину с добрым взглядом. Затем он обернулся к ней:

- А это журналистка Айдан Омарова, я тебе говорил о ней, - познакомив их, он добавил, - у меня заседание, с вашего позволения я пойду. Мурад, нашу гостью я поручаю тебе.

Когда они остались вдвоем, врач заметил:

- Я никогда не общался с журналистами.

Потом добавил:

- Почему-то я всегда представлял себе журналистами мужчин. А теперь вижу перед собой красивую девушку.

- Я вас тоже представляла иначе, постарше, - призналась Айдан.

- И насколько "постарше"?

- Думала вам лет 50.

- Не очень-то вы и ошиблись.

- Как это?

- Отнимите с десяток лет, вот и все.

- Так вам сорок? - удивилась Айдан.

- Что, много? - удивился в свою очередь Мурад.

- Нет, не много, но я не дала бы вам и тридцати.

- Благодарю.

Когда они дошли до больницы, врача вызвали к телефону. Переговорив, он извинился перед журналисткой:

- Айдан ханум, не знаю, как и сказать, чтобы вы не обиделись, вышло срочное дело, и мне нужно выехать в одно село.

- Что произошло, если не секрет?

- Тяжелобольной. Звонили из села.

- А другого врача вы не можете направить?

- Больной попросил, чтобы приехал именно я.

- Тогда я тоже поеду с вами, если позволите.

- Путь не близок, может утомить вас.

- Ничего.

- Что я могу сказать...

Вскоре больничный УАЗ-ик уже вез их по горной дороге.

Айдан по пути не уставала любоваться извивающейся горной рекой, вдоль которой они следовали, крутыми скалами, зелеными лесами.

- Боже, какая красота!

- Это еще что?! Впереди есть такие места, которые вас точно поразят.

- В какое село, мы едем?

- В село Гарачы.

- Наверное, там живут или когда-то жили цыгане.

- Признаться, я и сам не знаю.

Больница помещалась в маленьком одноэтажном здании на окраине села. Здесь их поджидал пожилой врач.

- Айдан ханум, вы пока прогуляйтесь по саду больницы, а я обследую больного и вернусь.

- Не беспокойтесь, я пройду до конца села, оттуда меня и заберете, - ответила Айдан.

Когда она добралась до края села, небо затянуло тучами. "Дождь пойдет", - с грустью подумала Айдан. Перед ней светлым ковром

расстился луг, усыпанный мелкими белыми ромашками. Девушка присела, вытянув ноги, начала плести венок из цветов, как в детстве. Вскоре стало капать, и Айдан побежала под высокий дуб неподалеку. Через несколько минут дождь стал лить как из ведра. Она промокла до нитки.

Прошло больше двух часов, а от главного врача не было ни слуху, ни духу. В таком виде она не могла пойти в больницу.

Вдруг раздался сигнал машины: "Наконец-то!" - обрадовалась Айдан и побежала к дороге.

- Ради Бога, извините! Как вы промокли, - заговорил виновато Мурад.

- Не беспокойтесь, - села в машину Айдан, - как чувствует себя ваш больной?

- Начался абсцесс, мы вынуждены были ампутировать ему палец.

- Жаль...

- В обуви не будет заметно, - сказал Мурад с хладнокровием врача и сменил тему. - Как бы не простудились.

- В гостинице переодеюсь.

- Кажется, до гостиницы нам не доехать.

- Почему же?

- Не доверяю реке, которую мы перешли. Теперь воды в ней прибило.

- Так скоро?

- На то она и горная река.

Его опасения оправдались. Вода в реке поднялась на полметра.

- Не пройдем, - заключил Мурад.

- Что же будем делать? - забеспокоилась Айдан.

- Такой дождь ненадолго, скоро закончится, - успокоил ее Мурад и остановил машину под сводом деревьев у реки. Он обернулся и взглянул на Айдан. Волосы у нее слиплись, а промокнутое платье облепило тело.

- Будете так сидеть, заболаете.

- Что же мне делать?
- Высушите платье.
- Ничего, высохнет на мне... Вы лучше печку включите.
- Вы промокли из-за меня, если бы не наша поездка, отдыхали бы сейчас в гостинице.

- Журналист не должен отдыхать. Это девиз нашего редактора. К тому же, что бы я смогла увидеть, оставшись в гостинице? Здесь я убедилась в непредсказуемости природы. Может быть, что-то напишу и про это.

- Тогда припомните и про меня, ладно?
- Обещаю, что вы будете главным героем, - улыбнулась Айдан.
- Интересно, о чем вы расскажете?
- Это секрет, - ответила она.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Выглянуло солнце и рассыпало горячие лучи вокруг. Они сошли с машины. Мурад вынул сиденье и бросил на землю. Затем протянул Айдан свой пиджак:

- Я буду сидеть вон там, на пригорке. Снимите и высушите платье. Окликните меня, когда наденете. Время есть, в любом случае придется ждать, когда опадет вода в реке, иначе не проехать.

Он заложил руки в карманы и, насвистывая, отдалился от машины. Айдан, укрывшись за кустом шиповника в белом цветке, сняла и повесила платье на ветви и закуталась в пиджак Мурада.

Не чувствовавшая холода до этого, сейчас ее пробирала дрожь. Она села, прислонившись к спинке сиденья, чтобы согреться. Приятно было чувствовать на коленях горячее прикосновение солнечных лучей, она зажмурилась от удовольствия. Тишину вокруг нарушали лишь трели невидимых глазу птиц и бесконечный звон кузнечиков.

- Можно подойти?

Айдан сидела, свернувшись в клубок под пиджаком, когда донесся голос Мурада.

- Я еще не одета, - ответила она умоляющим голосом.
- Сейчас отойду. Вы только гляньте, что я вам принес.

Айдан не поверила своим глазам. Мурад стоял перед ней с огромным букетом полевых цветов. Босоногий, с засученными рукавами, он был похож на озорного мальчишку. Как только положил цветы у ног Айдан, отошел, ни слова не сказав.

Айдан торопливо оделась в подсохшее платье, расчесала волосы. Потом подняла букет и прижала к груди. Махнула рукой в сторону Мурада. Он стоял к ней спиной. Ей захотелось окликнуть его, но, как к нему обратиться? "Товарищ Алиев" - это очень официально. "Мурад бек, да, это ему подойдет", - пронеслось у нее в голове. Но, вспомнив, что "бек", "ханум" расцениваются как пережитки прошлого, замешкалась." Благо, что все же оставили "ханум".

- Что с вами? - очутился перед ней Мурад, - о чем вы призадумались?

- Я все думаю, как мне к вам обращаться?

- Зовите меня просто Мурад.

- Но, ведь неудобно как-то.

- Почему это неудобно? Если разрешите, я вас тоже буду звать Айдан.

- С удовольствием, - с ее плеч будто свалился ненужный груз.

- Воды стало меньше, но все же боюсь, что машина не проедет.

- А по-моему, проедет. Давайте проверим... - предложила Айдан.

- А если не проедет, что тогда?

- ...

- Будь по-вашему, залезайте в машину.

Айдан обрадовалась и забралась на свое место. Мурад завел машину и повел ее вниз к реке.

- Ну вот, что я вам говорила, - радостно захлопала она в ладоши, когда машина вошла в реку. Но, эта радость оказалась недолгой. Вода вымыла песок у противоположного берега. Теперь было не проехать.

- Хорошее место для ночевки, - расстроился Мурад. Рокот горного потока приводил их в ужас.

- Течение может унести машину, - взволнованно добавил он, затем закатал штанины.

- Что вы собираетесь делать? - спросила она.

- Посмотрю, сумеем ли как-нибудь одолеть этот подъем? - Мурад вышел из машины. Он стал переносить камни к выходу на берег. Но их тут же уносило течением.

Изрядно повозившись, он снова залез в машину:

- Придется идти в соседнее село за трактором, вызволить машину.

- А как же я перейду реку? - будто пожившись от холода, пожала плечами Айдан. Тот ничего не ответил и, обойдя машину, открыл дверцу с ее стороны. Айдан, поняв его намерение, покраснела.

- Иного выхода нет, - сказал Мурад и, не мешкая, взял ее на руки.

- Ой, мама, теперь мы оба свалимся в воду, - запаниковала Айдан. Мурад крепко сжал ее в объятиях, как маленькую девочку. Она обняла его за шею, положив голову ему на плечо и, закрыла глаза. На миг ее покинуло чувство страха, не заботили опасность упасть в холодную воду и промокнуть, и тот факт, что она находится в объятиях чужого человека.

Выйдя на берег, Мурад отпустил девушку. Айдан испытывала чувство вины, что-то хотела сказать, но никак не могла понять, что же именно. Спас ее от этого конфуза Мурад:

- Если вы не устали, то пойдемте.

Они пробирались через лес. Мурад был босиком, часто занозил ноги и стучался о камни пальцами. Но виду, что ему больно, не показывал. Наконец, они дошли до села.

- Тракторист был моим пациентом, он нам не откажет.

Подойдя к калитке дома, Мурад окликнул хозяина:

- Али!

В отворившейся двери тут же появился рослый симпатичный молодой человек, а за ним женщина в летах. Увидев доктора в таком виде, они удивились:

- Здравствуйте, доктор, это что у вас за вид? Проходите, отогрейтесь, выпейте чаю.

- Большое спасибо, Али, мы торопимся. Если можешь, заведи свой трактор, в реке застряла наша машина.

- Как нехорошо получается. Вы прошли такой долгий путь и хотите уйти от ворот. Что же люди подумают? - все уговаривал Али. Не хотела отпускать гостей и мать. Только поняв, как сильно они торопятся, открыла ворота. Али завел трактор и усадил попугачиков рядом с собой.

Всю дорогу он оборачивался к Айдан, только заговорить с ней никак не решался. Айдан было неловко от взглядов незнакомца, она не знала, как себя вести. Мурад отвлекал его разговорами, чтобы хоть как то спасти положение.

Доехав до реки, они прицепили машину к трактору и с трудом выволокли ее на берег.

Вскоре Мурад и Айдан попрощались с Али, уселись на своих местах в машине. Он слегка коснулся ее руки:

- Посмотрите туда!

Айдан оглянулась и покраснела, увидев, что Али стоит и смотрит на нее, не отрывая глаз.

- Кажется, он влюбился в вас, - хотел в шутку сказать Мурад, но в голосе у него просквозила ревность.

- Вам показалось, - в его ревности ей почудилось что-то родное.

Али провожал их взглядом, пока машина не скрылась из виду.

Всю дорогу до районного центра ни Мурад, ни Айдан не обмолвились ни словом, каждый пребывал наедине со своими мыслями.

Перед гостиницей Мурад притормозил и помог Айдан сойти. Проводив ее до номера, он сказал:

- Вы отдыхайте, а я организую легкий ужин.

...Айдан быстро переоделась, привела себя в порядок. Она еще была под впечатлением о происшедшем. В ее воображении то и дело оживали черты лица Мурада, странное подергивание плечом время от времени, когда он говорил, его манера разговора и другие мелочи.

В дверь постучали. Вошел Мурад с большим подносом в руках. Расстелив на столе скатерть, он разложил на ней хлеб, вареное мясо, сыр и зелень. Вскоре подали в комнату и чай. Айдан только теперь поняла, как сильно проголодалась.

- Никогда у меня не было такого аппетита, - весело сказал Мурад.

- И у меня тоже, - рассмеялась Айдан.

Спустя некоторое время, Мурад встал из-за стола:

- Завтра вы заглянете в больницу?

- Конечно.

- В девять утра буду ждать вас в буфете гостиницы. Доброй ночи. Не забудьте запереть дверь изнутри.

Мурад ушел. Айдан почему-то именно сейчас вспомнила про анонимку в редакцию. В душе усмехнулась над собой.

Привыкшей всегда поздно ложиться и рано вставать, Айдан в эту ночь захотелось как можно раньше забраться в постель и остаться наедине со своими мыслями. Она разделась и легла, но сон как рукой сняло. Всю ночь она ворочалась с боку на бок и задремала только под утро.

... - Ездил, чтобы слюбиться с главным врачом? - взгляд редактора источал ненависть.

- Кто это вам сказал? - спросила удивленно Айдан.

- По глазам читаю, хочешь опозорить редакцию? Нам не нужен такой журналист, как ты, - редактор вонзил ей в сердце нож, который держал в руке.

Ночью ее повезли в больницу. Мурад ужаснулся, увидев истекающую алой кровью Айдан. Он протянул руку к ее груди, вынул отту-

да ее сердце и, очистив его от спекшейся крови, вернул на место. Айдан застонала:

- Как больно...

Она проснулась вся в поту. На сердце было так тяжело, что ей стало неважно. Прошла в ванную, горячей воды не было, она, поеживаясь, приняла холодный душ и завернулась в полотенце. Затем надела розовое платье, расчесалась, навела марафет. И с нетерпением стала ждать девяти часов.

После завтрака они вдвоем отправились в больницу.

- Почему вам не спалось? - спросил Мурад, заметив темные круги у нее под глазами.

- Как вы догадались?

- Я ведь врач, как-никак...

- Сама не знаю, отчего не спалось.

Больница поразила Айдан. Кардиологический и урологический кабинеты были оснащены современной аппаратурой. Ей и в голову не могло прийти, что такое можно увидеть в отдаленном районе. Она присматривалась ко всему с пристальным вниманием.

В 11 часов Мурад простился с ней, торопясь на операцию в хирургический кабинет.

- Может, разрешите мне посмотреть? - бросила Айдан вслед.

- Что вы, разве я смогу работать при вас? - ответил Мурад и почему-то покраснел. А затем добавил:

- Буду ждать вас в своем кабинете.

Айдан зашла в кабинет заведующего хирургическим отделением Тофика Салимова. Тот возился с монитором.

- Я вам не помешала? - спросила она.

- Нет, Айдан ханум, заходите. Хотите посмотреть операцию по монитору?

- Конечно, - обрадовалась та.

Вскоре в операционной все были готовы. Айдан внимательно смотрела на экран, следила за движениями рук Мурада.

- Вы впервые видите, как оперируют? - спросил Тофик Салимов.
- Да.

Когда операция была завершена, Айдан поблагодарила заведующего отделением и вышла из больницы. На улице, едва она повернула в сторону гостиницы, около нее притормозила машина:

- Садитесь, я подвезу вас, - открыл дверцу Тофик Салимов.
- Спасибо, не нужно.

Тогда он вышел из машины, подошел к ней и с такой настойчивостью попросил сесть, что пришлось уступить.

Тофик, довольный собой, сел за руль и нажал на газ.

- Вы приехали к нам в район по собственному желанию, или вас командировали? - спросил он.

Вопрос не понравился Айдан:

- Это имеет какое-то значение?
- В эти края мало кто приезжает по своему усмотрению. Наверное, получили сигнал про нашу больницу.
- Да, так оно и есть.
- Так и знал, - он самодовольно улыбнулся. Затем протянул ей бумажный сверток:

- Примите этот скромный подарок от меня, - и добавил, увидев, как вдруг удивилась Айдан, - ничего особенного, просто французские духи "Фиджи". Ко мне в автомобиль впервые садится такая красавица, как вы.

- Остановите! - от повелительного тона Айдан он даже растерялся.

- Обидел вас?

- Я уже доехала, остановите, - сохраняла хладнокровие Айдан.

Когда машина остановилась, она оставила сверток на сиденье и, ничего не сказав, поспешила в гостиницу.

В комнате, не раздеваясь, легла на кровать. Несколько раз звонил телефон. Наверняка, это Мурад ее искал. Трубку она не подняла. А вскоре заснула глубоким спокойным сном.

Проснувшись от стука в дверь. Спешно вскочила и открыла, - это был Мурад.

Он залюбовался ее беспорядочно распущенными волосами, зашпанными глазами. Засмутившись его взглядом, Айдан отвела глаза.

- Куда это вы запропалились, я повсюду вас искал. Может быть, вы обиделись на меня? - спросил настороженно Мурад.

- Нет, нет, я была уставшей, пришла передохнуть, сон меня одолев.

- А пообедать забыли? Знаете, какое время?

По приезду в район Айдан утратила реальное чувство времени, поэтому очень удивилась, узнав, что уже половина восьмого вечера.

- Видите, пора ужинать. Разрешите...

- Я готова, - ответила она беззаботно.

- Как думаете, поедем на больничной машине, или на моей?

- Какая разница? - Ей действительно было безразлично. Главное, что они поедут вместе. Только бы он был рядом, только бы слышать его голос.

- В вашем распоряжении пятнадцать минут. Одевайтесь и спускайтесь.

Как только Мурад вышел из комнаты, радости Айдан как не бывало: "Что я делаю? Что это со мной? Что за легкомыслие? Подобаает ли мне куда-то ехать с чужим мужчиной?" Но более сильное чувство внутри говорило ей совсем другое. Повинуясь этому чувству, она приделась и закинула сумку на плечо.

Внизу ее ждали белые "Жигули". Айдан уселась на заднее сиденье, и машина тронулась с места. Из динамиков зазвучала грустная песня. Айдан заслушалась ею. Глядя на растрепанные ветром волосы Мурада, вдруг у нее возникло странное и непонятное желание: коснуться руками его шеи. Именно в это время их взгляды встретились в зеркале перед ним.

- О чем вы задумались? - спросил Мурад.

- Я думаю, какая красивая песня.

- Да?
- Когда слушаешь такие песни, хочется в музыке раствориться.
- Странно, - обернулся к ней Мурад, - откуда вам приходят такие печальные мысли?
- Наоборот, эти мысли от жизнелюбия.
- Почему вы не спрашиваете, куда я вас везу? - он заглянул ей в глаза в зеркальце. Айдан вздрогнула от этого взгляда и ответила:
 - Наверняка в хорошее место, на ужин.
- Оба засмеялись.
- Некоторое время они молчали, размышляя каждый о своем.
- Знаете, о чем я подумал? - нарушил молчание Мурад.
- Нет, - ответила Айдан, будто провинившись перед ним.
- Мне подумалось, что если у женщины красота сочетается с умом, то она становится недоступной.
- Она не ответила.
- Впервые встречаю такую девушку, как вы.
- Наверное, думаете, как я согласилась ночью выйти куда-то, считай, с незнакомцем?
- Такова уж ваша работа.
- В зоне отдыха звучала веселая музыка. Было много людей.
- В общем зале посидим, или отдельно? - спросил Мурад.
- Отдельно, пусть не узнают ни вас, ни меня, все-таки маленький район.
- Устроившись в лесочке за столом под зеленым навесом, Айдан чувствовала себя будто на седьмом небе от счастья. Казалось, что она знакома с Мурадом очень давно.
- Что закажете? - обратился официант к Айдан.
- А что вы можете предложить?
- Шашлык из курицы, из ягненка, люля-кябаб, отварное мясо.
- А рыба есть?
- Какая?
- Та, что плывет против течения.

- Нет у нас такой.
- Тогда подайте, что есть.

Когда вскоре официант появился с жареной рыбой, Айдан радостно сказала:

- А говорили, что у вас нет рыбы, плывущей против течения?
- Сестра, это форель.
- Форель и плывет против течения.... Вообще, почти все рыбы так плывут, - Айдан отчего-то охватила странная радость.

- Приятного аппетита, - сказал раздосадованный официант и отошел от стола. Мурад раскупорил шампанское и разлил по бокалам. Поставил один из них перед Айдан, а другой - перед собой.

- Айдан^{*}, вы для меня как дар небес. Мы знакомы всего-то два дня, но я будто знаю вас долгие годы. Поднимем эти бокалы за наше знакомство и идеальную пропорцию между вашей красотой и умом.

- Не перехвалите.
- Нет, я не хвалю, не утверждаю, что вы ангел, наверняка, и у вас есть свои недостатки.
- Про это есть хорошая песня. Нармина Мамедова поет, - сказала Айдан и пропела вполголоса:

*Не говорю, что ты цветок,
Слов не найду о том,
Но знай одно, что расцвела
Лишь в сердце ты моем.*

- Вы еще и поете прекрасно, - сказал, полушутя, Мурад.
- Мурад, вы со вчерашнего дня, наверное, обратили внимание, что мы, журналисты встречаемся с разными людьми, оказываемся в различной обстановке. Труднее всех бывает женщинам. Не все их понимают. Но, мне кажется, что лично вы понимаете человека с первого взгляда. Поэтому мне спокойно рядом с вами.

^{*} Айдан - букв. перевод "с луны"

- Вы очень любите свою профессию?
- Конечно. Но только сегодня я позавидовала вам. Пожалела о том, что не стала врачом.

- Почему же?

- Потому что провести столь сложную операцию, вернуть к жизни обреченного на смерть пациента - это очень доброе дело.

- Как вы узнали, что операция была сложной? - заинтересовался Мурад.

- Я видела все по монитору из комнаты Тофика Салимова.

- Что вы говорите? - Мурад поразился так, что вилка выпала из его руки, звонко ударившись об тарелку.

- Да, ровно два часа я наблюдала за вами.

- Это вас не утомило?

- Вовсе нет. Мне было очень интересно видеть вас за работой.

- Почему же вы ушли, не дождавшись меня?

- Не знаю, вдруг зло взяло, я подумала, вот какими важными делами занимаются люди.

- Все вам завидуют, а вы - другим, - усмехнулся Мурад.

Они стали говорить о пустяках, но это развлекало их обоих. Им достаточно было малейшего повода, чтобы дружно рассмеяться.

- Может, встанем? - спохватилась, наконец, Айдан, - глядишь, еще вход в гостиницу закроют, останусь на улице.

- Вам решать... - медленно поднялся Мурад.

Была тихая майская ночь. Станные чувства одолевали Айдан. Она не могла в них разобраться. В глазах у нее появился обволакивающий блеск. Интересно, замечал ли все это Мурад? Сердце сжалось, как представила, что вскоре вернется в гостиницу, проведет длинную ночь в четырех стенах. Мурад словно прочитал ее мысли:

- Такая чудесная ночь, что и домой не хочется.

- Вы как в сердце мне заглянули, - ответила Айдан.

- Так давайте, я оставлю машину в сторонке, прогуляемся немного. Согласны?

Мурад с мальчишеской резвостью вскочил за руль. Он это проделал так радостно, что Айдан залилась веселым смехом.

- Почему вы смеетесь?

- Вы так резво сели за руль, будто солдат по приказу.

- Каждое слово красивой женщины, как приказ командира для мужчины, - ответил Мурад.

- Если бы вы знали, как мне претит, когда меня называют красивой женщиной, - состроила обиду Айдан.

Мурад ничего не ответил и включил магнитофон. Вновь зазвучала та же грустная песня. Оба прислушивались к ее словам:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

- За эти два дня я к вам так привык, чего у меня в жизни ни с кем не бывало. Когда задумываюсь, что этой встрече придет конец, чуть с ума не схожу, - заговорил Мурад почти шепотом.

- Вам так кажется потому, что я пока здесь. А после того, как уеду, возможно, вспомните про меня и погрустите пару дней, а на третий уже позабудете обо всем. Через неделю из вашей памяти сотрутся черты моего лица. Пройдет еще месяц, и вы не узнаете меня, если вдруг повстречаете в городе. - Айдан говорила спокойно, размеренно, будто была уверена, что все так и будет. Она и сама вдруг вздрогнула от холода в своем голосе, от безжалостной логики своих суждений. Ей представилось, что случайно встретив Мурада в городе, захотела с ним заговорить, поинтересоваться, как тот живет, но он ее не узнал и прошел мимо. "Да, так оно и будет", - заключила она в душе.

Когда доехали до края леса, Мурад завел автомобиль на тропинку и притормозил.

- Прибыли, - сказал он обернувшись.

Айдан молчала.

- Отчего вы вдруг так погрустнели?

Она и сама не могла понять, что с ней случилось. Если Мурад вздумал бы повторить свой вопрос, она бы разревелась. Но плакать она не собиралась. Знала, что мужчины не любят женских слез.

Вдруг из глубины леса послышались монотонные звуки: ух-ух, ух-ух, ух-ух... Как и в далеком детстве, это уханье вызвало у нее печаль.

- Слышите, филин ухает, - сказала она шепотом, словно остерегаясь вспугнуть птицу.

- Давайте, выйдем из машины, послушаем его, - добавила она.

Мурад вышел, и распахнув заднюю дверцу, помог Айдан сойти. Теперь птица стала ухать чуть ли не рядом с ними.

- В детстве я всегда плакала, услышав крик этой птицы. Наш дом в селе находился у самого леса. Мальчишки рассказывали такие страшные истории о филинах, что я с наступлением темноты от страха не решалась войти в лес. Как-то у нас пропала корова. Мы все пошли искать ее. Я заблудилась. Вдруг услышала уханье филина. От страха я заплакала, да так громко, что мама нашла меня по голосу. Она обняла, успокоила меня и сказала, что филин - верная птица. Когда-то он потерял возлюбленную и всюду ищет ее, не переставая, стонет: ух-ух, ух-ух... Я поверила маме, успокоилась. С тех пор я жалею эту птицу и все думаю, найдет ли филин когда-нибудь свою возлюбленную? Если найдет, как будет петь потом?

Мурад внимательно слушал. Они шагали по лесной тропинке, раздвигая руками ветви деревьев перед собой. Приятно пахло землей, свежестью листвы, всюду чувствовалось весеннее пробуждение.

- Я никогда ночью не бывал в лесу, мне всегда казалось, что по ночам здесь должно быть страшно, но, оказывается, что лес и ночью прекрасен, - говорил Мурад, восторгаясь тихой красотой природы, - я это понял благодаря вам, что ж, примите мою признательность.

- Ай!!! - Айдан упала, споткнувшись о пень. Но, вместо того, чтобы застонать от боли, она залилась смехом:

- Если бы я не упала, кто знает, куда бы мы забрели. Лес все же куда страшней, чем вы думаете. Сейчас вокруг так много диких зверей...

Увидев, как внимательно слушает ее Мурад, она рассмеялась:

- Ну что, напугала я вас?

- С вами ничего не страшно, - Мурад присел с ней рядом. Вдруг случайно коснулся лицом ее волос, что одурманило его сознание. Это был сладкий аромат, дразнивший обоняние. Его охватило страстное желание обнять, заласкать, зацеловать эту красивую девушку, сидевшую рядом с ним. Взял было ее руку в ладонь, как она откинула назад свои волосы. Когда они коснулись его лица, он пал навзничь на землю.

- Что с вами?

Мурад не ответил. Айдан встала и зашагала обратно к машине. Девушка переживала странное состояние. Она чувствовала в руках тепло рук Мурада, на губах - тепло его губ. В груди ныло от сладкой боли. Странно, Мурад не коснулся ее. От порыва, что не состоялся, у нее кружилась голова. Потянулся он к ней там, где они сидели, она бы не смогла сопротивляться, подчинилась бы ему, забыла бы, где она и с кем.

Услышав за собой шаги, Айдан обернулась, - глаза у Мурада были красноречивее любых слов. Айдан произнесла тихим, умоляющим голосом:

- Поехали, уже поздно...

Мурад ничего не сказал, пошел и завел мотор. Вид у него был опечаленный. Звучала все та же песня:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Мурад за рулем и Айдан на заднем сиденье застыли во власти чарующей мелодии. Никто не решался нарушить воцарившееся между ними грустное безмолвие.

"О чем, он интересно, думает?" - задавалась вопросом Айдан. "О чем так задумалась Айдан?" - мучил Мурада вопрос. Никто из них не думал о том, чтобы уехать отсюда. На самом деле, именно этого больше всего они оба боялись.

Незаметно для Мурада Айдан посмотрела на наручные часы: было три часа ночи. Ей впервые в жизни захотелось не считаться со временем. Время в тот миг для нее не имело никакого значения. Так бы и сидеть рядом с Мурадом, молчать, ни о чем не думать. Она с первой же встречи так угодила в его сети, что высвободиться теперь было и трудно, и поздно. Собственно, ею и не предпринималось для этого никаких попыток, она добровольно запутывалась в его сетях.

- Скоро начнет светать, - нарушила тишину Айдан. Эти слова слетели с ее уст, но в душе она шептала совсем о другом: "Давай не будем возвращаться, а то не увидим, как занимается заря".

- Да, скоро займется заря... - Грусть Мурада словно начала растворяться в чувстве ожидаемой радости перед прекрасным таинством природы. - Если мы уедем, то пропустим восход.

- Ты когда последний раз встречал восход? - спросила Айдан, перейдя с ним на "ты" незаметно и для себя.

- Не помню, очень давно, может быть, в детстве. А ты?

- Я тоже в детстве. Кажется, мне было лет десять.

- Давай, выйдем из машины, - предложил Мурад. Айдан будто этого и ждала.

От ночной духоты не осталось и следа, Айдан поежилась от холода. Поджал плечи и Мурад, почувствовав на лице холодное дуновение утреннего ветерка.

Они стояли по обе стороны автомобиля, залюбовавшись занимающейся зарей.

- Прогуляемся, а то замерзнем, - сказала Айдан.
- Ноги промочишь.
- Ничего страшного, - Айдан разулась. Она вздрогнула, когда ее ноги обдало холодной росой.
- Обуйся, можешь простудиться.
- Зато туфли в сохранности, - пошутила Айдан и пустилась бежать по зеленой лужайке. Теперь ей уже не было холодно, не осталось следа и от ее печали, она бегала, как беззаботное дитя. Ее настроение передалось и Мураду.

Вдруг Айдан задела рукой ветку акации и роса дождем осыпалась ей на голову.

- Так тебе и надо! - расхохотался Мурад.

Она не ответила. Дернула ветку ясеня над головой у Мурада и убежала в сторону.

Его рубашка промокла насквозь. Увидев это, Айдан расхохоталась. "Ах, ты!" - побежал за нею Мурад, но она убежала так быстро, что не догнать. Вдруг она остановилась:

- Посмотри туда, посмотри туда! - указала рукой на зарю.

Вдалеке над лесом горизонт окрасился нежно розовым цветом. Этот розовый круг начал медленно разрастаться, переходя в ярко красный, который все ширился и ширился, придавая небосводу поразительную красоту. Они восторженно любовались восходом. Затем солнце показало алый край из-за горизонта и стало медленно подниматься, постепенно пронизывая все вокруг золотистыми лучами.

- Ура! - радостно закричала Айдан. - Утро наступило!

Мурад уперся руками в землю, выгнул спину и подпрыгнул, как кошка на четырех лапах. Он повторил это несколько раз.

- Ой, ты и так умеешь? - изумилась Айдан.

- А ты что думала, быть мужчиной - это только папаху носить? - пошутил Мурад.

- Мама моя, я в жизни не видела такой красоты! - Она показала ему на белые дурманы перед собой с раскрывающимися на глазах

большими лепестками, обдававшими обоих пьянящим ароматом.

Вскоре все вокруг заполнилось жужжанием пчел и кузнечиков. Весело зачирикали птицы, зазвенели цикады. Прилетевшие вдруг из ниоткуда бабочки стали садиться на белые дурманы.

- Сейчас я нарву тебе цветов, - сказал Мурад.

- Что ты, не нужно.

- Почему?

- Разве не жалко? Зачем покушаться на их и без того короткую жизнь? Лучше просто полюбуемся ими, посмотрим, какие из них лучше пахнут, - она наклонилась над цветами. Присоединился к ней и Мурад.

- Это ни к чему, они все пахнут одинаково.

- Что ты говоришь? Понюхай вот эти два, - не согласилась Ай-дан. Мурад нагнулся над цветами.

- Ну, как? - спросила она.

- То же самое.

- Нет, это не так, у этого крупного запах резкий, а у маленького - легкий. Цветы ведь тоже, как люди, у каждого свой аромат.

- Ты это серьезно?

- Конечно.

- Чудная ты, - сказал Мурад.

- Давай, подставим спины под солнце, - предложила Айдан.

Они сели на умытой травке, с которой сошла роса, и разговорились о высоких материях и незначительных вещах. Оба были на седьмом небе от счастья.

- У тебя легкая нога! - Мурад показал ей на клубы откуда-то взявшихся облаков, что затягивали небо. Через минуту не осталось и следа от прежней беспечной картины.

- Живо, в машину, - Мурад помог Айдан встать. Они побежали и вмиг вскочили в автомобиль.

- Ой, туфли забыла! - Айдан сошла, захватила их и снова села в машину.

Как только они выехали на дорогу, редкие крупные капли дождя начали падать на лобовое стекло и забарабанили по капоту автомобиля. Так длилось недолго. Когда отъехали от леса, дождь пошел еще сильнее. Это уже был громкий гул, спасаясь от которого Айдан прикрыла ладонями уши.

По стеклам стекала ручьями вода. Теперь дождь еще больше усилился, будто кто-то в небе открыл шлюз перед гигантским водопадом. Он шел так остервенело, так люто, словно хотел затопить весь мир. Всего за каких-то полчаса все вокруг заполонили бесчисленные большие и малые лужи.

- Видно, дождь ждал меня, не прекращается с того дня, как я сюда приехала, - промолвила Айдан.

- У нас природа такая, не бывает ни дня без дождя, - пояснил Мурад.

Они озирались из машины вокруг. Еще полчаса такого дождя, и тут будет не проехать.

- Дальше двигаться не возможно, - сказал Мурад и выключил мотор, - ничего не видно, боюсь, чего доброго, угодим в топкую лужу и увязнем.

- Может, отъедем в сторону, - сказала Айдан, хотя и понимала, что это опасно.

Дождь будто набирал обороты. Теперь к нему прибавился и ветер. Он изо всех сил раскачивал автомобиль. Вместе с усиливающимся гулом дождя это вызывало ужас.

- Не бойся, - стал успокаивать ее Мурад, - это недолгий весенний дождь, минут через пятнадцать прекратится.

- Откуда ты знаешь?

- Медвежий дождь - вот как его у нас называют.

- Почему медвежий? - Айдан пыталась нарочно разговорить Мурада.

- Говорят, что в такой дождь рождаются медвежата.

- А где же рождает медведица?

- В лесу.
- В каком лесу?
- В том самом, где мы были.
- Может, вернемся, посмотрим на медвежонка?
- Лес ведь большой, да к тому же медвежья берлога обычно скрыта от людских глаз, - ответил в тон ей Мурад. Они забавлялись игрой в вопрос-ответ.

- Если и дальше так пойдет, сель унесет автомобиль, - в голос Мурада вкралась тревога. Он снова завел мотор и медленно повел машину. Они двигались так тяжело, будто сидели не в автомобиле, а на панцире черепахи. Оба напряженно вглядывались в дорогу. Как будто машина могла перевернуться, ослабь они внимание хотя бы на миг.

Дождь прекратился также внезапно, как и начался. Затем стих и ветер, и вскоре его не стало совсем. Вдруг небосвод словно раскололи надвое, выглянуло бледное солнце. Поначалу слабое сияние постепенно усиливалось. И вот уже его горячие лучи ударили по стеклам автомобиля, обжигая лица, ослепляя глаза.

Солнце припекало все сильнее, и вода в лужах после дождя начала испаряться, струясь клубами дыма. Айдан, оглядываясь вокруг, вдруг воскликнула с волнением:

- Гляди туда, гляди!
- Что такое? - Мурад посмотрел в ту сторону, куда она указывала.
- Радуга!

Зрелище было такое захватывающее, что они вышли из автомобиля, полюбоваться этой картиной. Розовый, оранжевый, фиолетовый, сиреневый, голубой цвета образовали длинную дугу от края дороги до подножия гор.

- Сейчас пойду и схвачу радугу, - Айдан пустилась бегом вниз, пробежала немного и остановилась, растерянно оглядываясь по сторонам. Она проделала это с такой гримасой на лице, что Мурад рас-

хохотался, а после, сделав серьезное лицо, сказал:

- Говорят, кто увидит радугу пять раз, обязательно встретит свое счастье.

- А сколько раз ты видел?

- Всего два раза.

- А я больше пяти раз, - не без гордости сказала Айдан.

- Значит, будешь самой счастливой.

- Когда я была маленькой, бабушка часто рассказывала мне сказки про радугу, о героях, которые поднимаются по ней на седьмое небо. Но, как она ни старалась описать радугу, я не могла ее представить. А однажды случилось, что бабушка мне показала настоящую радугу. Увидев над головой разноцветную дугу, я сначала ничего не поняла. Только внимательно взглядевшись, я сообразила, что это та самая семицветная радуга, которую я мечтала увидеть и ждала с нетерпением ее появления. Я прыгала от радости, словно наткнулась на клад с драгоценностями.

Айдан умолкла. Радуга по-прежнему неподвижно висела над головой, демонстрируя свою красоту и величие. Зеленая трава, еще более посвежешая после дождя, пестрые цветы, деревья, - все выглядело особенно красивым. Вокруг царила безмятежная тишина. Не только природу, но и сердце Айдан, все ее существо пронизали легкость и покой. Она впервые чувствовала себя такой беззаботной! Ничто ее не беспокоило - ни городской шум, ни проблемы на работе, ни какие-либо посторонние мысли.

Они вернулись в районный центр после полудня и остановились перед гостиницей.

- Спасибо, Мурад. Не провожай меня, - сказала Айдан.

- Когда встретимся?

- Завтра.

- А сегодня?

- План на сегодня мы уже перевыполнили.

В гостинице, поднимаясь на второй этаж, Айдан заметила на лестничной площадке Тофика Салимова. Он медленно расхаживал

из стороны в сторону. В душу к ней вкралась тревога. Отчего-то она невзлюбила этого человека с первой же встречи. В его маленьких бегающих глазках, казалось, словно бы читалась готовность к любой подлости. Сердце у Айдан сжалось, улетучилось веселое настроение. Она попыталась скрыть свой настрой от заместителя главного врача, шагнувшего навстречу к ней с улыбкой на лице. Он поздоровался с деланной доброжелательностью. Ответив на его приветствие, не размыкая губ, она хотела открыть дверь своей комнаты, когда услышала за собой елеинный голос:

- Айдан ханум, к добру ли? Откуда это вы?

Она смерила его суровым взглядом, но предпочла не отвечать.

- Может, выходили на прогулку с нашим доктором Мурадом?

Его тон не понравился Айдан. Она подавила свой гнев и стала ждать, что он еще скажет. Тот не стал медлить:

- Не будьте таким доверчивым. Этот человек готов использовать любые средства, чтобы его не вывели на чистую воду.

- Что вам нужно? - повысила голос Айдан.

- У меня к вам разговор.

- Ну и время вы выбрали для разговора.

- Я вас с семи часов жду.

- Не пойму, какой у вас может быть ко мне разговор? Кажется, мы только вчера познакомились.

- Айдан ханум, не сердитесь, я хочу поговорить с вами по делу.

- По какому делу? - удивилась Айдан.

- Я имею в виду письмо, которое привело вас сюда.

- Что вы сказали? - она не поверила своим ушам, - откуда вы знаете про письмо?

- Да что стоило про него узнать? - ответил самодовольно Салимов.

Только теперь Айдан стал ясен интерес этого человека к анонимному письму.

- Почему вы не подписали свое письмо? - спросила она прямо.
- Не хотел, чтобы склоняли мое имя.
- Но рано или поздно все узнают об этом.
- Как же они узнают?
- Я напишу, что именно вы оклеветали главного врача.
- Вы были в кабинете психотерапии?
- Буду завтра.
- Вот завтра и поговорим о том, кто клеветник. А пока возьмите

вот это.

- Что это?
- Вы вчера забыли духи в машине.
- Послушайте, товарищ, возьмите свои духи и уходите отсюда! - терпение Айдан лопнуло.

Тот спокойно возразил:

- Здесь не только духи. Я оставил еще тысячу манатов.
- Зачем? - ужаснулась Айдан.
- Уважить гостя - наш долг. Вы приехали сюда издалека, взяли на себя ответственную миссию. Хочу, чтобы вы все написали справедливо, учили мнение коллектива.

- Вы и есть коллектив? - разгневалась Айдан.
- Я один из его представителей.
- Знаете что? Как пришли, так и уходите, оставьте меня в покое!
- Не возьмете это, я не уйду! - настаивал на своем Салимов.
- Какой же вы назойливый человек! Не делайте так, чтобы я позвонила в милицию. Вас могут привлечь за дачу взятки. - Айдан отворила ключом замок и вошла в номер, хлопнув за собой дверь. Только теперь она почувствовала, как тревожно бьется ее сердце, как дрожат ноги. Ей все еще представлялось широкое лицо заместителя главного врача с неуместно прямым носом. Было не по себе от того, что этот человек унизил, оскорбил ее.

Поздно вечером зазвонил телефон. Это был Мурад:

- Айдан, я тебя не разбудил? - спросил он тихо, еле слышно.

В его голосе было что-то странно родное, щемящее, близкое, что отзывалась радостью в сердце. Она могла слушать его часами. Ни один голос до сих пор не имел на нее такого воздействия. Ни в чем голосе она так не нуждалась. Этот голос ее дурманил.

- Почему ты молчишь, Айдан? - спросил он встревоженно.

- А что говорить?

- Говори, что хочешь, только не молчи.

- Почему ты не спишь?

- Не могу заснуть. Знаю, что и тебе не до сна.

- Ты прав.

- Как подумаю, что через день или два, ты уедешь - с ума схожу. Не могу смириться. Не знаю, что я буду делать без тебя, останется ли смысл в жизни? Как буду спать, выходить на работу, говорить с людьми? - который раз он повторял эти слова.

О том же думала и Айдан. Не хотелось самой себе в этом признаваться. Уже теперь болело сердце от неизбежности расставания через день или два. У нее ни к кому не возникало такой сильной привязанности за столь короткое время. Никто из ее друзей, знакомых, мечтавших о близости с ней, не западал ей в сердце с первой же встречи. Теперь же она испытывала незнакомое ранее странное чувство. Оно было и сладостным и горьким, таким же желанным, как и неожиданным, дарило ей и радость и грусть. Это чувство кружило ей голову, изводило ее, она не могла ему противиться.

- Давай говорить о радостных вещах, в жизни и без того достаточно печали, - сказала Айдан, чувствуя, что от собственных слов у нее защемило на сердце, что-то обвалилось внутри.

- Какие у тебя планы на завтра? - спросил Мурад.

- Я хочу принять участие в твоих сеансах психотерапии.

- Решено.

* * *

Кабинет психотерапии занимал небольшое одноэтажное помещение, располагавшееся в одном из тихих уголков на территории боль-

ницы. Своей очереди здесь дожидались семь человек. Айдан присела рядом с женщиной, которая оказалась очень словоохотливой собеседницей.

- Доченька, а у тебя что болит? - спросила она у Айдан.

- Сердце.

- А сколько тебе лет?

- Двадцать пять.

- Милая моя, что это за возраст, чтобы сердце болело? - сказала она сочувственно и после добавила, - посетишь десять сеансов, и всех твоих болей как и не бывало.

- Хотите сказать, что лечение пойдет мне на пользу?

- Конечно, когда я впервые пришла сюда, не могла от боли поясницу разогнуть. Вот уже седьмой день принимаю здесь лечение и чувствую себя такой бодрой, будто никогда и не болела.

Вмешался в разговор и мужчина, сидевший рядом:

- Пятнадцать лет я не мог избавиться от курения. Доктор Мурад на первом же сеансе забрал у меня пачку сигарет и положил в свой шкаф. Сказал, что курить я больше не буду. Я возразил: "Доктор, не смогу". А он сказал, что справлюсь. После первого сеанса я по привычке полез в карман за сигаретами, но тут вспомнил, что доктор оставил их у себя. Рядом со мной затягивался дымом какой-то мужчина. От запаха сигарет мне стало дурно. По сей день не курю, бросил.

- Но ведь говорят, будто лечение доктора Мурада не дает никакого эффекта?

- Эх, сколько на свете завистливых людей! В этой больнице есть несколько ни на что негодных бездарей. Только слухи распускают. Что ни день, пытаются очернить доктора Мурада, - ответила женщина.

- Столько пасквилей о нем пишут, что боюсь, в конце концов, отобьют у него желание работать, - вздохнул сидевший в стороне от них седой аксакал.

К двенадцати часам в приемной не осталось никого, кроме Ай-дан. Она встала и зашла в кабинет.

- Как договаривались? - улыбнулся Мурад.

- Конечно.

- Тогда начнем, - Мурад включил магнитофон. Комнату наполнила тихая мелодия игры на гобое. - Ты находишься на цветущей поляне. Вокруг тишина. Волосы твои ласкает ветерок, навеивая прохладу. У тебя нет никаких забот. Ничто не тревожит. Ты маленькая девочка, лакомишься земляникой, которую только что набрала в лукошко в лесу.

Айдан и впрямь почувствовала себя на зеленой лужайке среди цветов. Ощутила во рту сладкий вкус лесной земляники. Затем она как беззаботное дитя бегала за бабочками.

- Твои щеки покраснелись от жарких солнечных лучей, ты устала и прилегла на травку. Тебя охватывает легкий сон.

Айдан заснула как младенец в колыбели, которого ничто не беспокоит.

- Ты спокойно и сладко спала, а теперь просыпаешься, размыкаешь ресницы, открываешь глаза.

Айдан была бодра как после хорошего глубокого сна.

- Я спала? - спросила она удивленно.

- Да.

- Сколько часов?

- Всего пять минут.

- Не может быть! - удивилась она еще больше.

- Кажется, ты недооцениваешь психотерапию, - пошутил Мурад. Он разложил перед ней большой альбом в красной обложке, - это отзывы пациентов. Последние три года я устал обивать порог Министерства здравоохранения. Но, так и не смог добиться разрешения практиковать психотерапию в больнице. В конце концов, не дождавшись разрешения, открыл вот этот кабинет. Практикую уже седьмой месяц. Устал предъявлять справки различным комиссиям. Мои

пациенты очень довольны результатами лечения, но я никак не могу убедить засевших в Баку чиновников в том, что психотерапия - это важная отрасль медицины. Мне трудно им объяснить, что люди, далекие от медицины, всякие предсказатели, колдуны пользуются методами психотерапии в корыстных целях. Лучший способ борьбы с ними - это открыть в больницах и поликлиниках кабинеты психотерапии. Сейчас ее уже всюду практикуют, а у нас говорят, что это не укладывается в рамки здравомыслия. Много раз я проводил сеансы для руководителей района, избавлял их от разных болей и все равно никто конкретно не помог мне в получении официального разрешения. Некоторые чиновники чуть не с ума сходят, когда я говорю, что хочу применять эти методы в хирургии.

Мурад сделал паузу и спросил:

- Я не надоел тебе?

- Нет, что ты? Мне очень интересно, - ответила Айдан. От ее искренности у него стало тепло на сердце. Захотелось придвинуться к ней, погладить ей руку, но он не осмелился. В душе посетовав на свою нерешительность, он встал и подошел к окну.

Спокойствие сменилось волнением. Оно мешало говорить. Айдан и безо всяких слов понимала его состояние. Ей казалось смешным, что этот человек, который был старше ее на целых пятнадцать лет, вел себя перед ней как мальчишка.

Это и забавляло, и огорчало ее, почему-то вызывало и жалость к Мураду.

- Ладно, я пойду, - вдруг встала она с места.

- Куда? - забеспокоился Мурад.

- Как это куда? Ты думаешь, у меня нет других дел?

- Тогда я провожу тебя.

- Не нужно, обойдусь.

- Вечером встретимся? - спросил Мурад осторожно, опасаясь, что может обидеть ее.

- Встречаться не хочу.

- Ну что ж... - выражение его лица тут же изменилось. Не ожидавшая такого ответа, Айдан почувствовала себя как человек, случайно потерявший драгоценную вещь. Она протиснулась и вышла. Ей захотелось заплакать от нахлынувшего чувства печали, от одиночества. Она задалась вопросом как человек, неожиданно для себя потерявший самообладание: "О боже! Еще только час. Как же я проживу весь день?"

Отяжелевшими от внезапного наплыва тоски шагами она невольно направилась прочь от больницы.

Часа два Айдан плутала по улицам районного центра, обошла магазины, наведлась на базар. Она не замечала и не слышала ничего вокруг. Все корила себя за неожиданное расставанье с Мурадом, как и за то, что уклонилась от его предложения встретиться вечером. Однако больше собственного своеволия ее задевало безразличие со стороны Мурада. Ведь он должен был понять, что у нее просто случайно вылетели слова: "Встречаться не хочу". Но он их принял "за чистую монету" и не настоял на своем. Теперь она расценивала это его поведение как высокомерие: "Возмнил о себе..." Тут она рассердилась на себя: "Ты приехала статью писать, а не влюбляться. Лучше бы делом занялась, опросила бы коллектив больницы".

Она вернулась в больницу. Узнав, что Мурад Алиев отлучился по делу, обрадовалась. Впервые со дня приезда в район включила диктофон, записала слова членов коллектива лечебницы.

Завершив работу к шести часам вечера, она торопливо направилась в гостиницу. Ей почему-то казалось, что там ее ждет Мурад. Но, ни в вестибюле, ни на втором этаже никого не оказалось. Нехотя отворила дверь, вошла в свой номер, засела в кресло и стала с нетерпением ждать телефонного звонка. Но телефон упрямо молчал. Айдан даже в ванную не решалась зайти, боялась, что, как только встанет с места, позвонит Мурад, подумает, что ее нет в гостинице, и больше не станет звонить.

Так проходили часы. В начале одиннадцатого вечера у нее уже

иссякло терпение, и она прилегла на кровать. Ей было ясно, что обидела Мурада, вот он и не звонит. Как знать, может, провожать даже не придет. От этой мысли стало неудержимо грустно. С этим чувством она и заснула.

Утром ее разбудил звонок в дверь. Увидев задумчивое выражение на лице у Мурада, она опечалилась.

- Доброе утро, - заглянул он ей в глаза.

- Ты не спал ночью? - Айдан насилу подавила обиду. Она это произнесла так, будто хотела спросить, где тот пропадал со вчерашнего дня, отчего не искал ее?

- Нет.

- Напрасно, хороший сон продлевает жизнь.

- Спасибо за совет. А ты, судя по всему, спала хорошо.

- Конечно.

- Молодец. Какие планы на сегодня?

- Возвратиться в Баку.

- Почему? У тебя ведь еще два дня.

- Нужно ехать. У меня много дел.

Мурад вдруг словно обмяк:

- Не уезжай, останься хотя бы на один день. Завтра я провожу тебя.

- Никак не могу, никак! - Айдан проклинала свой язык, произносивший не то, что у нее на сердце, а то, что диктовало ее самолюбие.

- Значит, ты твердо решила? - спросил безнадежно Мурад.

- Да.

- Во сколько и на чем собралась ехать?

- Самолетом, в полдень.

- Я буду ждать тебя внизу в двенадцать часов. А пока поеду, куплю билет, - он вышел из комнаты.

Айдан хотелось как можно быстрее отдалиться от этого человека, который стал таким родным для нее всего за три дня. Чем рань-

ше она отсюда уедет, тем лучше. Вправду ли лучше? Как случилось, что она сразу влюбилась в этого искреннего человека? Невидимая нить соединила их сердца, как бывает в сказках.

Айдан легла на кровать и уткнулась лицом в подушку. "Только этого мне не хватало. Одной заботой больше". Она хорошо себя знала. Ее сердце еще никогда не занимали преходящие чувства.

В двенадцать часов, закинув за плечо дорожную сумку, Айдан спустилась к выходу из гостиницы. Мурад ждал ее в машине. Она села сзади. Звучала все та же грустная песня:

*Немало девушек, прости меня,
Встречал я в жизни, проводил.
Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Мурад молчал. Айдан тоже не находила слов. Так и доехали до аэропорта. После регистрации она подошла к Мураду - попрощаться:

- Я за эти несколько дней прибавила тебе забот, прости.

- Ты уезжаешь, нарушив мой покой, - грустно проговорил Мурад. Она не ответила.

- Без тебя мне будет очень трудно, я не смогу тебя забыть.

- Тебе кажется, Мурад. Нет ничего вечного.

- Ты серьезней, чем я думал, - вздохнул Мурад.

- Ты тоже, - выразила сожаление Айдан.

Вдруг ее стали душить слезы. Сердце сжалось при мысли о том, что ей придется расстаться с этим человеком, ставшим для нее таким родным, оттого что больше она его не увидит. Ей захотелось утешить Мурада, сказать ему теплые слова. Забыв про женскую стеснительность, она промолвила:

- Мне тоже будет трудно тебя забыть.

Он с нежностью взял и задержал на миг в ладони ее руку, не зная, что сказать.

Пассажиров пригласили на посадку. Айдан вырвала руку из его ладони и поспешила к самолету.

3.

Айдан очень изменилась по возвращении из командировки. Целыми днями ей хотелось лежать и все думать, прикидывать, размышлять. Стоило только закрыть глаза, перед взором представало смуглое лицо, стеснительный, рассеянный взгляд Мурада. Раз за разом вспоминались его слова, движения. Часто звучал в ушах его вопрос: "Не боитесь быть околдованной?" Она действительно была околдована. Она будто попала в силки, хотя и не думала, не помышляла об этом. Что с нею случилось? Что ее сделало такой нетерпеливой, беспокойной, вселило волнение в ее сердце? Где бы она ни находилась, всюду искала кого-то глазами, звала немым взором. В каждом, с кем встречалась, невольно искала сходства с Мурадом.

Работая над статьей, она оживляла перед собой все то, что произошло за памятные три дня. Теперь ей приходили на помощь самые незначительные события, маленькие эпизоды, связанные с Мурадом. Она писала с чувством, с огнем, пыталась поставить себя на место Мурада, смотрела на жизнь его глазами, относилась к людям как он. Пыталась докопаться до причин появления недоброжелателей у Мурада, завистливых людей, таких типов, как Тофик. Всегда относившаяся с большой требовательностью к своей работе, привыкшая переписывать свои статьи по несколько раз, она, наконец, достала последний лист из машинки, собрала материал, завизировала его у Эльмана, заведующего отделом, после чего направилась к редактору.

- Здравствуйте, Габиль муаллим.
- Здравствуй, Айдан, уже приехала?
- Да, и вот статья, - она положила перед ним свой материал.
- "Зависть против доброжелательности"? Так скоро и статью написала, молодчина!
- Это такая статья, что надо было написать оперативно.

- А говорят, что у тебя не было времени проверять письмо? - редактор испытывающе уставился на нее.

- Не понимаю, о чем это вы?

- Мне каждый день звонили из района.

- Правда? А кто звонил? - удивилась Айдан.

- К сожалению, имени своего он не называл.

- И что он говорил?

- Этот человек каждый день снабжал меня сведениями о том, где вы бывали с главным врачом и как проводили время.

- И вы все это с интересом выслушивали? - резко спросила Айдан.

- Я ответил ему как следует.

- Что-то не верится. Если бы вы ответили ему как следует, он не стал бы больше звонить.

- Не учи меня, кому и как отвечать, - повысил голос редактор, - посмотрим сначала, что ты написала.

- Что смогла, то и написала, - Айдан, раздосадованная, вышла из кабинета.

Увидев ее такой, Эльман спросил:

- Сказал?

- Что? - удивилась она.

- Про телефонные звонки.

- Значит, и вы знаете?

- Вчера шеф вызывал меня к себе.

- Почему же вы мне сразу не сказали?

- Подумал, что расстроишься, не сможешь управиться со статьей. В любом случае, разговор об этом зашел бы.

- Так-то оно так, но, во всяком случае, лучше было бы меня предупредить. Я бы пошла к редактору подготовленной.

До вечера Айдан была хмурой. Она просмотрела редакционную почту, почитала письма с жалобами. Но, сосредоточиться на чем-то у нее не получалось. Слова редактора об анонимных звонках не давали покоя.

* * *

Прошла неделя с возвращения Айдан из командировки. За это время ни Эльман, ни редактор ничего ей про статью не говорили. После препирательства с редактором она ни разу не являлась к нему в кабинет. Он также ее не вызывал.

Тахмаз снова сидел в их комнате. Склонившись над Самиром, он по привычке, травил анекдоты, над которыми оба хохотали.

- Один мужчина чесал себе голову над папахой. А другой, стоявший с ним рядом говорит: Что же ты голову через папаху чешешь? А он отвечает: А ты разве снимаешь брюки, когда чешешь ягодицу?

Тахмаз хлопнул в ладоши, залившись смехом. Присоединилась к ним и Айдан.

- Наконец-то у нашей ханум просветлело лицо, - поддел ее Тахмаз. Он спросил у Айдан:

- Ты расстроена из-за Гейдара?

- Почему из-за Гейдара? - удивилась девушка.

- Разве ты не знаешь, что Гейдара отправили перепроверять порученный тебе вопрос?

- Что? - она застыла от услышанного.

- Кто это тебе сказал? - спросил удивленно и Эльман у Тахмаза.

- Гейдар сам вчера говорил.

- Не может быть. Нет, редактор такого не сделает.

Айдан вскочила с места и стала нервно расхаживать по комнате. Вдруг повернулась лицом к Эльману:

- Скажите правду, редактор ничего не говорил вам в связи с этим?

- Ничего, Айдан. Сейчас пойду к нему и узнаю, в чем дело.

- Нет, не нужно, я сама к нему зайду, - Айдан вышла из комнаты.

Она стояла перед столом редактора, пристально уставившись ему

в глаза:

- Габиль муаллим, вы откомандировали Гейдара?

- Откомандировал.

- В связи с письмом, которое я проверяла?

- Да.

- Почему?

- Твоя статья мне не понравилась.

- Но, ведь вы могли бы предупредить меня, указать на мои ошибки. А вместо этого направили в район другого корреспондента. Как вы могли? Что теперь подумают обо мне в этом районе?

- Я лучше знаю, как мне поступать.

- Нет, не знаете, Габиль муаллим. Проигнорировав труд одного корреспондента, по тому же вопросу командируете другого, да к тому же тайком. Никто ни в отделе, ни в редколлегии об этом не знает. За что вы унижаете достоинство своего сотрудника? Не могу понять, почему вы это делаете? Какая у вас цель?

Айдан выпалила свои вопросы на одном дыхании. Она знала, что редактор не ответит ни на один из них. По его мрачному лицу было понятно, что препирательства с ним дорого ей обойдутся.

* * *

- Айдан, тебя вызывают на заседание редколлегии, - сообщила в приоткрытую дверь Ваджиба.

- Меня? В чем дело? - удивилась Айдан. За три года работы в редакции она еще ни разу не принимала участия на таких собраниях. Как правило, в них участвовали члены редколлегии, редактор, его заместитель, ответственный секретарь, да еще заведующие отделами. "Интересно, что случилось?" - забеспокоилась Айдан.

В кабинете у редактора что-то бурно обсуждали. Когда Айдан появилась в дверях, все тут же притихли.

- Проходи, садись, Айдан, - предложил ей стул редактор. Она села рядом с Гейдаром.

Редактор строго посмотрел на нее:

- Думаю, ты знаешь, зачем мы тут собрались.

Айдан пожала плечами и ничего не ответила.

- Товарищи, мы командировали Айдан в район проверить письмо с жалобой. Автор написал о незаконных действиях главного врача больницы, просил прислать корреспондента, чтобы проверить все факты на месте. Пока Айдан находилась в районе, он каждый день звонил по телефону и выражал недовольство ее деятельностью. Я не придавал особого значения этим звонкам. Кому мне больше верить? Своему сотруднику или незнакомому человеку? Но, после прочтения статьи Айдан озаглавленной "Зависть против доброжелательности" меня стали одолевать сомнения. Она оправдывает действия главного врача, но не может убедить читателей. Пусть не в обиду Айдан, по прочтении материала, хочешь или нет, начинаешь сомневаться: это какую же цель преследует корреспондент, взяв под защиту главного врача? Спустя неделю после возвращения Айдан из командировки, к нам в редакцию пожаловал председатель райисполкома. Он выразил недовольство позицией корреспондента, сказал, что как в районном руководстве, так и в коллективе больницы есть отрицательное мнение о главном враче. Мы оказались в таком положении, что хуже не бывает. Поэтому я решил направить Гейдара на повторную проверку. Он свою статью написал совсем в ином ключе, раскритиковав самовольную деятельность главного врача. Вот и скажите теперь, кому мне верить, журналисту с двадцатипятилетним стажем, или же неопытной корреспондентке, три года назад закончившей вуз? Вы прочитали обе статьи. Прошу высказать свое мнение о каждой из них.

- Вы в курсе дела, вам видней, мы-то что можем сказать? - моргая маленькими глазками, заговорил с предосторожностью Азиз.

- Почему? Вы тоже являетесь членами редколлегии. Пусть каждый выскажет свою точку зрения.

Никто не осмелился встать и что-то сказать. Поднялся, наконец,

Эльман муаллим:

- Айдан написала проблемную статью. Эта статья заставляет читателей задуматься. Прочитав ее, невольно сожалеешь, почему это не ты написал? Чувства, что выразила она, знакомы каждому из нас. Разве, мало мы встречаем в жизни таких людей, что преследуют любую инициативу, выдают за злонамеренность любой добрый порыв? Отчего нам не верить Айдан? Мы и прежде не раз читали ее смелые материалы, обоснованные фактами, почему же теперь мы должны утратить свое доверие к ней? А с тем, чтобы направить в район на перепроверку Гейдара, мне кажется, вы поторопились, Габиль муаллим.

Эльман все сказал на одном дыханье и сел. По колючему взгляду Габилы он понял, что тому его слова не понравились.

- Кто еще хочет выступить?

Теперь встал Тахмаз:

- Мне кажется, что у этого сложного положения есть один выход - не надо публиковать никакой из двух материалов. Пусть не будет обидно ни Гейдару, ни Айдан. Правда, оба немало потрудились, но правильней будет воздержаться от публикации статей.

Слова Тахмаза вызвали разногласицу. Большинством голосов было принято, что материалы не будут опубликованы, что же касается Айдан, то ей было решено вынести предупреждение.

- Может, дадите слово и мне? - недовольно сказала Айдан, - выдвинули обвинение против меня, вынесли приговор, но никому из вас и в голову не приходит, что нужно выслушать и меня.

- Пожалуйста, Айдан, говорите, - сказал редактор.

- Спасибо за великодушие, Габиль муаллим. Я на вас не обижаюсь. Ваша позиция ясна. Не обижаюсь и на коллег. Что им поделывать, остаться без работы никому не хотелось бы. Не станут же они портить отношения с начальством из-за какой-то Айдан. Ни у кого из вас, кроме Эльман муаллима, не хватило смелости и решительности встать на мою защиту. Вместе с тем, все вы знаете, что я пра-

ва, что я все изложила правдиво. Однако вы побоялись это признать. Ничего страшного, вы уже привыкли к такому положению вещей. Каждого из вас допекают по очереди, но для вас это стало обычным явлением. Меня удивила позиция Гейдара. Чего ради он согласился принять на себя ответственность отправиться на задание, которое я уже выполнила? Разве не было больше тем? Хотя бы учел, что наносит ущерб моему авторитету как журналиста. Я бы не обиделась, напиши он честный, объективный материал. Но он исказил факты, а как же, ведь писал-то, исходя из лживых доносов таких проходимцев, как Салимов. Мне трудно подобрать слова. И что же это за тайна такая, что ни Гейдар, ни Габиль муаллим никому в редакции и словом не обмолвились о дополнительной проверочной командировке в район? Будто опасались, что этому могут воспрепятствовать. Вы пытались запятнать меня, но сами того не замечая, запятнали самих себя. Вы говорили, что я симпатизирую герою, о котором написала. Да, признаюсь, что это так. И вообще, не люби я своих героев, не смогла бы работать. Что же в этом плохого? Габиль муаллим, сколько человек вы оторвали от дел, чтобы собрать их сюда? Стоит ли ограничиваться просто предупреждением? Объявите мне строгий выговор.

Она излила все, что накопело на душе, и вышла из кабинета редактора, громко хлопнув за собой дверь.

4.

Айдан жила в одном из старинных двухэтажных домов, расположенных в центре города. Однокомнатную квартиру с маленькой кухней отец купил, когда дети выросли. "Трое моих детей будут учиться в Баку, уж лучше мне купить квартиру, чем снимать угол и платить за это кучу денег", - говорил он, когда подвернулась квартирka по сходной цене. Этибар и Вафа, закончив институты, возвратились в родной район, обзавелись семьями. Айдан, поначалу тосковавшая по селу, задыхавшаяся в атмосфере города, с трудом привыкавшая к

суете и шуму, теперь вполне освоилась в Баку. Иного места для жизни она уже и представить себе не могла. Когда ездила в отпуск в село, считала дни, с нетерпением ожидая возвращения в город. Ей казалось, что за короткое время без нее в городе могут произойти важные, значительные события, в которых она обязательно должна была принимать участие.

О профессии журналиста она мечтала с детства. Все темы, на которые писала, пропускала через свое сердце. Поэтому все ее статьи получались убедительными и надолго откладывались в памяти. Но редактор отчего-то ее невзлюбил. Она почувствовала это с первого дня своего появления в редакции. Когда она впервые вошла в кабинет Габиль муаллима, тот сердито заметил:

- Дорогая, редакции требуются мужчины, нет у меня работы для таких неженочек.

- Для начала запомните мое имя. Меня зовут Айдан. Во-вторых, я не поняла, вам нужен мужчина или журналист?

Ее резкий ответ удивил редактора, он и рассердился, и в то же время почувствовал симпатию к ней за смелость:

- Иди в отдел Эльман муаллима. Напишешь два-три материала. Справишься, возьмем тебя на работу.

Испытательный срок длился три месяца. Ее не раз направляли в отдаленные районы, поручали трудные темы. Она своевременно сдавала все материалы. Несмотря на это, Габиль муаллим не спешил с приказом о ее назначении. Эльман муаллим хорошо понимал, что у девушки, существующей только за счет гонорара, нелегкое материальное положение. По сравнению с пожилым Гусейном и бездарным Самиром, она была настоящей находкой для отдела, ее материалы нуждались только в незначительной корректировке. Он опасался, что Айдан разочаруется в новой работе и перейдет в другую редакцию. Убедившись в грамотности и в трудолюбии молодой журналистки, редактор, наконец, подписал приказ, и ее приняли на работу.

Габиль муаллим ожидал, что она запрыгает от радости, выразит ему благодарность, но девушка ограничилась только лаконичным "спасибо". За все время, что он работал редактором, никто не позволял себе не считаться с ним. При мыслях об этом у него портилось настроение, возникала неприязнь к Айдан.

Ему доставляло удовольствие по малейшему поводу придирааться к ее материалам. Каждый раз при виде этой стройной девушки со светлым лицом, с ниспадающими на плечи темно-каштановыми волосами, черными глазами в обрамлении длинных ресниц, со странным, испытующим взглядом, он почему-то расстраивался. Именно ей он поручал как "штрафнику" заменить корректора, не выходявшего отчего-то на работу, отдежурить за журналиста, находящегося в отпуске, доставить письмо в министерство... Она беспрекословно выполняла все поручения. Делала это не потому, что остерегалась рассердить редактора, а просто из трудолюбия. Ей не нравилось бездельничать.

Айдан стала дочитывать книгу "Проступок Аббата Муре". Как и все другие произведения Эмиля Золя, она перечитывала этот роман вот уже в третий, или четвертый раз. Вновь ее тронула до слез странная любовь молодого Аббата. Он предстал перед ней уже в образе Мурада. Будто именно Мурад и жил своей любовью, страдал, радовался и грустил, изнывая от мук. Все это время она не могла ни на миг забыть человека, за несколько дней изменившего ее жизнь. Каждую секунду она мысленно продолжала с ним общаться.

Между тем ни единого своего материала Айдан не ждала так, как очерка о Мураде. Все прежние материалы казались ей написанными наспех, лишь бы отделаться. А сейчас она была полностью удовлетворена статьей. Она не могла найти себе места от радости, думая, с каким интересом воспримет Мурад ее публикацию. Но произошло нечто неожиданное, что ей и в голову не могло придти. Мало того, что статья не была одобрена, так еще автор получил взыскание за пристрастную позицию по отношению к своему герою.

В коллективе никто не поддержал ее кроме Эльман муаллима. Все это очень расстраивало Айдан. У нее пропал аппетит, хотя с утра во рту и маковой росинки не было. Да еще эта головная боль. "Вот бы встретиться с Мурадом, поделиться с ним". Но за эти пятнадцать дней от него не было никаких вестей. "Интересно, почему он не дает о себе знать, не ищет меня? А ведь говорил, что я перевернула ему жизнь! Может, он уехал куда? А вдруг приехал за мной в Баку?" Последнее предположение вселило в сердце хоть какую-то надежду.

Вдруг, подумав о чем-то, она начала набирать по межгороду номер Мурада. В трубке послышался знакомый голос:

- Алло.

Это был Мурад. Айдан будто током ударило. Она не знала, как быть.

- Алло. Кто это?

Голос у Мурада был ровный. Его не удивил междугородный звонок. Айдан, расстроенная, повесила трубку. В это мгновение для нее ничто в жизни не представляло никакого интереса. В горле стоял горький комок, но заплакать она не смогла.

Ночь снова обрекла на одиночество, сея вокруг печаль, гнетущую сердце. "Подходящие условия для творчества," - дрогнули ее губы. В такие часы она всегда садилась за письменный стол. Что-то писала, перечеркивала, занимались мысли, забывались горести, время проходило для нее незаметно. Вот и теперь, вооружившись ручкой, она разложила листы бумаги.

Вдруг улыбнулась, вспомнив про свой зарок за три-четыре дня до этой ночи. Тогда она в тысячный раз пообещала себе, что больше не будет писать стихов, но снова нарушала клятву. Она не могла не писать, это было ее болезнью. Все, что хотела сказать Мураду, все связанные с ним раздумья превращались в стихи. Поэзия была для нее своего рода подготовкой к тому, чтобы перейти на публицистику. Это уже вошло в привычку.

Вот и теперь, отложив в сторонку написанные стихи, она начала работать над очерком, который давно задумала, и который никак не получался. Когда родился Сахиб, его родители и четыре сестры кружились над ним, словно мотыльки. Они внимали каждому его слову, не отказывали ни в чем. Исполняли его малейшие прихоти, делали даже невозможное. Ведь он был единственным в семье мальчиком, который родился после четырех девочек, был светом надежды для отца и матери, опорой для сестер, о которой они так долго мечтали. Сахиб рос, а вместе с ним росло его безразличие к родным, отчужденность и даже непочтение, ему будто доставляло удовольствие их мучить.

Так прошли годы. Когда Сахиб достиг совершеннолетия, сестры выстроили ему дом. И четыре зятя сделали для него все, что могли. Всем селом справили ему свадьбу. После женитьбы он стал неузнаваем. Ко всем стал ревновать свою красавицу жену. Однажды прогнал из дому на этой почве старшего зятя. Аслан был чистосердечным, трудолюбивым человеком, и не сразу понял, чем разгневал шурина, когда же понял, то пришел в ужас. К Сахибу пришла старшая сестра Хумар, чтобы сказать ему, как он ошибается, но тот вынес свой приговор, резко сказав:

- Отныне нет у меня такой сестры, как нет и зятя. Убирайся!

Сестра пустилась в слезы, стала его умолять, но все без толку. Затем Сахиб выгнал из своего дома младшую сестру Чимназ. Он обижал и среднюю сестру, но, веселая по нраву Гюляр не придавала этому особого значения. Вернее, она притворялась, что ничего не случилось. Но, каждый раз уходила из дома брата со слезами на глазах. А вот вторая сестра, Халида с ее серьезным характером, пока от Сахиба не слышала колючих слов. Терпеливая, несловоохотливая, она вся пошла в мать. После смерти родителей Сахиб время от времени испытывал потребность в ее советах.

У него уже подрастали свои дети, он и сам изменился с годами, его резкость сменили рассеянность и печаль. Двое сыновей и дочь

прибавляли ему забот. Они росли грубыми, неотесанными, ленивыми.

Однажды Сахиб зашел домой к Халиде. Он впервые переступал ее порог. Поседевшая Халида расстроилась, но ничего не сказала. Сахиб заговорил о своих детях, с душевной болью посетовал на их безразличие, беспечность. Наконец, прорвало и Халиду. Она выложила ему, каким рос он сам, как получал удовольствие, мучая родных, как запретил сестрам и зятьям входить в свой дом. Она высказала ему все. Просила за все ответа. Сахиб сидел, опустив голову. Мгновенье оба молчали. Затем она осторожно и тихо спросила:

- Я тебя не обидела?

Тот молчал. Халида нагнулась и заглянула ему в лицо и, вся в слезах, дрогнувшим голосом сказала:

- Ответь же, брат...

Айдан разорвала черновые записи. Соединила скрепкой листы беловика и забросила в сумку. Она была довольна, развеялась печаль, улучшилось настроение. Вот так каждый раз, закончив что-то писать, она, словно взлетала на седьмое небо. И теперь ей стало легче! Тихонько напевая, она прошла в кухню, заварила чай. Было четыре часа утра.

* * *

В понедельник, перед началом работы, она просмотрела свежий номер газеты и не смогла поверить своим глазам. Вышла статья Гейдара "Дешевая слава". Материал изобилдовал необоснованными выпадами против Мурада. Это обескуражило Айдан, она обратилась к Эльману и Гусейну, притихшими в стороне:

- Скажите, что мне делать? Подскажите мне выход, вы ведь умные люди.

- Возьми себя в руки, Айдан, почему ты все воспринимаешь так близко к сердцу? - Гусейн пересел на стул перед ней. - С нами столько раз такое было, что и не счесть. Ты еще молодая, зеленая.

Придет время, привыкнешь, перестанешь обижаться, если редактор возвращает или переделывает материал.

Она никак не могла успокоиться. Каждое предложение "Дешевой славы" колючкой вонзалось ей в тело. Это была низкопробная статья вне всякого жанра, написанная явно по заказу, враз опорочить имя инициативного главного врача районной больницы. Утерев прослезившиеся глаза, она спросила у Гусейна:

- Скажите правду, какое впечатление произвел на вас материал Гейдара? Интересно узнать ваше мнение как читателя.

- Если бы я не читал твоей статьи, то затруднился бы что-то ответить. Я прочел ее после того, как услышал о ней разнотолки девушек в машбюро. Гейдару до нее далеко. Не поймешь, кому он служит.

Эльман привычно писал, склонившись над столом. Но, было видно, что он явно расстроен. Айдан забеспокоилась: "Может, что-то произошло?" Хотя он и не пытался утешить ее, как другие, она знала, что его вывел из себя материал Гейдара.

Вскоре, когда Гусейн муаллим вышел из комнаты, Эльман сел перед Айдан.

- Председатель райисполкома оказался близким человеком Салимова. Вот уже несколько лет они на пару пытаются состряпать подвох, чтобы снять Мурада с должности. Вполне возможно, что теперь они все же добьются своего, не без помощи нашей газеты. Салимов именно для этого и просил командировать к ним корреспондента. Габиль муаллим не случайно остановил свой выбор на тебе, он полагал, что Салимов сумеет найти с тобой общий язык. А тот, поняв, что ты не из сговорчивых журналистов, попросил тебя заменить.

- Вот и я так думаю, - глубоко вздохнула Айдан и грустно добавила, - как трудно, оказывается, жить. На глазах у тебя творится несправедливость, растаптывают правду и прикрывают ложь, а тебе приходится помалкивать.

- Мы с редактором разругались, ему не понравилось, что я встал

на твою защиту.

- Может, подыскать другую работу? Чувствую, что здесь мне будет трудно.

- Думаешь, в других газетах работать легче?

- Что же мне делать?

- То же, что и остальные, - отрезал Эльман и встал. Айдан задумалась подперев подбородок руками. Ей представилось, как чувствует себя Мурад после прочтения статьи в газете. "Наверное, смеется над моим бессилием. Думает, я ничего не умею, что вовсе писать не могу, и в коллективе вовсе меня не уважают", - пронеслось у нее в мыслях.

Неделя показалась Айдан целым месяцем. Она ни на миг не переставала думать о злополучной статье. Всю неделю ее, всегда веселую, общительную и разговорчивую, было не слышать.

- Айдан, ну хватит... подними голову... - напрасно пытался разговаривать ее Гусейн муаллим. Через каждые два часа к ней по очереди заходили машинистки Ваджиба, Севиль, Тамилла, пытаясь растормошить ее:

- Хватит вешать нос, мы без тебя скучаем!

Но Айдан было не до смеха.

Севиль, увидев, что она не придает значения попыткам отвлечь ее от раздумий, все время что-то пишет, выхватила лист, лежавший перед ней на столе, и стала вслух читать написанное:

*Смысл дней моих зависит от одного звонка,
Душе в нем утешенья я жду наверняка.
Но телефон молчит упрямо, не знает он,
Заветный ключ от счастья в звонке том заключен...*

- Ого! Наша девочка, оказывается, влюбилась, а мы и не заметили, - стала подшучивать Севиль.

Ваджиба усмехнулась:

- Признайся, кто этот счастливчик?

- Не горюй, красавица, увидишь, сейчас телефон зазвонит, - поддела девушку Севиль.

Как только она это сказала, прозвенел звонок. Подруги расхохотались. У Айдан замерло сердце. Это был тот самый звонок, которого она ждала, сомнений быть не могло. Этого звонка она ждала со дня возвращения из командировки. Все это время при каждом звонке у нее вздрагивало сердце. Она с беспокойством поднимала трубку, а, поняв, что это не тот голос, по которому она так тосковала, сильно расстраивалась. Но, ни один из тех звонков на этот не походил. Этот звучал по-другому. Айдан поняла это по тому, как забилося сердце, по-другому, в странном ритме. Интуиция никогда не обманывала ее. Звонок повторился три раза, после чего Айдан сняла трубку.

- Алло, алло... - от знакомого голоса в трубке она вздрогнула всем своим существом, у нее задрожали руки. Как же она истосковалась по этому голосу!

- Алло.

- Привет, Айдан! Это я, Мурад.

- Алло, - она не могла произнести ничего кроме этого слова. Девушки заметили ее тревогу и растерянность. Севиль кивнула подругам, и все они вышли из комнаты.

- Почему ты молчишь, Айдан?

- Привет М... - она хотела произнести его имя, но раздумала, что-то прикинув в уме.

Гусейн муаллим внимательно смотрел на нее. Эльман все что-то писал по привычке.

- Как ты, Айдан? Я так хочу тебя видеть...

- ...

- Скажи хоть слово, не молчи.

- Откуда ты звонишь? - спросила она еле слышным голосом.

- Из гостиницы.

- Скажи мне свой телефонный номер.

- У тебя много работы?

- Да.

Мурад продиктовал свой номер и попрощался.

У Айдан горела пламя в глазах. Она засмузилась и не могла поднять головы, посмотреть на мужчин, сидевших в комнате, как будто ее поймали с поличным. Ей казалось, что мужчины догадались о ее чувствах, но, увидев, что они увлечены своей беседой, немного успокоилась.

Лишь в обеденный перерыв, наконец, оставшись в комнате одна, она набрала номер Мурада:

- Алло.

- Да, Айдан, это я.

- Как дела, Мурад, когда ты приехал?

- Сегодня утром. Как мне хочется увидеться с тобой...

- ...

- Может, встретимся?

- Я выйду с работы в пять часов. Жди меня перед станцией метро "Низами".

- Буду ждать, - Мурад положил трубку. Айдан посмотрела на часы: было пятнадцать минут третьего. "О, Боже, еще три часа. Как медленно идет время. Как прожить все это время?" - подумала она.

Мурад был в белых брюках и черной сорочке. Ему очень шло. При виде Айдан, он сжал ее руки в своих ладонях и прикоснулся к ним губами. От его теплого дыхания у нее закружилась голова. В нем чувствовалось что-то родное, успокаивающее.

- Ты стала еще красивей.

- Пошли, Мурад, здесь много народу.

Они вышли из шумной толчи людских потоков и направились в небольшой сквер расположенный поблизости.

- Присядем?

- Как хочешь...

Они сидели бок обок. Мурад старался поймать взгляд Айдан. А

она тут же отводила от него глаза. Вдруг их взгляды столкнулись. У Айдан запылали щеки.

Мурад тоже был не в себе.

- Сегодня уже месяц прошел, - заговорил он с трудом.

- После чего?

- С того дня, как я увидел тебя впервые.

- Ты считал дни?

- Не то, что дни, я даже часы считал, - Мурад сказал это так, что невозможно было усомниться в его искренности. Его признание наполнило светом и радостью сердце Айдан.

- А почему же ты ни разу не позвонил? - она хотела сказать это так, будто ничего и не случилось, но голос у нее дрогнул.

- По сто раз в день я поднимал трубку, набирал твой номер, но передумывал.

- Почему?

- Хотел проверить свои чувства.

- Месяц - не такой уж и большой срок для проверки чувств.

- Смотря для кого. Лично для меня этот месяц длился дольше года. Мне казалось, что он бесконечен, конца ему никогда не будет.

- Почему же месяц, почему не меньше, и не больше?

- Признаться, я собирался приехать несколько позже. Через три, может быть, пять месяцев, не знаю, может еще позже.

- Правда? - Айдан содрогнулась от услышанных слов. - Значит, мог и не приехать?

- Да, на силу воли я не жалуюсь.

- Почему же ты все-таки приехал?

- Меня обеспокоила статья. Подумал, что ты будешь переживать, нервничать, вот, и приехал, чтобы тебя успокоить.

Айдан была признательна Мураду за то, что он первым заговорил о статье, помог ей сбросить с плеч тяжелый для нее груз. Она пожала двумя руками локоть его левой руки, оказавшейся с ее стороны:

- Прости меня, Мурад, я хотела выступить с интересным очерком

о тебе, но мне помешали. Я сдалась. Опубликовали статью Гейдара. Я никогда и ничем не была так потрясена. До сих пор не могу найти себе место. Не могу простить себя за то, что раньше не догадалась о тайном сговоре редактора с Гейдаром, не то я свой очерк опубликовала бы в другой газете.

- Не расстраивайся из-за подобных мелочей. Я в жизни немало таких людей встречал. Но, думаю, хорошо, что они есть, а то жизнь стала бы неинтересной, мы бы не смогли ценить по достоинству хороших людей.

- Как там встретили статью? Обсуждали ли ее?

- Да, по представлению районного руководства министерство здравоохранения меня освободило от должности главврача.

- Значит, Эльман муаллим был прав, - у нее в голосе просквозило сожаление, - мой завотделом говорил, что председатель райисполкома и Салимов близкие люди. Они давно искали повода снять тебя с должности. Помогла наша газета. Знай это, я бы не приехала в район.

- Почему ты воспринимаешь все так близко к сердцу, не ты, так кто-то другой. Это был заранее расписанный план.

- Почему ты меня не предупредил?

- Думаешь, я мог думать о чем-то, пока ты находилась рядом? Я даже такие повседневные дела, как поесть, или одеться, совершал механически. Для меня ничего на свете не имело значения, кроме тебя. Ты ведь сама пришла и нашла меня, раскрылась передо мной, словно цветок судьбы, обдала меня своим ароматом, о чем же еще мне было мечтать?

Они гуляли по городу до темноты. Все говорили и говорили, как старинные друзья. Дойдя до своего дома, Айдан сказала:

- Жаль, время быстро пролетело.

- А что стоит его продлить? Пригласи меня домой, завари крепкий чай, вместе посидим.

Мурад сказал это так, что она не смогла не согласиться с

ним:

- Ладно, идем.

Очутившись в ее квартире, Мурад изумился:

- Да здесь настоящий ботанический сад!

На кусте китайской розы в большом поддоне, поставленном слева от входной двери, красовались десять-пятнадцать пурпурных цветков. Справа висел вьюн, занимавший всю стену. А перед окном Мурад заметил мини-клумбу. Он снял обувь, подошел ближе и стал любоваться растениями усыпанными белыми, розовыми, голубыми и синими цветками.

- Это фиалки, - подошла к нему Айдан, - пока расцвели только четырех цветов. У меня в коллекции фиалки всех семи цветов. Это мои самые любимые цветы.

- А как называется этот? - Мурад показал на растение на книжном шкафу с ветвями, свисавшими чуть ли не до пола, с кистями розовых цветов между широких листьев.

- Бегония.

Все растения в комнате разрослись в причудливой, непривычной для взора Мурада форме. Ветви растения, напоминавшего куст граната с густой листвой, были аккуратно переплетены в подобие соломенной корзинки. А побеги цветка с вишнево-бархатными листьями в светлую крапинку, росшего из поддонов, были закреплены на стене над диваном и соединялись над ним в красивую арку. Над этой аркой висела картина. В тени дуба на переднем плане сидела девушка, вглядывавшаяся в лесную даль.

- Работа Шишкина, - сказала Айдан, - знакомый пейзаж?

- Нет, впервые вижу.

- Шишкин был художником, влюбленным в лес. Всю жизнь только лес и писал. Да еще как! Сейчас покажу тебе другие его работы. У меня богатая коллекция репродукций. Давно собираю.

- Правда?

- Да. У меня есть репродукции почти всех художников писавших

на тему природы. Можешь взглянуть, если хочешь.

Она достала целую кипу альбомов из нижнего отсека книжного шкафа и выложила на стол.

- Вот, посмотри, а я пойду, заварю чай.

Он стал внимательно вглядываться в убранство комнаты. Стену напротив дивана снизу вверх занимали книжные полки. "Все деньги тратит на книги", - подумал Мурад.

Эта большая комната располагала к покою. Все вокруг казалось чем-то до боли родным - от цветастого халата, брошенного на стул в углу, до беспорядочно разбросанных на столе листов бумаги. Все это было для него таким же родным, как и бархатно черные глаза Айдан, аккуратный носик, губы, словно лепестки розы, стройная шея... Месяц назад он с первой же встречи влюбился в эту девушку, влюбился до сумасшествия. Мурад листал альбомы и ничего перед собой не видел. Его мысли целиком были заняты ею. Перед ним оживала только одна картина - образ Айдан.

- Ты там не скучаешь? - спросила она из кухни.

- Нет, нет, чего мне скучать?

- Хочешь, включи телевизор.

- Не хочу.

- Как знаешь...

Через несколько минут Айдан постелила на стол белую скатерть и принесла свежесваренный чай.

Когда запахло жареной картошкой, Мурад не выдержал и прошел в кухню:

- Что ты здесь делаешь? Запах картошки меня убивает. Это мое любимое блюдо.

- И мое, - улыбнулась Айдан. Она вывалила дымившуюся картошку из сковороды в блюдо:

- Отнеси, пожалуйста, в комнату.

И сама, прихватив хлеб, тарелки и вилки, прошла вслед за ним. Они принялись за ужин.

- Никогда не ел такой вкусной картошки, - признался Мурад.

- Знаешь, у кого я научилась готовить?

- У мамы, наверное.

- Нет.

- Может быть, у старшей сестры.

- Не угадал.

- У подружки.

- А вот и нет. У нашего заведомо Эльман муаллима.

- Правда?

- Валлах^{*}. Он как никто лучше жарит картошку. Представь, в обеденный перерыв по всей редакции разносится дразнящий запах жареной картошки. К тому же, наш Эльман муаллим только день или два в неделю ест что-то другое. Как он жарит картошку, просто загляденье! Каждая долька у него покрывается хрустящей корочкой, а внутри такие мягкие, что тают во рту. Я в редакции и научилась жарить картошку. До этого она то прилипала ко дну сковородки, то подгорала. Вот я и попросила Эльман муаллима поделиться со мной своим секретом. С тех пор и стала мастерицей.

- Пожалуйста, научи и меня.

- Шутишь?

- Нет, я серьезно.

- Тогда слушай. Положи в сковородку кусок масла, пусть растопится, после чего высыпь очищенную и нарезанную картошку. Как только она поджарится с одной стороны, нужно ее перевернуть. После того, как все дольки поджарятся равномерно, посоли, перемешай, накрой крышкой и оставь томиться на медленном огне.

Мурад слушал так внимательно, будто разговор шел о чем-то жизненно важном. Это рассмешило Айдан. Расхохотался и он сам.

- А ты над чем смеешься?

- Уж очень глубокий интерес ты проявил к науке приготовления

^{*} *Валлах - клянусь Богом (аз.)*

картофеля.

- Ну, ты так подробно мне все разъясняла...

Они смотрели друг на друга, заливаясь веселым смехом. Такой искренний и веселый смех по пустяковому поводу, бывает только у счастливых людей.

- А теперь я принесу тебе эликсир молодости моего отца, - Айдан прошла в кухню. Она принесла графинчик и два бокала, - наша собственная продукция. Папа - знаток в виноделии. Он говорит, что вино повышает жизненный тонус.

Она разлила вино по бокалам:

- Выпьем за наше знакомство.

Мурад последовал ее примеру.

- Ну, как? - спросила с любопытством Айдан.

- Вот это ты и нахваливала? Я пока не разобрался. Налей-ка еще!

Она наполнила ему стакан. Осушив бокал, он застыл, забавно вздернув подбородок. Вспомнив, что Айдан ждет его оценки, произнес:

- Ничего, - и добавил, - отлично!

Обоих снова разобрал смех. Лица у них покраснелись от вина. Мурад чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Он все не мог налюбоваться розовыми щеками Айдан.

Вдруг Мурад беспокойно закачал головой.

- Что случилось? - насторожилась она.

- Ты знаешь, какое сейчас время? - Настенные часы показывали двенадцать минут первого ночи.

- Ну и ну, как быстро летит время, - сказала она, не скрывая сожаления.

- Надо идти, - Мурад встал. Настроение у них упало. Мурад обулся, но никак не мог уйти. Ей тоже не хотелось, чтобы он уходил. Но, никто из них не решался признаться в этом.

- Когда едешь в район? - первой нарушила неловкое молчание Айдан.

- Рано утром.

- Правда? - Ей почудилось, будто что-то внутри у нее оборвалось.

- Может, останешься еще на денек?

- Нет, Айдан, мне нужно быть в районе.

- Жаль...

Она невольно схватила Мурада за руку, когда тот потянулся к двери. Он взял ее руку в ладони и нежно коснулся губами. Потом порывистым движением привлек Айдан к себе. В кольцо сильных объятий девушка приникла к его груди, не осмеливаясь поднять голову и заглянуть ему в лицо. Оба застыли в замешательстве от неожиданной развязки взаимного влечения. Наконец, Айдан освободилась из объятий Мурада и, приводя в порядок волосы, сказала:

- Не уходи, Мурад, уже поздно, до гостиницы далеко, а такси в это время поймать трудно.

Он в ответ промолчал и, покорно разувшись, вернулся в комнату. Но от его прежней уверенности, веселого настроения не осталось и следа. Было отчего-то беспокойно, будто на иголках сидел. Странно чувствовала себя и Айдан. Она корила себя за то, что не дала Мураду уйти, задержала его, но, с другой стороны, не видела ничего зазорного в том, что у нее переночует человек, ставший для нее таким родным.

- Постелю тебе в комнате, а сама лягу в кухне, - сказала она виновато.

- Разве тебе хочется спать? - осторожно спросил Мурад.

- Мне - нет, я подумала, может, ты хочешь выспаться, тебе ведь с утра в дорогу.

- Присядь рядом, поболтаем, - он доверительно взял ее за руку.

- Я только включу телевизор, - ответила Айдан, - в ночной программе должен быть хороший фильм.

Показывали остросюжетный французский фильм. Они, молча, досмотрели его. Сразу за ним начался другой фильм. Айдан не

почувствовала как заснула.

Проснувшись утром, с удивлением обнаружила, что спала, укрытая одеялом. Поняв, что Мурад ушел, она расстроилась. На столе была оставлена записка:

"Айдан, дорогая, ты так сладко спала, что я не решился тебя будить. Прости, что уехал не простившись. Но, так даже лучше. Для меня мука и видеть тебя, и не видеть. До свиданья. Любящий тебя Мурад".

5.

На работе Эльман ей сказал:

- Редактор хочет тебя видеть.

Она неохотно зашла в кабинет шефа, поздоровалась, почти не разомкнув губ, и стала ждать, чего же тот скажет.

- Твоя обида еще не прошла? - спросил Габиль муаллим, улыбувшись, не без издевки.

- Работа не место для обид или недовольства, - ответила в тон ему Айдан.

- Почему же тогда не заходишь, не сообщаяшь, чем ты занята?

- Без приглашения куда-то ходить не принято, - сердито отпарировала она. От ее резкого ответа редактор нахмурился.

- Ладно, садись, я хочу поговорить по поводу твоей статьи "Ответь, брат". Ты ее написала сентиментально, находясь во власти чувств.

- Писать на такие темы невозможно, не находясь во власти чувств. Нужно писать, почувствовав сердцем всю эту боль, - отрезала она.

- Во всяком случае, теперь не время для сентиментальных статей. Нам нужны куда более серьезные материалы на злободневные темы.

- Я и написала серьезно. На воспитательные темы нельзя писать иначе.

- Айдан, материалы на воспитательную тематику пристало бы писать людям с опытом в годах, а у тебя нет морального права поучать людей. Завтра читатели мне могут возразить как редактору, почему я доверил их воспитание неопытной журналистке.

- Во-первых, вы и сами отлично знаете, что в редакции этой темой никто кроме меня не интересуется. А во-вторых, журналист и есть воспитатель. Независимо от своего возраста, он может направлять на путь истинный любого человека. Да и не нужно особых полномочий и прав, чтобы писать на эту тему.

- Девчонка! - он вышел из себя, - тебе доставляет удовольствие препираться со старшими, как я вижу.

- Я вам не девчонка, прошу проявлять уважение, - она встала с места, - вместо того, чтобы тянуть резину, прямо скажите, что моя статья не отвечает вашим высоким требованиям, и верните ее.

- Конечно, не отвечает. Или ты думаешь, что написала гениальное произведение?

- Может и не гениальное произведение, но, во всяком случае, не черновые записи для корзины.

Айдан стояла и ждала, когда он вернет ей материал. Помолчав какое-то время, редактор выложил статью на стол перед ней.

- Прошу отметить на ней причину возврата...

Редактор смерил Айдан суровым взглядом, что-то надписал на первой странице ее материала и отдал ей. Выходя из кабинета, она успела прочитать отметку редактора: "Сентиментальная статья Айдан Омаровой не отвечает требованиям".

У двери она лицом к лицу столкнулась с бывшим однокурсником Фазилом. Он спросил:

- Чем ты так расстроена, может, поругалась с редактором?

- Угадал.

- Вернул твою статью?

- Так оно и есть.
- Случайно, твоя статья не на воспитательную тему?
- Да.
- Дай мне, опубликуем в нашей газете.
- А вдруг и твоему редактору не понравится?
- Пусть радуется, что ему предлагают статью такого журналиста, как ты. - Фазиль вырвал у нее из рук материал и ушел.

Когда Айдан вошла в рабочую комнату, Эльман обеспокоенно спросил:

- Ну, что там?
- Он вернул мой материал, что же еще.
- Не может быть!
- Почему нет? Он сказал, что нам не нужны сентиментальные статьи.

- А не сказал, что все мы воспитанные, что не нуждаемся в нравственности?

- Сказал, много чего сказал.
- Не расстраивайся.
- Наоборот, Эльман муаллим, я в последнее время открыла для себя интересную вещь. Редактор возвращает только мои хорошие материалы, а слабые подписывает к печати. Это меня и утешает.

- Поздравляю тебя с таким открытием, - Эльман обрадовался, что она не пала духом.

Взяв свой стул, он сел прямо напротив нее и многозначительно посмотрел ей в глаза:

- Что-то с тобой случилось, ты не вчерашняя Айдан.
- Да, Эльман муаллим, вы правы, я другая Айдан, - загадочная улыбка мелькнула у нее на лице.
- Я очень рад за тебя, желаю, чтобы ты всегда такой и оставалась.

Айдан с давно забытой тщательностью принялась за разбор редакционной почты. Она спокойно вздохнула только после того, как аккуратно сложила все письма, накопившиеся за две недели. Затем

вскипятила чайник, заварила индийский чай, добавила мяты.

- Эльман муаллим, готовьтесь к чаепитию, - сказала она. В это время открылась дверь - появилась лысая голова Азиза.

- А я? - смешно спросил он.

- Какое же чаепитие без тебя? Живо бери стакан и присоединяйся к нам... - сказал Эльман, улыбнувшись.

Вскоре пришел Гусейн муаллим, а за ним Самир. Замешкавшись, вошел и Тахмаз:

- Ах, ах! Да здесь собрались все сливки редакции! - и добавил, указав на Айдан, - вот, наконец, и рассеялся туман, небо прояснилось.

- Меньше ненужных слов, - сказала Айдан, не боясь обидеть его, - неси свой стакан.

Тахмаз вышел и тут же вернулся, налил себе чаю, устроился в кресле и заговорил:

- Ребята, послушайте, я расскажу вам про один случай. Мой друг-журналист как-то поехал в командировку в район. Он должен был написать про доярок. На ферме спросил у пожилой женщины, сколько та надаивает молока с коровы, что стоит рядом. В ответ все доярки дружно расхохотались... Друг мой расстроился, не понимая, над чем они смеются. Хохот разбирал и ту пожилую женщину. Когда он спросил, почему они смеются, та ему ответила:

- Святая невинность, это бык, а не корова.

Бедный мой друг, вернулся оттуда таким поникшим...

Все в комнате взорвались от смеха.

- Последний месяц в творчестве у Гусейн муаллима наметился застой, ты не знаешь причины? - подмигнул Тахмаз в сторону Айдан.

- Хватит, все эти твои колкости мне уже надоели! - вспыхнул Гусейн муаллим.

- Не расстраивайся, в жизни у всех известных журналистов бывают периоды застоя, но это проходит. И у тебя так будет, - миро-

любовно продолжал шутить Тахмаз. - Ребята, вчера дома я перебирал старые номера нашей газеты. В номере пятнадцатилетней давности мне попала на глаза статья Гусейн муаллима. Заголовок показался мне знакомым, и я с большим интересом ее прочитал. Потому что на днях выходила точно такая же его статья. Кроме названия района, хозяйства, имен и цифр, все было один к одному, от запятых и до точек.

- Перестань врать! - сердито хлопнул по столу кулаком Гусейн муаллим.

- Не веришь? Тогда посмотри сам, - Тахмаз вытащил из кармана два разных номера газеты. Самир выхватил их у него из рук и, внимательно просмотрев, сказал удивленно:

- Да, действительно.

- Мое исследование этим не ограничивается. Оказывается, Гусейн муаллим широко использует этот прекрасный метод, - Тахмаз вынул из кармана и показал всем исписанный листок.

- Бедняга, на что он расходует свое драгоценное время. Будь я на твоём месте, занялся бы настоящими научными исследованиями, а не такими бессмысленными вещами, - Гусейн муаллим напрасно пытался скрыть, что расстроен. Вид у него был при этом столь жалким и безнадежным, что это не укрылось ни от чьих глаз. - Дай мне этот листок, - он хотел выхватить листок из рук Тахмаза.

- Придется тебе раскошелиться, - хитро улыбнулся Тахмаз.

Гусейн муаллим, хорошо его зная, пошел на попятную, и серьезно спросил:

- Ладно, скажи, что с меня причитается?

- Одно застолье.

- Только на тебя?

- Нет, на всех свидетелей, присутствующих здесь.

- Когда?

- На сегодняшний вечер закажешь кябаб и прочее, да и выпивку в придачу! Вот и посидим, обмоем твоё творчество, - предложил

Тахмаз.

- Ладно, но, если завтра об этом распустишь слух по редакции, пеняй на себя.

- Слово мужчины, - Тахмаз незаметно подмигнул находившимся в комнате.

В пять часов вечера Гусейн муаллим явился с большой корзиной. Эльман удивился:

- Ты и вправду даешь застолье?

- А что мне делать? Ты же знаешь Тахмаза. Если не будет угощения, завтра же обо всем раструбит на весь мир, еще и редактору доложит, - Гусейн муаллим был очень расстроен.

Айдан было закинула сумку за плечо, собравшись уйти, но Гусейн муаллим схватил ее за руку:

- Ради Бога, не уходи, помоги мне накрыть на стол. Через полчаса, час уйдем все вместе. Да и зачем тебе спешить домой?

- Что мне одной делать в компании шестерых мужчин?

- Милая, ты же не чужая, ты нам почти как брат, - стал уговаривать ее и Эльман.

Они соединили два стола, Айдан расстелила на них листы белой бумаги. Затем достала провиант из корзины и разложила на семь персон. Вкусно запахло шашлыком, свежей зеленью, сыром и хлебом. Последними пришли Азиз и Тахмаз. Все расселись, заперев дверь изнутри. Гусейн муаллим подсутился и достал припрятанную водку, разлил по стаканам, после чего обратился к Айдан:

- Посмотри, что я купил для тебя, - он налил ей в стакан шипучего лимонада.

Встал Тахмаз:

- Что ж, ребята, выпьем за здоровье нашего Гусейн муаллима, за его несравненное творчество. Спасибо ему, что он есть, что его творчество привлекло мое внимание как исследователя. Без Гусейн муаллима не было бы и сегодняшнего прекрасного застолья.

- Здравья, Гусейн муаллим! - произнесли все хором и выпили.

Тахмаз по обыкновению начал рассказывать анекдоты. Вдруг в дверь постучали.

- Кто это может быть, ведь в редакции никого не оставалось, - обеспокоенно сказал Гусейн муаллим. Самир встал и открыл дверь. Когда вошел Габиль муаллим, все сконфузились. Тот заговорил как бы в свое оправдание:

- Приятного аппетита. Не хотел мешать. Вышел в коридор, направляясь домой, но услышал шум и подумал, может, что случилось? Да и дверь вы заперли, - он бросил странный взгляд на Айдан, - вижу, содержательно проводите время.

- Мы отмечаем день рождения Гусейн муаллима, - решил разрядить обстановку Эльман.

- Поздравляю, - редактор пожал руку Гусейн муаллиму, затем пошел к двери. При выходе он обернулся:

- Пьянствовать на работе нехорошо, ребята!

Дверь за ним захлопнулась и в комнате воцарилась тишина.

- Уже поздно, я пойду, продолжайте без меня, - Айдан попрощалась и вышла из комнаты.

- Мы тоже тронемся, - Гусейн муаллим был сильно подавлен.

Небо над городом потемнело. На улицах стихло движение. В такие часы Айдан любила прогуливаться одна-одинешенька. Под стук своих каблучков, ступая знакомой дорогой, она уходила в мир глубоких раздумий, ничего не замечая вокруг.

Вот и теперь, выйдя из девятиэтажного здания издательства, она зашагала вниз по тротуару широкого проспекта. В сердце запало зыбкое тревожное чувство. Перед глазами стоял строгий взгляд Габиль муаллима. Она его недолюбливала. За три года ни разу он не проявил расположения к ней, ни разу доброго слова не сказал. Что это за редактор, если все время ищет повода задеть ее за живое? Почему это доставляет ему такое удовольствие?

Ей вдруг до слез захотелось увидеть Мурада. Сердце затрепетало при мысли о том, чтобы услышать его голос, почувствовать прикос-

новенье его рук, его теплое дыхание. Как было бы хорошо пройтись под руку с ним по безлюдным улицам, болтая о разных пустяках. Она затосковала по Мураду. Думая о нем, замедлила шаг.

До ее слуха донеслась очень знакомая мелодия. Айдан вздрогнула. Проходя перед студией звукозаписи, она явственно услышала слова песни:

Немало девушек, прости меня,

Я в этой жизни проводил.

Но даже самую красивую

Все ж, как тебя, не полюбил...

Эта была их с Мурадом песня. Она врезалась в память после знакомства с ним. Никакая музыка не отзывалась так в сердце. Заслушавшись, она остановилась у студии.

- Что вам нужно? - спросил парень за прилавком.

- Эта песня.

- Заплатите один манат.

- За что?

- Вы не хотите кассету?

- Конечно, - обрадовалась Айдан.

Она протянула деньги продавцу и тот, выключив магнитофон, вынул кассету. Взяв ее как драгоценность, Айдан, радостная, вышла на улицу.

Дома она сразу же включила магнитофон. Села на диване, обняв колени, закрыла глаза и забылась, околдованная чарами музыки. Прослушав обе стороны кассеты, вышла на застекленную веранду. Мысленно заговорила с Мурадом: "Теперь уже ночь, дорогой, одна из миллионов ночей. С того дня, как мы осознаем этот мир, мы встречаем и провожаем множество таких ночей. Жизнь устроена так, что дни сменяют ночи, а ночи снова приходят вслед за днями. Так будет и завтра, и послезавтра. Не знаю, как у других, но я становлюсь ранимой по ночам. Становлюсь более восприимчивой ко всему. Сердце переполняется необъяснимыми

чувствами. Истинная причина моего состояния - это ты. Ты делаешь меня другой, ты меня обессиливаешь. Да еще и ночь - долгая, бесконечная, тоскливая ночь. Знаю, что наступит утро, и я стану прежней, обычной. Печальные раздумья оставят меня, время будет проходить незаметно в повседневных заботах. Я забуду про ночь до поры, посмеюсь над своими печалью, спущусь с небес на землю. Затем снова сгустится темень. Вот так, встречая и провожая ночи, вдруг увижу, что стала сгорбленной старушкой... Пока же вокруг меня сквозит печаль, обычная для ночи. Безмолвие в моей комнате, как и луна, завешанная серой грядой облаков, да и песня, которую я слушала с удовольствием, доставляют мне только печаль. Она настояща на твоём дыханье, Мурад".

* * *

- Поздравляю, статья твоя вышла, - Эльман положил перед ней свежий номер молодежной газеты.

Айдан радостно просмотрела свой материал "Ответь, брат". Он занимал половину четвертой страницы, привлекая внимание прекрасным оформлением.

- По-твоему, Габиль муаллим видел? - не скрыла она своего любопытства.

- Не мог не увидеть. Наверное, локти кусает от злости, - сказал Гусейн муаллим.

- Правильно сделала, что отдала статью в другую газету. Впредь наш редактор будет внимательнее относиться к материалам своих сотрудников, - добавил Самир.

Айдан заметно оживилась. К ней вернулся оптимизм. Девушки в машбюро это заметили с первого же взгляда. Севиль с Тамиллой с ней радостно поздоровались. Только Ваджиба оставалась сдержанной и продолжала заниматься своей "халтурой".

- Ваджиба, дай Бог тебе упасть с "древа халтуры" и найти под ним столько денег, сколько тебе не сосчитать, - бросила ей Айдан.

- Аминь, аминь, - Ваджиба посмотрела на нее краешком глаза, не переставая стучать на машинке.

- Умереть мне на месте, не представляешь, как я по тебе соскучилась! - Севиль ущипнула Айдан за локоть. Та обратилась ко всем:

- Кого загрызла тоска по работе со мной?

- Какая там тоска, мы просто умираем от желания поработать именно с тобой, - отозвалась на шутку Севиль.

- Как же мне быть, чтобы никого из вас не обидеть? - ответила в тон ей Айдан. В тот же момент дверь открыл Тахмаз.

- Что тут происходит? Кудахтанье прямо как на птицеферме, - сказал он с очень серьезной миной на лице. Девушки рассмеялись. Тут объявился и Октай. Увидев Айдан, он сцепил руки под подбородком и опустился перед ней на колени:

- С тех пор, как вы провели перпендикуляр любви к плоскости моего сердца, логарифмическая линейка не в состоянии вымерить частоту его биения. Как все подвластно земному тяготению, так и я подвластен только вам. Наши сердца всегда будут биться в унисон. Эх, формула жизни моей, любовь моя, невидимая, как радиоактивные лучи!

Когда он закончил свои излияния, в комнате разразился хохот. Айдан приложила руку к его лбу и тут же отдернула, покачав головой:

- Это дитя заразилось болезнью любви. Заболевание, ведущее свой генезис со времен первобытнообщинного строя, приняло наследственный характер и передается из поколения в поколение. Часто оно проявляется в резкой форме. Возможен и летальный исход.

Айдан надела очки Тамиллы и стала расхаживать по комнате:

- Возбудитель болезни - палочки любви. Они распространяются повсюду, где могут найти благоприятную среду для обитания, - в земле, воде и воздухе. Вирус передается через глаза, в редких случаях - через уши. Они проникают в пищеварительную систему, где вызывают воспаление слизистых оболочек. Воспалительные процессы ох-

ватывают вскоре и нервную систему, после чего зараза проникает прямо в сердце. Характерно, что больной бывает безразличен к окружающему миру, поскольку часто устремляет взгляд лишь в одну точку. Организм слабеет, бывает, что может наступить и умственная слабость, как, например, в случае с нашим пациентом.

Севиль, Тахмаз, Ваджиба и Тамилла разом глянули на Октай, который все еще стоял на коленях, и залились дружным смехом. А тот, не подав и виду, встал с колен и запел:

Как увидел, я влюбился...

- Айдан, ну, прими же меры, пока этот несчастный действительно не помешался, - сказал Тахмаз, давась от смеха.

- Двух возлюбленных ты в сердце не вместишь,

Двоедушен, если ты обeim льстишь... - Знаешь, кто это написал? - Айдан посмотрела прямо в глаза Октаю и вышла из комнаты.

Спустя пару минут Октай зашел к Айдан. Увидев, что она одна в комнате, он, осмелев, подсел к ней лицом к лицу:

- Айдан, ты каждый раз обращаешь мои слова в шутку. А ведь у меня серьезные намерения.

- Правда? - она сделала вид, будто слышит об этом впервые. Не придав значения ее шутливому тону, он продолжил:

- Я потерял покой с того дня, как ты появилась в редакции.

- Скажи, где именно ты его потерял, постараюсь найти и вернуть.

- Перестань шутить, Айдан, я говорю серьезно.

- Ладно, если ты действительно такой уж серьезный человек, то почему никак не поймешь моего безразличия к тебе? Разве это так трудно? - разозлилась она, но, почувствовав, что резкостью задела его за живое, искренне добавила, - я люблю другого, Октай, не обижайся.

- Ты меня не разыгрываешь?

- Нет.

- Ну, что мне сказать? Будь счастлива, - сказал и быстро вышел

из комнаты. Он пытался скрыть, как сильно расстроен.

- Всем на собрание, в актовЫй зал! - голосила Севиль в коридоре.

- Что там еще? - выглянула в дверь Айдан.

- Не знаю, но собирают только творческих работников.

Все уже были в сборе. Айдан села рядом с Эльманом и спросила у него обеспокоенно:

- Ничего не случилось?

- Вчера дежурили Самир с Гусейном, в газете прошла ошибка.

- Что за ошибка?

- Возьми, посмотри, - Эльман показал ей сообщение ТАСС на первой странице, где три строки слились так, что ничего невозможно было разобрать.

- Интересно, что им за это будет?

- Сейчас увидишь, - многозначительно ответил Эльман.

В комнату вошел Габиль муаллим с мрачным лицом. Поздоровавшись, он тут же перешел к делу:

- Мне звонили из Центрального Комитета, там тоже знают про ошибку. С утра мне звонили человек десять со своими "поздравлениями". Но дежурным нашим все это нипочем. Разве Самир работает у нас первый день и не знает правил? А что думает об этом Гусейн муаллим? Больше сорока лет он работает в редакции. Вместо того, чтобы он поучал нас, мы вынуждены говорить ему об ответственности. Если ты дежурный, то почему не просматриваешь внимательно все материалы? Если не можешь работать, напиши заявление и сиди у себя дома. Зачем нас-то подставлять? Если работа стала для тебя обременительной, уходи на пенсию. Я не буду затягивать вопрос и доведу до вашего сведения решение редколлегии. Гусейн муаллим уже в третий раз безответственно относится к обязанностям дежурного по выпуску газеты. Его прежние ошибки мы покрывали, в надежде, что он сделает нужные выводы, будет внимательнее впредь, но, видимо, безнаказанностью желаемых результатов

не достичь. Поэтому мы решили освободить Гусейн муаллима от работы.

Лицо у Гусейн муаллима побледнело так, что слилось с цветом стен. Казалось, что он уже и не дышит.

Затем выступил Сабир, ответственный секретарь. Он тоже говорил об упущениях Гусейн муаллима, о частых нарушениях им установлений секретариата и добавил, что поддерживает решение редактора. Присоединился к ним и Шаиг муаллим, заместитель редактора.

Айдан задала с места вопрос:

- Кто более ответственен за газету, рядовой дежурный или ответственный?

- Оба, - ответил Салим.

- А кто подписывает проверенные полосы?

- Ответственный дежурный.

- Тогда почему вы наказываете рядового дежурного, а не ответственного? - Айдан обратилась к редактору.

- Ответственного дежурного мы назначаем для контроля над рядовым дежурным. И вся ответственность ложится на рядового дежурного, - отрезал редактор, затем сердито посмотрел на Айдан и добавил, - мы собрали вас для того, чтобы ознакомить с решением редколлегии, а не для обсуждений.

В зале повисло тяжелое молчание. Никто не осмеливался что-то сказать.

Октай бросил подсказку с места:

- А как относится ко всему этому Самир?

Тот заерзал на месте, но отвечать не стал.

- Почему не отвечаешь, Самир? - раздался громкий голос Эльман муаллима.

Самир упорно молчал. В зале снова наступила тишина.

- Ладно, раз сказать больше нечего, можете расходиться, - вышел редактор, а следом за ним Шаик муаллим и Салим.

Когда зал опустел, Айдан подошла к Гусейн муаллиму. На нем лица не было. В глазах этого вечно молодого, несмотря на свои семьдесят с лишним лет, оптимистичного, любившего пошутить и посмеяться человека, теперь застыла одна печаль.

- Гусейн муаллим, возьмите себя в руки, - Айдан слегка коснулась его плеча.

- Доченька, Айдан, я хочу остаться один.

- Не уйду.

- Прошу тебя, оставь меня одного, - в глазах у него была мольба. Ничего не сказав, Айдан вышла из актового зала.

Эльман муаллим и Самир молча сидели на местах, занятые своими делами. Айдан тоже решила последовать их примеру, но состояние Гусейн муаллима никак не выходило у нее из головы. Она не знала, куда деться от злости, глядя на Самира, который сидел, как ни в чем не бывало. Наконец, она не выдержала и заговорила:

- Три года мы работаем вместе, но я так и не поняла, чего ты добиваешься.

- Что ты хочешь сказать?

- Почему ты подставил Гусейн муаллима? Ведь это не его ошибка, а твоя. Почему он должен нести наказание вместо тебя?

- За ошибку отвечает он, а мне надо было только подписать газету.

- Нет, ответственный дежурный за все в ответе, это даже детям известно. Просто твою вину взвалили на Гусейн муаллима. А почему, ты прекрасно знаешь сам. Ты, видишь ли, сын замминистра, а Гусейн муаллим, как он сам о себе говорит, человек, у которого так или сяк ли, силы иссякли. Что от него толку редактору?

Самир опустил голову и ничего не сказал. Заметив это, Айдан распалилась еще больше:

- Самир, ведь Гусейн муаллим пострадал из-за тебя, ты должен был признать свою вину. Ты отлично знаешь, что редактор в любом случае не стал бы тебя наказывать, ограничился бы только устным

замечанием. Он искал повода освободить от работы Гусейн муаллима.

Самир опять ничего не ответил. Но, вскоре резко вскочив с места, вышел, хлопнув за собой дверь.

- Напрасно сказала, все равно не поймет, - решил разрядить напряженность Эльман муаллим.

- Вас тоже не понять. Вы даже не возразили, что Гусейн муаллим не виноват, что за ошибку ответственен Самир, - теперь Айдан выступила против заведующего отделом.

- С чего ты взяла, что я не возражал? До собрания заседала редколлегия. Как бы я ни заступался за Гусейна, толку не было. Вынесли на голосование. Я остался в меньшинстве.

- Выходит, редактор может сделать все, что ему вздумается? Ему дозволено выносить любые несправедливые решения? Какой же мы коллектив журналистов? А еще воспитываем общественность. Разве нам не скажут, грош цена вашей писанине, если не способны навести порядок в собственном коллективе, не в состоянии решить по справедливости внутренние вопросы?

В комнату вошел Азиз.

- Ну, как вам вероломство Габиль муаллима? - он хотел было вмешаться в разговор, но Айдан прервала его:

- Хватит, ради Бога, за спиной вы все говорите про справедливость, но никто из вас не решился встать на собрании, защитить пожилого человека.

- Можно подумать, твоя защита помогла?

- Во всяком случае, редактор понял, что есть и недовольные его решением, - обиделась она, но предпочла больше не спорить.

Айдан, обеспокоенная тем, что Гусейн муаллим так и не явился в комнату, пошла за ним, но не нашла его и в актовом зале. Она никак не могла забыть убитого вида этого бедняги.

Ему вообще была присуща покорность перед обстоятельствами, за что Айдан, бывало, не раз его упрекала. Между ними установи-

лись удивительные отношения. Несмотря на то, что Гусейн был намного старше нее, он, как правило, следовал ее советам в работе, только с ней и делился своими заботами. Она умела заглядывать в его сердце, умела сочувствовать. После разговоров с ней старику всегда становилось легче на душе.

Это был человек нелегкой судьбы. С юных лет Гусейн познал все треволнения и тяготы жизни. В год окончания школы, неожиданно, один за другим скончались отец и мать. Оставшись один с четырьмя младшими сестрами и братом, он был вынужден взвалить на свои плечи бремя семейных забот. Он дал образование детям, устроил их, поженил, только после этого поступил на исторический факультет в университете, учился заочно. Создал семью, когда ему стукнуло тридцать восемь. С женой Хейва жили душа в душу.

После того, как они вдвоем обустроили своих детей, жену разбил паралич. Вот уже десять лет, как она прикована к постели. Поэтому все заботы по дому были на нем. На помощь дочерей полагаться не приходилось, потому что они были замужем и жили в разных районах. А сестры и брат, для которых он в свое время не пожалел лучших лет жизни, изредка навещали его. Айдан знала про все это. Он не раз рассказывал ей о своей жизни. Знала Айдан и то, что Гусейн муаллим считал, будто бы только на работе горит зеленый свет на его жизненном пути. Ничего он не боялся так, как выхода на пенсию. Да, она все это знала. Так почему же не выразила протест в более резкой форме против решения редактора, не выступила на собрании против освобождения Гусейн муаллима от работы? Размышляя обо всем этом, она не знала, куда деться от стыда.

Ни завтра, ни в последующий день Гусейн муаллим не вышел на работу. Позвонить по телефону было как-то неуместно. Поэтому, после работы она направилась к нему домой.

Пройдя по неухоженным улицам поселка имени Мусабекова она очутилась в квартале самостроек. В конце узкого тупика находилось маленькое перекошенное строение. Это был дом Гусейн муал-

лима. Внутри в лицо ей ударил резкий запах лекарств. Сердце ее сжалось при виде больных, лежавших рядышком на старых железных кроватях. Она включила свет и поздоровалась с Хейва хала и Гусейн муаллимом.

Оба были взволнованы ее приходом. Гусейн муаллим достал из-под подушки скомканный носовой платок и утер глаза. Айдан огляделась вокруг. В углу на столе стоял старенький телевизор, а на полу был разостлан выцветший палас.

В большом желтом шифоньере, дверцы которого были открыты, виднелись две вешалки. На одной висел коричневый костюм, в котором все эти годы Айдан привыкла видеть Гусейн муаллима. На другой платье - Хейва хала. Кто знает, когда она его в последний раз надевала.

- Как вы, Гусейн муаллим? - Айдан не смогла проглотить подступивший к горлу комок. Она не выдержала и заплакала.

- Не надо так... Наше, стариков, дело - болеть. Пора привыкать к таким вещам, - ответил он виновато.

- Что с вами вдруг стало? - она не могла без боли смотреть на этого старика, который так сильно исхудал за несколько дней. У него выступили скулы на лице, запали глаза.

- Левая нога у меня будто отнялась. Я в тот день еле доплелся до дома. Вот уже третий день встать не могу.

- А как вы себя чувствуете, Хейва хала? - она погладила худющую руку старушки.

- Как видишь, доченька. За что только Бог меня наказывает? Лучше бы дал мне умереть, избавил от мук и меня, и бедного Гусейна.

Айдан было трудно совладать с навалившейся на нее тяжестью. Ее глубоко взволновали ужасающий вид больных, тяжелая атмосфера неприкрытой бедности в доме. Ей никогда и в голову не могло прийти, что при всем кажущемся благополучии, царившем вокруг, доведется столкнуться с такой вопиющей бедностью в доме у жур-

налиста с сорокалетним стажем.

- Когда вы ели в последний раз? - спросила как бы в шутку Ай-дан.

- Вчера, - ответил серьезно Гусейн муаллим. Он сказал это так доверительно, что Хейва хала посмотрела на него с удивлением. Обычно Гусейн муаллим ни с кем никогда не откровенничал.

Айдан прошла в кухню и заглянула в холодильник. Кроме яиц там не было ничего. Была пуста и хлебница с заплесневелыми кро-хами, неизвестно, сколько там пролежавшими.

Она захватила сумку, вышла из дому и отправилась на базар, где приобрела всякой всячины, купила в магазине свежего хлеба. Придя домой, вымыла овощи, зелень, поджарила помидоры, залила яйцами, достала сыр, нарезала хлеба. Все это она аккуратно выложила на маленький круглый столик и пододвинула к Хейва хала. Принесла стулья.

- Зачем ты себя утруждаешь, - изумлялся Гусейн муаллим.

- Ешьте, приятного аппетита! - сказала Айдан. Старики присту-пили к еде. Настроение у них улучшилось, лица посветлели. Айдан заварила чай, разлила по стаканам. Затем она стала наводить в до-ме порядок.

Грязную одежду незаметно сложила в сумку. Было девять часов, когда она, попрощавшись, ушла.

Дома у себя она выстирала грязную одежду стариков, развесила на веревке на веранде. Сил больше ни на что не оставалось.

Утром на работе Айдан поделилась увиденным с Самиром. Расс-казала ему про состояние Гусейн муаллима, что он заболел и слег.

- Самир, напиши заявление редактору, признай свою ошибку, пусть он изменит решение.

Но уговорить Самира ей не удалось. Она решилась на последний шаг. Зашла к редактору:

- Здравствуйте, Габиль муаллим.

Редактор обрадовался ее приходу и пригласил сесть:

- Здравствуй, Айдан, рад тебя видеть. Как себя чувствуешь?

- Спасибо.

- Наверное, принесла статью.

- Нет, я по другому поводу.

- Слушаю.

- Вчера я навещала Гусейн муаллима. После того собрания у него отнялась левая нога. Он слег. На одной кровати лежит он, а на другой - жена. Им даже стакан чая подать некому. - Айдан стала подробно рассказывать о том, что увидела вчера.

- Что этот человек нашел в работе? Пусть сидит себе дома, ухаживает за больной... - От этих слов редактора Айдан встрепенулась, у нее аж мурашки пробежали по телу.

"Почему я обратилась к этому человеку с каменным сердцем?" - стала она казнить себя. Но, отступать было уже поздно и она, продолжила.

- Работа для Гусейн муаллима, как лекарство для больного. Если он выйдет на пенсию и останется дома, то и двух месяцев не протянет, - сказала с болью Айдан.

- А тебе зачем это? Ступай, опусти голову и пиши свои статьи. Ты еще молодая, у тебя еще все впереди! Заладила, видишь ли, Гусейн так, Гусейн сяк. - Габиль муаллим выговорил эти слова, улыбаясь, но они стрелой вонзились в сердце Айдан. Она, поникшая, попрощалась с редактором.

Выйдя из кабинета, Айдан обошла одну за другой все комнаты с сообщением, пропустив только Самира:

- Товарищи, прошу вас на пять минут зайти к нам в отдел, состоится собрание.

Вскоре комната была переполнена. Пришли даже два фотографа, корректоры и машинистки. Айдан перешла к делу:

- Прошу извинить меня за то, что я отняла ваше драгоценное время и собрала всех сюда. Вопрос очень важный. Знаю, для многих это будет неожиданной новостью. Вот уже десять лет жена Гусейн

муаллима прикована к постели. Дочери живут далеко, от них старикам пользы никакой. Нет у них и другой близкой родни, чтобы помочь. Единственное место, с которым связывал свои надежды Гусейн муаллим, это редакция. Этот человек, сорок лет прослуживший газете, отдал ей все силы и здоровье. А теперь его хотят уволить с работы. Было бы несправедливым закрыть перед человеком, не знающим каких-либо иных радостей в жизни, двери последней надежды. Хочу, чтобы вы поверили в мою искренность, мне никак не забыть увиденного вчера дома у Гусейн муаллима. Вообразите себе, каково приходится человеку со ста двадцатью манатами зарплаты. Пока я не побывала у него дома, мне трудно было представить, что среди нас могут быть настолько бедные и беспомощные люди. Оттого, что он умел выглядеть оптимистичным, никто из нас и не догадывался о тяжелых условиях его жизни. Вы только подумайте, что половина заработка у него уходит на лекарства. Чего уж там, не стану надоедать вам своим многословием, но, давайте все вместе повлияем на редактора, чтобы он изменил свое решение. Нельзя допустить, чтобы лишили уважения одного из членов нашего коллектива в его почтенном возрасте. Ведь так может случиться с каждым из нас.

Слова Айдан подействовали на всех. Начались прения. Слово взял Тахмаз:

- Какие же мы бессердечные, жестокие люди. Рядом с нами решается судьба человека, а нам хоть бы хны. Много всего пришлось перенести Гусейн муаллиму, сиротой он вырастил брата и сестер. А они, после того, как обзавелись уютом семейной жизни, зарабатывают себе на хлеб насущный благодаря именно его стараниям, теперь о нем вспоминают лишь по праздникам.

- Нам должно быть стыдно, что мы ни разу не поинтересовались бытом нашего товарища, - заговорил Азиз.

- Конкретней, что нам делать? - поставил вопрос ребром Октай.

- Если разрешите, у меня есть предложение, - осмелела Айдан.

- Давай, выкладывай, - заголосили с мест.

- Во всех редакциях, кроме нашей, существует совет коллектива. Будем считать, что он у нас тоже есть. Давайте подготовим и коллективно подпишем официальное письмо от имени совета, чтобы ввести его в законную силу, и представим редактору.

- Тогда ты и будь председателем совета, подготовь и отнеси письмо, - мысль Азиза поддержали все. На месте же, сообщая, составили текст и дали Севиль, чтобы она напечатала.

- Все это хорошо, товарищи, но у меня к вам просьба. Каждый из вас, по дружбе, хотя бы раз навестите Гусейн муаллима. Поддержите его, отвлеките, - сказала Айдан и почувствовала, что ей стало легче, будто тяжелый груз упал с плеч.

Вскоре она зашла с письмом в кабинет редактора.

- Что за дела? Собрание проводишь... - он встретил ее недружелюбно. Оставив его слова без ответа, Айдан положила перед ним письмо:

- Я должна передать вам решение коллектива.

Редактор внимательно прочитал письмо. По его насупленным бровям, по проступившей морщине на лбу было заметно, что он не в восторге от прочитанного.

- А что будет, если я не придам значения этому письму? - редактор уставился на нее испытующим взглядом.

- Для начала, будет принято к сведению, что вы злоупотребляете своим служебным положением.

От неожиданно озвученного обвинения в свой адрес у него нахмурился взгляд, исказилось лицо. Но, он сделал усилие над собой, пытаясь не выдать эмоций:

- А дальше?

- Дальше коллектив может подать на вас в суд.

- Это твое мнение или коллектива?

- Пока только мое, но уверена, что коллектив поддержит меня.

- Я вижу, ты очень довольна собой. Кто научил тебя так распус-

кать язык? Разве я для этого принимал тебя на работу?

- Габиль муаллим, если бы вы отказали мне, как того и желали, я устроилась бы в другую газету, рабочих мест хватает.

- Ладно, не разглагольствуй, иди, делом займись.

- Что же мне сказать моим коллегам?

- Скажи, что Габиль муаллим не так черств, как они думают. Я принял такое решение, чтобы Гусейна призвать к ответственности.

- В следующий раз напомните ему об этом так, чтобы его не хватил инфаркт, - отпарировала Айдан и вышла из кабинета.

Коллеги ждали Айдан с нетерпением.

- Победа! - объявила она.

- Ура! - вырвалось у Октя.

- Ура! - все в комнате присоединились к его возгласу.

- Айдан, да поможет тебе Бог, мы сегодня впервые ощутили, что у нас есть коллектив, - сказал Азиз.

Гусейн муаллим выздоровел через месяц. Все это время товарищи по работе по очереди навещали его. Айдан же, можно сказать, бывала у него каждый день.

Однажды она заметила, что Гусейн муаллим чем-то озабочен.

- Что-то случилось? - беспокоилась Айдан.

- Ничего.

- Ну пожалуйста, скажите, что стряслось?

- Вот уже неделю все думаю о младшем брате Акифе. Когда мы потеряли родителей, ему было только четыре года. Я вырастил его на своих руках. Он был таким слабеньким... неделями болел. Часто я отпрашивался с работы, чтобы вылечить его. Так привязался к нему, будто это мой сын, а не брат. Я сходил с ума, когда думал о том, что когда-нибудь он женится, и будет жить отдельно от меня. Когда он уже подрос и, бывало, задержится где-то, я и есть не мог, не дождавшись его. Он и сам был впечатлительным... А вот после женить-

бы его словно подменили. Вот уже три месяца не заходит к нам. Не звонит, не справляется.

- А чем он занимается?

- Он художник. Вчера показывали его выставку.

- Это его выставка проходит в Художественной галерее? Значит, хваленый художник Акиф Самедов ваш брат?

- Так оно и есть.

- А где он живет?

- В девятиэтажке над галереей.

После работы Айдан и не заметила, как доехала в центр города. Опомилась, уже во дворе здания над галереей. Она обошла все подъезды, но нигде не было указателя фамилий жильцов.

- Извините, вы не подскажете, в каком из подъездов проживает художник Акиф Самедов? - спросила она у пожилой женщины, сидевшей на скамейке во дворе.

- Вот в этом подъезде, поднимитесь на третий этаж, средняя дверь.

Айдан вмиг одолела ступени вверх, не дожидаясь лифта. На звонок дверь сразу же отворилась. На нее смотрел симпатичный, высокого роста мужчина средних лет:

- Вам кого? - смерил он ее взглядом.

- Вас.

- Меня?

- Да, я журналистка, хочу ознакомиться с творчеством художника Акифа Самедова. Вот мое удостоверение, - она протянула ему книжку с надписью "Пресса", но тот даже не взглянул на документ и пригласил ее зайти.

Айдан будто попала в музей. Комнаты были обставлены дорогой мебелью, по стенам были развешаны ковры, ослепительно сверкали люстры, декоративный хрусталь, - все это разительно диссонировало с бедным убранством в домике у Гусейн муаллима.

Акиф пригласил Айдан в мастерскую. Она стала осматривать

картины на стенах, но ничего перед собой не замечала.

- У вас необыкновенное лицо, особенно глаза. Осанка тоже красивая. Если разрешите, я напишу ваш портрет, садитесь вот в это кресло, - сказал художник.

- Обнаженной, или полуобнаженной? - она напустила на себя игривость мещанки.

- Вы и в платье хорошо смотрите.

- Я хочу предложить вам более интересную тему. Как насчет одинокого старика, ухаживающего за своей безнадежно больной женой. По-моему, вам хорошо удастся портрет несчастного, который остался ни с чем, отдав все состояние во благо благополучия сестер и брата. Ну, как, нравится тема? - Айдан заглянула ему в глаза, - не обижайтесь, я порой поражаюсь, почему людям с каменным сердцем достается все, а сердобольные остаются ни с чем?

- Что-то стряслось с моим братом? - кровь хлынула в лицо Акифу. Он был не на шутку встревожен.

- Вы у меня спрашиваете? Целых три месяца вы не заглядывали к нему. Даже не подумали о том, что с ним может случиться беда.

Айдан из зала прошла в прихожую, обернулась и с ненавистью посмотрела на роскошное убранство:

- Я знаю, что не имею права на это, но все равно скажу вам. Не могу поверить, что вы братья. Не должно быть такого ужасающего различия между двумя братьями. Когда будете ступать по коврам в вашем роскошном доме, подумайте о том, что в доме у человека, посвятившего вам свою жизнь, ничего кроме старого паласа нет. Такой человек как вы не может быть настоящим художником. Все, что вы написали, не стоит и ломаного гроша.

Она выпалила все это на одном дыханье, повернулась и сбежала вниз по ступеням.

По щекам у нее текли слезы. Айдан плакала беззвучно, как беззащитное дитя.

* * *

- Поглядите, Гусейн муаллим идет! - радостно воскликнула Севиль. Потягивая ногу, старик вошел в комнату. Айдан бросилась ему на шею. Тепло поздоровался с ним и Эльман муаллим. Тут же явились Тахмаз, Октай, Азиз, Тамилла и Ваджиба.

- Нога еще беспокоит? - озабоченно спросил Азиз.

- Да, кажется, это уже на всю жизнь, - вздохнул Гусейн муаллим.

- Мы очень соскучились, Гусейн муаллим, нам так вас не хватало. Дай Бог, чтобы вы больше не болели, - заговорила Севиль.

Дверь все открывалась и закрывалась. Сотрудники, окружив Гусейн муаллима, расспрашивали о его самочувствии. Вскоре подошел и редактор. Он протянул Гусейну руку и поздоровался, как ни в чем не бывало:

- Как себя чувствуешь?

- Спасибо, хорошо.

- А как сестра Хейва?

- Неплохо.

- Эльман, поручи два-три материала Гусейну, пусть хоть какой-никакой гонорар заработает, - проявил неожиданную заботливость редактор.

- Бог да будет вами доволен, я очень благодарен вам. - Ответил Гусейн муаллим. Редактор так и не понял, от души это было сказано или в насмешку.

Наконец, все разошлись. Эльман уехал на объект, Самир был в отпуске. Гусейн муаллим посмотрел на Айдан испытующим взглядом:

- Акиф приходил.

Она притворилась, что не придает особого значения его словам:

- Правда?

- Ты ему очень понравилась. Сказал, что ты смелая девушка.

- Да, мы познакомились в Художественной галерее. У него интересные работы, - сказала Айдан с безразличием.

- Знаю, он мне рассказал, - Гусейн муаллим сделал паузу и после добавил, - во всяком случае, он стал очень внимательным. Чуть ли не каждый день заходит ко мне.

- Я очень рада, поздравляю.

- Айдан, доченька, Акиф неплохой парень, это жена его так изменила. Прежде он был очень внимательным и заботливым. После женитьбы он вдруг охладел к нам. У его жены Алимы тяжелый характер, мы ей не нравимся из-за нашей бедности.

- Гусейн муаллим, не понимаю, кто в доме хозяин - муж или жена? Что он за мужчина, если не может заставить жену почитать вас? Вы ведь были ему как отец. Извините, но любая женщина беспрекословно подчиняется слову умного, умелого мужчины. Я считаю, что тут вина вашего брата.

- Ну, что мне сказать...

6.

Когда вечером Айдан вышла с работы, небо в мгновение потемнело. Вдруг дождь полил как из ведра. В придачу подул еще и ветер. На обочинах улиц, у тротуаров скопились опавшие с деревьев листья, и ветер порывами швырял их на стены зданий и в лица прохожим. Шумные улицы вмиг опустели.

Айдан, промокшая до нитки, никуда не торопилась, а до автобусной остановки было не так уж близко. Она замедлила шаг. Дождь разом поднял ей настроение. Ей вспомнилось, как в детстве она бегала под дождем, босиком, шлепая по лужам. Мать ей как-то сказала, что от дождевой воды волосы быстрее растут. С того дня при каждой возможности она подставляла волосы дождю: пусть растут. Вот и сейчас с удовольствием шлепала по лужам, хотя и было жалко туфель. Осенью у нее пробуждалась удивительная охота к работе. Лучше всего ей работалось именно в это время года. Сейчас, под шум дождя, она стала обдумывать начало нового материала: "Дороги, как геометрические линии, параллельные, перпендикулярные,

кривые, прямые... Как похожа на эти дороги жизнь человека. При первом знакомстве его жизненный путь кажется гладким, четким и прямым. Думаешь, что он живет, как все. Как и всех, его греет солнце, поливает дождь. Но, заговоришь с ним, пообщаешься немного и поражаешься, что за странная судьба. Коришь себя, что не сразу раскрыл для себя этого человека. Почему так поздно узнал про его взлеты и падения? И только по воле случая ты узнаешь его ближе".

- Красавица, ты же промокла, садись в машину, - возле нее остановился белый "Жигули". Бесовски смотрел на нее и ждал ответа черноглазый, чернобровый юнец. Она промолчала.

- Пожалей себя, ты же можешь простыть, иди, садись в машину, - медленно, под ее шаги, он вел автомобиль.

- Когда другим выпадает на долю арбуз, мне достается только чеснок, - разозлилась Айдан.

Юноша громко рассмеялся. Затем остановил машину прямо перед ней:

- Будь у меня такая возлюбленная, не знал бы печали.

- Послушай, счастливцев, разбрасывающий камни, для этого есть свое время, как и для того, чтобы собирать их, - проговорила Айдан.

- Как знаешь. Еще припомнишь мои слова, когда насквозь промокнешь и заболеешь, - сказал он смеясь, и уехал.

"Вот бы сейчас Мурад подъехал на машине", - пронеслось у нее в голове. Ей вспомнилось, как они с Мурадом попали в сель. У нее возникло безумное желание тут же увидеть его.

Вдруг кто-то взял ее под руку. Она обернулась, и у нее затрепетало сердце: это был Мурад.

- Ты? Мурад, это ты? - она не смогла скрыть своей радости. Он, как прежде, молча, коснулся губами ее левой руки и крепко сжал в своих ладонях. Это было так неожиданно, что губы Айдан разбежались в счастливой улыбке.

- Я уже полчаса хожу за тобой.

- Правда? А почему не подошел?

- Мне было интересно наблюдать издали, - рассмеялся Мурад.

- Наверное, со стороны я произвожу впечатление ветреной, да?

- Просто сразу можно понять, что ты необыкновенный человек, не похожий на других.

- Как это?

- Хотя бы потому, что разгуливаешь под дождем. Все торопятся домой, а ты вышла на прогулку.

- Ты видел, как передо мной остановил машину этот юнец?

- Да.

- Тогда, почему ты не врезал ему? - в шутку поддела его Айдан.

- Будь я на его месте, тоже бы остановил машину.

Они пытались поймать такси, но все машины проносились мимо них.

- Еще немного, и мы оба продрогнем. Отойди-ка в сторонку, смотри и учись, как надо останавливать машину. Потом сядешь рядом, - сказала Айдан, отходя от него.

Как только она подняла руку, остановилась одна из проезжавших машин. Когда она села, тут же подбежал Мурад и устроился рядом. Увидев недовольное выражение на лице молодого водителя в зеркальце, Айдан еле подавила смех и сжала Мураду руку.

- Куда едем? - хмуро спросил таксист. Она назвала свой адрес.

Когда доехали, Айдан достала ключ из сумки и отворила дверь. Они вошли, разулись. Мурад вдохнул полной грудью. Айдан удивилась:

- Что случилось?

- У твоей квартиры удивительный аромат. Второй раз я это ощущаю.

- А запах жареной картошки ты ощущаешь? - улыбнулась Айдан.

- Ты задела меня за живое, - шутливо вздохнул Мурад.

- Не хочешь высушиться?

- Нет, не хочу, моя одежда сухая.

- Вижу, - она выжала рукав его сорочки и на пол закапала вода,
- пройди в ванную, там висит халат, переоденься.

Вскоре она и сама переоделась, обвязала волосы полотенцем, надела шерстяные носки.

- Тебе не холодно? - она посмотрела на Мурада. Вместо ответа он прижал ее к себе и стал осыпать поцелуями лицо и шею. Затем прижался губами к ее губам. Это произошло так неожиданно и мгновенно, что ей не удалось воспротивиться. Все существо Айдан пронизало незнакомое чувство, не испытанное до сих пор, которое отозвалось у нее на сердце каким-то сладким желанием. Она, опьяненная, сомкнула глаза, покоряясь воле Мурада. Руки и ноги у нее стали ватными. Айдан, чувствуя себя словно в невесомости, не могла оторваться от его губ. Ее лицо озарило светом счастья, от впервые вкушаемой сладости подлинной взаимной любви. Мурад, наконец, оторвался от нее и, видя, что та растеряна и не знает, как быть, взял ее в объятия и уложил на диван. Айдан головой прижалась к его груди, спрятав лицо. Она стеснялась встретиться с ним взглядом. Мурад уже осыпал поцелуями ее грудь. Она не сопротивлялась, не было сил, чувствовала приятное дыханье Мурада, слышала биение его сердца.

Привычное спокойствие Мурада сменило странное волнение. У него обмякло лицо, изменилось выражение глаз.

- Мурад, любимый, возьми себя в руки, - тихо шепнула Айдан ему в ухо.

Он, кажется, пришел в себя, и присел на диване, отодвинувшись от нее.

Молча, они посидели какое-то время. Айдан все еще чувствовала, как губы Мурада жгли ее угольным жаром. Она еще не опомнилась от его поцелуев.

- Обиделась?

- Что ты, мой хороший, обидеться на тебя?

Мурад привлек ее к себе и поцеловал в глаза:

- Мне и в голову не могло прийти, что мы станем столь близки.

Ты своей красотой и умом сумеешь покорить, кого захочешь. Кто я для тебя? Обычный провинциальный врач.

- Молчи, - Айдан прижала пальцы к его губам. Затем положила голову ему на колени и тихо сказала:

- Быть бы мне твоей рабыней, а после умереть.

- Что? Что ты говоришь? - не поверил Мурад своим ушам, - ты меня любишь? Вправду ли любишь? Я не ослышался? - повторял он робко. Она ничего не ответила.

Ей нравилось быть рядом с Мурадом, слышать его голос, чувствовать его дыхание.

- До встречи с тобой я и не представляла, что можно влюбиться в кого-то с первого взгляда.

- Спасибо, что не утаиваешь от меня своих чувств.

- У меня такое ощущение, будто мы знакомы уже давно. Сейчас мы находимся вдвоем у меня дома. Кто знает, что могут подумать обо мне соседи. Но у меня свое мнение: люблю, и все тут. Почему-то я тебе очень доверяю. Знаю, что ты никогда не позволишь себе лишнего, - последние слова она произнесла шепотом.

Мурад склонился лицом к ее лицу:

- Я никогда не злоупотреблю твоим доверием, знай это.

- Не воспользуешься моей слабостью, правда?

- Правда, любимая.

* * *

Мурад уехал также неожиданно, как и приехал. С собой он унес ее радость и бодрость. Как на горную вершину вдруг опускается туман, так и в ее сердце запала тоска. Она все старалась рассеять грустный туман одиночества, но не могла.

Ни завтра, ни в последующие дни опомниться ей не удалось. В душе у нее звучали полные неизбывной печали и горечи слова известного бейта Низами Гянджеви:

Возлюбленный явился в ночь и в ночь ушел,

Так век мой, бега дней не превозмочь, ушел.

Как гром среди ясного неба, своими внезапными приездами Мурад словно переворачивал вверх дном ее, казалось бы, размеренную, спокойную жизнь. Она при этом изменилась, будто стала другим человеком. Она чувствовала себя, как лодка без весел, заплутавшая в безбрежном океане и выброшенная на берег.

- Кто он? - как-то спросил у нее Гусейн муаллим, когда они были в комнате одни.

- Вы о ком?

- О том, кого ты полюбила.

- Откуда вы знаете, что я кого-то полюбила?

- Я бы может и не догадался, но мне сказала Хейва.

- Откуда же она про это может знать? - удивилась Айдан.

- Хейва говорит, что девушку, которая любит, и любима, можно узнать издалека.

- Как?

- По глазам.

- Что вы говорите? - застеснялась Айдан.

В комнату вошел Тахмаз, и они прервали разговор. Но, Айдан еще долго не могла забыть слова Гусейн муаллима. Рядом с коллегами она старалась казаться беспечной и беззаботной, все шутила, смеялась, чтобы скрыть свое душевное состояние. Но она осозновала, что Мурад оставил ей больше грусти, чем радости.

Спустя три дня она позвонила в район Мураду, на работу. Пожилая женщина ей ответила спокойно:

- Мурад еще не вернулся из Баку. - Она ушам своим не поверила. Положила трубку и схватилась за голову. Весть была столь неожиданной для нее, что Айдан никак не могла взять себя в руки. Не могло быть такого, чтобы Мурад находился в Баку и не справлялся о ней. Значит, есть какое-то важное дело, если он не может встретиться с нею. Но, что это за важное дело? Что ему мешает выкроить немного времени, чтобы зайти к ней?

Через два дня она позвонила опять. На этот раз трубку снял Мурад. Услышав его голос, Айдан повесила трубку, ничего не сказав. Она не знала, что делать, непонятная тяжесть давила на сердце. Никогда еще она не чувствовала себя такой слабой и беззащитной.

Прошло две недели. Как-то вечером, выйдя с работы, вместо того, чтобы поехать к себе домой, она направилась в противоположную сторону. В последнее время ей бывало невыносимо одиноко дома. Медленными шагами она прогуливалась по парку перед зданием Академии наук.

Силуэт мужчины, который шел впереди и что-то объяснял женщине, семенившей с ним рядом, показался ей знакомым. Он вдруг обернулся... Это был Мурад.

Айдан остановилась, как вкопанная. Она растерялась и не знала, как быть. К счастью, Мурад ее не заметил. Айдан спряталась за деревьями у края тротуара и стала наблюдать за парой. Женщине, миловидной и стройной, было на вид 35-37 лет.

Они с Мурадом вышли из парка и направились к троллейбусной остановке.

Чтобы не вызывать подозрений, Айдан, пройдя незаметно вперед, спряталась теперь за газетным киоском. Пара села на "восьмой" троллейбус. Айдан успела прошмыгнуть следом, протиснувшись через задние двери. На площади "Азнефть" Мурад и женщина сошли с троллейбуса и продолжили путь пешком. Немного пройдя, они зашли во двор трехэтажного дома.

Только после этого Айдан с ноющим сердцем ушла оттуда. случилось то, о чем она и подумать не могла, что ей и в голову не могло прийти.

Наутро, придя на работу, она зашла к редактору и передала ему заявление с просьбой предоставить ей отпуск.

- Может ты повременишь с этим, в Алма-Ате должен пройти семинар молодых журналистов, я хочу направить тебя туда, - предложил ей Габиль муаллим.

- Как сочтете нужным, - ответила она неохотно, но предложение пришлось ей по душе и, потому спросила, - когда начинается семинар?

- Послезавтра. Вылет завтра, в девять вечера. Позвони в Союз журналистов, получишь более подробную информацию. А в отпуск уйдешь по возвращении из командировки.

* * *

Вернувшись из Алма-Аты, Айдан взяла отпуск и уехала в район. В ее жизни никогда еще не было таких тяжелых, изматывающих дней. Она впервые грустила в родительском доме, где выросла, провела самую веселую пору жизни, среди своих родных. Асият не знала, что и делать, видя поникшее лицо, грусть в глазах дочери.

- Ешь, Айдан, знаю, в городе у тебя не бывает времени, чтобы как следует поесть. Глянь, как ты исхудала. Ешь, как следует, хотя бы во время отпуска, - увещевала ее мать.

Айдан с детства не любила заниматься домашней работой, наведением порядка. Ей нравилось возиться во дворе, в саду. Ребенком она взвалила на себя все хлопоты по уходу за приусадебным участком. Разыскивала всевозможные саженцы цветов, аккуратно высаживала их в землю, ухаживала за ними, как за детьми.

- Мама, кто-нибудь очищал у нас двор от камней? - спросила она на второй день отпуска.

- Нет, родная, кто, кроме тебя, это делает?

- Ладно, кажется, для меня нашлась работа, - сказала радостно Айдан и спустилась во двор.

Почва их сада, как и приусадебные участки других соседей, была каменистой. Поэтому обычно по несколько дней весной и осенью дети тем и занимались, что собирали камни. Отец даже установил дневную норму.

- Каждому из вас нужно собрать по четыре ведра камней, - говорил он.

- А премия? - голосили дети.

- Когда закончите работу, дам по двадцать копеек каждому, - подбадривал их отец.

Для них двадцать копеек что-то да значили. На них можно было сходить в выходные в клуб на дневной сеанс двухсерийного индийского фильма. Все трое ребятишек с усердием принимались за работу. Айдан справлялась, как правило, раньше других и отчитывалась перед отцом:

- Если дашь еще двадцать копеек, соберу лишних четыре ведра.

Отец, соглашаясь, улыбался. Он был к Айдан особенно благосклонен. Вместо ожидаемых двадцати копеек девочка порой получала даже манат. Она расходовала эти деньги на детские радости. В кино ходила, набив карман семечками. Управившись с припасенными вафельными трубочками с шоколадным кремом, тут же принималась за семечки.

Теперь, окинув взглядом черную землю, будто усыпанную камнями, она удивилась: "Откуда только эти камни берутся?" За все истекшие годы с их двора было вывезено самое малое десять-двадцать машин с камнями, груженными доверху. А осталось как будто столько же. В душе она впервые радовалась своему отпуску. Ее ждала работа, в которой можно забыть, которая займет немало времени. Уйдя в свои мысли, Айдан и не заметила, что отец наблюдает за ней со стороны. Обернувшись, она вдруг увидела его и сказала шутя:

- Папа, приготовь двадцать копеек, я соберу четыре ведра камней.

Отец обнял и поцеловал ее:

- Больше не соглашусь, чтобы ты собирала камни. Не допущу, чтобы пальцы моей дочери-журналистки огрубели.

- Что ты говоришь? - возразила Айдан, - ты хочешь лишить меня моего любимого занятия?

- Ладно, ладно, - отец направился в дом. Оставшись одна, она

опорожнила полное ведро на горку камней у ворот и вернулась во двор.

Из-за кустов ежевики, разросшихся в соседнем дворе, доносился смех. Глянув туда, она увидела Руслана, соседского парня, наблюдавшего за ней.

- Здравствуй, соседка, - поздоровался он улыбаясь.

- Приятно тебя снова увидеть, сосед, - ответила ему в такт Ай-дан.

- Тебя не узнать, ты стала красавицей.

- Любая похорошеет, избежав твоего плена. Ты же мне в детстве покоя не давал.

Руслан, ухватившись за ветку яблони, перепрыгнул к ней через ограду. Он поздоровался с ней за руку. Тут Айдан разобрал смех:

- Как же изменился мир, что сам Руслан пожимает мне руку.

- Я тебе еще и камни собрать помогу, - он нагнулся и начал наполнять ведро, - а помнишь, как ты бросала камни к нам во двор?

- А помнишь ли ты, как я полчаса тебя умоляла, но ты так и не помог мне вынести на улицу тяжелое ведро? - улыбнулась Айдан.

- Как поживаешь, Айдан? Я слышал, ты стала журналистом.

- Спасибо, работа меня вполне устраивает. А ты живешь в Москве?

- Да.

Вдоволь наговорившись, Руслан перепрыгнул за ограду к себе во двор. Айдан же продолжила работать, начала складывать поленья, разбросанные как попало в углу двора.

В ее памяти ожил один эпизод из детства. В то время ей было лет десять, а может, двенадцать. Как-то из дома пропали двадцать пять манатов. Мать у нее спросила:

- Айдан, ты их не брала?

- Клянусь, нет, - ответила она. Но, мать ей, кажется, не поверила. Айдан это поняла по недоверчивому выражению ее лица. Вечером она случайно услышала, как мать говорит отцу:

- Абдулла, мне кажется, что деньги все-таки взяла Айдан.

Ее потрясло ничем необоснованное обвинение. Ночью, когда все уже спали, она написала записку, указав на свою невиновность. Затем в тонкой ночной рубашке спустилась во двор и стала босиком ходить по снегу. Ей хотелось замерзнуть и умереть. Она представляла себе трагическую картину: мать, прочитав ее записку, встревоженно спускается во двор, и тут обнаруживает замерзшую в снегу дочь, и начинает плакать навзрыд. Отец выходит на плач матери и прикрикивает на нее:

- Если бы не твоя напраслина на ребенка, такого бы не случилось.

Соседи, родственники собираются на траур. Руслан с черешневого дерева в их дворе смотрит на гробик посередине веранды и плачет тайком. Признаться, ее больше интересовало, как будет горевать Руслан, а не домочадцы. Руслан после ее смерти поймет, что любит Айдан...

Что было дальше, она не помнила. Только проснувшись утром, очень удивилась:

- Я еще не умерла?

- Ты разве хотела умереть? - спросила мать.

- Кто меня сюда притащил? - растерялась Айдан.

- Я. По рассеянности ты вышла на снег босиком, - мать смерила ее строгим взглядом.

Айдан не могла понять, действительно ли мать приняла все за рассеянность или делает вид, что ничего не понимает. Она тогда пролежала всего несколько часов в своей постели. У нее даже температура не поднялась. Мать ни словом не обмолвилась о ее записке, а сама она постеснялась про нее спросить. Вот так и свелась на нет ее попытка к самоубийству.

В детстве ей очень нравился Руслан. Она как-то рассказала об этом подружке Натиге, которая жила по соседству, а та возьми и передай это Руслану. С того дня он стал донимать ее еще больше.

Подставлял перед калиткой бревна ей под ноги. Хохотал, когда она, споткнувшись, падала. Незаметно рисовал смешные рожицы у нее на платье. А когда поспевала черешня на дереве перед их воротами, он с ночи собирал все плоды, чтобы им не досталось.

Однажды ночью отец Айдан вышел на шум и, поймав спрыгнувшего с их дерева соседского мальчугана, хорошенько надрал ему уши. Опять-таки обиду за это Руслан выместил на Айдан. Как-то они вместе с мальчишками и девчонками из соседних дворов отправились в лес за хворостом. После сбора сухих веток, оставив свои вязанки, вся детвора лакомялась ежевикой с колючих кустов. Только к вечеру они вспомнили о вязанках.

Хворост, собранный Айдан, куда-то исчез. Она догадалась, что это дело рук Руслана - его некоторое время не было среди ребят. Еще во время сбора хвороста, она видела, как он заигрывает с девочками, развлекает их смешными анекдотами, что выводило ее из себя. Когда же дойдя до дома, она увидела свою вязанку на спине у Руслана, то рванула за ним. Но тот ускорил шаги, зашел к себе во двор и задвинул щеколду калитки изнутри. Айдан, которая всегда приходила домой с вязанкой хвороста больше, чем она сама, в этот раз вернулась ни с чем.

В школе они вместе посещали кружок танцев. Руслан, учившийся на два класса старше нее, не давал ей покоя и здесь. Однажды им поручили на пару станцевать "Лезгинку" в честь праздника 8 марта. Когда на сцене Руслан шутя схватил ее за волосы, одна из накладных кос оторвалась и осталась в его руке. Мальчик растерялся, не ожидая такого последствия. Айдан, разозлившись, тут же подставила ему подножку, и он с грохотом свалился на пол. Зал взорвался от смеха. На том и завершился их танцевальный дуэт.

Лицо Айдан тронула улыбка при воспоминаниях обо всем, что было. Эпизодов далекого детства, связанных с Русланом было не счесть. При мыслях о том, что он когда-то ей нравился, был ее первой любовью, она готова была рассмеяться.

Руслан теперь вырос в представительного молодого человека, но для

Айдан, он был всего лишь соседским мальчуганом.

Вечером, услышав, что Гамида хала, мать Руслана, пришла ее сватать за сына, она не поверила своим ушам.

- Вас Руслан прислал? - удивленно спросила Айдан.

- Да.

- Почему же он мне ничего не сказал?

- Постеснялся, дитя мое.

- Он умеет стесняться? - рассмеялась Айдан. Но, заметив, как мать ей делает знаки, она взяла себя в руки и добавила серьезно:

- Разве в детстве он мне мало крови попортил? Теперь хочет жениться, чтобы командовать мною?

- Кошка своих котят поедает от большой любви, доченька, - обняла ее Гамида хала. Затем стала беседовать с матерью. После того, как она ушла, мать сказала:

- Вы нравитесь друг другу, доброе дело затягивать не стоит. Руслан ведь из-за тебя из Москвы приехал. Мы поговорили с твоим отцом, на будущей неделе обручим вас.

- Что? - Айдан уставилась на мать изумленными глазами, - я не хочу выходить за Руслана.

- А кто у тебя спрашивает? Вы еще были детьми, когда мы с Гамидой зареклись, что породнимся, как только вы подрастете.

- Мама, я говорю серьезно. Руслана я очень уважаю, но мне никогда и в голову не приходило, что я могу создать с ним семью.

- Тебе уже двадцать пять лет, три года как университет окончила, в городе живешь одна-одинешенька. Почему ты не подумаешь о родителях, о семье? Или, рассчитываешь встретить лучшего парня, чем Руслан? Ничего не хочу слышать об этом. Обручение на будущей неделе, готовься.

- Мама, послушай меня...

Но, мать не ответила и вышла из комнаты.

И наутро Айдан не смогла поговорить с матерью. Как ни старалась переубедить ее, из этого ничего не вышло.

* * *

За десять дней до окончания отпуска Айдан пришлось вернуться в Баку. Ей впервые не хотелось идти к себе на квартиру. Там ее ждали раздумья о жизни, одиночество, а этого ей вовсе не хотелось. Поймав такси, она направилась к дому Гусейн муаллима.

- К добру ли в столь поздний час? - беспокоился старик, - что-то случилось?

- Нет, ничего не случилось, я приехала из района. Соскучилась по Хейва хала, давно ее не видела.

- Тридцать семь дней, - донесся из другой комнаты слабый, еле слышный голос старушки.

- Она считала дни, - вздохнул Гусейн муаллим.

Хейва хала от радости не находила себе места. Уж очень она привязалась к этой девушке, с тех пор как познакомилась с ней.

- Если не возражаете, я у вас переночую, - Айдан поцеловала Хейва хала.

- Ты украсишь наш бедный дом, - прослезилась старушка. Айдан погладила ей руку и обратилась к хозяину дома:

- Гусейн муаллим, можно у вас перекусить? Я очень проголодалась.

- Сейчас, - он прошел в кухню, открыл холодильник, достал колбасу, нарезал хлеба и поставил чайник на плиту. Айдан приступила к еде.

- Что стряслось? - Гусейн муаллим сел напротив нее.

- Ничего.

- Нет, что-то случилось, я вижу.

- Любопытно, - она взглянула ему в лицо и опустила голову, не выдержав его взгляда.

- Тебя хотят выдать замуж против воли.

- С чего вы взяли?

- Какая дочь уедет из отчего дома за десять дней до конца отпус-

ка?

- Оставим эту тему.

- Ты поссорилась и со своим героем, да?

Она не ответила. Выпила чаю и убрала со стола. Подсела затем к Хейва хала, завела с ней разговор, рассеянно глядя на телеэкран. Хотелось отвлечься от мыслей о Мураде, не думать о нем. Но, как ни пыталась, ей это не удавалось. Как наваждение представляла перед глазами сцена, как он идет рядом с той женщиной, увлекшись разговором, не замечая ничего вокруг. Трудно было забыть, как Айдан украдкой наблюдала за ними, преследовала их на троллейбусе. Ошибиться она не могла, - эта женщина не была ему чужой. Со случайной знакомой не беседуют так увлеченно, так доверительно. Именно это и потрясло Айдан, пронизало, будто холодом до костей, рассеивая как по ветру всю ее жизнерадостность.

Она впервые осознала, что ей вообще ничего не известно о личной жизни Мурада. Может быть, она сама и была в этом виновата? Ничего не захотела узнать о человеке, которого полюбила, доверившись ему всем сердцем, впустив его в свою жизнь, приняв как судьбу.

Айдан вдруг опомнилась и как-то неловко нарушила молчание:

- Как дела на работе?

- Все спокойно. Наша комната, как мельница, оставшаяся без воды. Никто дверь не откроет. Недавно спрашиваю у Тахмаза, что с тобой стало? Раньше тебя было не выгнать, а теперь и на пять минут не зайдешь? Не обижайся, говорит, но когда нет Айдан, в ваш отдел и шагу ступить не хочется.

- Вы помирились с Самиром?

- Да, он приходил, извинялся.

- Как поживает редактор?

- Как всегда.

...После завтрака Айдан и Гусейн муаллим вышли из дому вместе. Перед издательством, где размещалась их редакция, она попро-

щалась и направилась к себе домой. С большой дорожной сумкой на плече она неохотно поднялась по ступеням, открыла дверь, вошла в комнату. Ее встретили холод и тишина. Она бросила сумку в угол и бессильно опустилась на диван. Задумчивый взгляд сосредоточился на невидимой точке, на стене перед ней. Двигаться совсем не хотелось, так и сидела неподвижно.

Она вздрогнула от неожиданного звонка в дверь. Кого это пронесло с утра пораньше? Открыв дверь, и увидев на пороге Мурада, она оцепенела, не зная, что сказать, как быть. Она постояла немного в нерешительности и, наконец, поздоровалась, стараясь сохранять холодное безразличие. Мурад с радостным волнением протянул к ней руки:

- Наконец-то я нашел тебя! Где ты была, куда так неожиданно исчезла?

- У меня были дела.

- А предупредить не могла?

- Кого предупреждать?

- Меня.

- Не люблю отчитываться, - от ее холодного ответа Мурад растерялся.

- Что это с тобой? - спросил он обиженно.

- Ничего.

- Почему ты так со мной разговариваешь?

Она не ответила.

- Вижу, даже в дом пригласить не хочешь, - сказал Мурад.

Айдан пожала плечами и промолчала.

- Ладно, я пойду. Прости, что побеспокоил, - Мурад побежал по лестнице, чтобы не показать, как обижен и расстроен.

* * *

Выйдя на работу после отпуска, Айдан была поражена услышан-

ным: Азиз похитил девушку. Этот маленький шупленький человечек с плешью на макушке решил поиграть в любовь в свои сорок семь лет? Быть отцом двоих детей, иметь прекрасную и порядочную жену, и вот так впасть в юность? Сотрудники редакции горячо обсуждали поступок Азиза.

Вскоре все окружили Октай. Он рассказывал о том, что в последнее время Азиз подолгу с кем-то разговаривал по телефону, порой нервничая и выходя из себя.

- Я за ним наблюдал целую неделю, - продолжал Октай, - если женатый мужчина так много говорит по телефону, значит, что-то тут нечисто. Да, Азиз прижимал ко рту трубку и что-то шептал в нее так, что я из-за неловкости выходил из комнаты. Выходит, уговаривал девушку.

В разговор вмешался Самед муаллим:

- На прошлой неделе я как-то задержался на работе дольше обычного. Выходя из комнаты, хотел запереть дверь, и тут услышал голос Азиза. Он с кем-то громко спорил по телефону. Остановившись в дверях, спрашиваю, что там у тебя, почему домой не идешь? Говорит, натворил дел себе на голову. Иди, говорит, а мне надо остаться. Откуда мне было знать, про какие беды он говорил? Если бы я спросил, может быть и объяснил.

- Говорят, что девушке от силы двадцать два, - усмехнулся Октай.

- Знал, на что идет, - бросил Тахмаз.

- Иду я в тот день с работы, вижу, что Азиз стоит и беседует на улице с молоденькой девушкой. Прохожу мимо них, а он и ухом не повел, - вспомнила Севиль.

Весть молнией облетела редакцию. Все забыли о своих обязанностях. Новость обсуждали так горячо, будто важнее на свете ничего не было.

Гусейн муаллим, до поры молча слушавший, вдруг сказал:

- Валлах, этого и следовало ожидать от человека с такой мане-

рой смеяться.

Комната наполнилась хохотом.

- Ну, причем тут смех? - Октай утер мокрые от слез глаза.

- Послушай, странный ты человек, как это, причем? У него очень хитрый смех. Кто так хитро смеется, на любую подлость способен, - вышел из себя Гусейн муаллим.

- Девушка, говорят, очень красивая. Неудивительно, что Азиз влюбился в нее. Но как она могла полюбить такого? - этот вопрос не давал покоя Тахмазу.

- А кто сказал, что полюбила? Может, Азиз похитил ее против воли?

- Не те сейчас времена, чтобы девушек похищать против их воли!

Словом, до вечера в редакции царил необычайное оживление. Слухи разрастались, словно снежный ком, и дошли, наконец, и до редактора.

- Не может быть! - сказал Габиль муаллим, швырнув ручку на стол. По резкости его движений можно было понять, что он очень рассержен.

- Какой позор! Кажется, он головой тронулся, на старости лет.

- Домой к нему звонили? - спросил он.

- Нет.

- Разве не могли поинтересоваться, узнать, что же там стряслось? - в его голосе прозвучал укор. Затем он полистал телефонную книжку и нашел домашний номер Азиза:

- Алло, салам-алейкум, Фатъма ханум. Как поживаете? Как дети? Почему у вас такой голос? Вы плакали? Бросьте, ничего не берите в голову. Все образуется. Азиз еще не пришел? Придет, иншаллах, не переживайте. До свиданья.

Габиль муаллим положил трубку и схватился руками за голову:

- Оказывается, правду говорят. Бедная женщина убита горем. Пусть Азиз только появится на работе, я ему устрою головоломку.

Редакция гудела весь день, как пчелиный улей. Азиз оставался героем оживленных дискуссий еще на протяжении нескольких часов. Все другие вопросы ушли на второй план, не было ничего интересней этой темы.

После всех треволнений за истекший месяц, Айдан снова включилась в бурлящую жизнь редакции, все происходившее вокруг затянуло ее, как в водоворот.

Когда к вечеру пришел Азиз, она вместе со всеми не без любопытства уставилась на него.

- Чего вылупились? Впервые видите? - Азиз, улыбаясь, подошел к коллегам.

- Как самочувствие? - сделал попытку завести разговор Тахмаз.

- Чувствую себя как хорошо налаженный бубен, подал заявку на более звучный барабан, - воспользовался тот образным народным выражением. Все переглянулись.

- Так, значит, все правда, - Тахмаз подмигнул стоявшим рядом коллегам, и речитативом напел слова из популярной оперетты "Не та, так эта" композитора Узеира Гаджибекова:

*Свадьбу будет, говорят,
Женится Мешади Ибад.*

Октай подхватил и шутливо предстал перед Азизом:

*Но, скажи, когда и где
Свадьбу будешь ты справлять?*

Айдан, Самед муаллим, Севиль, Гусейн муаллим изобразили хор:

*Когда и где,
Когда и где
Свадьбу будешь ты справлять?*

- Что это за шум? - в дверях появился раздраженный редактор.

- Концерт редакционного кружка художественной самодеятель-

ности, - сострил Азиз.

- Я вижу, все вы в последнее время увлеклись самостоятельностью, - редактор смерил Азиза многозначительным взглядом и вернулся в свой кабинет.

Когда Азиз прошел в комнату, Тахмаз подмигнул остальным и просунул голову в дверь:

- Не хочешь поделиться впечатлениями с нами?

- Дайте мне отдышаться.

- Говорят, девушка очень красивая? - не выдержав, спросила Ай-дан.

- На тебя очень похожа, статная, нежная, беленькая. Золотистые волосы спадают на плечи, - ответил Азиз.

- Губа не дура у нашего простака! - поддел его Тахмаз.

- А ты сомневался в своем братишке? - Азиз хлопнул кулаком себя в грудь, - а что, мы и девушку выбрать не сможем?

Через некоторое время Габиль муаллим распорядился, чтобы все собрались в актовом зале. По обыкновению, изрядно опоздав, он вошел, наконец, в зал и сразу же обратился к Азизу:

- Как поживаешь, герой? Как себя чувствуешь? Пришел в себя? Да, смелый ты человек, в наше время девушек не так уж легко склонить к побегу. Ну, свадьбу справлять будешь?

- А как же? Разве можно без свадьбы? Что люди скажут?

Зал оживился, все стали переглядываться друг с другом. Редактор нахмурился и спросил:

- А по-хорошему договориться нельзя было?

- Родители насильно обручили ее с другим.

- А она, оказывается, влюбилась в этого красавца, - бросил Тахмаз, не удержавшись.

- Думай, что говоришь, - огрызнулся Азиз.

- Успокойтесь, не мешайте, - повысил голос редактор, после чего спросил у Азиза, - ты не жалеешь о том, что натворил?

- Отчего жалеть? У меня ведь не было иного выхода.

- А жена, дети? Ты о них подумал?
- Я вас не понимаю, - пожал плечами Азиз.
- И не поймешь. Чего в твои-то годы в любовь играть? - снова поддел его Тахмаз.

Азиз вдруг начал приторно смеяться. Смех перешел в хохот. Он так и стал расходиться.

- Кажется, он сходит с ума, - сказал Октай.
- Возьми себя в руки, Азиз, - предупредил редактор. Тот утер глаза, прослезившиеся от смеха, и выложил на стол перед собой из кармана пачку пригласительных открыток.

- Пусть Бог вас рассмешит. Да вы человека в посмешище превратите. Завтра в шесть часов вечера приглашаю всех вас на свадьбу.

Ваджиба взяла одно из приглашений и громко прочла:

- Уважаемый Тахмаз! Приглашаю тебя вместе с Розой ханум на свадьбу моего сына Саида. Азиз.

В зале разразился хохот. Азиз давился смехом.

- Вот бы все проблемы решались так легко, - сказал редактор, вставая с места.

Сотрудники, довольные, покидали актовый зал.

Как только Айдан вошла в комнату, зазвонил внутренний телефон. Она услышала голос редактора:

- Зайди ко мне на минутку.

Он пригласил ее сесть и стал расспрашивать про дела, про заботы. Спросил и про личную жизнь и добавил:

- Почему не заходишь ко мне, не делишься печалью?

- Какие же у меня печали?

- Во всяком случае, у девушек хватает забот.

- Спасибо, Габиль муаллим, я вам очень признательна.

- Поздравляю тебя с днем рождения, - редактор встал с места, подошел к ней, наклонился и, обняв за плечо, поцеловал в щеку. Это произошло так быстро, что она, и опомниться не успела. У него хитро заблестели глаза.

- Не ожидала от вас, - Айдан встала, расстроившись.

- Прошу принять это от меня, - он положил перед ней авторучку, - купил для тебя в Японии.

Ей не понравилось его странное поведение и внимание к ней. В его словах сквозил подтекст. Это не трудно было почувствовать. Она стояла растерянная, не зная, что сказать. Ей вдруг подумалось, что в кабинет могли войти, когда Габиль муаллим ее целовал, пусть даже в щеку. Когда Айдан представила, как начнут судачить о ней в редакции, ее затрясло от злости. Наконец, она, найдя в себе силы, пошла к двери, даже не взглянув на подарок. Редактор загородил ей путь:

- Если не возьмешь - обижусь.

- Вы всех сотрудников поздравляете с днем рождения? - спросила она подавленным голосом.

- Нет, одну тебя.

- Больше не поступайте так опрометчиво, - Айдан решительным движением открыла дверь и вышла. Часы в приемной показывали половину шестого. Рабочий день закончился полчаса назад. Тишина царил в коридоре, все уже разошлись по домам. Не было никого и в их отделе. Выходит, редактор нарочно заговорил ее, чтобы остаться в редакции вдвоем, когда все уйдут. От этой мысли ее прошиб холодный пот. Быстро заперев дверь на ключ, она выбежала в коридор, бегом спустилась по лестнице вниз, на улицу. Пришла в себя, только когда в лицо ударил холодный зимний ветер.

Ее охватило странное чувство разочарования. В последнее время ничего у нее не клеилось. Ее преследовали одни неудачи. За что бы она ни бралась, все валилось из рук. А сегодняшнее поведение редактора только подлило масла в огонь. Теперь она уже не сможет быть на работе такой же беззаботной и независимой, как прежде. От подобных мыслей она расстроилась еще больше.

Проходившая мимо женщина показалась ей знакомой. Ниспадавшие из-под белой меховой шапки кудрявые волосы, вздернутый носик кого-то ей напомнили. С каким-то необъяснимым интересом она

присмотрелась к ней внимательнее. Женщина, улыбнувшись, ответила на чье-то приветствие. На щеках у нее появились ямочки, по которым Айдан тотчас узнала ее. Это была она. Та самая женщина, что была в тот день с Мурадом.

К ревности Айдан примешалась ненависть - светлолицая женщина привлекала взоры прохожих красотой и статью. Айдан все пыталась найти в ней хоть какой-нибудь изъян, но тщетно. Как же тяжело было думать о ее близости с Мурадом. Она представила их вместе, мысленно оживила сцену, как он обнимает ее крепкими руками и целует. Ей стало не по себе. Она почувствовала себя обманутой и униженной. Хотела выжать слезы из глаз хлопаньем ресниц, но это ей не удалось. Еще раз бросила на женщину взгляд, едва справляясь с ревностью, терзавшей ее сердце, и торопливыми шагами пошла прочь.

* * *

Дни шли своим чередом. Наступало утро, клонилося к полудню, вечерело, и опускалась ночь. Дни складывались в недели, недели в месяцы. Так, незаметно, время брало свое.

Как-то вечером, выйдя с работы, Айдан вздрогнула, увидев Мурада на автобусной остановке. Он беспокойно озирался на вход в издательство. Айдан будто приковало к земле, она не знала, как быть, в какую сторону идти. Сделала вид, что не заметила Мурада. В это время кто-то коснулся ее руки. Она обернулась, и искренне обрадовалась, увидев Руслана:

- Какая приятная неожиданность! Как дела? Каким ветром тебя занесло в Баку? - прошептала она и взяла его под руку. Ободренный ее приветливостью и непосредственностью, Руслан сказал:

- Может, прогуляемся немного?

- Конечно, - ответила Айдан.

- Тогда возьмем такси, - как только он поднял руку, остановилась машина. Они сели.

Айдан улыбнулась, довольная своей местью. Лишь теперь она осознала, что все это время она жила этой мыслью, мыслью о мести. На душе стало необыкновенно легко. Потянуло говорить, смеяться, радоваться. Ее настроение заразило и Руслана:

- Куда поедем?

- На бульвар. Сто лет не была у моря.

Когда вышли из машины, Руслан попытался взять ее под руку.

- Эй, тебе нельзя! Только мне можно, - она капризно ударила его по руке, улыбнулась и спросила:

- Для чего ты приехал в Баку?

- Захотелось тебя повидать. Тогда ты уехала так неожиданно, что я даже забеспокоился.

- Как же скоро ты спохватился...

- Отчего-то не решался приехать к тебе.

- Руслан, я, правда, тебе нравлюсь? - Она обернулась и заглянула ему в глаза.

- Как будто не знаешь, - обиженно ответил Руслан

- Откуда же мне было знать? Ты меня столько мучил, обижал своими выходками, что мне и в голову не приходило даже подумать об этом.

- Мне нравилось тебя злить, - рассмеялся Руслан.

- А я была в тебя влюблена, с самого первого класса.

- Правда?

- Валлах, биллах!* - поклялась Айдан.

- Ты и в детстве так клялась, - улыбнулся Руслан.

- Да, ты очень мне нравился. Как-то я раскрыла свою тайну Натиге. А она возьми, да и выложи все тебе. Помнишь?

- Конечно. Когда она сказала мне об этом, я готов был летать от радости. Но мне доставляло удовольствие злить тебя.

- Этим ты задевал меня за живое! - припомнила она свои обиды и добавила, - был бы ты в то время со мной деликатней, я бы те-

* *Валлах, биллах! - Клянусь Богом!*

перь с удовольствием согласилась бы выйти замуж за тебя. Сам виноват, вот и принимай наказание.

- Я готов смыть свои грехи.
- Поздно, Руслан, поздно.
- Может, ты кого-то уже любишь?..

Айдан расстроил этот вопрос. Она не знала, что ответить. Поэтому решила сменить разговор. Руслан тоже не подал виду, что понял ее замешательство. Но, от его веселого настроения теперь не осталось и следа.

- Ты обиделся? - осторожно спросила Айдан.
- А что мне остается? - выразил сожаление Руслан.

Дальше они прохаживались в затянувшемся молчании.

- Когда твоя свадьба? - заговорил вдруг Руслан.
- Что? Свадьба? - Айдан вздрогнула от этого неожиданного вопроса. У нее заныло сердце. Подумала, что ответить, но не нашла слов. Еле слышным голосом она попросила:

- Давай, не будем об этом говорить, ладно?

- Ладно, - согласился Руслан, а после добавил, - у меня в жизни не было дня грустнее и тяжелее, чем этот. Все эти годы я мечтал об одном, создать с тобой семью, вместе воспитывать детей. Но, как оказалось, напрасно.

- Признаться, я тебе не подхожу. Ты видный, симпатичный парень, а я... - хотела отшутиться Айдан, только Руслану уже было не до шуток.

- Я пойду. Но помни, если когда-нибудь тебе понадобится помощь, я всегда к твоим услугам.

- Спасибо, Руслан, не грусти. Я уже представляю, как москвички воюют из-за тебя. Одна говорит - мой, другая говорит - нет, мой!

- Будь мы детьми, я хорошенько отлупил бы тебя за эти слова, - грустно улыбнулся Руслан. - Прощай, Айдан.

- До свиданья, Руслан, будь счастлив.

Он крепко пожал ей руку и, торопливо зашагал прочь. Айдан же

установилась глазами на мутные пенистые волны Каспия, бьющиеся о берег. Она была признательна Руслану за то, что тот оставил ее наедине с ее мыслями. Прежнее настроение улетучилось, теперь она была охвачена спокойствием, странным чувством умиротворенности. Злорадство от вымещенной Мураду обиды за все пережитые муки ревности, растворилось, как мыльная пена. На смену пришла горечь. Она не знала, какие чувства пережил Мурад, увидев, как она с улыбкой взяла под руку Руслана. Но, сердце подсказывало, что ее поступок глубоко ранил Мурада. Как знать, может эта встреча станет последней точкой в их отношениях? "Разве эта точка уже не была поставлена?" - спросила она у себя. Разве не все прояснилось после той злосчастной встречи, а потом и грубого обращения с Мурадом, когда дала ему ясно понять, что не хочет видеться с ним? Тогда, о чем же она жалела, что ее так расстраивало, почему сердце изнывало как расстроенная скрипка?

В ее памяти ожили грустные глаза Мурада. Она подумала о том, какое волнение, какое потрясение он пережил. Ей даже стало жаль Мурада. Но тут вновь вспомнилась та женщина, снова в сердце пробудилась ревность, перечеркнув все сомнения. Это придало ей решимости, вернуло к действительности. "Все кончено!" - шепнула Ай-дан про себя.

Войдя в подъезд, она тут же попятилась назад, увидев на верхней ступеньке лестницы Мурада. Она не хотела его видеть. Вернулась домой спустя три часа. Мурада уже не было.

7.

"Уважаемая редакция! Хочу рассказать вам о том, что вынуждает меня в мои почтенные годы взяться за перо и написать жалобу. Наше село расположено на окраине района у подножия Шахдага. Из-за того, что село находится в труднодоступном месте, районное руководство не вспоминает про наши нужды. Почти сорок лет я работаю учителем в сельской школе. Каждый год весной вместе с мои-

ми учениками мы приводим в порядок сельские дороги. В последнее время из-за обводнения проселочных дорог по ним очень затруднено передвижение.

Не будучи больше в силах терпеть такое положение, я поехал в Сумгайыт, к одному из моих бывших учеников Сабиру Мамедову, который работает там директором завода, и попросил, чтобы он мне помог. Сабир направил в село машину, груженную нестандартными трубами. Через несколько дней с помощью молодежи мы уложили эти трубы на проселочных дорогах и засыпали землей. Ездить по ним стало намного легче. С тех пор прошло семь месяцев. Директор нашей школы Шахбаз Мирзоев обвиняет меня в краже, говорит, что эти трубы я достал нечестным путем. Он про это написал руководству района, в районное отделение образования, в прокуратуру. После этого стали меня третировать проверками, допрашиваниями. Выходит, что совершив доброе дело, я только нажил проблем. Такие люди, как Шахбаз, которые только и знают, что распускать про меня неллицеприятные слухи, считают себя борцами за справедливость.

Прошу направить к нам корреспондента, пусть прояснит, кто прав, а кто виноват".

Прочитав письмо, Айдан задумалась. В последнее время она часто получала письма подобного содержания. Те, кто на свои кровные деньги делали добрые дела для родного села, для односельчан, вместо благодарности, сталкивались с людской неблагодарностью. Она не раз разбиралась в подобных вопросах.

За строками изложенной жалобы чувствовалась обида и боль Амиршах муаллима, о котором Айдан еще ничего не знала. Ей захотелось написать об этом почтенном человеке, о доброжелательности, встречаемой с неблагодарностью.

- Эльман муаллим, это вы оставили письмо у меня на столе? - спросила она.

- Да. Прочла его?

- Прочла.
- Это твоя тема.
- Проблема так и просится на бумагу, по-моему, получится хороший материал.

- Если так, то зайди к редактору, скажи, что думаешь, и собирайся в командировку.

Габиль муаллим куда-то спешил, поэтому, долго не расспрашивая, разрешил Айдан заняться проверкой письма.

Уже на следующий день в одиннадцать часов утра она была в кабинете заведующего районным отделом образования Эльхана Акперова. Когда Айдан сообщила о цели своего визита, у того заметно испортилось настроение:

- На что вы тратите свое драгоценное время? Амиршах кляузный человек. В селе на всех наводит ложь и клевету, и коллегам немало крови попортил.

От слов чиновника у Айдан почему-то сжалось сердце. Ее задело за живое то, что кто-то порочит имя Амиршах муаллима. Он даже пытался апеллировать емкими, обоснованными, по его мнению, фактами. После долгого разговора Айдан собралась уходить:

- Эльхан муаллим, уже полдень, у меня мало времени. Помогите мне найти машину, иначе не смогу добраться в село.

Завотделом удивился:

- Вы все еще хотите поехать в село?

- Конечно.

- В Гарлы даже летом не добраться, не то, что сейчас.

- Мне обязательно нужно туда попасть, по-другому не могу, - отрезала она. Как ни старался Акперов отговорить девушку, та настояла на своем.

- Что поделаешь? Если вы твердо решили, не стану разубеждать. Но, знайте, что можете застрять на полпути. Машина довезет вас до села Гала, а дальше придется добираться пешком. Я позвоню, чтобы вас встретили в конторе сельсовета.

Вскоре старенький "Газ-69" поднимался по заснеженным дорогам в сторону Гарлы. Айдан продрогла, любуясь из машины на засыпанные снегом деревья вдоль дороги. Перед ней оживали воспоминания из детства.

Дом их был расположен на пригорке. Зимой окрестная ребятня сбегалась сюда покататься на санках. С утра и до позднего вечера не умолкали на улице веселые детские голоса. Дорога, проходившая перед их домом, слева скатывалась в пустырь, густо заросший колючими кустами ежевики. Дети, разгоняясь на санках, съезжали с пригорка, и по неосмотрительности иногда их заносило с обочины вниз. Что ни день, кого-нибудь приходилось вызволять оттуда с расцарапанным в кровь лицом.

В тот день на улице было меньше детей, чем обычно. Руслан и Айдан катались на санках наперегонки, поддразнивая друг друга. Руслан очень разозлился, когда девочка неожиданно обогнала его. Ее же разобрал веселый смех. В мгновение ока он куда-то исчез.

"Интересно, что у него на уме?" - подумала Айдан. Приближаясь на разогнавшихся санках к овражку с зарослями ежевики, она с ужасом заметила перед собой снежную горку. Ясно было, что это дело рук Руслана. Она постаралась увернуться, но бесполезно, со всего размаху она влетела в колючие кусты. Он громко расхохотался и начал ногами рушить снежную горку. Затем с победным видом подошел к кустарнику, но увидев, что Айдан лежит неподвижно с окровавленным лицом, Руслан не на шутку перепугался:

- Ну, скажи что-нибудь!

Айдан нарочно промолчала. Ей понравилось, что он встревожен и беспокоиться.

Руслан, видя, что она не отвечает, кое-как раздвинув колючие ветви, приблизился к ней. Она лежала, закрыв глаза. Он вскрикнул:

- А может ты умерла?

- Да, я умерла, - она с трудом зашевелила губами.

- Ах ты, обманщица! - успокоился Руслан и начал щекотать ее.

Айдан застонала:

- Осторожно, кажется, я подвернула ногу.

Руслан вызволил ее из кустов и, поддерживая под руку, помог дойти к санкам.

- Смотри, чтобы дома ни о чем не узнали! - сказал он, усадив ее.

- Ладно, ладно, вези меня скорей домой, - приказала Айдан. А затем, увидев, что на них глазеет соседская ребятня, громко добавила, словно бы понукая лошадку:

- Ну, поживей!

Руслан сердился, а дети смеялись.

Увидев Айдан с расцарапанным лицом, Мать обеспокоилась,

- Скажи мне правду, что с тобой случилось?

- Ничего не случилось, просто слегка подвернула ногу, - сказала Айдан, и хотела было подняться, но, застонав, упала на санки.

Она целый месяц пролежала в постели. Сломанную ногу загипсовали. Каждый день Руслан приходил к ним и виновато смотрел на нее. Ради этих мимолетных визитов Айдан тогда была готова месяцами лежать в постели. Тогда...

Теперь в душе она смеялась над собой, вспоминая о тех детских переживаниях.

- Вот и село Гала. Дальше машина не поедет. Я отвезу вас в контору совхоза, - вернул ее к реальности голос молодого шофера, - а там что-нибудь придумают.

Он впервые заговорил за два часа пути.

- Как хорошо, что вы умеете говорить! - пошутила Айдан. Водитель покраснел.

Она взяла сумку и сошла с машины. Попрощавшись, уже хотела уходить, но голос парня остановил ее:

- В первый раз в моей машине сидела такая красивая девушка.

Айдан усмехнулась:

- Счет ничейный?!

Из здания правления совхоза, навстречу ей вышел мужчина в ле-

тах. Он поздоровался с нею за руку:

- Айдан ханум, если вы решились ехать сюда в такую снежную погоду, значит, вы отважный человек.

Они вошли в здание. В углу комнаты топились печь, от которой исходило приятное тепло. От потрескивания горевших поленьев, аромата чая с чабрецом и дымящегося на печке чайника веяло каким-то домашним уютом.

- Я директор этого совхоза, Гадим Теймуров, - представился мужчина.

- Очень рада. У меня к вам просьба, - помогите мне добраться до Гарлы.

- Я к вашим услугам, а пока снимайте пальто, выпейте чаю, а после что-нибудь придумаем.

Вскоре появились две девчонки с порозовевшими от мороза щеками. Они принесли с собой завернутую в скатерть еду. Стол был накрыт - сыр, хлеб, жаркое.

- Вам не стоило так утруждать себя, - неловко сказала Айдан.

- Ну что вы, к тому же, нам и самим надо поесть, - директор пригласил за стол и девочек. После обеда они вышли во двор. Из-за здания появился парнишка верхом на коне, ведя на поводу еще одну лошадь.

- Айдан ханум, вы умеете ездить верхом? - спросил директор.

- Конечно, - улыбнулась Айдан и добавила, - я ведь выросла в селе.

- Будь у меня время, я бы лично вас проводил. Но Шариф - это огонь, он за два часа доставит вас в Гарлы, - оправдывался Гадим Теймуров.

Поначалу дорога была ровная, но затем начались перевалы. Они проходили над глубокими ущельями. Стоило взглянуть вниз, как у Айдан кружилась голова, и темнело в глазах.

- Не бойтесь? - Шариф, испытующе посмотрел на нее.

- Чего же бояться? - как ни в чем не бывало, ответила Айдан.

На пути встречалось все больше опасных участков. Вскоре все вокруг окутал такой густой туман, что и на два шага вперед ничего нельзя было разобрать. Лошади шли очень медленно, словно затаив дыхание. Любой неверный шаг, и они легко могли бы сорваться с обрыва в ущелье. Айдан продрогла на морозе, пронизывающем до костей. Она ужаснулась еще больше, когда заметила проступивший на лбу у Шарифа пот.

- Ты часто пользуешься этой дорогой? - спросила она.

- Весной и летом - да, а зимой - изредка.

- Как же сельчане проделывают этот путь?

- Как и мы - верхом на лошадях, а бывает, что и пешком. Когда тает снег, ходят и машины.

- А как быть, если у тебя важное дело?

- А никак, - спокойно ответил, Шариф, будто с безразличием, а затем обернулся к ней и добавил, - вы у себя в городе и не подозреваете, как трудно приходится здесь людям.

В его словах чувствовался укор. Айдан согласилась с ним, ведь он был прав. Каждый раз, бывая в командировках в различных районах республики, она и сама испытывала такие же чувства, считала и себя в какой-то мере виноватой в происходящем. На сердце стало тяжело от слов Шарифа.

- Я вас не обидел? - Шариф почувствовал, что был резок.

- Нет, чего уж...

- Знаете, отчего больней всего? Столько минуло лет с тех пор, как установили советскую власть, а в села так и не проложили удобных дорог. И в помине нет ни больниц, ни домов культуры. Неизвестно, когда все это появится. Бедные люди трудятся с утра и до ночи, идут годы, а жизнь никак не налаживается. Есть здесь и такие Богом забытые деревни, о судьбе которых никто и не задумывается. Одно из них, кстати, Гарлы, куда мы с вами и направляемся. Сами увидите, в каких условиях там проживают люди.

Когда они добрались до села, уже было темно.

- С кем вам нужно встретиться?

- С Амиршах муаллимом.

Оказалось, что они остановились прямо возле его дома.

- Хала, гостей не примите? - спросила Айдан у пожилой женщины в поношенном одеянье, с любопытством взирающей на них со двора.

- Что за вопрос, конечно, примем, заходите, - пригласила она в дом Айдан и Шарифа.

На земляном полу, отделанном желтой глиной, был разостлан выданный виды палас. В углу на железной кровати аккуратно были сложены матрасы и одеяла. Все убранство в комнате составляли стол да четыре стула.

Когда гости вошли, в доме началась суета. Две девчушки, на вид почти ровесницы, сидя на полу у кровати, с любопытством поглядывали на них. Две другие сестры, что постарше, без лишних слов накрыли на стол, принесли чаю, варенья, сахару. Все это они проделали настолько бесшумно и оперативно, словно опасались, что гости вдруг могут передумать и уйти.

- Вы с дороги, дети мои, поешьте немного, - пригласила женщина гостей за стол.

Комната наполнилась ароматом свежее испеченного хлеба из тандыра и сыра. Айдан с аппетитом приступила к еде. Неторопливо ел и Шариф. После завершения трапезы девочки убрали со стола. Айдан начала расспрашивать про Амиршах муаллима.

- Его вызвали в районную прокуратуру, - с обидой сказала женщина.

- Почему, что за срочность в эту зимнюю пору?

- Из-за тех злополучных труб.

- Тех самых, что уложены вдоль дороги?

- Да, директор школы и завуч заявили в прокуратуру, что Амиршах украл эти трубы в Сумгайите.

- Разве кто-то мог в это поверить?

- Иначе не стали бы что ни день в милицию вызывать.
- Хотите сказать, что против него выдвигают обвинение?
- А как же? Директор школы приходится двоюродным братом завроно, который пляшет под его дудку. А прокурор - его близкий друг.
- Почему же директор не ладит с Амиршах муаллимом?
- Потому что Амиршах слишком уж прямой человек. Все говорит в лицо. Вот это директору и не нравится. Постоянно ищет повода, чтобы уволить Амиршаха с работы.

Немного спустя, Шариф отправился спать в соседнюю комнату, а Айдан продолжила беседу с Рагимат халой.

- После войны в нашем селе был построен детдом, - делилась воспоминаниями хозяйка дома, - там ютились около тридцати беспризорников. Когда Амиршах окончил школу, его направили воспитателем в этот приют. Он должен был и преподавать воспитанникам и следить за тем, чтобы они нормально питались и одевались. Всего за несколько месяцев Амиршах так привязался к этим сиротам, что не мог без них уже жить. Помню, однажды, один из ребят тяжело заболел. Врача в селе у нас не было. Мальчика необходимо было срочно доставить в медпункт в Гала, где вы побывали. Амиршах понес бредившего от жара ребенка туда на руках. Уже перед медпунктом он споткнулся, упал и серьезно повредил себе ногу. Мальчик вскоре выздоровел, а вот Амиршах остался калекой на всю жизнь. Уж сколько его ни уговаривали поехать в районную больницу или в столицу, чтобы ногу подлечить, но, он все не решался оставить сирот без присмотра.

- А как впоследствии сложилась жизнь тех детей? - поинтересовалась Айдан.

- Теперь все они живут своими семьями. Некоторые из них дослужились до высоких должностей.

- А про Амиршах муаллима вспоминают?

- А как же? Пишут письма, телеграммы шлют. Бывает, что в летние месяцы навестить приезжают. В прошлом году у нас гостило

несколько семей. Вот после этого Амиршах и поехал за трубами. Директор школы же, локти кусал от зависти. Уж очень он жалкий человек.

С утра пораньше Айдан направилась в школу. Только что начался первый урок. Она зашла в учительскую и, представившись, назвала цель своего визита.

- Вы пределали такой долгий путь по столь пустяковому делу? - удивился директор.

- Пожилого человека обвиняют в серьезном преступлении, в хищении, вместо того, чтобы выразить ему признательность, и вы это называете пустяковым делом?

- Разве человека следует благодарить за совершенное хищение? - вышел из себя директор.

- Откуда вы знаете, что трубы были похищены?

- Я знаю, о чем говорю.

- Вы того же мнения? - обратилась Айдан к учителям.

- Да, - ответила молодая женщина.

- Но Амиршах муаллим доставил эти трубы не в личных целях, а для того, чтобы отремонтировать сельские дороги.

- Не имеет значения, кража есть кража, - прервал ее директор.

На перемене, с позволения директора, Айдан собрала в комнате учащихся девятого и десятого классов:

- Ребята, я прошу вас рассказать мне про Амиршах муаллима.

Дети будто этого и ждали. Они наперебой стали рассказывать, как помогали Амиршах муаллиму разбить фруктовый сад на пустыре в два гектара, как наводили порядок в школьном дворе, ремонтировали сельские дороги.

- А вы знаете про то, что директор обвиняет Амиршах муаллима в хищении?

После этого вопроса в комнате повисло молчание.

- Разве вы не задумывались над вопросом, обоснованно ли обвиняют вашего учителя или нет?

Снова тишина. Айдан подошла к сидевшей перед ней сероглазой кучерявой девчонке:

- По-твоему, мог ли Амиршах муаллим своровать?

- Никогда, - твердо отрезала та.

- А ты как думаешь? - обратилась Айдан к юноше, сидевшему за ней.

- В нашем селе не найдется второго такого честного человека, - ответил он.

- Так почему, зная все это, вы не встали на его защиту?

Никто не проронил ни слова. Айдан поняла, что дети неспроста не хотят отвечать на ее вопрос, вероятно, остерегаются чего-то.

Она решила продолжить беседу в учительской, но из этого тоже ничего не вышло. Педагоги были неразговорчивыми.

В полдень Айдан пришла в правление совхоза. В комнате находилось несколько мужчин. Она поздоровалась, присматриваясь к присутствующим. Директор совхоза был похож на директора школы Шахбаз муаллима, как две капли воды. Она уже была наслышана, что Аббас и Шахбаз близнецы. Аббас, узнав, что Айдан интересуется Амиршах муаллимом, начал охотно говорить:

- Он аксакал, уважаемый всеми человек, грамотный и добрый учитель. Многим в селе преподавал. Научил писать и меня и Шахбазу. Но есть у него один недостаток - тщеславие. Он любит, когда его расхваливают. Думаете, он для удобства односельчан завез эти трубы? Нет, все для того, чтобы услышать слова лести о себе, увековечить свое имя. Иначе он не стал бы себя утруждать.

Директор смерил Айдан испытующим взглядом:

- Вы ведь вчера сами видели его дом: старый палас один, да он сам господин. Все это для отвода глаз. Думаете, настолько он беден? Да у него самый большой оклад в школе. Глядишь, то фруктов саженьцев накупит, то возведет ограду, то еще чего напридумает. Только бы ему польстили. Другой бы о семье подумал, о детях, которых одевать-обувать нужно, о необустроенном доме. Однако, не таков

наш герой! Мало того, прежде чем что-то предпринять, не посоветуется ни с кем в правлении. Пытается создать видимость, что директор совхоза зря штаны просиживает.

Айдан не выдержала:

- За что вы так не любите Амиршах муаллима?

- Вы кого имеете в виду?

- Вас, двух братьев. Почему вы упорно пытаетесь очернить доброе имя этого человека, выдать его благие деяния за корыстную расчетливость? Вместо того, чтобы поддержать его в стремлении благоустроить родное село, вы ставите ему всевозможные препоны. - Говоря об этом, Айдан поставила себя на место пожилого немощного человека, с которым даже не была знакома, и почувствовала глубокую обиду за него.

- Не скажу за брата, но мне с Амиршахом делить нечего. А в их отношения я не вмешиваюсь. Пусть сами разбираются.

- Разве это правильно, что не вмешиваетесь? Ведь он был вашим учителем. Хотя бы из уважения к этому, вы могли бы воспрепятствовать брату в обращении в прокуратуру.

- У меня и так хлопот хватает, времени ни на что не остается.

После затянувшейся перепалки Айдан вышла во двор. У здания правления молча, стояла старушка и смотрела на нее.

- Бабушка, вы хотите мне что-то сказать? - подошла к ней Айдан,

- Деточка, это ты журналист из Баку?

- Да.

- Тогда пойдем со мной, я что-то тебе покажу.

Айдан, молча, последовала за ней. Наконец, они остановились у дома с покатою крышей. Старушка отворила калитку, пропуская Айдан, и сама вошла следом. Она повела Айдан во двор, показала ей аккуратно уложенные дрова:

- Ты это видишь, доченька? - спросила она, - помог мне Амиршах, - затем обернулась и указала на стог сена в середине двора, -

это тоже он привез. Я намозолила ноги, обивая порог конторы, но директор так и не выделил мне машину, чтобы я могла привезти себе сена и дров. Тогда Амиршах собрал из школы ребят и за день управился со всеми этими делами. Силы мои иссякли, доченька. Все было хорошо, пока был жив мой старик, ну, а теперь я осталась одна и стала беспомощной.

- Детей у вас нет? - осторожно поинтересовалась Айдан.

- Бог не миловал, доченька, - глубоко вздохнула старушка, - во время войны мы взяли на воспитание мальчика, оставшегося без родителей, но в пятнадцать лет, он вдруг заболел и за несколько дней угас на глазах. После этого сердце уже не лежало к другим детям.

Старушка всплакнула, но, заметив, что своим рассказом расстроила Айдан, быстро сменила разговор:

- Заходи в дом, дочка.

Айдан стало не по себе в этой маленькой комнатухе. Потолок, стены, пол - от всего веяло одиночеством и заброшенностью. Сердце у нее сжалось. Ей стало безумно жалко за эту одинокую старушку, захотелось утешить ее, облегчить ей душу добрым словом. Но, не сумев подобрать нужных слов, она обняла ее, простилась и ушла.

Когда Айдан подошла к школе, ее ждала стайка девушек.

- Айдан ханум, мы хотим показать вам кое-что у въезда в село, - это была та самая сероглазая кудрявая девчонка. - Если вы не устали, следуйте за нами.

- Конечно, пойдемте, разве можно устать в таком красивом месте? - обрадовалась Айдан.

Они стали подниматься вверх по узкой улочке. Когда последние дома остались позади, показалась небольшая рощица.

- Это тутовники. В наших краях трудно выращивать тутовые деревья, во всей зоне и двух-трех тутовников не насчитать. А вот Амиршах муаллим привез и посадил здесь не менее десяти видов этих деревьев. Говорит, пусть детвора лакомится ягодами. Правда, поспевают они у нас позднее, чем в других селах нашего района.

Сиддига, похоже, была разговорчивой девчонкой, она не давала подругам и слова вставить:

- Весной здесь бывает очень красиво. Вот бы вы в ту пору оказались в наших краях! Здесь наперебой поют соловьи, прилетают куропатки и дрофы. Распускаются цветы, каких вы в жизни не видели. У нас самый чистый воздух во всей округе. Знаете, почему? Из-за чудесного родника с вкуснейшей водой, которой никак не напьешься. Вокруг растут мята, чабрец и лилии. Однажды Амиршах муаллим собрал нас и привел сюда. Мы помогли ему застроить этот родник. Ребята и девчонки договорились между собой соорудить надпись "Родник Амиршаха". Видели бы вы, как учитель разозлился, когда узнал про это! Но, люди все равно стали называть источник его именем. Я все это говорю не просто так. После того, как директор нашей школы Шахбаз муаллим и руководитель совхоза прослышали о роднике, Амиршах муаллиму житья не стало. Что ни день они придумывали повод досадить ему. В то время и возник вопрос о трубах. Сами ни на грош добра не сделают людям, может оттого такие завистливые.

Утопая по колено в снегу, Айдан с ребятами пришла на родник...

Время клонилось за полдень. Айдан успела встретиться и побеседовать со многими односельчанами Амиршах муаллима. Узнала о нем немало интересного. Отобедав, и распрощавшись со всеми, Айдан и Шариф, пустились в обратный путь.

- Очень устали? - спросил ее попутчик.

- Конечно, нет! Даже наоборот - всю усталость как рукой сняло.

- Часто бываете в разъездах?

- Не так уж и часто.

- По своей инициативе ездите или по поручению?

- По-разному бывает. Но, признаться, я командировки люблю, в таких поездках узнаешь о многом. Недаром ведь говорят, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

- Вы что-нибудь напишете об увиденном здесь?

- Разумеется!
- Интересная у вас работа, - искренне заметил Шариф.
- Да, работу свою я люблю. Иногда думаю, что бы я делала, если бы не стала журналистом. А ты чем занимаешься?
- Я механизатор, тракторист, сено кошу, зерно убираю.
- У тебя тоже интересная работа.

До села Гала они добрались затемно. Спускаться вниз было намного легче, чем одолевать горные перевалы. Поэтому Айдан не чувствовала усталости. Несмотря на увещания директора совхоза, вышедшего им навстречу из здания правления, девушка решила сразу же вернуться в Баку.

* * *

По возвращению, все еще находясь под впечатлениями от поездки, Айдан положила на стол редактору очерк, написанный в рубрику "Нравственность". И стала с нетерпением ждать, когда же его опубликуют. Но, прошла неделя, а очерк все еще не напечатали. Попыталась успокоить себя тем, что, наверное, есть более важные материалы. Но неделя перешла в месяц, и по-прежнему тишина... Отчего-то в этот раз она не интересовалась судьбой своего очерка. Ей казалось, что заведи она об этом разговор с редактором, опять нарвется на неприятности.

Как-то Эльман заметил:

- Не могу понять, почему редактор так предвзято относится к твоим материалам? Публикацию столь актуального материала нельзя было откладывать ни на день. Читатель ждет именно таких материалов. Да к тому же, чтобы докопаться до истины, ты преодолела немалый путь.

После этих слов Айдан забеспокоилась, но все же решила не торопить события. Прошло еще немало времени, когда в редакцию вдруг явился аксакал и попросил встречи с Айдан. Она узнала в нем Амиршах муаллима. Радостно встретив гостя, она придвинула ему

стул и начала расспрашивать о здоровье, о жене, о детях, об односельчанах.

- Я вижу, вы со всеми успели познакомиться, - улыбнулся тот.

Айдан не знала, как приступить к разговору о своей статье. Ей не хотелось расстраивать человека, приехавшего издалека.

- Я написала обо всем, как только вернулась, и сдала свой очерк редактору, но он еще не опубликован, - сказала Айдан виновато.

- Он и не будет опубликован! - Амиршах муаллим произнес это так уверенно, что девушка вздрогнула.

- Почему вы так думаете?

- Завроно вызвал меня к себе. Он сказал, что "договорился" с Габиль муаллимом. Материал не появится в газете.

- О чем вы говорите, Амиршах муаллим? Габиль муаллим не такой человек, чтобы обсуждать редакционные вопросы с посторонними людьми. Не верьте всему, что говорят. Вот увидите, на днях моя статья выйдет. - Этими словами Айдан скорее хотела утешить себя, нежели своего собеседника. Ей вдруг вспомнился случай с Мурадом. Ее уверенность сменилась каким-то странным чувством, в котором она и сама не могла разобраться. Это чувство сделало ее такой слабой и беспомощной, что, казалось, она вот-вот расплачется.

- Айдан, доченька, я приехал выразить тебе благодарность, хотя и знаю, что статья не выйдет. Мне достаточно и того, что в поисках правды, ты, в лютую зимнюю пору верхом на лошади добралась в наше село.

Он крепко пожал ей руку. Простился с Эльманом, Гусейн муаллимом и ушел.

Спустя какое-то время, Айдан решила зайти к редактору.

- Я хочу узнать про судьбу своего материала.

- Присаживайся, что нового? - спросил Габиль муаллим. Видя, что та отвечает неохотно, достал из ящика стола какие-то бумаги. Задержал на ней испытывающий взгляд и сказал:

- Что-то ты слабину в последнее время даешь.

- Я вас не понимаю.

- Стала менее требовательной к себе. Прежде выступала с хорошими материалами, а теперь пишешь так, будто желаешь поскорее отделаться.

- Напротив, именно в последнее время я стала писать хорошие материалы. Если раньше я писала по заданию, то теперь больше по зову сердца.

- И поддаешься при этом эмоциям.

- Может быть, - Айдан решила не спорить.

- Статья у тебя слабая, факты собирала на ходу, а героя своего и в лицо не видела когда писала.

- Это такая тема, что надобности видеть героя не было.

- Один факт и вовсе искажила, я имею в виду то, каким образом наш герой повредил себе ногу. Про Амиршаха говорят, что он заглядывался на женщин, из-за чего его и побили. С тех пор он так и волочит свою ногу.

Айдан не могла поверить своим ушам, от неловкости она покраснела и побледнела, будто эти оскорбительные слова были адресованы ей.

- От вас я не ожидала! - сказала она сдавленным от злости голосом.

- Я это говорю не "с потолка". Завроно направил в редакцию официальный документ.

- Значит, Амиршах муаллим был прав. Я не поверила, когда он мне сказал, что материал не опубликуют в газете.

- Почему Амиршах приходил в редакцию? - редактор вышел из себя.

- Как это почему? Разве редакция не открыта для читателей, для тех, у кого имеются жалобы? Он как один из них, интересовался судьбой своего письма.

- Кто дал тебе право раскрывать посторонним внутренние секреты? - редактор пошел в наступление. Это был его излюбленный

прием.

- Для начала, и малышу ясно, что это не секрет. Каким образом, жалоба, присланная в редакцию, может быть секретом? Во-вторых, вы сами раскрыли редакционную тайну. Для вас мнение завроно Эльхана Акперова важнее, чем позиция редакции. Я в этом уже убедилась. Прошу вас вернуть мне мой материал.

- Нет, материалы, отданные редактору, обратно не возвращаются.

- Ну что ж, на здоровье, не возвращайте.

Айдан с такой силой хлопнула дверью, что слетел кусок штукатурки со стены. Редактор прокричал ей вслед:

- Осторожней надо закрывать дверь, капризы свои оставишь дома!

Когда Айдан появилась в отделе с поникшим лицом, все устали на нее. Она, не подавая вида, что расстроена, прошла на свое место, как ни в чем не бывало. Взяла ручку и начала писать заявление на имя редактора: "Поскольку я не согласна с вашей позицией, прошу освободить меня от занимаемой должности". Затем в шутку изобразила, словно ведет репортаж:

- Да, товарищи. Айдан после длительной борьбы сдалась и отступила, решив уйти с работы.

Все молча смотрели на нее. Никто не осмеливался что-то сказать. Гусейн муаллим нарушил тишину:

- О чем ты говоришь?

- Ухожу с работы, уважаемые коллеги по отделу, ухожу навсегда.

- Что, опять разругались? - спросил Эльман.

- Да, Эльман муаллим, так оно и было, но это в последний раз.

Больше не хочу быть марионеткой в руках у редактора.

- Ты твердо решила?

- Конечно, вот мое заявление. Счастливо оставаться, простите, если кого-то обидела.

Эльман встал и хотел что-то сказать, но Айдан опередила его:

- Не нужно, ничего не хочу слышать. Я уже вышла из того воз-

раста, когда нуждаются в наставлениях. Я и сама могу быть советчицей. - Айдан взяла пальто, закинула на плечо сумку и вышла из комнаты.

Она оставила свое заявление секретарше и выбежала на улицу. Никого не хотелось видеть. Сейчас больше всего боялась неожиданной встречи и разговора с кем-то из своих знакомых. У нее не было сил ни говорить, ни слушать. Поэтому не пошла привычным для нее маршрутом от издательства к дому, а направилась через улицу, по дворам пятиэтажек. На сердце была звенящая пустота.

Ни о чем не думалось. Казалось, что вместо сердца у нее в груди был воздушный шар, который мог в любой момент лопнуть. Ее сейчас очень занимал вопрос о том, какую боль может вызвать лопнувший внутри человека шар. Вспомнился Винни Пух. Губы тронула улыбка: "Может быть, на него я и похожа?" Представила себя такой же круглой и неуклюжей, как тот медвежонок.

Она медленно шагала по тихим улицам, не зная, куда и зачем идет. Ни замедлить шаг, ни остановиться она не могла. Пройдя перед университетом, она завернула в парк возле здания Академии наук. Здесь ощущалась атмосфера совершенно иного мира. Повсюду в Баку царил суровая зима, а тут веяло дыханьем весны. Всюду перекликались птицы, которых она видела впервые и не знала их названий. Айдан очень любила прогуливаться в этом саду. Здесь над каждым кустом и деревом потрудились Насир муаллим, весь парк был обустроен его руками. Вот этот высокий куст "Сибирской красавицы" первым распускается в Баку по весне белыми с розоватым отливом цветочками. Ароматом его цветов невозможно надышаться. Все знали, что Насир муаллим завез его откуда-то издалека. Айдан улыбнулась, заметив бутоны "Сибирской красавицы" среди вечнозеленых листьев.

"Раскроются через пару дней", - с грустью подумала она. Рядом какое-то растение стелилось по каменной ограде. На нем тоже красовались бутоны. Она вспомнила, как два-три года назад, высаживая эти

кустики, Насир муаллим рассказывал:

- У этого цветка трудное название, а я его называю "Каменный цветок". Через год, глядишь, покроет камни, да и как расцветет - залюбишься.

Насир муаллим оказался прав. Ровно через год со всех сторон народ приходил любоваться красными гроздьями "Каменного цветка".

Айдан прошла за здание. Тут размещался знаменитый фруктовый сад Насир муаллима. Она хорошо помнила историю его появления. Раньше этот участок был завален камнями и прочим строительным мусором. Когда Насир муаллим решил очистить, привести в порядок и превратить в сад этот участок, то нашлись и такие советчики, которые мало того, что отказывались помочь, но и всячески пытались его отвлечь от этой затеи. Но, тот от своего не отступил, очистил участок, вскопал всю территорию. Затем раздобыл где-то удобрения, посадил первые деревца и стал ухаживать за ними, как за детьми.

В следующем году на столицу налетел ветер невиданной силы. Он сломал двадцать хрупких саженцев. Но это не сломило духа Насир муаллима. На месте прежних деревьев он посадил новые. Спустя несколько лет садик превратился в излюбленный уголок отдыха для работников академии. Садовник часто угощал их персиками, черешней и абрикосами, созревающими здесь. Вскоре все привыкли к маленькому ботаническому саду. И как это часто бывает в жизни, когда деревья подросли и стали приносить хороший урожай, садовника сняли с работы. Когда? Айдан стала вспоминать: "Да, в прошлом году, такие вот дела".

Айдан вдруг стало до боли обидно за него. Ей никогда еще не приходилось видеть этого доброго и общительного человека павшим духом или обозленным. Не знавший, да и не ожидавший никакой благодарности за свой труд старик умудрялся оставаться приветливым при всех невзгодах судьбы. Айдан всегда поражалась его безграничному жизнелюбию. Знала она и то, что при всем этом он был очень чувствительным и ранимым человеком.

Вдруг подумала: " Я напишу статью про Насир муаллима. Это будет необычный материал, я раскрою скрытые черты его характера, расскажу о его стремлениях и мечтах. Обычно при первом знакомстве с людьми кажется, что жизненный путь у них гладок и прост. Думаешь, что и он живет, как все, греясь под солнцем и промокая под дождем. Но, узнаешь поближе, поговоришь по душам и поражаешься, какой необычный человек. Не можешь себе простить, что раскрыл его так поздно. Только случайно ты узнаешь обо всем, и этой случайности должен быть благодарен..."

Айдан так увлеклась обдумыванием своей будущей статьи, что грусть и печаль сами собой незаметно улетучились.

8.

При виде сидевшего на верхней ступеньке лестницы Мурада, она застыла, не зная, что предпринять. Поздороваться с ним или нет? Заговорить или пройти с безразличным видом? Уставшая, она тяжело поднялась по лестнице, печально взглянула на Мурада, проходя мимо, отворила замок и зашла в квартиру, оставив дверь приоткрытой.

За ней вошел и Мурад, не дожидаясь приглашения. Сестр он не решился, чувствовал себя неловко. Айдан же по обыкновению поставила на кухне чайник, включила в комнате телевизор и устроилась на диване. Мурад прошел и сел за столом. Они старались не смотреть друг на друга. Отводили глаза, когда их взгляды вдруг пересекались. Так, ни о чем не говоря, они смотрели телевизор в тяжелом, затянувшемся молчании. Когда засвистел чайник, с плеч Айдан будто свалился тяжелый груз, она неторопливо пошла на кухню, заварить чай.

Медленно и терпеливо, а не второпях, как обычно, она обдала кипятком фарфоровый чайник, всыпала в него сухой чай и залив его горячей водой, поставила завариваться на медленном огне. Затем добавила щепотку гвоздики, подержав немного, сняла чайник с плиты. Достала конфет, варенья, разлила чай по стаканам и положила на поднос. Все это она делала не спеша, чтобы выиграть вре-

мя, рассудить, принять решение. Но, так ни к чему и не пришла, собраться с мыслями не получалось. Взглянула на часы, - прошло всего 10 минут, как она вышла из комнаты. Время, словно замедлило свой привычный ход.

Она поставила стакан с чаем перед Мурадом и села напротив него за столом. Они пили чай, не глядя друг на друга, не решаясь прервать молчание. Будто того, кто первым заговорит, ждало наказание. Вдруг Мурад поперхнулся чаем, чем нарушил в комнате тишину. Он покраснел, смутившись своей неловкости.

Айдан вспомнила про детские годы. Ее брат Этибар был чаехлебом. Он проглатывал чай так шумно, взхлеб, и это выводило Айдан из себя. Они часто ссорились из-за этого. Как-то Этибар налил себе чаю и стал пить осторожно и тихо, чтобы не разозлить сестру. От чрезмерного усердия он непроизвольно сделал шумный глоток и так из-за этого расстроился, что Айдан весело расхохоталась над ним. К ее смеху присоединился и он сам. Они хохотали так, что на шум вышли отец с матерью.

- Что случилось, почему вы смеетесь? - спросила мать. Айдан хотела объяснить причину, но никак не могла удержаться от смеха. Что-то хотел сказать и Этибар, но и он давился смехом.

- Вам только палец покажи, будете смеяться, - сказала мать и ушла. Брат с сестрой никак не могли успокоиться. До сих пор, вспоминая тот случай, их каждый раз разбирает смех.

Теперь, когда Мурад, поперхнувшись, напомнил ей брата, на лице у нее заиграла улыбка. Он заметил это, но не осмелился что-то сказать. Айдан собрала стаканы на поднос, понесла в кухню и долго не появлялась.

Мурад, обеспокоенный ее затянувшимся отсутствием, пошел за ней. Обняв ее сзади за плечи, притянул к себе. Она не стала сопротивляться. Постояв какое-то время молча, Айдан высвободилась из его рук, прошла в комнату и начала поливать цветы. Мурад, немного погодя, забрал графин у нее из рук, поставил на стол, усадил ее

на диване, рядом с собой:

- Видно ты зареклась не говорить со мной.

- ...

- О чем молчишь? Тебе нравится меня мучить?

Айдан уставилась на него печальным взглядом, но ничего не ответила. Мурад сжал ее руки в ладонях и поднес к своим губам. Айдан вдруг расстроилась, но взяла себя в руки, чтобы не расплакаться. Она неловко чувствовала себя рядом с человеком, с которым сблизилась, которого полюбила, и который в мгновение ока стал для нее таким чужим.

Она питала к нему и любовь и ненависть. Ее и радовало и мучило его присутствие. Ей хотелось, чтобы он ушел, но и боялась она этого тоже. Ее злили собственные колебания и нерешительность. Близость Мурада, его взгляд, исполненный сострадания растопили ее напускное безразличие и равнодушие. Айдан хорошо понимала, что побудь она еще немного рядом с Мурадом, от ее самообладания не останется и следа, она растает от его нежности как воск. Вдруг вспыхнуло воспоминание о той красивой женщине. Она представила Мурада рядом с ней.

- Ты обманул меня. Любишь другую, а не меня. Ты играл моими чувствами. Никто бы такого не сделал, но ты...

Айдан все это выпалила с нескрываемой обидой. Мурад хотел было возразить ей, но она не дала ему и слова вставить:

- Молчи, и не пытайся оправдываться. Не нужно меня убеждать в том, что у тебя с ней ничего не было. Мне все известно.

- О чем ты говоришь?

- Я знаю, что вы часто встречаетесь, что любите друг друга.

- Ты лишь можешь знать, что мы видимся, но любви у меня к ней нет.

- Не понимаю, как можно встречаться, если не любишь? Не смей мне лгать, - Айдан вышла из себя.

- Я не обманываю. Я и сейчас поддерживаю с ней отношения, но

мы оба знаем, что это обычная привязанность, и не более. Она не замужем, я холост. Не забывай, что я не ребенок, мне уже за сорок.

Мурад говорил громко, чуть ли не срываясь в крик, но вдруг успокоился и, подумав о чем-то, понизил голос.

- Значит, каждый раз, уходя отсюда, ты шел к ней? Ты обнимал ее руками, которыми обнимал и ласкал меня? Касался ее губами, которыми целовал меня? Я не могу представить, не могу понять, как в одном сердце могут уместиться две любви, - Айдан изливала накопившиеся за все это время в душе обиды и горечь, но это не приносило ей облегчения.

- Успокойся, Айдан, прошу тебя. Возьми себя в руки, дай мне все тебе объяснить.

- Что ты мне будешь объяснять, как вы с ней играли в любовь? - дрожала от злости Айдан. - Прошу тебя, уходи, забудь обо мне навсегда!

- Что ты говоришь? Тебя забыть? Как это могло прийти тебе в голову? Я все сделаю, все что угодно, но только не это.

- Ты не то говоришь, опять обманываешь, я больше тебе не верю. Если бы ты любил меня, ты бы не ходил к ней. Что за колдовские чары, что за сила притяжения тебя к ней влекут? Я почувствовала это сразу же после нашей первой встречи в Баку. Теперь чувствую угрызения совести, вспоминая, как мирилась с этим. Тогда я была словно помешанная, день и ночь думала о тебе, ничто в голову больше не лезло. Через несколько дней после твоего отъезда я позвонила в район, к тебе на работу. Мне сказали, что ты еще не вернулся из Баку. Вот тогда сомнения впервые и запали мне в душу. Но, я была в тебя влюблена, впервые мой мозг затуманила любовь, я и подумать не могла о том, чтобы поссориться с тобой. После второго твоего приезда, когда ты вдруг ушел, у меня сердце сжалось от боли. Все стало ясно в тот день, когда я увидела тебя с той женщиной. Я украдкой преследовала вас, видела, как вы вместе вошли во двор. Мне казалось, что мое сердце вот-вот ра-

зорвется, я не справлюсь с горем. Но, как видишь, я жива, ничего со мной не случилось.

Айдан утерла тыльной стороной ладони, катившиеся по щекам слезы и, хотя в душе корила себя за безволие, радовалась тому, что излила все накопившее. "Нужно все прояснить, легче расстанемся", - подумалось ей. О расставании она подумала впервые. Как же тяжело было осознавать, что эта истина находится всего в нескольких шагах от нее. Она пристально посмотрела на Мурада. Ее странный взгляд привел его в недоумение.

- Что ты на меня так смотришь?

Она не ответила. Мурад признался:

- Я виноват только в одном. В тот день я видел, что ты следила за нами, только притворился, что не заметил. Меня даже радовало, что ты видишь нас. Мне хотелось заставить тебя ревновать. Думал, что полюбишь меня сильнее, еще больше привяжешься ко мне. Только потом я понял, что допустил непростительную ошибку.

Когда увидел тебя с тем светловолосым парнем, я готов был расплакаться и просить у тебя прощения. Но так и не решился подойти, заговорить с тобой.

- Так, значит, ты меня видел, да? - не поверила Айдан его словам, - значит, знал, что я иду следом, разрываюсь от боли и сознательно допустил этого? - Она всхлипнула. - Меня еще никто так не унижал.

- Прости, Айдан, прости, если можешь, дай мне загладить свою вину. Я и сам знаю, что провинился.

- Нет, я никогда тебя не прощу, ты это знаешь. Мы расстанемся. Ты забудешь и меня, и мой телефонный номер, и дорогу к моему дому. Как будто и не знал меня никогда.

- Не говори так, Айдан, - Мурад был потрясен и растерян, не знал, что делать, как переубедить Айдан, - ты твердо решила?

- Конечно! - она сказала это так, что Мурад склонил голову на изголовье дивана и закрыл глаза. Он буквально замер. Айдан выключ-

чила телевизор и включила магнитофон. В комнате разлилась грустная мелодия.

*Немало девушек, прости меня,
Я в этой жизни проводил,
Но даже самую красивую...*

Айдан тоже закрыла глаза, облокотившись об изголовье дивана, и может, в сотый или тысячный раз оживила в памяти самую дорогую для нее, самую лучшую пору жизни, тот прекрасный вечер, проведенный с Мурадом год назад. Те мгновенья отложились в памяти, как самые счастливые в жизни. Тогда впервые ветер любви пронизал все ее существо, затуманил голову, даря ранее неведомые чувства. Тогда она была счастлива, впервые поверила, что впереди ее ждут дни, полные любви, что находящийся рядом с ней человек подарит ей необыкновенное блаженство, в котором и пройдет ее жизнь. Но, век этого счастья оказался столь же коротким, как порывы любви: "Скоро он уйдет, и все закончится, мы больше никогда не увидимся".

Айдан открыла глаза и взглянула в лицо Мураду, сидевшему в шаге от нее, но такому далекому. Ее растрогало его исхудавшее лицо. Она вздрогнула.

"Ведь я же его люблю, уже никогда, ни к кому не привяжусь так сильно. Почему же я так поступаю?"

От неожиданного чувства вдруг улетучилось ее прежнее настроение, решимость и злость.

*Но даже самую красивую
Все ж, как тебя, не полюбил...*

Голос поющего разьедал сердце пронзительной болью, предупреждая о невыносимости возможного расставания. Злость Айдан сходила на нет, как начинают стихать разыгравшиеся на море вол-

ны.

Странное спокойствие Мурада, его хладнокровное молчание растворили последние остатки ее злости. Вдруг она подошла и прижалась к нему.

- Ты единственный, кого я любила, - и добавила шепотом, - я люблю тебя, с ума по тебе схожу, но никогда не прошу. Ты слышишь, никогда!

Оба молчали в тишине, под стук двух сердец, который, казалось, был громче тиканья часов, висевших на стене.

Потом Айдан подняла Мурада за руку с дивана:

- Теперь иди.

- Не могу, ноги не слушаются.

- Уйдешь, нет ничего невозможного.

- Может, передумаешь?

- Никогда!

- Ну, прощай.

Вдруг Мурад крепко сжал ее в объятиях. Айдан не стала сопротивляться, закрыла глаза и отдалась его воле. Горячие губы Мурада обжигали ей лицо. Наконец она вывернулась из его объятий, распахнула дверь и вывела его за руку наружу.

Они стояли лицом к лицу: она по эту сторону двери, он - по ту. Вскоре Мурад спустился по лестнице и ушел. Айдан, обессиленная, опустилась на пол.

9.

Уже больше недели Айдан не выходила из дома. Собственно, ей и некуда было выходить. Она еще не оправилась от последовавших один за другим двух ударов судьбы. Глубокие рубцы оставили в ее душе, с одной стороны расставание с Мурадом, а с другой, уход с работы. Дома она ничем не могла заниматься, душа ни к чему не лежала. Кончился хлеб, купленный еще неделю назад, а сходить в ма-

газин не было сил. От голода и пережитых волнений она исхудала, постоянно кружилась голова.

Целыми днями она лежала на диване и читала книги одну за другой, на что раньше не хватало времени. Это было ее излюбленным занятием, и жизнь предоставила ей возможность возвратиться к нему. Хотя бы на время удавалось забыть свои горести, сопереживая героям произведений. Но, как только дочитывала очередное из них, к ней вновь возвращались боль и пустота. Один и тот же абзац порой приходилось перечитывать по несколько раз из-за рассеянности мыслей.

Перед глазами оживали воспоминания, связанные с детством. До пятого класса ее невозможно было усадить за учебу. С утра и до вечера она бегала, играла и забавлялась во дворе с детворой, еле выкраивая несколько минут на выполнение школьных заданий. Как-то ночью она проснулась на всхлипыванья старшей сестренки. Та горько плакала, сидя в своей постели.

- Что с тобой? - удивилась Айдан.

Вафа не отвечала, продолжая плакать. Мать, пришедшая на шум, взяла у нее из рук тоненькую книжку, прочла название и спросила:

- Ты расстроилась из-за смерти Туту?

Наутро Айдан из любопытства решила прочесть "Чернушку" Сулеймана Сани Ахундова. Судьба девочки так ее захватила, что оторваться от чтения было невозможно.

Когда Айдан дошла до эпизода смерти Туту, слезы закапали на книжку. Чтобы никого дома не побеспокоить, она спустилась во двор, легла ничком на траву под старым тутовником и заревела. Туту еще долго не выходила из головы Айдан, несчастная Чернушка являлась ей и во сне. Все недоумевали, видя жизнерадостную Айдан, вдруг притихшей и задумчивой.

С тех пор книги стали лучшими друзьями Айдан. Она брала в библиотеке кучу книг и, спешно сделав уроки, погружалась в чтение. Захватив бутерброд с сыром, пару яблок, устраивалась, поджав под себя ноги на подоконнике в маленькой комнате и читала до-

поздна.

- Нельзя столько читать, испортишь зрение, - ворчали родители.

Впоследствии книги стали неотъемлемой частью ее жизни. Она не расставалась с ними ни на минуту. Лишь когда устроилась на работу в редакцию, занятость уже не позволяла уделять чтению много времени. Служебные задания, просмотр периодики, вдобавок еще и командировки отнимали все время. Порой она шутила, что если ей выдастся хотя бы один свободный месяц, пусть ее нигде не ищут, она закроется дома и будет читать вдоволь. Теперь, наконец, ей представилась такая возможность.

Зазвонил телефон. В трубке зазвучал голос Эльмана:

- Ты что, отключала телефон?

- Да.

- А теперь почему включила?

- Не знаю.

- Почему не приходишь за деньгами?

- Уже можно?

- Давно.

- Тогда я зайду завтра.

- Ждем.

Она повесила трубку и почувствовала, как сердце вновь сжалось. Эльман позвонил, будто для галочки. Ее задела холодность бывшего коллеги. А ведь она привязалась к нему за эти годы, относилась с большим уважением, несмотря на небольшую разницу в возрасте, доверяла ему, прислушиваясь к его советам. Теперь Айдан была вынуждена с досадой признаться себе, что в последнюю неделю она ежечасно, ежеминутно ждала телефонного звонка или стука в дверь. Ей казалось, что ее уход с работы потряс если не всех в редакции, то многих, думала, что будут уговаривать вернуться. Надеялась, что телефонным звонкам не будет отбоя. Собственно, поэтому она и отключила телефон. Нет, нет, вовсе не для того, чтобы ее не беспокоили. Просто не хотелось, чтобы по телефону спрашивали, как она

себя чувствует, выражали ей своего рода "соболезнования".

Она с нетерпением ждала, что вот-вот постучатся в ее двери и шумно ворвутся в дом друзья-журналисты. Она очень нуждалась в утешении, в добром слове товарищей. Но, прошла неделя, началась вторая, никто о ней не справлялся, не вспоминал. Айдан, привыкшей всегда находиться в центре внимания, тяжело было смириться с одиночеством. В такой ситуации она оказалась впервые. Столкнувшись с реальностью, она осознала, что в жизни есть вещи, о которых она и не подозревала.

Захотелось отвлечься от тяжелых мыслей, занять себя чем-то хорошим, но из этого ничего не вышло. Возвращаться к недочитанной книге тоже не хотелось. В голове вертелось: "Что со мной происходит? Неужели я такой плохой человек? Может быть, я действительно в чем-то провинилась, может у меня много грехов? Почему все меня предают? Наверное, я себя не знаю, окружающие знают меня куда лучше".

Посмотрела на часы: 16²⁰. Сегодня уже поздно идти в редакцию. Как же дожждаться завтрашнего дня? Какая-то невидимая сила тянула ее в редакцию. Пойти за расчетными деньгами - было лишь поводом. На самом же деле хотелось увидеться с коллегами, узнать, чем они живут, услышать несколько добрых слов, а самое главное - убедиться в том, что они не безразличны к ней. В глубине души ей верилось, что так оно и есть. Хотелось верить в то, что не беспокоили ее лишь для того, чтобы дать ей время одуматься, понять, что такое одиночество, принять верное решение. Утешая себя подобным образом, Айдан стала дожидаться утра.

Утром в 10⁰⁰ она уже была в редакции. В коридоре - никого, в комнатах тихо. Только слышно, как безостановочно стучат пишущие машинки. Все в отделе были на своих местах. Эльман правил чью-то статью, как всегда, опустив очки на кончик носа. Гусейн муаллим и Самир просматривали утренние газеты.

- Доброе утро, бывшие коллеги, - Айдан старалась выглядеть весе-

лой. Все трое приветливо поздоровались с ней. Затем, как водится, начались расспросы.

- Значит, уходишь с работы? - спросил Самир, что прозвучало как обыденная фраза типа "А ты завтракала?"

- Да, ухожу.

- Напрасно уходишь, думаешь, легко найти работу?

Она не ответила. Сняла с плеча дорожную сумку и стала собирать в нее блокноты, книги, папки из ящиков стола.

- После твоего ухода мы не сможем сидеть в этой комнате, - сказал Гусейн муаллим, встал и вышел.

- Он прав, мы к тебе очень привязались.

- Незаменимых у нас нет, - сказала Айдан с укором, но Самир, кажется, этого не понял или сделал вид, что не понял. Вскоре и он вышел из комнаты.

Айдан осталась одна с Эльманом. Она притворялась, что занята, стараясь не смотреть в его сторону. Завотделом так и не проронил ни слова. Это ее выводило из себя. Она будто нечаянно обронила на пол толстый словарь со стола и нагнулась, чтобы поднять его.

Эльман встал с места и начал расхаживать по комнате. Затем он приблизился к ней и сказал:

- Если б ты знала, как я радуюсь, что ты уходишь.

Она не поверила своим ушам.

- Я не шучу.

- Даже так! - она нервно зачихнула книгу в свою сумку.

- Не злись, Айдан, выслушай меня, после чего сделаешь выводы. Во-первых, я знаю, что редактор к тебе равнодушен. Собственно, все в редакции это знают.

- Что? Что вы говорите? - у нее от удивления чуть не отнялся язык.

- Да, все говорят. Никто тебя не осуждает, знают, что ты терпеть его не можешь. Но, во всяком случае, слухи такие есть. Во-вторых, Габиль - мерзкий, недостойный человек. Лучше поискать себе дру-

гую работу, чем работать с таким руководителем. Нас ты в расчет не бери, мы провели здесь полжизни, а у тебя все еще впереди, тебя с удовольствием примут на работу.

Он смолк и уселся на стуле перед ней, чтобы видеть, какое впечатление производят на нее его слова. Она слушала, ничего не отвечая.

В комнату вошли Октай с Тахмазом, а за ними Ваджиба, Севиль и Тамилла. Тахмаз опустился на колени перед Айдан и начал петь свою заученную песню, как всегда любил это делать:

*Душу, ты похитила мою,
Присмотришь,
Не уходи, молю тебя,
Остановись,
Знай, суть любви в тебе
Затаена,
Природою ты так прекрасно
Сотворена.
Ты, воркуя горлицей,
Меня лишила языка...*

Последние слова Айдан обычно переиначивала на свой лад:

*Язык у меня острый,
Не забудешь никак.*

Но на этот раз она махнула рукой и вышла из комнаты, вернулась с наполненным водой чайником, и стала поливать растения.

- Не забывайте ухаживать за моими цветами, - она оглянулась на Эльмана.

Игривое настроение Тахмаза улетучилось.

- Айдан, ты напрасно уходишь, - сказал он, - зачем лишаешь себя теплого местечка из-за какого-то идиота?

- Так нужно, Тахмаз бек, - она грустно улыбнулась.
- Эх, подружка, твое место будет пустовать, - всхлипнула Севиль.
- Мы будем скучать по тебе, - обняла ее Тамилла.

Вскоре почти вся редакция собралась в их отделе. Никто не собирался уходить, хотя уже наступило время обеденного перерыва. Говорили о том, о сем, пытались развеселить Айдан. Она слушала и с грустью думала: "Вот и воздают мне последние почести". Получив в бухгалтерии на пятом этаже расчетные деньги и приняв у заведующей редакцией свою трудовую книжку вместе с личным делом, Айдан вернулась в комнату. От прежнего шума и веселья не осталось и следа.

Только хотела закинуть за плечо сумку, как Октай тут же подхватил ее за руку.

- Глянь, какой заботливый, - подшутил Тахмаз. Но, в его словах особой радости на этот раз не было.

- Ладно, счастливо всем оставаться, не провожайте меня, - сказала Айдан и вышла.

Рабочее место, ставшее для нее родным за последние три года, больше не грело душу. Захотелось поскорее уйти, убежать отсюда.

ЭПИЛОГ

- Айдан, здравствуй.
- Здравствуйте, Эльман муаллим, приятно слышать ваш голос.
- Как у тебя дела?
- Все нормально.
- Привыкла к новому коллективу?
- Конечно, год - это немалый срок.
- Я очень рад за тебя.
- Эльман муаллим, к добру ли столь ранний звонок?
- Хочу кое-что тебе сказать. Обещай, что не примешь близко к сердцу.
- Обещаю.
- Мурад Алиев умер.
- Что? - она не могла поверить своим ушам, - что вы сказали?
- Возьми себя в руки, Айдан.
- Откуда вы знаете?
- Оказывается, он лежал в больнице в Баку, в отделении у моего друга Махира. От последнего инфаркта скончался сегодня, его увезли в район.
- Давно он болел?
- Да, три месяца пролежал в больнице.

Айдан больше ничего не спросила, положив телефонную трубку, схватилась руками за голову. Она растерялась от этой неожиданной вести и не знала, как поступить. Взяла листы с почти завершенной статьей, разорвала посередине и стала рвать на куски.

Она проделала это машинально, а когда опомнилась, было уже

поздно, - клочки бумаги лежали в урне. Затем задела чашку на столе, которая упала на пол и разлетелась вдребезги. На шум обернулись товарищи по отделу Алима ханум и Салман. Айдан виновато улыбнулась и собрала с пола осколки. Хотела набрать чернил в авторучку, но они разлились на стол. Пошла за тряпкой к шкафу в углу, но в глазах у нее потемнело, она еле успела добраться до стула.

Айдан словно впала в небытие и кружилась, как воздушный шар на ветру. Как ни пыталась, не могла достать ногами земли. Задышалась от жары и духоты, но не решалась расстегнуть ворот своего платья. Казалось, поменяй она положение рук, пала бы ничком на острые камни. Вдруг ей стало не хватать воздуха, правой рукой она хотела расстегнуть пуговицу платья на груди, но, потеряв равновесие, упала.

- Салман, живо, вызывай скорую! - голос Алимы донесся до нее как из другого измерения. Айдан из последних сил открыла глаза, но ее отяжелевшие веки захлопнулись вновь. Она снова впала в забытие.

В нескольких шагах от нее в землю был вбит железный прут, но, как не пыталась, дотянуться до него рукой не получалось. Взяв себя в руки, притянулась к пруту и изо всех сил ухватила пальцами за него. Наконец, после всего ощутила землю под ногами, обрадовалась, что не висит вниз головой, сделала шаг...

- Пришла в себя, - пожилая женщина в белом халате держала руку на ее пульсе. Айдан почувствовала боль в правой руке, наверное, в месте укола. Алима, стоявшая рядом, обняла ее и поцеловала в макушку:

- Напугала же ты нас.

- Наверняка, пережила тяжелое потрясение, - сказала врач.

- Ничего страшного, все пройдет, отлежишься два-три дня, и тебе полегчает. Только не бойся, ничего серьезного, - врач взяла свою сумку, попрощалась и ушла. Алима ханум и работники других отделов, собравшиеся на шум, стали уговаривать девушку отправиться

домой.

- Не беспокойтесь, мне уже лучше, - отказалась Айдан. До конца рабочего дня она пыталась занять себя писаниной. На деле же просто выводила бессвязные слова, чтобы показать, будто занята делом.

Вечером, когда все ушли с работы, она надела плащ и вышла на улицу. Темнело. Ей было тоскливо. Не заметила, как очутилась на автовокзале.

- Автобус приедет через час, - отчеканила кассирша в окошке, даже не взглянув на нее.

- А когда прибудет на место назначения?

- Завтра днем, к часу.

Айдан прошла в зал ожидания и села на скамейку. Напротив нее на стене висели большие часы. Она стала так внимательно следить за движением часовых стрелок, будто в мире не было ничего более существенного и важного. Ей не думалось ни о чем, в голове была пустота. После неожиданного утреннего звонка Эльмана она словно впала в забытие и делала все неосознанно. Она даже не заметила, как очутилась в этом холодном зале ожидания. Через час ей предстояло сесть в комфортабельный "Икарус" и отправиться в путь.

"В автобусе будет тепло, как сяду на свое место, откину голову на спинку сиденья и засну", - подумалось ей. Глаза слипались, хотя она и выпалась хорошенько за минувшую ночь. Все сидевшие напротив, уставились на нее. В голове пронеслось: "Интересно, почему они так на меня смотрят? Может, что-то привлекает их в моей внешности? Может, кажется странным, что я готова тут заснуть на скамейке?"

Веки так отяжелели, что не разлепить.

- Доченька, автобус трогается, - осторожно поддела ее под локоть женщина, которая сидела напротив и пристально смотрела на нее. И добавила, оправдываясь, - ты крепко заснула.

- Уже объявили посадку? - спросила Айдан.

- Да, иди, займи свое место, не то опоздаешь.

Автобус тронулся в путь. Рядом с ней место пустовало. Она положила сумочку на колени, съежилась в плаще, спрятав руки в карманы. Едва закрыв глаза, она тут же уснула.

Проснулась, когда теплые лучи солнца косались ее глаз. Голова прояснилась после крепкого сна, кажется, прошло вчерашнее состояние. Сердце постепенно стала охватывать глубокая тоска. Айдан только теперь начала осознать масштаб неожиданной утраты, о которой боялась даже подумать. Ужас охватывал ее от мысли, что Мурада уже нет в живых, что она больше его не увидит, не услышит его голоса, не почувствует его тепла.

За этот год она пыталась забыть Мурада, приучила себя не вспоминать о нем. Но, в самые горестные, самые радостные мгновенья Мурад незванным гостем стучался ей в сердце, напоминая, что он где-то здесь, поблизости. Хотя она усердно отгоняла отголоски печальной любви, они напоминали о себе вновь и вновь. Почему-то она была уверена, что время все расставит по местам. Придет день, и она забудет Мурада, удивляясь тому, что когда-то была им увлечена. И только после той ужасающей вести впервые призналась себе, что ни дня, ни часа, ни минуты не переставала его любить. Самым мучительным было то, что вместе с той любовью в сердце росла и надежда, что судьба когда-нибудь вновь их сведет. Может быть, с этой мыслью она и жила, радуясь ей втайне от себя. Теперь и она, эта прекрасная надежда исчезнет вместе с Мурадом, уйдет в никуда.

Айдан попыталась представить Мурада мертвым, но, как ни старалась, не сумела ощутить на его лице дыхание смерти. Ей не удалось даже мысленно приблизить к нему смерть, представить засывшим, недвижимым этого неутомимого человека с его милой приятной улыбкой.

- Приехали, - сказала полная пожилая женщина, сидевшая позади нее.

Айдан сошла с автобуса и пешком направилась к центру города. Она не знала адреса Мурада, поэтому решила спросить в больнице.

Уже на подходе к зданию больницы она увидела похоронную процессию. Кто-то впереди нес большой портрет. Это был портрет Мурада. Айдан так и застыла на месте, будто пораженная молнией, в груди заныла ужасающая боль. Чтобы не потерять равновесие, она ухватилась за фонарный столб. Процессия шла, приближаясь к ней. Мурад смотрел с фотографии прямо на нее большими, улыбающимися глазами. Айдан будто пригвоздило к земле, она не могла и шагу ступить.

Вдруг она словно очнулась, растерянно оглянулась, отвернулась от приближавшейся процессии и пошла в противоположную сторону, к саду при районной больнице. Когда открыла калитку и зашла, вздрогнула, увидев кучу камней на месте фонтана, увитого плющом, как было два года назад. Не осталось следов и от аллей из роз, что вела к зданию больницы. Засыпало землей тропинки с травой, которые она видела тут в свое время. Увяла былая красота в саду. Какой-то старик пас овец. Ограда разрушилась в нескольких местах. Не было и скамеек вдоль аллей, где раньше росли цветы.

Айдан удивленно озиралась вокруг, пытаясь понять, как мог прийти в столь печальное запустение такой прекрасный сад. Его будто сглазили. Как же легко разрушить, убить красоту. Кто же довел до такого состояния это чудо, над которым так дрожал Мурад? Он ведь не для себя его создавал. Много раз она обошла вдоль и поперек участок бывшего сада.

К чувству сожаления примешался и гнев. Решив покинуть руины на месте бывшего сада, Айдан посмотрела на часы - без малого четыре. Процессия прошла на кладбище два часа назад: "Значит, уже похоронили"... Она направилась на кладбище.

Оно было расположено в конце леса, в старом фруктовом саду. Открыв калитку, Айдан прошла вовнутрь. Теснились один к другому надгробия из черного и белого мрамора, дерева, камня. Здесь тоже все было, как и в жизни: богатые и бедные могилы. Очень

скромно смотрелись могилы с надгробиями из простого камня рядом с помпезно высокими памятниками. Одни могилы заросли цветами, другие поросли травой и ветшали под колючим кустарником. Она подумала, что могилы как люди: одни - на виду, их - помнят, а другим суждено забвение.

В сторонке под высоким тутовником увидела свежую могилу и приблизилась к ней. На деревянной дощечке была выведена памятная надпись: "Алиев Мурад Абдулла оглу. 14 мая 1945 года - 25 октября 1986 года". Прижавшись руками к насыпи сырой земли, она попыталась излить горе, душившее ее со вчерашнего дня.

Здесь ей никто не мог помешать. Она плакала во весь голос, и слезы ручьями текли по ее щекам. Она ревела, пока не сел голос, пока не потемнело в глазах. Когда подумала, что надо вставать и уходить, что это последнее расставание, и сюда ей никогда больше не вернуться, сердце готово было разорваться от боли.

Раскрыв платок, она набрала в него горсточку земли и, завернув, положила в сумку. Нашла камень, чтобы присесть. Вспомнила про свой первый приезд сюда и знакомство с Мурадом, про поездку с ним в село на "уазике" и рассказ о медвежьем дожде, про сель, в который они угодили. Мурад стоял перед глазами, искоса глядя на нее, как расшалившийся мальчишка, босой, с закатанными штанинами и с букетом полевых цветов в руках.

Вспомнилось, как он переводил ее через речку, как от страха она крепко обвила руками его шею, чувствуя при этом приятное волнение. Ей почудилось его дыханье, биенье его сердца. От воспоминаний у нее зарделось лицо. Она заново пережила те сладкие мгновенья.

Вспомнила, как вышли вечером на прогулку, как она упала, споткнувшись в лесу, как с укором на нее смотрел Мурад. Во всех подробностях ожил в ее памяти тот счастливый день, проведенный с ним в Баку. Странно, но Айдан вспоминались только приятные моменты, связанные с Мурадом, мгновенья, исполненные любви. Будто и не было у них в жизни ничего печального, навевавшего тяже-

лые раздумья, что болью отзывались на сердце. Отчего же так устроена жизнь? Неужели нельзя узнать истинную цену счастья, пока его не потеряешь?

Уже начинало темнеть, небо затягивало черными тучами. Но, ни кладбище, ни его таинственная тишина, ни доносившиеся из ближайшего леса душераздирающие крики совы не навели на Ай-дан никакого ужаса. Вспомнила, как в свое время страшилась кладбища, могил. Оказывается, лишь похоронив своих близких можно сродниться с кладбищем. Она в последний раз оглянулась вокруг и ушла той же дорогой, по которой и пришла сюда.

Айдан подумала: "Наведаюсь в последний раз в сад Мурада*". Как это прекрасно звучит. Сад, где проросли, дали всходы его мечты. Но этот сад хотят уничтожить". В памяти у нее всплыло лицо Тофика Салимова. Такие люди на все способны, пойдут на любую подлость из-за тщеславия, чтобы сохранить должность. Они готовы сравнять с землей сад Мурада, стереть память о нем, о его делах, заслугах. На что только не толкает людей черная зависть? Любопытно, что порождает в людях такую завистливость?

Двое пожилых людей прошли мимо нее, переговариваясь между собой.

- Салимов хочет построить аптеку в этом саду, - сказал один.

- Не может быть, - удивился другой, - ведь говорили, что аптеку построят в другом конце города.

- Он так решил, вон, видишь, и строительные материалы уже начали завозить.

- Значит, от сада не останется и следа...

- Он этого и добивается.

Она не услышала продолжения их разговора. Но уже было ясно, что ее догадки оказались верны. Айдан тут же начала обдумывать статью, с которой выступит. Заново стала вспоминать все, что было связано с Мурадом, от анонимного письма в редакцию до похорон-

* *мурад - заветная мечта*

ной процессии. Стала размышлять о себе, о неразлучности добра и зла, истины и лжи, верности в любви, возможных изменах и расставаниях на века. "Мурада не уберегли, сберегите хотя бы сад Мурада, пусть он живет", - завершила она в душе свою статью фразой, исполненной чувством гнева и сожаления. "Это будет лучший из моих очерков", - подумала Айдан.

1989 г.

БЛАЖНАЯ

(Роман)

ПРОЛОГ

- Смотрите! Смотрите-е-е! - Душераздирающий крик эхом отозвался в тишине лунной ночи. У девушек, укладывавших скошенную траву в стога, мороз прошел по коже. Застыв, они всматривались в сторону леса. Оттуда к ним, шатаясь, шла женщина с распущенными, ниспадавшими на лицо длинными волосами, в изорванном платье.

- Это же Блажная! - вскрикнула одна из девушек.

- Та самая?

- Ну да!

Девушки растерянно и оцепенело глазели на приближавшуюся тень, не в силах пошевелиться. Вдруг-чей-то вопль. Придя в себя, девушки стремглав ринулись в сторону села.

Село всполошилось. Девчата наперебой рассказывали о только что увиденной, жуткого вида женщине. Всяк толковал на свой лад: привидение, колдунья, нечистая сила, прочее. Затем подросли и комбайнеры, работавшие на соседнем поле, и сообщили о том, что видели бродячую женщину. Вскоре все убедились, что все-таки это существо реальное. Расписывали, мол, волосы по земле стелятся, глаза угольками горят, то ли нагая, то ли одетая, то ли молодая, пригожая, то ли страхолюдина. Поди разберись.

ГЛАВА I

Медленно и незаметно густели сумерки над лесом, неся с собой умиротворяющий покой. Тоскливый изнурительный зной сменялся приятной прохладой. Едва заметное дуновение ветерка было пропитано травяным, цветочным настоем, прелой листвой и еще чем-то непостижимым, но родным, навевающим печаль. Хор лягушек, стрекотание цикад, грустное кукование кукушки из глубины леса, глухое рокотание реки Шахнабат, наполнявшие вечернюю мглу, создавали ощущение неприкаянности и одиночества.

У опушки леса, подступавшего к пойме реки, под кустом цветущего шиповника лежал на мягком ромашковом ковре Рахман. Его немигающий взор был устремлен в густеющую мглу. Что томило, тревожило его? Может, теплое дыхание лета, волнующий запах жизни, одушевлявший природу и все сущее? Или сентиментальные наития умудренного возраста, отзывавшиеся в сердце протяжным напевом свирели? А может, туманили глаза далекие воспоминания о безвозвратной поре?

Да, воспоминания. Он любил предаваться этой сокровенной памяти, которую лелеял в тайниках души, хранившей в себе свежесть, веселую удаль молодых лет, к которой примешивалась горечь недостижимости, неповторимости. Рахман любил, уединившись на природе, тешить воспоминаниями душу, тосковавшую по нежности, заботе и любви. Бывало, запершит в горле, зальется слезами, как дитя, выплачет боль и тоску свою. В одиночестве - можно, никто не заметит.

Но были свидетели, не только видевшие, но и понимавшие, сочувствовавшие ему: высокие дубы, шатром закрывавшие небо, березы, грабы, вязы, достававшие нижними ветвями до его головы, ласкавшие сидящую копну волос, казалось, и птицы прерывали свои

веселые гимны, и шмели жужжали тише. Рахман ощущал этот ответный отзвук и был благодарен.

Лес, еще недавно шумный, по-летнему веселый, вдруг притих. И когда до него дошел смысл заполнившей всю округу тишины, на глаза набегали слезы. Чуть приподнявшись он вложил пальцы в рот и издал затейливый свист, напоминавший соловьиную трель. Тишина. Но только на миг. Птицы отозвались на его голос ликующе и дружно. Он удовлетворенно улыбнулся и, подняв маленький топорик и ружье с земли, тяжелым шагом вышел из лесу.

Вдруг за спиной раздался рев. Оглянувшись, шагах в десяти Рахман увидел огромного медведя, ставшего на дыбы, тарасившего на него яростные глаза.

Его прошиб холодный пот. Жутко. Хотел было закричать, да что проку. И ружье вскинуть не успеет - зверь наверняка опередит прыжком.

Так и встали, уставившись друг на друга, как бы предоставляя право первого шага противнику. Рахман отбросил топорик. В ответ медведь опустил одну из передних лап.

- Иди своей дорогой, - подавляя страх, вкрадчиво проговорил человек. - Я тебя не трону...

Похоже, зверь понял. Потер лапой морду и недовольно зарычал: "Может, это он за ружье сердится?" Рахман оставил и двустволку, чуть подался назад, выжидая, чем это обернется. Медведь опустил на все четыре лапы. Через мгновение, о чем-то подумав, зверь повернулся и убежал прочь.

Только сейчас Рахман услышал, как колотится сердце, и ощутил дрожь в коленях. Всмотрелся туда, где скрылся зверь. Вдруг его до смеха развеселила мысль: "А кто кого больше испугался?"

Идет дальше, а перед глазами - вставший на дыбы зверюга с яростными глазами. Повезло. Будь раненый - несдобровать бы. "Да.., - подумалось. - Бывает, со зверьем легче договориться, чем с людьми". Вспомнился прошлогодний похожий случай. Прилег он однажды

под деревом и задремал, а когда открыл глаза..., похолодел: рядом змея - гюрза. Вскинув голову, внимательно изучает, да еще язык то и дело высовывает, занятно так пошевеливает. "Ужалит", - промелькнула мысль. Страшная оторопь прохватила его. Память уносила дальше, в детство: послали его однажды в подвал за мукой. Потянулся он за корытом и вдруг резко одернул руку от прикосновения к чему-то холодному: в углу свернулась змея. Ох, и завопил он тогда. Подоспевшая мать успокаивала: "Змею не тронешь - вовек не ужалит". Потом, намазав на хлеб масло, осторожно положила перед змеей, дескать, мы тебе худого не сделаем. Через час змеи в подвале уже не было.

Вот и в прошлом году, при встрече с гюрзой, вспомнил тот случай, что и придало ему смелости. Он ласково сказал:

- О, тварь Божья, я тебя не трону, и ты не тронь меня, уходи, ползи себе...

А гюрза, не меняя позы, продолжала глазеть.

- Послушай меня... Как пришла, так и уходи. Ну, что ты выгадаешь, ужалив меня?..

Змея не сводит с него взгляда, а Рахман все говорит, уговаривает, боится остановиться, чего доброго, замолчит, и гюрза бросится в атаку... Так вот и говорил без умолку, продолжал уговоры - переговоры, не видя иного выхода. Наконец, похоже, устав слушать, змея опустила голову и уползла прочь.

Много всякого приключалось с Рахманом, пока лесничим работал. Вспоминал, как всю ночь в окружении волчьей стаи в поле провёл, как в лесу в заросший колодец угодил и два дня промаялся в нем, пока сельчанин, отправившийся по дрова, его не вызволил, как весной его настиг хлынувший с гор сель - еле выкарабкался... Всякое случалось. Он считал происходившее с ним привычными страницами жизни.

В лесники подался еще зеленым юнцом. Услышал от друга-лесничего Амирхана, что есть такой у них участок, не могут полгода туда охранника подыскать. Участок был недалеко от райцентра. Вот

и повадились охотники губить лес задарма. Рахман и вызвался служить. Первые полгода сна и покоя не знал, ни перекусить толком, ни передохнуть. Топал на своих двоих по горам, по долам, успевай только обувь менять. Ухитрился из покрывшек себе вроде "мокроступов" сработать, да и такая самоделка выдерживала лишь месяц. Приходилось и босым ходить-бродить. Выбивался из сил, а голод - не тетка, до жилья не доведет, вот и ночуй в лесном царстве. Зла не хватало на браконьеров - рубили лес нещадно, с четырех сторон. Прежде сельчане не принимали всерьез рослого, плечистого парнягу с горящими глазами. Рахмана бесила бездушная алчность этих людей: порой ради одной балясины могли перерубить дюжину деревьев - какое получше, поровнее - унесут, а остальные - пусть себе валяются. На дрова в лесу сухостоя навалом, а им подавай живое, молодое дерево.

Тогда Рахман дал себе слово: или добьется порядка, или уйдет с работы. Через полгода он уже знал чуть ли не каждую пядь, каждый уголок в лесу. Знал, где вероятнее всего могут затеять незаконную рубку. Потому чаще наведывался на такие участки. Появлялся неожиданно то тут, то там.

- Сколько ж у нас в лесу Рахманов? - дивились дровосеки.

Как-то в полночь возвращался из Худата. Вдруг - стук топора. Кто это, на ночь глядя, орудует? Ведь обычно по дрова ходят днем. Впотьмах не поработаешь. Двинулся на шум. Пятеро. Включили факелы - и "трудятся": грузят в кузов срубленные днем деревья.

- Документы у вас есть?

Голос его прозвучал в ночной тишине как выстрел.

Мужчины замерли, но не отозвались.

- Есть, спрашиваю, разрешение на вырубку?

Один из ночных гостей спросил удивленно:

- Ты что, и ночуешь в лесу?

- Когда надо - и ночую.

- На, возьми себе на харчи и ступай своей дорогой. Не мешай ра-

ботать. - Высокий, чернявый мужчина лет под сорок протянул ему бумажку.

Рахман круто осадил:

- Убери. Я не нуждаюсь в твоих грошах!

- Не гроши, а "стольник"! Между нами говоря, ты и за месяц, то-пая тут, сотню не накрутишь.

Поняв, что уговорами лесника не проймешь, перешли к угрозам. Рахман взвел двустволку.

- Будешь болтать лишнее - угощу!

- Слушай, Рахман, отпусти-ка ты нас с миром. Уйдем, и дров твоих нам не надо, - сказал самый старший.

- Утро вечера мудренее.

- А чего ждать до утра?

- Сведу и сдам вас в управление, уплатите штраф за незаконную рубку - тогда и отпустят.

Видя непреклонность лесничего, нарушители стали устраиваться на ночь - кто где. На утро, разбудив их чуть свет, Рахман велел заводить машину, а сам сел в кузов с четырьмя "гостями". До райцентра ни словом не перекинулись.

У лесного управления Рахман соскочил на дорогу:

- Ладно! Езжайте! Но если еще попадетесь, пеняйте на себя.

Ворота были заперты. Чтобы не будить домашних, Рахман перемахнул через забор. На цыпочках пробрался на застекленную веранду. Двери в комнаты были заперты. Он прилег на диване, чтобы не будить жену. Так и уснул.

Разбудил его голос Маисы:

- Я кас*, ложись спать в комнате! Когда объявился?

** я кас - эй, мужик (лезг.)*

- В пять утра.
- Выспался бы уж, а потом приходил.

Он сразу уловил укор в словах жены, но не подал виду. Прошел в комнату, разделся, лег в свою постель, но сон уже не шел, да и грохот посуды на кухне не давал уснуть, вдобавок Маиса громко хлопнула дверью. Рахман встал, оделся.

- Приготовь поесть, со вчерашнего дня крошки во рту не было...
- Как же тебя голодным отпустили то? - поддела Маиса мужа.
- Опять ты за свое?
- Почему снова я? Это ты весь в бегах. Дома сутками не бываешь, к очагу своему охладел. Не подумашь: жена у меня, ребенок, может, у них забота какая. Вся округа знает, где ты ходишь - гуляешь.

Рахман уставился на жену, не зная, что и ответить. Завелась, знай себе, песочит, пилит. Пусть выговорится, ответит душу. Ждал, ждал - не дождался. Вдруг он с силой грохнул кулаком по столу:

- Хватит!

Кажется, проняло: примолкла. На шум проснулся Джалил и вытаращил испуганные глаза. Рахман очень соскучился по малышу, но сейчас ему было не до сантиментов. Надел сапоги и вышел. У ворот услышал:

- Ступай в свой лес - туда тебе и дорога, к зверью! - Потом вдогонку понеслись традиционные проклятья:

- Чтоб тебя змея ужалила! Чтоб живым не вернулся... Чтоб...

Рахман огляделся по сторонам: хорошо хоть никто из соседей не слышал. Быстро перешел дорогу и двинулся напрямик к лесу. Вот и последний дом. Дальше опушка. Обрадовался - вот его отдушина, заветное пристанище.

Дошел до опушки, распластался на зеленой-презеленой траве. А на душе кошки скребут. Тоска жжет - остудить бы. Сейчас он ощутил со всей остротой: нет горше и больнее пытки на свете, чем боль непонимания, недоверия. Самое жуткое - некому поведать печаль, излить душу, не от кого услышать доброе слово и утешение. Натер-

пелся, намучился он с Маисой за годы семейной жизни, а такой отчаянной тоски до сих пор не испытывал. "Стерпится-слюбится" - не про них. Время все больше отделяло их друг от друга. Никогда Маисе не узнать было, что у него творится на душе, в ее потаенных уголках. Она и не пыталась узнать, угадать, проникнуть. И он привык к этой глухоте. А эта ее мнительная ревность... Похоже, ревновала она его чуть ли не к лесу, зверью, деревьям... Маиса никак не могла осознать его привязанности к своему делу, одержимую преданность долгу, истолковывая все это на свой лад.

По натуре Рахман был впечатлителен, раним, нуждался в добром слове, участии, да вот не любил выворачивать душу, исповедываться, первым идти на контакт, - потому никто и не мог с ним сблизиться, прикипеть к нему сердцем. Может, и с Маисой он бы столковался, нашел бы общий язык, не будь таким замкнутым. Кто знает, родись у них ребенок пораньше - холодок между ними не зашел бы слишком далеко, и все стало бы на свои места.

Радость родительства, отцовства пришла к нему после десяти лет томительного, тоскливого ожидания. А как он был потрясен, когда и новорожденный малыш, и жена оказались инфицированы сепсисом. Долгое лечение в столице не принесло результатов. Отчаявшись, они вернулись в райцентр.

Сердце у Рахмана кровью обливалось, когда он глядел на прикованное к постели крохотное создание, лишенное движения. Только глазенки являли признаки жизни существа, которое не могло даже заплакать, таявшего на глазах, издававшего писк, похожий на кошачье жалобное мяуканье... Он злился на себя за собственное бессилие.

Последние дни малыш ничего не ел, температура не спадала, и казалось чудом, что он еще дышит. "Измучился, бедняга... О, Боже, исцели его или избавь от мучений..." Но когда он представил, как это беспомощное существо предают земле, мороз пробежал по коже. Ведь это было маленькое солнышко, взошедшее в его жизни,

унывшее мучительную смуту в его душе, придавшее смысл его существованию... Этот малыш, его кровинка когда-то должен проводить отца, давшего ему жизнь, в последний путь. Только так. Но болезнь грозила лишить Рахмана единственного сына, его продолжения, его бессмертия...

Сердце сжалось, защемило от этой жуткой мысли. Глянув на кроху и на лежавшую рядом с малышом бледную жену, истощенную хворью до неузнаваемости, он молча вышел из дому. Раздумывать было некогда. Нельзя было мириться с грянувшей бедой. За два дня он обошел весь район - село за селом, двор за двором и вернулся домой с сумкой, набитой всевозможными высушенными целебными травами, наслушавшись бабушкиных наказов: что и как настоять, какие отвары приготовить, как их принимать. Взялся за дело и вскоре почувствовал перемены к лучшему, и у сына, и у жены. Жар спал, вернулся аппетит. Через пару месяцев и вовсе не узнать было больных. Соседи и родня не могли поверить в это чудесное исцеление. Того, чего не смогли сделать врачи, добился Рахман. А сам уверял всех, мол, никаких тут нет чудес, а только народный опыт, накопленный за многие века. Кто-то верил, а кто-то подозревал колдовские чары, ворожбу.

С той самой счастливой весны Рахман "заболел" народной медициной. В лес, в горы без сумки не ходил, собирал травы, цветы: мать-и-мачеху, холодянку, чистотел, шиповник, липовый цвет и несметное множество иного целебного зелья. Аккуратно сушил, укладывал в склянки и хранил. И если дома кто занедужит - уже не бежали в аптеку или к врачу - народная медицина выручала. Рахман сызмала, еще со слов бабушки, знал о врачующей силе родной природы, да и не только со слов, - бабушка всех лечила травами, и при простуде, и если сыпь какая, и от малокровия, и прочей напасти. Дома никаких уколов, кроме обязательных прививок, и таблеток не знали.

Выздоровела семья, - так соседи и зачастили к Рахману за советом и помощью. Он никому не отказывал. Бывало, иной эскулап с

дипломом не может с болячкой чьей-то управиться, а он пару раз перевязку с подорожником сделает - и будь здоров. Против кашля у него настои, отвары. Вылечит человека - рад донельзя, и никакой такой корысти. Не тот человек Рахман, "пациенты" ему как родные. Предлагали деньги, подарки - обижался. Маиса же злилась:

- Дома у тебя хоть шаром покати, а ты корчишь из себя благодетеля. У нас много чего не хватает. Думаешь, на руках носить тебя будут? Держи карман шире! Тоже мне, богатей!

Маиса гнула свое, а Рахман не мог переломить себя, переиначить, брать мзду за добро.

- Думаешь, все тебя поймут, оценят? - продолжала долдонить жена, видно, зря. По сути, ее тревожило не бескорыстие мужа, а то, что к нему зачастили сельчане, преимущественно сельчанки, чаще молодые. Рахман был хорош, притягателен, ему и черная борода шла, и в глазах какая-то загадочная тайна. Маиса же, тощая чернушка, ревновала...

Как-то раз пожаловала жена соседская, Зумруд. Видите ли, болячка у нее на руке завелась. Так ей, Маисы благоверный, два дня кряду перевязку делал, снадобьем каким-то ручку смазывал. Наконец, болячка рассосалась...

Но Маиса припомнила ему, как он, понимаете ли, глядел на нее дольше положенного, руку ей разминал, растирал подозрительно, да еще видите ли, чего-то ей на ушко нашептывал... После такого обвинения Рахман не на шутку обиделся и разговаривать с женой перестал. Потому что на самом деле все было иначе. Да, хороша была соседка, писаная красавица, но не такой человек был Рахман, чтобы на чужую жену заглядываться, да еще при своей, кроме того Зумруд была женой Агшина, с которым Рахман съел не один пуд соли. Если на то пошло, он даже глаз на нее не поднимал, ну, разве что на секундочку, не дольше, но чтобы пялиться, глазами пожирать - это могло привидеться только в больном воображении!

Вот потому и охладевал Рахман к дому, к очагу. Лишь на службе

чувствовал себя спокойно, в своей тарелке. Но и это спокойствие было относительным, так как о нем, знавшем назубок каждую тропу в лесу, берегшем лес как свое кровное добро, уже пошла разноречивая молва. Казалось бы, в таком леснике души бы не чаять, нет же, шушукались кумушки, будто он ворожкой занялся, с нечистой силой знается, судачили, что у него с головой неладно, что от жены злыдни в лес подался... Впрочем, в этой последней версии была доля истины... И прозвища навывдумывали: "колдун", "леший", "полуночник", "дервиш"... Доходили до него эти слухи. Поначалу обижался, душа болела из-за злорадства людского и неблагодарности. А после - привык, чешут языками, ну и пусть.

...Голод постепенно лишал его сил. В глазах плыл туман. Собравшись с силами, он поднялся и зашагал к лесу. В дубраве, в укромном уголке у него была сторожка, сам сработал из камыша, а внутри устлал и обложил звериной шкурой. Летом - спасение от жары, зимой, осенью - пристанище от холода. Здесь и ночевал зачастую, держал прозапас продукты, готовил еду на керосинке.

Добрался до сторожки, вошел. Поднял крышку котелка - там буханка. Срезал заплесневелые части и разрезал на ломтики, достал сыр, перекусил. Затем умылся у родника возле сторожки, напился всласть студеной, чистой воды.

Вернувшись в сторожку, прилег на тахте и сразу забылся глубоким сном.

Проснулся он, когда уже смеркалось. Вдруг защемило сердце от смутной, неведомой доныне тревоги. Не по себе ему стало в лесу, привычном, исхоженном вдоль и поперек за долгие годы. И тоска эта была по живой человеческой душе. Хотелось поделиться с кем-то печалью, облегчить душу, скинуть с нее камнем давившую тоску.

Медленно побрел он к опушке и направился в райцентр. Свернул не к нижним кварталам, к дому, а в сторону верхней части. Миновав продмаг и задержав шаг у изгороди, обвитой розовыми кустами, осторожно приоткрыл калитку, заглянул во двор. Никого. Ок-

ликнул:

- Эй, есть кто-нибудь?

По ту сторону показалась женщина. Глаза красные, заплаканные. Узнав Рахмана, она радостно всплеснула руками:

- О Боже! Добрый человек к нам пожаловал!

- Здравствуй, Сарвиназ! - У него запершило в горле.

- Салам, Рахман халу*. Какими судьбами? В кои-то веки вспомнил про нас... Когда Адиль был с нами ты нас чаще навещал. А теперь вовсе позабыл...

- Сама знаешь, негоже заходить в дом, где нет мужчины.

- Так ты же не чужой. Помнишь, когда он уходил - нас тебе вверил?

- Верно. Виноват. Но сколько раз порывался провести, останавливала мысль: люди это по-другому истолкуют. Пойдут пересуды.

- Никто ничего не скажет. Ты в этом доме - свой. Адиль тебя любил как брата родного. Не веришь - покажу письмо.

Она достала из кармашка фартука свернутый вчетверо листок. Он глянул краешком глаза.

- Что пишет? Какой срок ему дали?

- Восемь.

- Что ты говоришь? Потому, вижу, слезы.

Сказал это с сочувствием, но она поспешила сменить тему.

- Ну что стал у ворот? Ради Бога, входи. Пусть и дети порадуются. С тех пор, как Адиль арестовали, никто к нам не ходит.

- Рахман халу пришел, Рахман халу!

Шестилетняя пухленькая Нигяр кинулась к нему в объятия. Рахман подхватил ее, чмокнул в щечку. Девчурка надула губки:

- Почему ты не приходил?

- Соскучилась?

- А как же!

- Взяла бы маму и пришла б к нам.

* *халу* - дядя

- Я-то хотела, а она ни в какую.

Вышли на голоса Азер и Габиб.

- Ну как вы, орлы? Как жизнь молодая?

- Хорошо...

- Скоро вам в школу. Готовьтесь, как следует.

Появление Рахмана вызвало оживление в доме. Маленькие "почемучки" засыпали его вопросами. И он терпеливо отвечал им, какое в лесу зверье водится, какие птички поют, какие грибы растут, какие съедобные, а какие нет...

- Ну, хватит изводить Рахман халу. Ступайте играть. Человек с работы пришел, дайте ему передохнуть.

Сарвиназ вывела детишек во двор.

Рахману было чему позавидовать в этом доме. Прежде всего - скромность и послушание детей. Слово матери - закон для них. Самое странное, что такой исполнительности он не замечал при Адиле. Сарвиназ же не повышала голоса, не покрикивала, а вот, поди же, слушаются.

Вспомнилась ему свадьба Адиля и Сарвиназ. Да и не сама свадьба, а события, происшедшие накануне, за неделю...

...Полночь. Стук в дверь. Кого это принесло, на ночь глядя? Вышел. У ворот стоит Адиль, съезжившийся от холода, взвинченный.

- Одевайся, пойдем со мной!

- Что стряслось?

- Потом объясню! Шевелись! Накинь на себя что-нибудь.

Оделся, вышел с другом на улицу. Дойдя до угла, Адиль показал на двух лошадей, привязанных к стволу карагача.

- Поедем в Яргун.

Это в тридцати километрах от райцентра, родное село Адиля.

- Чего тебе приспичило на ночь глядя?

- Невесту умыкнем.

- Чего-чего?

- Через неделю у нее свадьба..., за другого выдают.

- Ты что, спятил? Негоже на чужую невесту зариться.
- Целый год отец обивал их порог, а все от ворот поворот получал. А сейчас, видишь ли, обручили с голодранцем.
- А девушка-то как, хоть благоволит к тебе?
- Стерпится, слобится, - уверенно сказал Адиль. - Не женюсь на ней
- умру.

Этим было сказано все. Рахман понял, что у друга творится на душе.

- Ладно. Поехали.

Доехали далеко за полночь. Уже и петухи запели, правда, малость перепутавшие "график". Псы, учуявшие ночных пришельцев, подняли лай. Потом воцарилась тишина, которую нарушал только цокот копыт.

- Кто у них дома?

- Никого. Родители в райцентр уехали за свадебными "заготовками", вернутся завтра.

Доехав до дома, Адиль вдруг растерялся от волнения.

- Что с тобой? - Рахман ухватил его за похолодевшую руку. - Возьми себя в руки.

- Я тебя у ворот подожду... Ты ее выведи... и рот заткни платком, чтоб не кричала.

Мешкать было нельзя, скоро рассветет, соседи заподозрят, засекут. Рахман соскочил с седла, перемахнул через дощатый забор, прошел во двор и вдруг наступил ногой на что-то мягкое. Раздался оглушительный кошачий визг. Он резко отпрянул, а кошка молнией перескочила через забор. Он подкрался к дому. Дверь на застекленную веранду была заперта. Толкнул раз, другой, изо всех сил, взломал. На двух внутренних дверях - замки. Значит, она - в третьей комнате, тоже запертой. Чуть потрудившись, открыл и ее.

При виде девушки, забывшейся безмятежным сном в цветастой ночной рубашке, с волосами, разметававшимися по подушке, Рахмана словно громом поразило. Богиня! Белое лицо, черные длинные рес-

ницы, точеный нос, пухленькие губы. Не ведающая об опасности спящая красавица на миг околдовала его. Впервые, увидев такую прелесть, он растерялся. Вдруг странная ревность больно кольнула в сердце. Но это длилось лишь мгновение.

Он схватил полотенце со спинки кровати и зажал ей рот. Проснувшись от грубого прикосновения девушка открыла глаза, и в них вспыхнул ужас. Рахман связал ее руки, подхватил и понес прочь. Пьянящий запах теплого девичьего тела вскружил ему голову. Вышел.

Предраассветная свежесть прохватила его, и Рахману стало не по себе от беспомощной дрожи живой ноши.

У Адилья, увидевшего его с пленницей, лихорадочно загорелись глаза. Рахман, не глядя на друга, хмуро уложил девушку к нему за спину и, вскочив на свою лошадь, дернул за поводья. Вскоре они уже были за околицей.

Вдруг Адиль растерянно обернулся:

- Куда же я ее повезу?
- Как куда? К себе домой!
- Дома у нас народу полно! И свои, и гости.
- Раньше надо было думать! - Рахман рассердился.

Ехали молча, ломая голову, как быть. Наконец Рахман нарушил молчание:

- У меня в лесу сторожка. Можно там переждать пока уляжется шум.

Такое вот пристанище.

Долго он будет помнить слова, сказанные ему наутро давящейся от слез Сарвиназ:

- Когда этот дикарь... решил... умыкнуть меня... Как ты не убоялся Бога! Хоть бы подумал, что он мне в отцы годится!

Потупился Рахман, отмолчался! Но впоследствии не раз клял и корил себя за содействие и потворство. Грубый, неотесанный Адиль никак не подходил этой ангелоподобной молодой женщине. Вдоба-

вок, Адиль привередничал, изгалялся над ней, руку поднимал, - похоже, черпая в этом удовольствие. Не раз Рахману приходилось вырывать ее из рук рассвирепевшего муженька.

- Что ты житья бедняге не даешь? - спросил он как-то возмущенно.

- Пусть боится меня. А то еще начнет глазки строить встречному-поперечному...

- Уймись. Цени свое счастье, - пытался он урезонить друга. Но Рахман знал, что при всем при этом Адиль безумно любит свою избранницу, уж такая у него натура, от избытка чувств себя не помнит.

- Что ты призадумался, Рахман халу? - голос Сарвиназ прервал его воспоминания. - Уже и чай готов, угощайся, вот варенье и мед.

Аромат чая, заваренного на чабреце, заполонил комнату. - Чуяло мое сердце, что придешь, - продолжала хозяйка. - Я и хинкал нарежала, за пару минут приготовлю. Вы же с Адилем обожаете хинкал.

- Не утруждай себя. Выпью чаю и пойду, - попытался возразить Рахман.

Вскоре на столе появился хинкал, аппетитно благоухающий, и мацони с нарубленным чесноком впридачу. Тут уже пришлось забыть про церемонную деликатность. Большая тарелка опустела. Он виновато вскинул глаза:

- А самой-то что осталось?

- Мы с детьми - после. Теста раскатала вдоволь... - Выдержала паузу, и, понизив голос, спросила: - Что с тобой, Рахман халу?

- А что может быть?

- Не таи. Вижу, ты не в себе. Исхудал, глаза запавшие... Выговоришься, облегчи душу.

Но Рахман переменял тему. Вскоре он поднялся и попрощавшись с хозяйкой и ребятишками, ушел. И, странное дело, тоски, камнем лежавшей на сердце, как не бывало. Поровнявшись со своим домом, он задержал шаг и, немного подумав, прошел мимо.

Прошло уже изрядно времени, как он не появлялся дома. По-

началу, правда, томился по Маисе, по Джалилу. А теперь и вовсе не тянуло домой. После посещения Сарвиназ в нем что-то переменялось. За шесть месяцев со времени ареста Адиля он переживал за друга, остро ощущая его отсутствие, а вот навестить его семью все не решался. Хотя когда Адиль бывал дома - другое дело, частенько навещался.

Теперь Рахман со смутной тревогой на душе осознавал, что влекло его в этот дом не столько из-за Адиля, сколько из-за Сарвиназ. Словом перекинешься - радость, поглядишь - душа отгадает, а попотчует - так праздник. Маисе до такой готовки далеко, и захочет - не получится. Она и сама признавала это кулинарное превосходство и после совместных посещений дружеского дома всегда говорила об этом. Впрочем, в глубине души она питала неприязнь, если не сказать ненависть к Сарвиназ. Больше всего ее злила красота женщины. И всякий раз эта тайная злоба оборачивалась скандалами с мужем, придирками по пустякам. Вернутся домой - и словно Маису подменили, что ни слово - яд, спросишь - огрызается. Рахман догадывался об истинной причине ее гнева и потому отмалчивался. Когда уж совсем немоготу станет, то предпочитал уйти с глаз долой. Чтобы избежать этих тягостных сцен он в последние годы навещался к Адилю один, без Маисы. А ее, кажется, это устраивало, чего беречь рани, зря себе нервы трепать.

Когда Адиля посадили за растрату, больше всех переживал Рахман. Не только из-за друга, но и из сострадания к участи Сарвиназ... И хотя сказать об этом он бы никому не решился, даже самому себе признаться боялся, но это было так. Потому вдруг и перестал ходить в дом друга. Но на сей раз, навестив горемычный дом, он понял, что не сможет жить, оставаясь в неведении о Сарвиназ, не зная, как живет ей и детишкам.

Вдруг он вспомнил соседа Сарвиназ, овдовевшего пять лет тому назад Мамеда. Не раз замечал, что вдовец из-за плетня подглядывает за Сарвиназ. Да она и сама об этом знала. Потому, когда Адиль от-

лучался из дому по делам, обязательно оставлял для присмотра за ним кого-нибудь из родственников.

Впервые за полгода он подумал о назойливом соседе. Не пристает ли к Сарвиназ, оставшейся без мужа, с детьми - мал мала меньше?..

Эта мысль обожгла его, и он почувствовал удушье. Впервые так остро ощутил укор совести, подумав о незащитной женщине.

Была полночь... Он и не помнил, как выбрался из леса, когда добрался до ворот дома Адиля. И ужаснулся от картины, представшей перед ним: Мамед стоял во дворе у дверей, а перед ним - Сарвиназ, со вскинутой двустволкой.

- Брось ружье! Брось, говорю! - Голос у Мамеда дрожал, видно струхнул.

- Я тебя сейчас застрелю, сукин ты сын! Дорого тебе обойдется, что у чужих дверей, шкодливый кот, шляешься!

- Послушай, да я же тебе никакого зла не причинил! Восемь лет без мужчины, не век же вековать одной...

- Ах ты, подлец! Да если на всем свете только мы вдвоем останемся, я и смотреть на тебя не стану. Тьфу!

Мамед не успел ответить. Кулак Рахмана уложил его.

У Мамеда из носа хлынула кровь. А Рахман все не может остановиться в бешенстве от гнева.

- Хватит, Рахман халу, не убивать же его, - Сарвиназ с трудом остановила его.

- Послушай, гад! Ты, похоже, счел, что нашел легкую наживу? Заруби себе на носу: впредь духу твоего здесь не будет. Или... пеняй на себя.

Мамед поднялся и рванулся было к плетню.

- Нет, не через плетень, в дверь выходи! - крикнул вдогонку Рахман. Тот повиновался.

Только сейчас он заметил, как побелела лицом бедная женщина. Руки у нее тряслись. Он взял ее под локоть и повел в дом.

Чтобы не разбудить спящих детей, спросил полупшепотом:

- Давно он повадился?

- Как взяли Адила - ни сна, ни покоя мне нет. Хотела было в милицию пожаловаться, да раздумала: пойдут чесать языками, ославлят, тогда уж лучше и не жить, - сказала она давясь слезами. И Рахману стало ясно, что ей пришлось пережить. Искал, чтобы ей такое сказать утешительное, но не находил слов. Так и сидел, молча слушая ее. Наконец, признался:

- С утра сердце щемило, места себе не находил. Видно, неспроста... Чужл, значит, беду...

Она устремила на него благодарный взгляд.

Посидев еще немного, он поднялся.

- Пойду... Пора мне... Ложись-ка спать и ничего не бойся. Впредь он и краешком глаза не посмеет взглянуть на тебя. И я уж почаще стану навещать к вам.

- Да, ради Бога, Рахман халу, не забывай о нас. В дом без хозяина много всякой твари заползает.., - сказала она с горестным вздохом.

Он дошел до своего дома, сердце заколотилось, заныло, - на сынишку захотелось взглянуть. Прошел во двор, поднялся на веранду. А подойти к кровати мальчика не решился. "Разбужу ненароком. Пусть спит. До утра недолго..."

Ночь нависла над округой, как тяжелая дума. Вблизи квакала лягушка. Как всегда, это монотонное песнопение безобидной твари навело на него смутную тоску. Опершись на перила, он впился глазами во тьму.

"Ну, чего тебе нейдет, квакушка? Чего не спится? Или тебе тоже спать не дают? Может, и ты тоскуешь, как я, по детенышу своему? Или другая у тебя забота-печаль?.."

Вдруг тишину нарушил цокот копыт. Он узнал седока: это был соседский мальчуган Махир. Не бывало дня, чтобы не возвращался домой на взмыленном коне. За эти шалости то и дело драли ему уши

и отец Агшин, и мать Зумруд. "Чертенки! - губы Рахмана тронула улыбка. - Загоняет ведь лошаденку..." - Подумал и позавидовал: "Эх, быть бы мне на твоём месте... Без забот, без печали..."

Вспомнил своё детство. Для него, мальчишки, не было большей радости, чем верховая езда. Да и гнедой у них был резвый бегун, ничья лошадь не могла угнаться за ним. Но случилась беда: змея укусила коня. Корчился, бился, бедняга, от боли, стонал почти по-человечески, а потом обессилел, упал и затих... Наутро похоронили гнедого за околицей, на цветущей поляне. Рахман нарвал цветов и осыпал свежий холмик. Ревмя ревел. Родители никак не могли утешить, успокоить его.

Потом ожила перед глазами Маиса. В те времена росли у них перед домом плакучие ивы, обвитые ветвями паслена. Ребятишки день-деньской лакомились ягодами. Как-то они с Маисой вскарабкались на иву. Рахман, всласть наевшись ягод, спустился, принес топорик-дахру и стал им бить по стволу, делая вид, что хочет срубить иву. Маиса взвыла: "На помощь!" А Рахман, знай себе, размахивает топором и кричит: "Сейчас срублю под корень!" Так и пугал Маису, заставляя её кричать, пока не подросел отец и не отобрал у него орудие.

В те времена, бывало, день-деньской игрался с этой девчонкой, которая и сама резвостью и озорством мало чем уступала мальчишкам. Впрочем, Маиса - девочка была покладистая. А после, годы спустя, как вышла за него замуж, стала ворчливой занудой, не узнать было прежнюю егозу и озорницу.

Теперь, думая обо всем этом, у Рахмана в душе пробуждалось чувство жалости к ней. И он уже каялся за недавнюю гневную вспышку. Войдя в спальню, он разулся, разделся и, осторожно откинув одеяло, лег рядом с Маисой. Потом так же осторожно обнял её. Та, оказалось, не спала, молча отзывалась на ласку и прижалась к нему...

ГЛАВА II

В лесу первыми привечают утро птицы. Похоже, удод проснулся раньше всех. Распахнул дремотные глазки и озирается. И вдруг - фырр! - вспорхнул другой пернатый житель леса. Кто бы это мог быть? Ну, конечно, фазан. А тут взвилась на веточку липы иволга и что-то звонко стала тараторить соседке. В народе ее окрестили "сплетницей". Вот и пошла "чесать языком", а соседка вся обратилась в слух.

Погодя зазвенел жаворонок, затем "заговорил" выюрок, перепел. Идет Рахман по лесу, раздвигая кусты, травы, а те покачиваются, будто здороваются.

"Что же соловушки не слышать?" - обеспокоился он. И тут полилась знакомая трель, взახлеб залился певун, за душу хватала соловьиная исповедь.

Вдруг у тропы оглушительно заверещала сорока. Он даже опешил от неожиданности.

- Что раскричалась? - невольно вырвалось у Рахмана. Сорока хлоп-хлоп крылышками, прыг да скок. - Ну и паникерша! Да скажи же толком, чего тебе надо?

А сорока все мечется. Подошел Рахман поближе и понял: из-под дуба на него взирает птенчик, слабым писком звавший маму на помощь. Рахман вскинул голову и, увидев трех сорочонков, сообразил, в чем дело. Незадачливый малыш выпал из гнезда и угодил в груды опавших листьев.

Подобрал птенчика, погладил крылышки. А сорока-мать вконец всполошилась, подлетела вплотную, крик подняла.

- Придется ради тебя на дерево вскарабкаться, - сказал Рахман вслух, - не бойся, водворю твоего малыша в гнездышко целым и невредимым.

Поднялся. Птенцы в гнезде запищали вовсю. Опустил бережно их собрата и - вниз, цепляясь за ветки плюща. Сорока-мать захлопала крыльями на радостях, издавая удивительные восклицания.

- Ну, успокоилась?

Рахман, довольный своим вмешательством, присел под деревом, понаблюдать за сорочьим семейством.

Мать с поживой крутит вокруг гнезда, а желторотое потомство, разинув клювики, ждет в нетерпении, кому что перепадет. Вдруг он недобро взглянул на плющ, обвивший ствол дуба.

"Ишь, оплел! Дыхнуть дереву не дает!" Почему-то все эти выюны норовят к дубу подобраться. "Рядом с дубом надежнее", - подумал Рахман.

Он уловил знакомый тонкий запах. Оглядевшись, заметил выглядывавший из-под сухой листвы лесной ландыш. Нагнулся, вдохнул аромат - хмельной, волнующий. Почему-то этот беззащитный благоухающий цветок напомнил ему Сарвиназ, когда пришлось ради друга умыкнуть ее, сонную, испуганную, дрожавшую от страха и холода, в одной ночной рубашке, так же волнующе-благоухавшую, как это лесное чудо...

После недавней встречи он почувствовал некое облегчение и успокоился. Одиночество, сопутствовавшее ему издавна, как неразлучный друг, теперь, казалось, сладостным. Несказанная красота Сарвиназ, ее хрупкий стан, большие серо-зеленые глаза, тихий, струящийся смех согревали Рахмана в его одиночестве и неприкаянности.

Рахман сызмала рос нелюдимым тихоней. Сверстники куролесят, резвятся, а он, глядишь, уединится в укромном уголке, предавшись смутным мечтаниям. Подростком, как и все ровесники, во время летних каникул он включался в колхозную страду. Наступал обеденный перерыв, все отдыхают, а он подается за межу, к разнотравью,

ходит, высматривает цветы, разглядывает: "Заговорили бы вы со мной - я бы знал, от какой напасти-хворобы какой из вас помогает..."

Бабушка заметила интерес внука к травам и брала его с собой, когда ходила за целебным зельем. Окликнет поутру, а Рахман уже на ногах. Прихватит хлеб с сыром - и в путь-дорогу.

- Баде*, что ты там собираешь?

- Это ятрышник, детка. Он разный бывает. Я знаю пять-шесть видов. А для снадобья годится только здешний, наш.

- А почему?

- Потому что только у него состав такой полезный.

- Откуда ты это знаешь?

- От стариков.

- А они?

- А им их деда и бабки рассказали. Вот придет время - и ты своим детишкам, внучатам вразумишь...

- Но я ничего в этом не смыслю.

- Поживешь - узнаешь. Научу. Вот это, гляди, барбарис.

- А... ты из него отвар готовишь... вперемешку с луком. Такая красная кислятина...

- Верно. Но это - лекарство от многих хворей... А вот пушистый цветок - одуванчик. В наших краях его называют "некІед хъач"**. Видишь листочки эти с прожилками, по земле стелются. Подорожник. Приложи к ране - заживет.

- А как?

- Забыл? Помнишь, нарыв у тебя на ноге был, а я приложила подорожник, перевязала, через день - рассосался... А вот - шишник, рядышком - душица, а вот там... видишь кустик с ягодами желтыми? - Облепиха.

Маленький Рахман дивился бабушкиной цепкой памяти. Как она

* баде - бабушка по отцу (лезг.)

** некІед хъач - одуванчик (лезг.)

запоминала такую уйму названий! Мало того, - знала, как и когда собирать, сушить, пускать в дело.

- Целебную траву надо собирать в глухих местах, куда не ступала нога человека. И чтобы скотиной не тронутая была. Иначе не то получится снадобье. У одних растений надо собирать молодые побеги, у других - цветы только годятся, а есть такие - только корни нужны.., - терпеливо растолковывала бабушка.

Возвращались домой с набитыми мешками. Бабушка на задворке переберет "добычу", разложит на чистой холстине и оставит сушиться. Целыми днями возилась. Придет срок - наполнит мешочки, склянки, из некоторых трав мази готовит. Переберет ягоды, скажем, боярышника, насыплет в дуршлаг, промоет хорошенько, воду сольет, а ягоды истолчет, косточки - долой, добавит в месиво воды, и - на ровный огонь. Готовый отвар - в банки. Рахман любопытствовал:

- Для чего?

- У кого желудок болит или плохо переваривает пищу. Да еще, если памятью слаб или малокровием страдаешь, не приведи Бог. Месяц по половине чайной ложки в день - и, считай, здоров.

В те времена в селе распространилась некая напасть, от которой страдали больше всего дети. Бабушкино снадобье многим тогда помогло. Это было похоже на чудодейство: врача не дозовешься, лекарств не сыщешь, а бабушка, гляди, выручила. Бывало, ночами глаз не смыкала, зелья свои готовила. А Рахман во все глаза смотрел, примечал, слушал.

- Запомни: в это снадобье входят козий жир, масло, мед, сливки, какао, солодовый корень, имбирь, да еще корица... Месяц "потчую" больных таким вот составом, а после еще месяц другой смесью: сало, какао остаются, а еще добавляю яблоко, сырое яйцо и песок сахарный... Против воспаления помогает и гной выводит...

Внук, как говорится, на ус наматывал. Бабушка старела, не под силу ей уже по горам, по долам ходить было, травы собирать. Вот и стал Рахман ей помощником. К пятнадцати годам он уже, считай,

всю "бабушкину" грамоту знал назубок, где что растет, когда и как собирать.

...Нежный и трепетный аромат ландыша отвлек его от воспоминаний. Он погрузился в созерцание малюсеньких белых гирлянд. Каждый цветок выглядывает из двух зеленых "воротничков".

Он нагнулся над этой хрупкой красотой, вдохнул аромат, еще и еще... Было что-то девичье чистое, беззащитное в этом творении природы, и ему пригрезилась Сарвиназ, юная, восемнадцатилетняя, и почувдился тогдашний запах ее густых распущенных волос..., незабываемый, незабываемый... Запах, оставшийся в его памяти с той странной, нелепой ночи, всколыхнул все его внутреннее существо, посеял в нем волнующую смуту, засел в сердце тоской несбыточной мечты...

И первые подснежники, боязливо выглядывавшие ранней весной из-под снега, и пышные метелки сирени, распускавшейся в саду, и смущенно рдеющие розы во дворе, все вызывало в памяти образ Сарвиназ, и вся сущая земная красота уже становилась нераздельной с ее именем.

И хотя с той странной, волнующей, суматошной ночи немало утекло воды, Рахман помнил ее во всех подробностях и будет вспоминать до конца дней, та ночная картина, наверное, будет всплывать перед его мысленным взором.

Вдруг взгляд зацепился за дубовый подрост, примятый, полегший. На тропе явственно различались следы копыт животного. Помрачнел: "Кто еще повадился скот в лесу пасти?"

Встал и двинулся вверх по тропе. При виде затоптанных кустов, трав он почувствовал, как в нем закипает гнев.

У опушки леса заметил односельчанина Мамеда, гнавшего перед собой стадо.

- Слушай, тебе что, больше негде пасти скотину?

- Да что было делать, Рахман, - кратко отозвался нарушитель, - сегодня мои ребята проспали время, не успели животину в стадо обшее проводить. А мои буренки к полудню такой рев устроили, что

сердце мое не выдержало... Вот и надумал... привел в лес...

- Эх, голова ты садовая! - Рахман с трудом подавил в себе гнев.
- Уж если ты такой сердобольный, так жалеешь скотину свою, то подкинул бы им охапку сена. А не так чтобы лес на потраву...

- Какая же потрава, помилуй Бог! Что лесу-то станется от пары-другой коров?

- Да разве ты один такой тут ходишь? Каждый по паре коров, козлов приведет - и нет твоего леса. - Он показал затоптанный дубовый подрост. - Скотина - враг молодого подростка. Дуб не липа, липа быстро в рост идет, и век у нее не очень долгий. А дуб растет медленно и живет долго. Если позволят...

Мамед устался на гусеницу, увязшую в паутине, опутавшей ветви карагача. Вдруг взмахнул палкой и, скинув гусеницу, придавил ногой. При виде этой сцены Рахман заговорил осуждающе:

- По сути, нет на свете травинки, букашки, твари, чтобы вовсе ненужной была. Природа так сотворила все живое, чтобы на что-то, да кому-то сгодилось... Вот гусеница. Вроде, нечемная тварь. А как знать, может, лесу и от нее прок? Или взять мышь. Неужели она только для того и создана, чтобы кошки их съедали? Нет... у всякой живой твари - свое назначение, свое право гражданства и место под солнцем...

- Эх, Рахман... Не делай из мухи слона! Велика важность. Ну, лес как лес. Его не убудет. Я как открыл глаза на свет божий, так и увидел: лес окрест. Как стоял, так и стоять ему.

- Ошибаешься. Ты вспомни, прежде лес тянулся от мельницы до тутовой рощи. А сейчас по ту сторону - ни деревца. Да и какой густой был лес, чаща непролазная. Теперь деревья по пальцам перечесать можно.

- Это да, это ты верно, - наконец, согласился Мамед. - Так я пойду? - Рахман досадливо махнул рукой: мол, что с тобой поделаешь? Мамед погнал коров к селу.

Рахман примостился под старым каштаном на молодой траве и

вытянул ноги, прислонившись спиной к стволу. Устал, передохнуть бы.

В воздухе стоял тонкий аромат. Вскинув голову, он залюбовался бледножелтыми цветами, похожими на свечи, видневшимися сквозь толстые "пятипалые" листья.

Это от них исходил тонкий душистый запах. Так и пылать этим свечам - с начала апреля до конца мая, придавая лесу торжественное убранство. Вокруг вились пчелы. "Говорят, сок каштанового цветка - горький, что ж они налетели?" Местные пасечники в пору цветения каштанов переносили хозяйство подальше - чтобы цветочный мед не горчил.

Вдруг он просиял, как при виде старого доброго друга,- из-под кроны каштана выглядывала цветущая молодая черешня, вся в белом. И росла она прямо из дупла каштана! Видно, какая-то лесная птица занесла сюда семя, оно прижилось, пустило корни в плоть каштана. Вот уже пять лет, как присматривался Рахман к залетной гостье, обосновавшейся здесь. И ничего, живет, листья распускает, цветет, плодоносит. А каштан был ее кормильцем и хранителем, ограждал от холодных ветров, от дыхания зноя.

Рахман изумленно созерцал это чудо бессловесной любви и союза великана-каштана и хрупкой черешни, и в сердце закипала глухая волна неизъяснимой грусти. Он не мог равнодушно взирать на красоту, на такие вот причуды природы, и невольно ее чары навели на мысль о Сарвиназ. Вернее, он искал в природной красоте ее приметы. И сейчас эта черешня напомнила ему Сарвиназ в цветастой ночной рубашке, безмятежно спящую в ту далекую ночь... Сарвиназ - нежное, милое, родное создание, его неотвязная дума, забота, его мираж, которому расти в сердце, как этой лесной черешне... Ей расти, цвести, наливаться зрелой красотой, а Рахману идти к старости, и однажды покинуть мир, и смешаться с землей с молодой любовью в старом усталом сердце. Никто, даже сама Сарвиназ, не догадается, не прознает об этой безумной, безнадежной любви.

Ему стало одиноко и тоскливо. Вспомнилась вдруг мать. Бывало, обнимет его, приголубит, вздохнет горестно:

- И в кого ты такой уродился, кровинка моя! Что ж ты не такой, как все ребятки. Выйди на улицу, побегай, порезвись хотя бы, только не сиди вот таким молчуном!

Он и вставал, и выходил во двор, где куролесила неугомонная горластая детвора, поглядит, покосится, и мимо - за околицу, в лес. Придет, присмотрит укромный уголок, вытащит книжку из-под рубахи и примется читать. Жил он книгами, воображаемым миром, который становился частью окружавшей его действительности. Переживал события, радовался за героев. Бывало, под впечатлением потрясшей книжной истории о еде забывал, по ночам ему снились причудливые сны, с продолжениями вычитанных сюжетов...

Учился он не ахти как. Но к литературе пристрастился, хотя его книгочейство не укладывалось в программу. Книги согревали его светом высокой любви, они и были его друзьями, а так чтобы дружить с кем-то - не получалось, не клеилось, не было такого, кому бы он мог довериться. Он бы и рад подружиться, да не выходило, заводили на него смотрели как на "чудилу", у которого на уме одни книги и всякие выдуманные истории, потому он как-то выпадал из компании.

...Он вспоминал вчерашнюю встречу с Сарвиназ, то, как она утешила его простыми словами, пытаясь отогреть его остуженную, оконеченную душу, и при мысли об этом его охватывало чувство, похожее на счастье, такое ощущение, будто он попал на неведомую уютную и добрую планету или на теплый зеленый оазис... Женщина, которая была моложе в полтора десятка лет, пыталась ободрить его, кормила-потчевала, опекала как младшего, и это было трогательно, вызывало ощущение душевной близости.

Подходя к своей сторожке, он увидел сидящего на дубовом пне человека.

** стха - брат (лезг.)*

- День добрый. Чем могу служить?

- Ты ли Рахман стха*? - Мужчина поднялся.

- Он самый.

- Я из села Пирал. Мне посоветовали к тебе обратиться. Ты уж уважь просьбу, не откажи в помощи.

- А что случилось?

- Я к тебе из-за сына. Был мальчик как огурчик, вдруг стал таять на глазах. Сколько порогов пообивал, врачам показывал - не помогает. И в больницу положил - на месяц, вроде полегчало, на поправку пошел, а потом опять зачах.

- А чего ты от меня хочешь?

- Может, ты выручишь... народными средствами...

- Как тебя звать?

- Самандар...

- Вот что, Самандар-стха. В райцентре - врачи и больница. Прощу тебя, - туда и стучись. Я - лесник. Мое дело - лес беречь-охранять.

- Не откажи...

- Не могу... Не по моей части... Так что, ступай с миром.

Мужчина молча повернулся и ушел.

Рахман вошел в сторожку, прилег на тахте. Знакомый запах медвежьей шкуры на сей раз почему-то вызвал в нем раздражение. Скинул шкуру в угол и лег на голой тахте.

Смеркалось. Завела протяжную песню птица, будто баюкала деревья. О чем-то подумав, Рахман встал, вышел из сторожки и двинулся к опушке, ускоряя шаги. Он держал путь в Пирал. Добрался до села, когда уже нависла густая темень. Кругом ни души. Расспросив сельчан, нашел дом Самандара. Ворота не были заперты. Вошел, у крыльца снял обувь, поднялся на застекленную веранду и кликнул:

- Эй, хозяин!

Ответа не последовало. Постучался в дверь, - тихо. Открыл, переступил порог... На большой железной кровати лежал человек с

бледножелтым, как айва лицом - одна кожа да кости. Рахман содрогнулся. Спящий мальчик был больше похож на мертвеца, безо всяких признаков жизни. Тихонько подступив к кровати, он сел на стул. Мальчик распахнул глаза и удивленно уставился на бородатого незнакомца.

- Здравствуй, друг, - Рахман протянул руку.

- Здравсьте..., - мальчик еле поднял свою тощую ручонку. Рахман задержал в своей пятерне тоненькие, холодные, хрупкие пальцы. Мальчику это затянувшееся рукопожатие было в тягость.

- Как тебя зовут?

- А зачем тебе?

- Как это зачем? Должен же я знать, с кем имею честь говорить. Вот меня зовут Рахманом.

- А-а... "Дервиш" Рахман?

Рахмана такая реакция смутила, но он не подал виду:

- Он самый!

Мальчуган с любопытством уставился на него, в глазенках вспыхнул странный блеск. Приподнялся, попытался было что-то сказать, но тут же задохнулся кашлем, слова застряли в горле. Его вырвало, и он еле успел повернуться к тазику на полу. Рахман, приоткинув одеяло, пощупал худющее тельце. Потом снова прикрыл.

- Что ты делаешь? - слабым голосом спросил мальчик. - Считаешь, что... мне крышка, да? - В вопросе сквозило не отчаяние, а надежда.

- Ты не сказал свое имя.

- Ну, Тельман...

- Слушай, Тельман. Надежда есть. Причем стопроцентная. Бог даст, за месяц на ноги встанешь. - Рахману захотелось во что бы то ни стало уверить этого маленького человечка в возможности исцеления.

- Ты хочешь меня утешить, да?

- Ты - парень взрослый. Потому надо слушать, что говорят стар-

шие. Я сказал - месяц, значит, так тому и быть.

Больной не отозвался, но лицо у него преобразилось. Похоже, что тень безнадежности и отчаянья исчезла, отступила.

Когда вошедший в комнату Самандар увидел лесника, то не поверил глазам своим. Опомнившись от неожиданности он подошел и протянул руку.

- Спасибо огромное, что пришел!

- Где же мать?

- Доит корову, сейчас явится. - Самандар вышел на веранду. - Пакизат, поди сюда, да поживей! Гость к нам пожаловал!

Вскоре хозяйка появилась. Узнав, кто пришел, она залилась слезами:

- Рахман стха.., помоги.., не дай единственному моему сыну све-
чей истаять...

Рахман, сурово сверкнув глазами, потребовал больничный эпикриз.

- Хватит вам! Нечего нюни распускать! Позаботились бы вовремя, не довели бы до такого состояния. Один ребенок у вас, и то не можете толком взяться за лечение. Бог знает, с каких пор кашлем заходится...

- Да все сельское житье-бытье, хлопот полон рот, и скотину паси, и коров подои, и кур покорми, совхоз донимает... Руки не доходят. Нам и поесть недосуг.., - тихо и виновато призналась хозяйка.

- Ну да, на все у вас есть время, а как до ребенка дело доходит, то "недосуг". Какие же вы родители, что ребенка довели до жизни такой? - Рахман распалился не на шутку. Но при виде вконец обескураженных родителей, смягчился:

- Пойду за снодобьем, с помощью Бога, глядишь, поставим на ноги.

- Правда?

- А то как?

Расставшись, Рахман спустился вниз, а Самандар кинулся вдогон-

ку:

- Как же так, даже не почаяевичав? Не перекусив?

- Я сыт!

- Погоди, машину организую!

- Не надо, не привык я на колесах!

Так и ушел.

Но вскоре Самандар догнал его на запыленном "Жигуленке".

Приоткрыл дверцу:

- Садись! У соседа Исабалы напрокат взял.

Через час они были в райцентре, у дома Рахмана.

- Подожди в машине. Я сейчас.

Рахман сошел, подошел к воротам, толкнул створку: заперта. Шагнул к груде песка, забрался на нее и оттуда - на забор, прыг - во двор. Тихонько открыл дверь комнаты на нижнем этаже, включил свет. В этой каморке на полочках вдоль стен стояло несметное количество склянок, банок с целебными травами. Старый холодильник "Саратов" был набит настоями, бальзамами собственного приготовления. И стол рядом был уставлен банками. У железной печурки, в стенных нишах, котелки разного калибра - тоже подсобная утварь.

Входить в эту "лабораторию" всем прочим было заказано. Даже уборку Рахман никому не доверял: сам брался за метлу.

Открыв "Саратов", он извлек оттуда бутылки, налил из них во флакончики и склянки одному ему ведомую жидкость. Из разных кисетов достал трав, затем, завернув в газету, сложил все осторожно в сумку, погасил свет, вышел во двор, и снова перелез через забор.

- Который час? - осведомился он, уже устраиваясь на сиденье в машине.

- Десять минут первого.

- Помучили мы тебя сегодня изрядно, - виновато проговорил Самандар.

Рахман не отозвался. Он все думал о Тельмане. Перед глазами стояло тощее, как скелет, тело, юное существо, оказавшееся на гра-

ни между жизнью и смертью. Назначением снадобья, которое он прихватил, было - улучшение кровообращения, поднятие тонуса, стимуляция аппетита... Он, правда, не был уверен, насколько это поможет мальчику. Знал только, что вреда от этого не будет. Надо же было что-то предпринять...

Приехав, Рахман строго-настрого наказал родителям:

- Если хотите, чтобы Тельман выздоровел - следуйте моим советам. Вот этот бальзам - первые три дня, через каждые два часа по чайной ложке. С полуночи до утра - перерыв. Не упускайте времени. Я и сам наседаюсь...

Спустя три дня наведася. Осмотрел мальчика. Вроде, перемен к лучшему нет. Но слова Пакизата его обнадежили:

- Недавно Тельман попросил лапши. Сварила - целую тарелку съел!

Рахман стал извлекать из сумки новые снадобья:

- Прежнее своим чередом давайте пить. А этот экстракт - в день три раза по ложке... И таким образом неделю. Только - вовремя!

Прошло время. Тельман воспрянул, ожил, встал с постели. Но еще жаловался на головокружение. И сам в таких случаях говорил:

- Давайте лекарство. Пора!

Рахман, осмотрев "пациента" в очередной раз, остался доволен, даже улыбнулся:

- Дела идут хорошо. Еще неделю другую - будет как огурчик. Теперь лекарство давать только дважды в день. У него еще в груди, говоря по-научному, очаг инфекции не устранен.

- Уж ты будь спокоен, как скажешь, так и сделаем. Тельман и сам следит за "графиком". Положит часы рядом, и стоит опоздать на минуту - скандал закатывает, - засмеялась Пакизат.

Лето сменилось пасмурной осенью. Багрово-золотистый листопад преобразил лес. Дни стали короче, похолодало. Уже и не переночуешь в лесной сторожке: холод пробирал. Потому вечерами Рахман спешил домой. При виде промокшего до нитки, осунувшегося мужа

Маиса журила:

- Ты посмотри на себя - кожа да кости. Ну, что ты себя изводишь? Дался тебе этот лес!

- Эх, Маиса... Сегодня с утра сердце щемит. И сам не знаю, что на меня нашло...

- Замотался, - успокоила жена. Но в тоне ее он уловил беспокойные нотки.

- Дома все в порядке? Ничего не случилось? - поинтересовался он.

- Нет. А что может случиться?

- Не знаю. Как-то не так ты сказала. Говори прямо, что случилось?

- Сказала же: ни-че-го!

Он прошел в комнату, включил телевизор. Джалил подсел рядышком и уставился на отца выжидательно-вопрошающим взглядом.

- Сынок, что-то вы таите от меня...

- А если скажу - не расстроишься?

Рахман почувствовал, как кровь застучала в висках.

- Пошли, - мальчик повел его из комнаты. Спустился по крыльцу, отец - за ним.

При виде двери с отбитым замком у него сердце обмерло. Включил свет, вошел и - глазам своим не поверил. Целебная трава по полу рассыпана, всюду бардак, на полках все перемешано.

Маиса, вошедшая следом, перепугалась при виде побелевшего лицом мужа:

- Возьми себя в руки, не принимай близко к сердцу.

Рахман ничего не видел и не слышал. Чего стоило ему собрать эти травы, по былинке, по листочку, сколько ходил по горам, по долам, сколько хлопотал, сушил, берег... Ради ста граммов настоя использовал бог весть сколько разного зелья... И вот...

- Кто? - только и выдавил из себя.

- Из милиции приходили. Сказали, мол, распоряжение нового

прокурора.

- А прежний куда делся?
- Ты будто с Луны свалился! Четыре месяца как сменили.
- А кто этот... новый?
- Не из местных.
- А была у этих гонцов какая-нибудь официальная бумага?
- Да. Сама видела.
- Кто же им дал право на такое самоуправство?
- Говорят, вроде, больничные врачи "накапали". Требуют, дескать привлечь тебя... к ответственности за "знахарство..."

Рахмана душил бессильный гнев. Он был готов заплакать от отчаяния. Впервые в жизни он испытал такое бесцеремонное посягательство на свое достоинство... такое унижение.

- Ты уведи Джалила. Ложитесь-ка спать. А я скоро вернусь.

Маиса знала, что уговаривать его бесполезно. Потому ушла.

Рахман припоминал: в прошлом году к нему пожаловали двое из райбольницы: так, мол, и так, не зная броду, не суйся в воду, не берись не за свое дело, пропесочили, наговорили всякого и отчалили. Он тогда здорово обиделся на врачей. Потому что их обвинения были голословны, ведь не назвали ни одного конкретного случая, когда его лечение пошло кому-то во вред. Так, с наскоку, попеняли и ушли.

А на сей раз с ним обошлись по-хамски, оскорбили...

"Может, мне и вправду бросить это дело? - закралось сомнение.

- На что мне вся эта забота? Что я получил после бессонных ночей, хождений, поисков, хлопот?"

Кровь ударила в голову. Он схватил банку с сушеной мятой с полки и изо всех сил ударил оземь. Разбил вдребезги. Сухая трава рассыпалась под ногами. Потом хватить другую посуду, третью...

Маиса вбежала на шум:

- Что ты делаешь? Опомнись!

Он остановился. Махнул рукой и кинулся вон. Взбежал на крыл-

бцо, вошел в комнату и упал на кровать.

Маиса смотрит на лицо человека, которого любит, чудака, которого не понимает, чувствует, что для него случившееся - беда, большое горе.

Наутро, проснувшись и не застав мужа в постели, она всполошилась, оделась и спустилась вниз, в "лабораторию". А там... порядок. Все прибрано, осколков нет, на полках выстроилась батарея стеклянной "аптеки". Вот и он, вытирает влажной тряпкой полки.

- Сильно напакостили?

- Хуже некуда... Ладно еще, до холодильника не добрались.

- Я забыла сказать: тебе велели в прокуратуру явиться.

- Да что они, в самом деле?! - вскипел Рахман. - Что я натворил? Убил? Ограбил? В чем провинился?

- Они сказали, что без официального разрешения нельзя заниматься лечением людей. Мол, за это статья полагается...

- Статья - это если я неправильно лечу или человека утроблю. Слава Богу, пока за мной такого греха не числится. Совесть моя чиста... А если снова пожалуют, скажи, что дома меня нет, и сама не бойся.

Позавтракав, он вышел. Вдруг кто-то подбежал к нему. Это был сын Сарвиназ, Азер. Заплаканный. Утирая глаза тыльной стороной ладони, он еле выговорил:

- Рахман халу..., маме плохо..., умирает..., ради Бога... скорей...

- А что стряслось?

Азер что-то объяснял, но Рахман уже не слышал, не понимал ничего из сбивчивых слов мальчика.

Он чуть ли ни бегом кинулся к дому Сарвиназ. Азер еле поспевал за ним.

При виде Сарвиназ, постанывая лежавшей на кровати, у него сердце захолонуло.

- Что с тобой?

- Нога у нее болит, - отозвалась, плача, старшая сестра Сарвиназ

Ширинназ.

Он ужаснулся, увидев распухшую конечность.

Измерил температуру: 40 градусов!

- Когда у нее началось... это?

- С месяц...

- Отчего?

- Укусила какая-то тварь. И после...

- А что врачи?

- Хотели ампутировать. Гангрена, говорят. Как услышала - из больницы сбежала.

- Как так? Отпустили, ты хочешь сказать?

- Хирург взял с нее расписку: мол, сама отказалась от операции.

- Что ж вы молчали? Не могли мне сообщить? Такая, что ли, дасть? - Рахман не на шутку обиделся.

- Маиса ведь знала. Дважды в больницу ходила. Неужели тебе не сказала?

Рахман помрачнел. Но ничего не ответил.

Сарвиназ была не в себе, бредила: ее бессвязные, невразумительные слова болью отзывались в сердце. Лет пять тому назад Рахману удалось вылечить больного с похожим недугом. Он внимательно осмотрел опухшую ногу, приобретшую багрово-сизоватый оттенок, думая о том, что предпринять... Вдруг обожгла мысль: "Чего я жду... ведь она умирает!..

Ни слова не говоря, он вышел. Как добрался домой - и не помнил. Забежал в нижнюю комнату и стал лихорадочно собирать в сумку свою травяную "фармацевтику".

- Ты здесь? - раздался голос жены.

Он вскинул на нее гневный взгляд:

- Зла на тебя не хватает...

В этих словах было все. Маиса поняла, потупилась виновато и вышла.

Домчавшись с лекарствами до дома Сарвиназ он велел:

- В комнате пусть останется только Ширинназ!

Дети покорно вышли.

Он повернулся к сестре Сарвиназ:

- Вскипяти два ведра воды. Да поживей!

Когда кипяток был готов, высыпал сухие цветы и травы в ведро, прикрыл крышкой.

- Ноги ей надо окунуть в отвар по колено. А пока пусть цветы настоятся.

Ширинназ подала ведро, Рахман перелил в него отвар, дал поостыть, а после они вдвоем помогли больной опустить ноги в отвар. Да еще дал ей попить какой-то настой.

До вечера через каждые два-три часа он устраивал "ножные ванны" для больной. Никто не смел допытываться, спрашивать у Рахмана, что это за зелье, а он, закатав рукава, продолжал хлопотать. Но тем не менее, его уверенная деловитость, его присутствие вселяло в окружающих надежду.

К утру температура больной чуть спала - 39 градусов.

Рахман обрадовался:

- Похоже, я не ошибся... То, что я и предполагал...

- А что именно? - спросила Ширинназ.

- А то, что есть надежда.

Ширинназ, давась слезами, проговорила:

- Хоть бы Бог пожалел ее детишек...

Весь следующий день процедуры продолжились. Ширинназ послушно "ассистировала".

На третий день Рахман, смешав несколько мазей, приготовил бальзам, затем нанес слой на ногу и, прикрыв плотной бумагой, забинтовал.

- Сарвиназ, сейчас ты почувствуешь жжение - потерпи.

- Лишь бы нога зажила..., - отозвалась та отчаявшимся голосом, - перетерплю...

Но вскоре она застонала от боли, скорчилась, заворочалась.

- Ой.., больно.., что это... Скорее, разбинтуй... Помогите...

Ее пытались успокоить, но тщетно.

- Повязка должна оставаться часов шесть, чтобы нарыв вскрылся, а то проку не будет.

- Не развяжешь сию же минуту - сердце разорвется!

- Хватит! - неожиданно повысил голос Рахман. - Стыдно! Людей изводишь.

Подействовало, Сарвиназ притихла, но продолжала уже молча корчиться.

- На, выпей, - Рахман подал ей какие-то капли. Больная выпила и забылась сном. Но даже во сне продолжала постанывать.

- Ты ей, никак валерьянки дал?

- Что-то вроде того.

Прошло время. Боль отпустила. Сарвиназ переводила измученный взгляд запавших глаз то на Рахмана, то на сестру в ожидании, когда же и чем все это кончится...

Рахман снял повязку с ее ноги, подставив таз. Из нарыва потек гной. И тогда только он выпрямился на стуле, испустив облегченный вздох.

Когда рана была очищена, он вновь смазал ее мазью и перевязал.

- Это на сутки, чтобы вся муть рассосалась... - А вы, - Рахман обратился к родне, - можете расходиться.

Они остались втроем.

- Ты совсем извелся, - Сарвиназ устремила на него благодарный взгляд.

- Я-то ничего... Вот сестра твоя... - Он кивнул на Ширинназ, еле державшуюся на ногах. - Сходи, поспи возле детей. Если понадобится, позову.

Ширинназ ушла.

... Когда Сарвиназ, открыв глаза, увидела у изголовья Рахмана, который задремал сидя, прислонившись к стене, ей стало совестно и неловко. Она окинула взглядом его исхудавшее лицо, старую ру-

башку в клетку... В облике этого человека, которого люди сторонились и опасались и который долгие годы дружил с ее мужем, было нечто необычное, не от мира сего, в нем заключалась тайна, магнетизм. И быть может, эта магическая сила помогла унять ее боль...

Она, откинув одеяло, прикоснулась к ноге. Повязка была влажной. Она ее развязала и на радостях встала с постели, поправила халат, накинула косынку.

Рахман открыл глаза и удивленно уставился на нее:

- С выздоровлением! Да ты уже на ногах!

- Рахман халу, я и не знаю, как тебя благодарить. Если бы не ты, кто знает, как бы все обернулось... Может и не жить бы мне на свете...

- Ладно, ладно... Я ведь не чужой.

Он встал, хотел осмотреть ее ногу, но, замявшись, передумал и оглянулся на дверь:

- Где же Ширинназ?

Сарвиназ вышла, кликнула сестру, та появилась и обвила ей шею...

- Как же ты нас напугала... Бог да возблагодарит Рахмана...

И - в слезы. Рахман с притворной строгостью пожурил:

- Нечего нюни распускать! Лучше подсоби! Воду вскипяти, еще ванночку организуем! - И обратился к Сарвиназ: - Я тебе дам мазь, в день три раза будешь наносить на рану. - Сейчас, когда кризис миновал, видя, как ожила больная, ему хотелось пуститься в пляс.

Через три дня, поздним вечером направляясь к дому Сарвиназ, он заметил кумушек, о чем-то громко толкующих на углу, и, почувствовав неладное, замедлил шаги. Женщины его еще не заметили.

- Не будь Рахмана - отдала бы концы...

- А ты думала? Знахарство - дело серьезное.

- Да не только это. Он ведь еще и колдун. Он ей и ворожбу пустил в ход.

- Да, и я слыхала.

- Ты погляди, какие у него глаза. Странные такие, горящие, настоящий колдун.

- Да будет тебе языком молоть! Глаза как глаза. Ну, втюрился мужик, потому и горят...

- Ай-яй! Стыд-то какой. В его-то годы... На чужую жену зариться...

Рахмана как кипятком ошпарили. Боясь, что услышит еще и нечто похлеще, он ускорил шаги и нарочно кашлянул, чтобы попридержали языки.

- А-а, легок на помине, - тихо проговорила одна из кумушек.

Сарвиназ ужинала с детьми. При виде его она с радостью вышла навстречу, помогла снять пиджак, не без кокетства, подала стул и заворковала:

- У меня кусок в горло не лез... все думала: хоть бы ты заглянул, поужинал с нами...

- Ого... никак плов с цыпленком? - Рахман вдохнул воздух, как бы припокиваясь, пытаясь не выдать расстроенных чувств.

- Да, мальцы мои, бедняги, давно вкусного не ели. Сегодня, вижу, совсем мне полегчало, вот и взялась за стряпню, дай, думаю, что-нибудь приличное сварганю... Но, поверишь ли, как нож выронила из рук, так и почувяла сердцем - быть у нас гостю. Рахман халу придет, значит.

Он присоединился к трапезе. Сарвиназ повела разговор о том, о сем, Рахман слушал с интересом, иногда отвечая на вопросы.

После трапезы она убрала со стола.

- Как нога, не беспокоит?

- Нет вроде.

- А мазью пользуешься?

- Да. Как ты и "прописал" - дважды в день.

- А ну, развяжи - гляну.

Разбинтовав ногу, она чуточку подобрала подол. Рахман указательным пальцем легонько и осторожно прикоснулся к месту нары-

ва. И поймал себя на мысли, что в его излишне осторожном движении больше опаски - точно это прикосновение было чревато чем-то страшным, недопустимым... Ее нога, красивая, точеная, будила в нем неизъяснимое смутное волнение. От приближения к этой женщине его существо пронизывали неведомые чувства, в которых он боялся признаться самому себе.

Смутившись, он отвел руку с некоторой неестественной поспешностью. Сарвиназ, все предшествующие дни оглушенная болью и оттого утратившая остроту природной стыдливости, теперь почувствовала в движении Рахмана, в том, как он поспешно убрал руку, смущение и залилась краской...

...При виде Рахмана, который, едва надев пиджак, не застегнувшись, без шапки засобиравшись уходить, Маиса заворчала:

- Что ж так налегке? Не видишь, что на улице творится, метель! Я со стыда не смею людям в глаза смотреть. Думают, не в чем тебе ходить, одежды нет.

- У жеребца, говорят, чепрак драный, - пытался он обратить разговор в шутку.

- Пальто же у тебя новехонькое, что не оденешь?

- Не люблю, знаешь... шикавать...

- Ну-ну... Лучше, выходит, в отрепье ходить, как дервиш? - распалилась жена.

Рахман, не ответив, шагнул к дверям. Надел резиновые сапоги и вышел. Шел снег. Снежинки липли к лицу, ложились на волосы, холодили шею... Все белым - бело. Увязая в снегу, он двинулся к лесу. Воздух был чист. Зимний пейзаж радовал глаз. Целый день бродил Рахман любуясь.

Уже смеркалось, когда очутился у ворот Сарвиназ и удивился, словно очнувшись от забытья. Он ведь, вроде, и не помышлял об этом, ноги, что ли сами привели? Месяц, как не наведывался. В

последний раз, когда услышал пересуды кумушек, он почувствовал себя в чем-то виноватым и старался не показываться там, чтобы не давать повода для разговоров.

Теперь, топчась у дверей, он испытывал двойственное чувство: одно желание влекло его сюда, другое - требовало уйти. Но первое чувство взяло верх. Он не мог перебороть себя.

При виде гостя, запорошенного снегом с головы до ног, с белой бородой, Нияр радостно закричала:

- Дед Мороз пришел!

И Азер присоединился к сестренке.

Сарвиназ не могла утаить радости. Только он повесил куртку на вешалку в прихожей, как дверь с шумом открылась. На пороге стояла Маиса. Ее покрасневшее от мороза и волнения лицо не предвещало ничего хорошего.

- Ага! Сумерничаете, голубки! Кажется, помешала?

Сарвиназ с Рахманом переглянулись, огоршенные.

- Хоть постыдились бы детей! Постеснялись бы шашни заводить! Тыфу на Адиля. Доверил, охломон, волку овечку!

- Да что с тобой, Маиса? Что ты мелешь! Опомнись! - Сарвиназ задохнулась от обиды. - Как тебе не совестно?

- Мне или тебе? Муженька моего переманила, хахаля завела, а мне краснеть? Весь район знает, что ты вытворяешь. Я-то молчала, шуму не поднимала, думала, образумишься, отстанешь...

- Не пойму, о чем народу толковать..., в чем я провинилась?

- Все прекрасно знаешь. Не прикидывайся дурочкой! - пришла в ярость Маиса.

Рахман, молча слушавший перебранку, не выдержал:

- Хватит!

Но Маису это только распалило.

- Чем на меня орать, ты бы лучше на себя посмотрел! О семье бы подумал, о сыне! Днями пропадаешь у Сарвиназ - без зазрения совести. А если узнает твой сын? Что он на это скажет?

Сарвиназ, видя, что остановить этот поток невозможно, ждала, пока разъяренная Маиса отведет душу. А ведь когда-то она в ней души не чаяла, поверяла ей самые сокровенные тайны и теперь никак не могла взять в толк причину столь крутой перемены. Ведь Рахман и прежде к ним заходил по-свойски, по праву дружбы, в чем его вина, и в чем Сарвиназ виновата?

Маиса, размахивая руками, крыла их на чем свет стоит. Дети испуганно смотрели на взрослых.

Наконец Рахман силой выставил ее за порог. Но и во дворе она не унималась, кричала, бранилась. Рахман, схватив ее за руку, потащил к воротам и увел домой. По дороге они шли молча.

Дома она опять дала волю языку:

- Бросил своих, адилевых выкормышей опекает! Готов в ноги Сарвиназ кланяться!

Рахман не выдержал, он опрометью кинулся вон из дома.

* * *

...Давно он не бывал в райцентре. Маису видеть не хотел.

По сути, причиной глубокой трещины в их отношениях, было умолчание о болезни Сарвиназ: Маиса, зная о тяжелом, почти обреченном состоянии последней, умышленно и бессердечно скрывала это от мужа. А ведь недолго было и осиротеть трем ребятишкам, детям его друга, оказавшегося за решеткой, и мысль об этом усугубляла в его глазах вину Маисы.

Кто знает, как оно могло обернуться, не побывай он в тот день в райцентре, не наведаясь к Сарвиназ, уже прикованной к постели и оставшейся, по сути, без реальной и действенной помощи...

Быть может, Сарвиназ и просила Маису о помощи, просила найти Рахмана, днями, неделями пропадавшего в своем лесном хозяйстве... И если так, если человеку грозит смертельная опасность, как можно отказать ему в просьбе, в помощи, в участии? Нет, он никак не мог прос-

тить жене такую холодную, бездушную расчетливость, вызванную, очевидно, ничемной и пустой ревностью. Такое мелкое, мстительное чувство в такой-то роковой час! - не укладывалось у него в голове.

Рано утром, представив отчет в управление лесного хозяйства, он направился в продмаг, чтобы закупить припасов, и в дверях столкнулся с Сарвиназ. От неожиданности он даже забыл поздороваться. Теперь он избегал с ней встреч, ощущая невинную вину перед этой женщиной.

- Что случилось, Рахман халу, в чем мы провинились, что и приветом нас не удостоите? - Она уловила его замешательство.

Продавщицы с любопытством смотрели на них. Земля слухами полнится - уже молва о них, о скандале, учиненном Маисой в доме Сарвиназ, пошла гулять среди охочих почесать языками. А те, рассусолив, присочинив еще кое-что, передавали дальше по округе.

Рахман покаянно и тихо проговорил:

- Прости... за Маису...

Она вместо ответа жестом показала на его замызганную рубашку, выглядывавшую из-под пиджака:

- Дома, наверное, не бываешь?

- Нет.

- Пошли к нам.

Она сказала это так, что Рахман не смог возразить. Он последовал за ней.

Всю дорогу их сопровождали цепкие любопытные взгляды. Чувствуя их, Рахман ежился, смущался, ругал себя за покорство, что согласился идти к ней. Но шел. Больше всего его жгла мысль о том, что склоняют имя Сарвиназ, ей кости перемывают. С другой стороны, в глазах людей ходить среди бела дня к "соломенной вдове", муж которой в тюрьме, тоже считалось делом явно предосудительным. И он понимал это. Но внутреннее, неодолимое чувство побуждало его действовать вопреки всем здравым рассуждениям.

Переступив порог, Сарвиназ горько вздохнула.

- На улице показаться не могу. - В горле у нее запершило.

- Не надо бы мне сюда приходить.

- Да почему же? В чем мы виноваты? С какой стати тебе не ходить в наш дом? Ты спас меня от напасти, смерти можно сказать, тогда был нужен, а теперь, выходит, нет? Пусть болтают..., придет время, устыдятся. У лжи ноги короткие.

Сарвиназ ободрила его.

Он направился к детям. А вскоре и Сарвиназ заглянула в комнату:

- Рахман халу, пока я стряпней займусь, ты зайди в душевую, искупайся, а то, Бог знает, сколько времени не мылся. Надень что-нибудь из одежды Адиля, а твою я выстираю, к утру высохнет...

И прошла на кухню, не допуская возражений и отнекиваний. Рахман выкупался, надел свежее белье, почувствовал бодрость. Чуть поиграв с детишками, он и не заметил, как задремал на диване.

- Мама, Рахман халу уснул, - сказала Нигяр.

- Не шуми. Пусть отоспится, жалко его - намаялся.

Сарвиназ накрыла его одеялом.

Наутро, открыв глаза, Рахман удивленно огляделся. На стуле - выстиранная, отглаженная рубашка, брюки. Одевшись он испытал теплое, благодарное чувство. "И когда она успела управиться?"

- Рахман халу, - голос из кухни, - ты уже проснулся?

- Да. Спасибо тебе за хлопоты. Извини...

- Ладно, ничего. Ступай умойся, я чай заварила.

Давненько он не ел с таким аппетитом. Пил, ел, исподлобья поглядывая на Сарвиназ, и не верил своим глазам: то, чего он не мог допустить и в мыслях, теперь происходило на самом деле. Он сидит с нею, с глазу на глаз, ест и беседует, он уже и ночует у нее, и на нем - отстиранная, отужуженная ею одежда...

Вот она - перед ним. Рукой подать. Он мог обнять ее, прижать к груди, осыпать поцелуями прекрасные серо-зеленые глаза, пухлые

губы, и никто бы не узнал об этом.

Подумал - и смутился. Стоит ей догадаться о его опасных побуждениях, каково ей станет, как она возмутится..., возненавидит его...

Он отвел глаза.

- Рахман халу... Прошу тебя, ради Бога, ты свой очаг не оставляй на произвол судьбы... Маису жалко... и Джалила...

Он не ответил. Молча встал и распрощался.

* * *

Был воскресный день. В такие дни он вставал поздно, повожившись во дворе по хозяйству, заходил в каморку внизу, чтобы заняться любимым делом. И так до тех пор, пока Маиса не позовет обедать. А теперь его режим нарушился. Ел-пил, когда придется, сон не в сон, и дело не впрок. Когда он был не в ладах с Маисой, у него и дела не ладились. Так бывало всегда. Каждый раз давал себе слово: впредь обходиться с ней бережнее, осмотрительнее, не давать повода размолвкам. Но сыр-бор разгорался столь неожиданно, что он и сам диву давался, как это могло произойти. Так случилось и в последний раз, когда Маиса ворвалась в дом к Сарвиназ и наговорила им кучу гадостей. Не себя он жалел, Сарвиназ ему было жаль. Она вынесла и эту несусветную брань, и этот удар судьбы.

Будто мало намыкалась с Адилом, мало проглотила горьких пилюль и оскорблений... Мучило Рахмана и то, с каким отчаянным смирением она снесла и эту пытку. Он восхищался ее смирением и - возмущался.

Чтобы не будить домочадцев, он не стал звонить у ворот, перемахнул через ограду, взбежал по крыльцу на второй этаж.

Маиса сидела за столом на веранде. Поздоровавшись, он присел рядышком.

- От нее? - спросила Маиса, не поднимая головы.

- Да.

Она подумала было, о чем еще спросить, но решила, что, пожалуй, этим все сказано. Он чувствовал, видел, как она меняется в лице, какая мука грызет ее изнутри, но не испытывал желания ободрить ее, сказать что-нибудь утешительное, облегчающее...

В сущности, не последняя безобразная сцена, когда она вылила ушат помоев на ни в чем неповинную Сарвиназ, и на него заодно, была главной причиной его холодного отчуждения.

Нет, он испытывал горечь обиды за все эти годы совместной жизни, за то, что с ней он не вкусил настоящего семейного счастья, за то, что она не смогла, не сумела привязать его к очагу, ободрить, согреть его сердце, тоскующее по заботе, ласке, самому обыкновенному человеческому участию и обхождению. Он поначалу не осознавал истинной, глубинной причины этой вечной душевной неутоленности и неудовлетворенности. Но теперь стал понимать, что причина опустошенности его души, ее состояния, редко когда теплеющей от нечаянной улыбки и радости, - в Маи-се, в том, что он не любит ее.

Он уже давно сравнивал ее с Сарвиназ, и это сравнение усугубляло пропасть, разделявшую их, и отягчало обиду за ее выходки.

Это запоздалое признание печальной истины повергло его в горькое уныние, граничащее с отчаянием, но что было делать, - правда была такова. Одним он мог утешиться, что за всю совместную жизнь он ни разу не поднял на нее голоса, не обидел, не унизил, за исключением последней вспышки гнева. Все ссоры и размолвки происходили по ее вине.

- Что так задумался? - Ее голос донесся издалека, будто со дна колодца.

- Ничего.

- Пришел забрать одежду, что ли?

Рахмана это задело за живое.

- А куда я должен забирать ее?

- Сам знаешь куда. Есть кому о тебе заботиться.

- Опять ты за свое?

подавляя приступ гнева, он встал, чтобы уйти в комнату.

- Я твои вещи уложила в сумку. Можешь взять, когда захочешь.

Выходит, положение серьезнее, чем он думал. Хладнокровие Маисы его несколько насторожило. Она уже не рвала и не метала, как обычно.

- Не будем выставять себя на посмеище. В наши-то годы. Что между нами произошло?

- Что? Джалил и без того все знает. Вчера, когда ты потопал к своей любушке, он мне и сообщил. Забирай свои шмотки и - скатертью дорога!

- Ты что, выставяешь меня за дверь?

- Я не скажу - сам однажды уйдешь. Лучше уж сейчас. Пока малец не подрос. После трудно тебе будет.

- Уйти - уйду, но ты запомни раз и навсегда, что между нами с Сарвиназ ничего не было. Клянусь Богом.

- Безбожники и божатся. И потом зачем ты все это говоришь мне? Допустим, я тебе поверила. А людям как втолкуешь? Какой дурак поверит, что переночевав у молодежи, ангелочком от нее вышел?

Был в ее словах неумолимый резон. И вправду, как докажешь?

ГЛАВА III

На лесной поляне сажали саженцы. Рахман давно подумывал посадить молодой дубняк и эта поляна подходила для этой цели. Сперва тракториста нашел, подровнял, распахал участок. Слышал, что встарь здесь шумела дубрава. Окрестные сельчане, пользуясь безнадзорностью, повырубали и растаскали все деревья.

Таких "лесогубов" Рахман люто ненавидел. Особенно тех, кто губил дубы. Как же так можно - валить вековое дерево ради житейской надобности, пускать на дрова или на обустройство собственной хибары, будь она неладна!

Столетиями стоит дерево, краса леса, память земли, а тут ради сиюминутной бытовой нужды взял и распилил - это в его глазах было варварством. Порядочный, уважающий себя, радеющий о земле человек такое себе не позволит. Но когда он пытался внушить, втолковать эту простую истину, его вразумления пропускали мимо ушей, встречали насмешками. Он кипятился:

- Вам кажется, эти леса, долина, горы вечны... Думаете, жили с этой красотой рядом и будете жить... Захотите прохладиться - лесочек рядом, родниковой водички попить - вот она, под рукой. Вам и в голову не приходит, что эта благодать не безмерна, что она может истощиться, и останется голая пустошь. Валили великаны - дубы, и не соображаете, что с этого начинается бедствие для всего леса. В этой округе били родники, вода - слеза, глотнешь - зубы ломит. Поредел лес, земля засохла, засохла родники. А меньше влаги, опять же, деревья чахнут, травы жухнут, цветы увядают...

Пару лет назад весной посадил желуди в землю, через месяц, ког-

да взошли ростки, он радовался, как дитя. До конца лета обхаживал, поливал. Минувшим летом любовался уже на набухшие почки. Вот и листочки пошли: гладил побеги, голубил, даже ласково разговаривал с ними. Вымахать им крепкими дубами!

Теперь он сажал побеги на поляне - "на вечное поселение". Десять дней провозился. Дубняк, можно сказать, заложен. Рабочие ука- тили на грузовике в райцентр.

Присел Рахман на землю, обхватил руками колени и задумался, замечтался: "Пройдут годы и зашумит здесь молодая дубовая роща... Зарубцуются старые раны леса, восполнятся потери. Может, и род-ники заглохшие оживут, воспрянут... И Сарвиназ направится с кув-шином к студеным чистым родникам... Увижу ль я те дни? Доживу ли?.. Ну, не я, так Джалил.., его дети увидят... Скажут: "Дубрава де-да Рахмана".

Солнце припекало, лучи били в спину, и по телу разливалась приятная истома, глаза туманила дрема. Он прилег на землю.

- Рахман халу!

Рахман поднял голову и удивился: перед ним стояли Азер и Га-биб. За ними бегом примчалась Нигяр и кинулась к нему в объятия. Он обнял малышку и чмокнул в щечку.

- И мама с нами! - радостно сообщила девчурка.

- А где она?

- А мы забежали вперед. Вот она идет!

И показала на Сарвиназ, выходящую из лесной просеки. У Рах-мана заколотилось сердце.

- Ты куда-то пропал. Дети ждут тебя не дождутся. А Нигяр все глаза проглядела, от ворот не оторвать: жду, мол, когда Рахман халу придет.

- Да? - Рахман спросил у девчурки, а та обхватила ручонками его голову и крепко прижалась щечкой к его бороде. Эта ласка окры-лила его.

- Как же вы меня нашли?

- Сам же говорил что на поляне дубки сажаешь. Так что "адрес" у нас был. В детстве ведь часто тут куролесили.

- Да. От вашего села сюда рукой подать.

- Забыла уж, когда была в лесу в последний раз... Хорошо здесь... Душа радуется. Теперь понимаю, почему ты безвылазно тут живешь.

- Мама, я есть хочу, - плаксиво протянула девочка.

- Я прихватила хлеба с сыром, слопали так, что диву даюсь.

- Тогда будем шашлык жарить, - усмехнулся Рахман в усы. - Вы еще не видели мой "дворец"?

- Дворец? - Габиб принял все за чистую монету.

- Пойдем, покажу.

Азер что-то углядел в траве, изучая находку.

- Что это ты нашел?

- Смотрите, на козлика похож, - мальчик указал на корягу.

- Да. Только надо бы чуток подправить.

Нигяр стала гоняться за бабочками. Габиб собирал с листьев цикад и отправлял в банку. Потом он присел на корточки и стал внимательно изучать муравейник. Муравьи шли в два ряда: "двустороннее движение". Одни что-то таскали в муравейник, другие, без ноши, двигались шустрее.

- Видишь, какие трудяги? - Рахман наклонился рядом с мальчиком. - И силачи. Муравей может осилить груз в несколько раз тяжелее себя.

- А почему они живут все вместе?

- Потому что в одиночку или маленькими группами им трудно добыть пищу. Кроме того, в одиночку они тоскуют и гибнут. И пчелы так. Они тоже не любят одиночество.

- А где муравьи воду находят, чтобы попить?

- Из-под земли... У них свои колодцы. В засуху могут отрыть колодец глубиной до 30 метров! Оттуда и достают воду.

Вдруг из-под куста выпорхнула птица. Габиб вздрогнул.

- Горлица. Где-то у нее гнездо поблизости. - Рахман раздвинул

ветви и начал всматриваться в кроны деревьев. Взгляд его задержался на старой ели с замшелым стволом.

- Где, по-твоему, ее гнездо?

- Не знаю, - мальчик пожал плечами.

- Сейчас увидишь.

Он осторожно прощупал мох. Коснулся нижней ветви. Вдруг раздался писк. Рахман приподнял слой мха и взору Габиба представили птенцы. Затем он снова замаскировал птичье жилье.

- Как ты нашел? - изумился мальчик.

- Горлица - хитрющая птица. Всегда маскирует гнездо - не заметишь.

- Что это вы разглядываете? - подошла Сарвиназ. Рахман уже перевел озабоченный взгляд на ореховое дерево. Она проследила за его взглядом и поняла: с дерева была содрана кора, обнажилась белая заболонь.

- Какие бессовестные! - Рахман нахмурился. - Ободрали кору, чтобы оно со временем засохло. А там руби, пили, забирай. На оконные рамы или двери... Дерево без коры - что человек без кожи. Заболеет и умрет...

- Деревья тоже болеют? - спросил мальчик.

- А как же! Оно тоже живое. Простыть может.

- А врачи у деревьев есть?

- Конечно, сынок. В других странах, и врачи, и лекарства. А у нас беда, у нас и здоровые деревья, не моргнув глазом, топорком хватать! и пилой - вжик! - готово. Вот американцы, если заметят, что дерево изнутри хворь точит, гниль завелась, - принимаются лечить. Есть прибор, который определяет болезнь дерева. Сперва дрелью сверлят дыру в стволе, потом вкладывают электрический шуп. А на шкале стрелка ходит и показывает, как дерево себя чувствует...

- Значит, это дерево заболеет? - расстроено спросил Габиб.

- Если здоровое, и нет у него иной хвори, червоточины, - может, и выживет. Но если завелась труха, - то пиши пропало. Иные люди,

хуже грызунов, мышей. Это мыши обгладывают кору.

- А разве и в лесу водятся мыши? - испуганно спросила Нигяр.

- Конечно! Еще и древесная крыса обитает. Их лакомство - люди.

- А нельзя их убить?

- Ну, видишь ли, природа сама обо всем позаботилась. С крысами расправляться поручила лисичкам и белкам. Чтобы не очень расходились.

Вскоре дети увлеклись беготней, своими шалостями. Рахман шел рядом с Сарвиназ, не зная, о чем заговорить, чтобы скрыть охватившее его радостное волнение.

- Нет ли каких вестей от Адиля ? - нашелся спросить.

- Письмо получила, - неохотно отозвалась она. Вопрос ей пришелся не по душе. Вообще, когда речь заходила об Адиле, у нее портилось настроение.

- Навестишь его?

- Да.

- Когда?

- В будущем месяце.

Снова воцарилось молчание. Сарвиназ и сама искала тему для разговора.

- Как у тебя с питанием?

- В порядке. Голодом себя не морю. Заготавливаю впрок с вечера.

Дети, дойдя до высокого дуба, стали глазеть на фигурки, которыми были увешаны ветви и обставлена земля вокруг. Еще их внимание привлек "грибок" - укрытие. Все это смастерил Рахман.

А вот и сторожка. Дети с шумом ввалились в нее. Все для них было интересно, загадочно: шкурки лисьи, медвежьи, склянки на полках, керосинка. Осмотрев все внутри, они вышли и расположились под "грибком".

Сарвиназ стала у порога сторожки, всматриваясь в ее

убранство, чувствуя, как щемящая волна печали охватила сердце. Сторожка навеяла горькие воспоминания далеких дней... И шкуры, которыми был устлан пол, и тахта в углу, и тигровая шкура, прибитая к стене, показались ей знакомыми. Но, в отличие от бывшего жилища, эта сторожка была попросторнее, светлее, пригладнее.

Рахман навел здесь какой-никакой, а все-таки уют. И посуда, гляди, на полке. И вешалка...

Она присела на тахте и провела рукой по мягкой шерсти разостланных шкур. Их своеобразный, теплый запах перенес ее через прожитые года, в горькую, тяжкую, роковую пору ее юности. Вспомнились ей налитые кровью, алчные глаза Адила, то, как он подходил к ней - как хищник, учуявший добычу... И свой истошный, отчаянный крик, зовущий на помощь.

А потом..., как после разразившейся беды, она пластом лежала на тахте, не желая жить, не прикасаясь к еде... Через три дня наконец встав, упала от слабости. Открыв глаза и узнав бородатого человека, склонившегося над ней, она яростно вскричала:

- Ты виноват во всем, ты, ты! Ты силой увел меня из дому... Бессовестный, бесчестный! - Она задыхалась от гнева и ненависти. Бородач же молча слушал ее, не отвечая.

Она была на грани безумия. Вдруг зашлась плачем. Выплакала боль, обиду, накипевшую в душе за эти три унижительных, мучительных дня.

- Когда этот дикарь... решил... умыкнуть меня... Как ты не убоялся Бога? Хоть бы подумал, что он мне в отцы годится!

Бородач странно взирал на слезинки, скатывавшиеся по ее лицу и падавшие на руки. И ни слова. Потом принес еду:

- Шашлык из фазаньего мяса. Адиль тоже скоро придет...

И вышел. Запах съестного дразнил. Она не выдержала и протянула руку. Странная это была трапеза - шашлык вперемешку со слезами.

Тут снова появился бородач:

- Не казись. Пожалей себя. Все равно ведь ничего уже не поделаешь...

Она перестала есть, задумавшись над смыслом сказанных то ли в утешение, то ли в назидание слов. И на душе у нее стало пусто, как никогда.

... - Сарвиназ!

Она вздрогнула и поднялась с тахты.

- Напугал?

- Нет, нет...

- Выходи. Тебя ждем.

Нияр качалась на виноградной лозе. Азер с Габибом - надо же! - забрались чуть ли не на самую макушку дерева.

Вскоре все собрались под "грибком" и с аппетитом ели шашлык из фазаньего мяса. Сарвиназ исподлобья поглядывала на Рахмана. Она очень хотела знать, что на душе у этого человека, так неожиданно вторгшегося в ее жизнь, сыгравшего поначалу такую зловещную роль, а теперь преобразившего, перевернувшего все...

Под вечер Рахман поторопил:

- Готовьтесь в путь-дорогу. Чтобы затемно добраться до райцентра.

- А можно мы в лесу переночуем? - заговорили в один голос дети.

- Нет, нельзя!

Рахман встал, за ним остальные.

- Я и сама как ребенок... Не будь хлопот с домашней птицей, с животинкой, никуда бы отсюда не ушла.

Сарвиназ произнесла это столь искренним тоном, что он поверил ей.

Последний год сблизили их. Но это была странная близость. Часто встречаясь, даже, случалось, ночуя под одной крышей, они были близки душой, об ином и речи не могло быть. Между ними стояли тени Адиля и Мансы. Эти тени, наподобие чертополоха, пресекали всякие помышления. Оба они чувствовали ответственность перед ними - и родными, и чужими, внушавшими опасение и ненавистными.

Это чувство преследовало их по пятам.

- Кому ты поручила позаботиться о корове?

- Соседке... Она заведет в хлев. Но, гляди-ка, с доением как опоздала. Бедное животное, наверное, мается.

- Мне как - идти к вам или вернуться к себе? - От этого вопроса у нее сердце захолонуло. Она боялась признаться себе в том, что ее влечет к этому, ставшему ей близким и родным, неприкаянному, странному и доброму человеку. Она давно забыла о простых человеческих радостях, о женском счастье. Не было у нее в жизни этой большой радости. Но с тех пор, как узнала Рахмана получше, она почувствовала, что только с этим человеком ей будет надежно, спокойно и тепло. Только он может быть ей опорой и заступником, облегчить бремя ее забот, тягот, всевозможных печалей и испытаний.

- Разве я отпущу тебя?

Этими словами она сказала все.

* * *

Покинув родной очаг, Рахман переменился. Теперь он еще больше замкнулся в себе и неделями пропадал в лесу. Выходил только по делам - сходить в управление для отчета или получить задание. На обратном пути заглянет на базар, в магазин, купит кое-чего - и все дела. Бывало, захочется горячей еды - сам состряпает.

В последние годы он и на лес глядел зорче, избирательнее, что ли, выискивая в окружающей стихийной красоте одному ему ведомый смысл и образ, будь то корневище, изогнутая ветвь, все таскал в стожку. Может, в нем проснулась знакомая с детства жажда мастерить, сработать нечто красивое и приглядное, смолоду умел и плотничать и слесарить. Теперь он придавал дереву угодный душе вид, форму, готовил украшения, наносил узоры. Дома уже накопилась изрядная коллекция всякой деревянной утвари, самоделок - скалка, круг для раскатывания теста, ложки, сундучок, шкатулка...

Он получал удовольствие, оживляя и одушевляя неожиданным смыслом бесформенные куски дерева. Бывало, природа сама подсказывала рисунок, мысль, "забыв" завершить ее каким-то точным мазком, оттенком, - и он "додумывал" за нее. И радовался, придавая четкие выверенные очертания аморфным заготовкам. Вот и выросла галерея фигурок: и косолапый медведь, и козлик, и белка, и обезьянка...

В лесном управлении уважали этого гордого, неутомимого работника, верой и правдой служившего делу. Его участок был в ряду наименее затратных и подвергающихся потерям, и наиболее продуктивных. А ведь забота лесничего - не только охранять лес. Ему приходится и заготовкой диких плодов, ягод заниматься, и засаживать разреженные участки, и о здоровье зеленых друзей позаботиться. Он знал толк в деле, болел душой за лес, и потому никто словом не мог упрекнуть его за какой-либо огрех или промашку.

Мало того, дикорастущим плодовым деревьям он прививал побеги культурных сортов. Осенью лес приносил щедрые дары: и яблоки, и груши, и кизил, и мушмула... Другие сдавали только то, что лес дарил, а он - и гибридные плоды. Сельчан окрестных вовлекал в это дело.

- Поработайте с недельку - на всю зиму запасетесь плодами, да и подзаработать не грех.

Как-то вызвал его к себе начальник. Заговорил о том - о сем, потом круто повернул разговор:

- То, что люди говорят, - правда?

- Что ты имеешь в виду?

- Ты семью оставил?

- Да.

- Могу ли я узнать причину?

- А это имеет отношение к плану?

- Не сердись. Знаешь, толкуют тут всякое. Говорят, ты пригрел адилевых детей.

- А сам-то ты что хочешь сказать? - Рахман вскинул колючий взгляд.

- Не знаю. Не верится мне.

- Ну вот и не верь.

Встал, направился было к дверям.

Хатам (так звали начальника) удержал его за руку и снова усадил.

- Куда спешишь? Давай потолкуем по душам. Я с тобой говорю не как начальник. Хочу понять, что с тобой произошло? Какая кошка между тобой и женой пробежала? Наслышался я про красоту Сарвиназ, ну все мы люди, может, и потянуло тебя, занесло, но стоит ли из-за этого бросать законную половину?

- Между мной и Сарвиназ не было ничего такого. Я никогда не смотрел на нее, как... иными глазами. У меня и в мыслях не было. Это все злые языки. Они и Маисе нашептали, нашушукали. Верно говорят - дурак бросил в колодец камень, а сто умных вытащить не могут.

- Недавно ко мне прокурор приходил. Тобой интересовался. Говорит, в лесу у тебя дом... и там, дескать, с ней встречается.

Рахман побелел лицом. И вне себя изо всей силы грохнул кулаком по столу.

- Да ты не кипятись! Я ответил ему, как надо. Когда они у тебя дома устроили проверку, и тогда я попросил оставить тебя в покое. Похоже, уважили.

- Ах, вот оно что. Скажи правду, сколько он у тебя "кусков" оттяпал?

- Нисколько.

- Нет, ты все-таки скажи.

- Да я и без того в году несколько раз даю "долю". Но на сей раз уперся: мол, в лесу строиться не положено. Закон.

- Ты не тревожься. Если так, пусть придет и снесет мой "дом". То есть камышевую сторожку.

- Да знаю, знаю... Вот вернулся бы к Маисе, не было бы таких

проблем.

Рахман встал и устремился к дверям. Вдруг обернулся и с порога бросил:

- Спасибо за заботу обо мне.

Рахман шел удрученный мимо школы, когда к нему подбежал Азер, обрадовавшийся встрече.

- Пошли к нам?

- Спешу. Дела у меня. В другой раз.

Но мальчик не отставал. И вдруг обиженно выпалил:

- Знаю, почему вы не ходите к нам. Из-за того, что люди языками чешут.

Рахман опешил.

- И ты, значит, слышал.

- Конечно.

- Тогда ты на меня сердишься, наверное.

- Сержусь? Зачем? Я знаю, что все эти слухи распускает наш сосед, проклятый Мамед.

Пришлось ему последовать за мальчиком.

- Мама, смотри, кого я привел!

Сарвиназ вышла им навстречу.

- Месяц не виделись...

- Ты же знаешь почему.

Она отослала сынишку за хлебом, а сама подсела к Рахману.

- Не казись из-за меня. Пока этот подонок Мамед ходит по земле, молву не остановишь. Я жалею только о том, что ты семью разрушил.

- Она сама так хотела.

- Мы были с сыном в Баку. Навестили Адиля. Кто-то ему в тюрьму настроил о нас. Но он не поверил. А тебе велел передать, - мол, пусть нас бережет...

- Говоришь, не поверил?

- Нет.

- Это хорошо... Это... по мне... До сих пор я боялся одного только - как смогу его убедить, что между мной и тобой ничего не было.

Он откинул голову на спинку дивана и долго оставался в раздумьях.

К вечеру спустился во двор. Увидев деревянный забор, удивился:

- Мы же с Адилем купили металлическую сетку. Где она?

- На задворке. Да уже, наверное, и заржавела...

Адиль-то был не рачительный хозяин, никудышный, можно сказать. Только и знал, что костяшками счетов щелкать у себя в лавке.

Рахман, глядя на разбитую шиферную кровлю, на стройматериалы, рассыпанные по подворью, на веранду, прикрытую целлофаном, мысленно пожурил друга. Да... ведь сорил деньгами, в еде-питье себе не отказывал, а до собственного дома руки не доходили, видишь ли.

Нашел рулон сетки, опоры, извлек откуда-то резку, и взялся крушить деревянную рухлядь - забор. Остальные помогали. Устроили - что-то, вроде субботника домашнего. Провозились допоздна. Вот и новая ограда готова.

После ужина дети легли спать.

- Спасибо тебе. Хоть дети повеселели. - Она постелила ему в прихожей, на диване.

- Ну, отдыхай. Спокойной ночи.

Хотела пройти к детям, как вдруг: звонок в дверь. Раз, другой, третий...

Она побледнела. Губы дрожат.

"Кто это - на ночь глядя?" - подумал он. Вышел с Сарвиназ, но к воротам не приблизился, стал поодаль.

На улице маячил какой-то мужчина.

- Чего тебе надо? Зачем пришел? - тихо, подавляя гнев, спросила она.

- Послушай, нельзя же быть такой жестокой... Разве не видишь... сохну по тебе. Как тебе доказать, что по уши втюрился, как юноша зеленый...

Рахман больше не мог сдерживаться. Взял Сарвиназ за руку:

- Ты иди в дом. Я сейчас. Отперев дверь он не поверил своим глазам. Перед ним стоял прокурор Салим.

- Привет, блюститель закона! Ты уладил все дела, а теперь принялся за ночные похождения... Чужих жен соблазнять?

Салим поначалу было растерялся, но вскоре захорохорился:

- Тебе-то что за дело, дед-дервиш?

- Я т-тебе покажу...

Рахман схватил его за ворот, но прокурор высвободился.

- А кто ты такой? Муж ей, брат или сват?

- Не твоего ума дело.

- Давай-ка не будем тут шум поднимать. Садись в машину, отъедем, потолкуем в сторонке.

- Я в машину такой погани не сяду. Езжай, жди меня у лесной дороги.

Сказал и вернулся, а Сарвиназ:

- Не отпущу!

- Дай пройти, - резко бросил он.

Но Сарвиназ стояла как вкопанная:

- У него - пост, денег куры не клюют..., за ним власть..., не связывайся...

Рахман поднялся, обулся, и не слушая увещаний, вышел.

Прокурор ждал на отшибе, у дороги, прохаживаясь возле машины. Увидев Рахмана, он спросил:

- Ну что, сразу в кулаки, или попытаемся объясниться?

- А чего объясняться?

- Ты должен зарубить себе на носу - от Сарвиназ я не отстану. Рано или поздно она должна быть мо...

Рахман не помнил, как он с размаху врезал кулаком в мясистое наглое лицо. Салим зашатался, но, опомнившись, ответил ударом в челюсть. Рахман упал навзничь. Салим насел и продолжал молотить. У Рахмана кровь пошла носом. Рубашка и пиджак были в крови. Но, собравшись с силами, он отбивался.

Рахман чувствовал, что выдыхается. "Выяснение отношений" было явно не в его пользу. Прокурор с видом победителя направился к "Волге". Уже в машине он достал носовой платок и приложил к губам.

- Это тебе дорого обойдется...

- Насчет цены не знаю, но если ты хоть краешком глаза на нее помотришь, пеняй на себя.

- Кого пугаешь? - в голосе Салима сквозила насмешка.

Рахман презрительно сплюнул и поплелся обратно.

Сарвиназ ждала его на улице, вся дрожа от страха и холода. Увидев его, всхлипнула:

- Говорила же - не ходи. Ты посмотри на себя... Этот боров на свой карман, на положение надеется, а ты-то на что?..

"Да... правда... на что я рассчитываю?" - подумал он про себя и упрекнул ее:

- Что ж ты умалчивала о прокурорских "страстях"?

- Стоило ли говорить?

Они говорили шепотом, чтобы не разбудить детей. Сарвиназ принялась приводить незадачливого заступника в порядок: протерла спиртом ссадины, пятна крови на лице, на шее, раны смазала йодом. Сказала несколько утешительных слов, пожелала спокойной ночи, понимая, что после такой передраги, ночь вряд ли может быть спокойной... И ушла к детям.

Рахман, лежа в чистой мягкой постели, долго не мог сомкнуть глаз. Он отвык от таких простых бытовых удобств. Устремив взгляд на потолок, он думал о своем странном двусмысленном положении, похожем на плен. Пленник... и защитник...

Уйдя из своей семьи, он, волей-неволей, всецело оказался во власти притяжения другого очага, и его "лесная независимость" была только видимостью свободы. Над ним довлела воля другой женщины, и сколь ни приятна была эта ласковая, заботливая женская власть, столь же тревожно и мучительно было ощущение близкой и недоступной красоты... Перед глазами всплывало давнее видение

юной красавицы, спящей в цветастой ночной рубашке с длинными распущенными волосами на белоснежной подушке... Он представлял ее такой же и сейчас, с длинными, смежающимися ресницами, отягощенными сном...

Годы мало изменили ее внешне, разве что чуть располнела, и, пожалуй, все. Его тревожно-сладкие видения вспугнула отрезвляющая и порицающая мысль:

"О чем я помышляю!.. С кем я себя сравниваю!.. Ведь нас разделяют полтора десятка лет... И я для нее "халу"..."

В комнате рядом, тихо. Спят. Он встал и на цыпочках прошел в кухню. Хотелось пить. Напившись из чайника давно остывшей воды, он приоткрыл дверцу холодильника: кусок сливочного масла в свертке - и все. Обвел взглядом кухню. В банке - рис, в другой - вермишель. "Может, припасы в подвале держит?" Спустился туда. А там - груда картошки, репчатого лука, да муки пара килограммов.

Такое, значит, у них житье без хозяина в доме. Он почувствовал укор совести: "С Адилем пуд соли съели, а вот как его семье живет-ся, как они концы с концами сводят, я и не ведал..."

Он знал, что Сарвиназ работает в ковроткацкой мастерской по договору. Получает в начале месяца шерсть, прядет из них нити, вяжет разных размеров шерстяные носки, сдает к концу месяца и получает соответствующую плату, не ахти какую.

- Как же они на эти гроши живут-то? - впервые задался он вопросом.

Теперь-то ему стало ясно, почему Сарвиназ все время возилась с вязаньем, нитками. Закончит хлопоты по дому и - сразу за спицы. Даже когда детям помогала готовить уроки, и с соседками беседовала, или с ним, Рахманом, - знай себе, все вяжет. Но никогда не плакалась, не ныла. Не любила она этого - такой уж нрав. Рахман завидовал ее stoическому характеру.

Наутро, узнав что Сарвиназ собирается отправиться в село - навестить отца, Рахман поспешил в управление. Выпросив на пару ча-

сов "уазик", он накупил в магазине продуктов, половину завез в свой дом, половину - в дом Сарвиназ.

Азер, видя, как он разгружает пакеты в подвале, сказал:

- Мать рассердится.

- Не беда, - усмехнулся он. - Исчезну, пока ее гнев не остынет...

Через неделю под вечер он заглянул во двор:

- Будешь ругать - не войду...

Сарвиназ молча улыбнулась. Рахман зачастил в этот дом. Дом и подворье преображались. Уже и шиферная кровля стала как новенькая. И веранда сияла застекленными окнами. Азера он учил резьбе по дереву. Порой наставник и ученик проводили за этим занятием целые часы. Сарвиназ издали наблюдала за ними, радуясь новому увлечению сына. Но эта идиллия продолжалась в пределах дома. А за его стенами, вовне, их ждала иная, тягостная жизнь, колющие, осуждающие взгляды, шушуканье за спиной, ехидные смешки. Потому они старались пореже показываться на людях.

Рахман обычно приходил в сумерки, уходил утром, засветло. Сарвиназ выходила из дому раз в неделю за покупками. Она открыла для себя нового человека, удивлявшего ее чуткостью, предупредительностью и участливостью. И ей после грубого, бесцеремонного Адиля, дававшего волю рукам и не стеснявшегося в выражениях, такой союзник и друг доставлял утешительную радость. И сердце ее, озябшее, измученное и заледеневшее от невезучей и горькой доли, оттаивало.

Когда Рахман был у них, возился с детьми, помогал по хозяйству, ласково заговаривал с ней, она невольно вспоминала тяжкие дни, прожитые при муже, подушку, орошенную слезами, ночи без сна, и со страхом думала, что это может повториться. И сердце начинало щемить от боли.

Не любила она Адиля, и за все прожитые годы не смогла прикипеть к нему сердцем, привыкнуть, привязаться. Когда он, беспардонный, самодовольный, привередливый, по ночам входил к ней, "перевоплощаясь", изъясняя пылкие чувства и требуя столь же пылкой

реакции, но, не дождавшись, переходил к оскорблениям, это превращалось для нее в пытку. В отместку он пускался гулять на стороне, но, не замечая никаких признаков ревности с ее стороны, испытывал еще большую уязвленность.

- Почему ты равнодушна ко мне? Почему так холодна? - спросил он однажды.

- С утра до вечера осыпашь меня бранью, оскорблениями, а теперь требуешь любви? Пустое дело...

Адилъ, взбешенный, накинулся на нее с кулаками.

- Я никогда не полюблю тебя, слышишь, никогда! - бросила она ему в лицо, заливаясь слезами.

Воспоминания об этих днях отзывались болью в сердце. Забота же Рахмана, радость, которую ему доставляло исполнение ее самой незначительной просьбы, удивляли ее. Ей не верилось, что есть такие добрые люди на свете, с ним было легко и надежно, находить общий язык с этим "лесным отшельником", похожим на дервиша, говорить с ним о самых обычных земных делах и заботах было куда проще, чем со статным, представительным, с шиком одевавшимся Адилем.

Чуткость Рахмана приводила ее в изумление: хлебнув лиха с Адилем, она уже склонялась к мысли, что все мужчины столь же грубы и несносны в семье, в обращении с женами. Хотя прошло уже изрядное время, как Адила посадили, страхи, которых она натерпелась, тревожили и преследовали ее в кошмарных снах.

Да еще и домогательства Мамеда лишали ее покоя. Не окажись тогда Рахман случайно поблизости, кто знает, чем бы все обернулось. А теперь вот появился голубоглазый блюститель закона; то и дело он попадался ей на глаза, стоило выйти в город, откуда ни возмись, появлялась "Волга" и кралась за ней по пятам, сидевший за рулем "ухажер", совершенно не обращая внимания на прохожих, кажется, получал удовольствие от такого преследования и доводил ее до тихого ужаса: возвращаясь домой, она тряслась в бессильном гневе.

Как-то вечером, вернувшись с улицы, к ней подбежала Нигяр со свертком в руках.

- Это какой-то дядя передал.

Сарвиназ раскрыла сверток, а внутри серьги с бриллиантами. У нее закружилась голова. Она быстро выбежала к воротам, наивно надеясь тотчас увидеть дарителя и швырнуть ему в ноги дорогой подарок...

Наутро к дому опять подкатила "Волга". Она только этого и ждала, чтобы бросить сверток с серьгами через приспущенное стекло в машину.

- Думаешь, честь можно купить? Бесчестный! Не доводи меня до того, чтобы я тебя на людях опозорила!

Но преследования не прекращались. Вечерами она не знала, как быть, ей мерещилось, что из-за каждого угла на нее глядят хищные, горящие глаза. В отчаянии даже красоту свою проклинала. После того, как Адиля арестовали, она ведь и обнову остерегалась одеть, прихорашиваться, наряжаться перестала, чтобы избежать сальных взглядов.

Не ведавшая настоящей любви, с восемнадцати лет жившая в постоянном страхе и терзаниях, только с Рахманом она чувствовала себя в безопасности и покое.

При виде его доброго, красивого лица, крепкой стати, улыбки, у нее улучшалось настроение, таяли все страхи.

Дети к нему сильно привязались. Рахман, истосковавшийся по своему единственному сыну, утешал отцовскую тоску в общении с детьми Сарвиназ и не скупился на ласку, выдумки и забавы.

...Наутро, подойдя к лесной сторожке, он оцепенел: под рухнувшим камышевым жилищем виднелась разбросанная посуда, одежда.

"Салим... Это его рук дело!.. Хочет отомстить, запугать..."

Долго он стоял без движения. Вдруг у него мелькнула мысль: "Может, он из-за кустов следит за мной? Злорадствует, потирая руки? Хихикает про себя?" Такое маловероятное предположение, как ни странно, придало ему сил, помогло собрать волю в кулак. Он стал

собирать разбросанные вещи, утварь.

- Не запугаешь!.. - сказал он вслух, будто хотел сам себя уверить в этом. - Со свету не сживешь... ваше прокурорское степенство!.. Я назло тебе отгрохаю новую сторожку.., глаза у тебя на лоб ползут...

* * *

Джалил, стоя у пруда во дворе, глазел на бумажный кораблик, плывший по воде. Рахман, издали наблюдая за сынишкой, почувствовал ноющую боль в сердце. Раз в месяц он приходил домой, оставлял деньги и продукты и, позабавившись часок-другой с мальцом, уходил. Семейные неурядицы сказались и на мальчике - он стал неразговорчивым, замкнутым.

Глядя на сына, он замечал удивительное сходство с самим собой - он тоже любил вот так уединяться, часами предаваясь своим мечтаниям и тихим играм в одиночестве. Теперь, с уходом отца, эта склонность в мальчике обозначилась резче. Вся его душа заключалась в этом маленьком существе, как душа сказочного дива-чудища, заключенная в какой-нибудь склянке. Вся радость и горечь, весь смысл жизни Рахмана сосредоточились в этом человечке.

Подобравшись незаметно, Рахман играючи, прикрыл сыну ладонями глаза, и ощутил прикосновение длинных ресниц.

- Спроси же, кто? - не выдержал мальчик, догадавшись и включившись в игру.

- Ах, да... Кто я, каковский? - спохватился отец.

- Таковский.

- А чей?

- Таковский сын таковского.

Мальчик рассмеялся и повернулся к нему. Рахман обнял, расцеловал, приложил губы к непокорным, жестким кудрям. Усадив мальчика себе на плечи он забегал по двору вокруг грушевого дерева. Сынишка, изловчившись, ухватился за нижний сук и повис. Рахман

отошел в сторону, и тогда Джалил начал страшать:

- Ой, упаду!

Рахман залился смехом.

- Вот-вот сорвусь...

- Ну-ну..., - ухмылялся отец, дразня.

Но мальчик и впрямь упал, ушибся, заохал. Рахман кинулся к нему, начал успокаивать. Потом щелкнул пальцем по носу:

- А я-то думал, ты силач!

Почувствовав на себе взгляд Маисы, он обернулся. Она мигом исчезла с веранды.

Заметив это Джалил насупился.

- Что с тобой?

- Ничего, - ответил мальчик и направился к пруду, - стал опять играть с бумажным корабликом. Больше Рахман от него не смог услышать ничего, кроме односложных "да" или "нет".

Рахман поднялся на веранду и положил на стол деньги.

- Что-нибудь нужно... для дома?

- Нет.

- Я Джалилу лекарство приготовил... Вот... Давай ему неделю перед завтраком. - И извлек из кармана флакон. - Обязательно. Что-то цвет лица его мне не нравится...

- Ладно...

- Сама-то ты как?

- Ничего... Живем..., - вздохнула она, поспешила во двор и там стала громко бранить мальчика, кажется, промочившего одежду.

Рахман понимал, что ее преувеличенная, демонстративная досада - камушек в его огород.

Окинув дом прощающимся взглядом, он молча ушел.

...Жемчуга источали мерцающее, магическое свечение - белые, голубоватые, розовые... Никогда она еще не видела такого множества жемчужных нитей, ожерелий. Прилавки ювелирного магазина напоминали сказочную сокровищницу. Она перебирала маняще кра-

сивые ожерелья, любовалась, примеряла, глядясь в зеркало, и сама удивлялась прекрасной женщине, отражавшейся в нем, - ей так шло это белое кольцо...

- Берете? - деловито спросила продавщица.

- Конечно.

- Тогда отложите то, что выбрали.

Она надела несколько нитей разного цвета - белое, голубое, розовое сияние... Затем сняла, завернула и ликуя от невероятной радости вышла из магазина, но на пороге оступилась и выронила покупку. Жемчуга рассыпались, покатались по пыльному тротуару и истаяли, как снежинки... Радость улетучилась, и к горлу подступил ком...

Сарвиназ проснулась, еще переживая горечь приснившейся потери... Она вспомнила примету: жемчуг снится - не к добру. К слезам...

Когда Адиль пошел под суд, помнится, тоже снилось такое. И накануне смерти матери снилось, что прихорашивается перед зеркалом с ожерельем на шее...

У нее защемило сердце. Включив ночник, она глянула на часы: без четверти четыре... Поняв, что уже не уснуть, она встала, убрала постель и вышла во двор. Кругом темным-темно. Подошла к крану, открыла, присела на корточки и прошептала бегущей воде: "Пусть святой Юсуф сон мой к добру обратит..."

Походила неприкаянно по подворью, не зная, за что взяться, чем заняться, вернулась в дом, села на кухне и, заметив на столе письмо от Адила, принялась перечитывать: "Здравствуй, Сарвиназ! Как ты, как живется тебе? Как дети? Удастся ли тебе прокормить их, одеть, обусть? Слушаются ли тебя?"

Эх, знала бы ты, как я истосковался! Я бы все отдал за встречу с тобой, за то, чтобы ощутить рядом твое дыхание... Верно говорят, человек ценит свое счастье, только потеряв его... Да, я часто обижал, мучил тебя. Душа болит, как вспомню о тех временах. Самых дорогих чаще всего и обижаешь. Так и я. Поверь мне.

Страх закрадывается в душу - мне все кажется, что не дождешь-

ся меня, выйдешь замуж за другого. Кто знает, может, и есть уже кто-то на примете у тебя... Понимаю, такой красивой, молодой, оставаться одинокой - не легко... При мысли об этом в глазах темнеет, свет не мил, жить не хочется. За детей я не очень-то тревожусь, какие-никакие, а вырастут. Когда выйду на волю, Азеру стукнет шестнадцать, и Габиб, и Нияр подрастут. Меня тревожит только твоя участь, только из-за тебя я теряю покой..."

Дальше она не могла читать, так как в страхах Адилья было нечто оскорбляющее ее, унижающее ее достоинство. Адиль, ревновавший ее со дня женитьбы, закатывавший безобразные сцены, изводивший ее из-за никчемных подозрений и большого воображения, не отрешился от них и теперь, посылая ей мнимо-заботливые излияния души. Адиль, в сущности, никогда не верил ей, и, быть может, потому она и не могла полюбить его и впредь ее сердце останется дверью за семью замками для него.

"Так и жизнь моя пройдет, без смысла, без отрады, и никто не узнает, что в сердце у меня пустота, что жизнь моя безрадостна".

Она проклинала день, когда Адиль решил силой увести ее к себе. Прошло немало лет, но она никак не могла простить этого циничного, унижительного поступка, причинившего горе ее матери и отцу, ославившего их на миру, заставившего ее сестер и братьев ходить с опущенной головой. Вспоминала и двоюродного брата Самеда, с которым вместе росли и были помолвлены. Самед нравился ей, а он был по уши влюблен в нее, и кто знает, не встань на их пути Адиль, может, она была бы счастлива с Самедом. Беда, случившаяся незадолго до свадьбы, переменяла все, убила в ней интерес к жизни, лишила ее радости бытия. Та ужасная, роковая ночь как-то сразу сделала ее взрослей, ее словно подменили, в душе поселилась нескончаемая печаль.

Адиль всячески обхаживал, утешал ее, осыпал подарками, одаривал модными платьями, но она и смотреть не хотела на эти дары, и лишь после его назойливых просьб, нехотя облачалась в обновки, и

это нежелание воспринималось им с обидой, как неблагодарность.

"Какое же оно - счастье?... - задавалась она горестным вопросом.
- Где оно затерялось-запропастилось, за что мне такое наказание?.."

При мысли о Рахмане ей становилось легче, горечь уходила, отступала, и она связывала свою неосуществленную мечту с этим человеком. Это была несбыточная, невозможная блажь, она будет довольствоваться тем, что есть, лишь бы раз в неделю видеться с ним, ухаживать, заботиться, стирать и гладить его одежду, лишь бы ощущать на себе теплый и добрый взгляд его глаз, слушать его бесхитростные слова, предоставлять ему пристанище, кров, уют... И не более того... Этот крепкий, плечистый трудяга, этот странный отшельник свил в ее душе тайное гнездо, заронил искру, и каждый раз, сама того не ведая, она распаляла эту искру, и хотя этот тайный огонь обжигал ее, обрекал на затаенные терзания, слезы, он не мог лишить ее внешнего спокойствия, выдержки, да она и не смела, не имела права терять их.

Рахман взял на отшибе земельный участок, развел огород и сажал там картошку, фасоль, кукурузу, просо... Однажды Сарвиназ наведальась с детьми в огород и застала его наполняющим картошкой два мешка. Это растрогало ее до слез. Мешки предназначались двум домам, все отдавал им. Лесные дары - орех, фундук, шиповник, боярышник, облепиха, калина, рябина - радовали их и шли на пользу благодаря его заботам. Бывало, он приподносил засахаренные ягоды в банках.

Она дивилась такому трудолюбию. Ее покоряло и то, что каждый раз он не забывал приносить из леса какой-нибудь диковинный цветок, красивую веточку: с весной появлялись дома подснежники, лесные фиалки, ландыши, лютики и другая безграничная душистая, благоухающая, нежная красота. А то еще и "биографию" каждого цветка, травы поведает, и то, против какой напасти помогает и каким образом. Сарвиназ представляла, каких трудов ему стоило выискивать, находить, собирать эту

благодать.

Как-то он протянул ей пучок:

- Это гьюльбер*, враг моли. И запах приятный. Положи в шкаф - моль к одежде не подступится.

Она понюхала и рассмеялась.

- То-то, думаю, какими-такими "лесными духами" от тебя всегда пахнет.

- Не нравится?

- Напротив.

- Я и в карманах ношу листочки. Не часто встретишь это растение. Оно растет в особых уголках, и разглядеть его в разнотравье непросто. Сегодня прилег в лесу на травке, усек запах - и вот.

Она уловила тонкий аромат. Только сейчас она заметила нежные цветы, выглядывавшие из вазочки на шкафу ночные фиалки. Наверное, вчера принес. Спешил, даже не присел, а вот, надо же, о фиалке позаботиться успел.

Взяв вазочку она вдохнула аромат, не могла налюбоваться. Только сейчас догадалась, почему не заметила сразу, - днем их венчики сворачиваются, а раскрываются по ночам. Найти, углядеть ночную фиалку в лесу не каждому дано.

Какое же нежное сердце у этого крупного, нескладного человека! Такой галантный - другого слова и не подыщешь. У Сарвиназ на душе тепло.

Слыша досужие сплетни, рассказы о том, что по ночам у него в сторожке нечистая сила, духи, джины собираются, что он, дескать, колдун, ведун, знающий язык зверья и птиц, она переживала за него. В этих слухах смешались суеверное почитание, трепет, страх, опаска. А Рахман был самым, что ни на есть, обыкновенным человеком, может, чуточку странным, нелюдимым, но умеющим быть нежным и чутким.

* *гьюльбер - название растения (лезг.)*

Вдыхая аромат ночных фиалок, она думала: хорошо, что есть такой человек. Она так к нему привязалась, что не усматривала в его визитах ничего предосудительного, и, когда родня, соседи намекали ей на кривотолки, на зазорность и двусмысленность этих визитов, она искренне возмущалась и обижалась, пытаясь переубедить советчиков. Рахман - друг Адиля, и этим все сказано, как он захаживал к ним встарь по-свойски, по праву дружбы, так должно оставаться и впредь. А уж тем более, что у человека нелады в семье, все по гограм - по долам мыкается, какой же грех накормить его, постирать-погладить одежду. Но она не могла их убедить в том, что только этим и ограничиваются их отношения, хоть из кожи вон лезь, хоть кол на голове у них теши - не могла...

К ней только затем и ходили, чтобы "вразумить", научить уму-разуму, "предостеречь от плохого пути". И это ее уязвляло. В ее глазах Рахман был совершенно другим человеком. Она, конечно, чувствовала, что он равнодушен к ней, но знала и то, что он умеет держать чувства в узде и никогда не позволит себе лишнего. Ему она верила и доверяла больше всех на свете.

Письмо Адиля лежало перед ней, и глядя на неровные буквы, она вдруг почувствовала неприязнь, похожую на отвращение и, порывисто выхватив листок, мстительно изорвала в клочья и бросила в мусорку.

...У обочины дороги под ореховым деревом, возле запряженной арбы, корчился и стонал на траве человек.

Рахман подошел к нему:

- Чего маешься?

- Колики..., желудок...

- Случалось раньше?

- Чтобы он лопнул..., разве был день, чтобы не болел?..

Мужчина был без сил. Он судорожно сжимал руки, будто тем са-

мым пытался облегчить боль.

- Давай-ка отвезу в больницу.

Мужчина не отозвался. Рахман поднял мужика с травы, понес к арбе и уложил его. Затем сам присел рядом, дернул поводья и поехал.

Больной открыл глаза. Похоже, полегчало.

- Я живу на отшибе села...

- Как звать-то?

- Муслим. А ты - из чьих? Где трудишься?

- Лесник я.

- Рахман?

- Он самый.

Больной смолк. Так доехали до его дома. Навстречу им выбежали два мальчика и, увидев незнакомца, а рядом бледного отца, слезавшего с арбы, кинулись назад:

- Мама, скорей выходи!

Вышла дородная хозяйка в ветхом платье и помогла войти мужу. Больного уложили на кровать.

- Спасибо. Да хранит тебя Бог, - поблагодарил слабым голосом Муслим.

- Что ж не возьмешься за лечение?

- Эх..., недосуг!

- В больнице лежал?

- Куда там...

- А что сегодня ел?

- Что Бог послал...

Рахман - к хозяйке:

- Чем кормила мужа?

- Ну, картошка была. А утром - сыр, масло, хлеб...

- А вчера на ужин?

- Вареные яйца. А что?

- А то, что больному желудку только жидкое можно, бульон и прочее...

- Эх, брат, хлопот полон рот... Не до такой стряпни...
- По-твоему, если руки не доходят, муженьку протянуть ножи, что ли? Сколько у вас детей?

- Восемь, голубчик.

- Ну вот. Если с кормильцем что стряется, что с ними будет? Дие-та нужна! В день дважды - жидкие блюда! И молочное полезно. Прос-токваша опять же. Хозяйка, дорожи мужем, береги его.

Вошла юная девочка - красавица. Увидев отца ахнула:

- Отец! Опять у тебя приступ?

- Да, Гюляр...

- Ты отца любишь? - строго спросил Рахман.

- Еще бы!

- Глянь на его ноги.

А на ногах рваные носки. Девочка залилась краской.

- А если ему в гостях разуться придется - люди увидят, что подумают?

Этот упрек адресовался, по сути, хозяйке. Бедность и убожество дома удручали.

- Может, все-таки в больницу, а?

- Нет, брат. Никуда не пойду. Чему быть, того не миновать...

- Со здоровьем шутки плохи. У тебя дети мал мала меньше. По-думай хоть о них.

Он смотрел на осунувшееся бескровное лицо крестьянина, и сер-дце сжималось от жалости. Хозяйка в своем жалком отрепье произ-водила не менее гнетущее впечатление.

Рахману стало совестно за свои слишком строгие укоры. "Да, де-сять ртов, трудно им сводить концы с концами". Как им помочь?

- Лечить нужно мужа, хозяйка. Боюсь, ты не справишься. Я его у знакомых устрою, там за ним поухаживают.

- Как знаете.

Он повез больного в райцентр.

Сарвиназ, увидев его с незнакомой четой, не стала ничего спра-шивать - пригласила в дом.

Рахман отвел ее в сторонку.

- Страдает желудком... Запустили болезнь... Дома - детей куча, руки не доходят... Лекарства нужно ему принимать..., диету соблюдать... Вот я и подумал..., мне больше не на кого рассчитывать...

- Я помогу...

Сарвиназ согласилась с радостью: теперь и Рахмана чаще будет видеть у себя.

- Не знаю, как тебя и благодарить.

Она проводила до ворот Сабиру - жену больного.

- Будь спокойна. Коли Рахман халу дал слово, - обязательно поставит его на ноги. Он и меня выходил, спас, можно сказать.

Сабира, расчувствовавшись, обняла ее:

- Хвала Богу! Он тебе даровал и красоту, и большое сердце!

Кухня благоухала Рахмановой травяной медициной. У него тут и шкаф "свой" был.

Рахман в комнате возился со своими склянками. Сарвиназ уже и сама знала названия всех целебных трав и цветов и вслух произносила их, как на уроке. Рахман рассмеялся:

- Вызубрила! А дети где?

- На улице.

- То-то так тихо. Постели нашему пациенту внизу: так и ему повольнее, и вам.

Она приготовила постель, а Рахман занялся отварами и настоями. Осознание пользы своего дела приносило ему радость. Сейчас он думал: как хорошо, что он сам не подвержен никакой хвори. До сих пор он никогда не болел, разве что иногда голова болела, но это вскоре проходило. Он сердился на тех, кто чуть что хватался за пилюли, таблетки. Пытался вразумить: химическое средство - палка о двух концах, в чем-то поможет, а в чем-то и навредит, одному органу - на пользу, другому - во вред. Лучше бы обходиться без такой медицины. А естественных, природных лекарств - не перечесть. Не найдешь одно, так другое сыщется. И слава Богу, не об-

делил наши края - куда ни глянь - целебные травы. Чем бегать по аптекам, лучше уж потратить время на их поиск.

Маловеров он убеждал примерами из своего опыта, из вычитанного в книгах, будил интерес к многовековой народной медицине. Он немало читал о восточной медицине, сопоставлял все с собственными выводами, вновь и вновь проверял на личной практике.

После размолвки с Маисой он всецело погрузился в эти занятия. Отмечал в отдельной тетрадке способы лечения, примеры из практики, рецептуру приготовления отваров и настоек.

Прихватив свою фармакопею, он вошел в комнату, где лежал Муслим.

- Скучаешь?

- Нет.

- Сарвиназ тебе постель внизу постелила... Позже спустишься туда. Буду тебя лечить только целебными растениями.

- Я утруждаю вас... Да и Сарвиназ баха* причиняю хлопоты...

Рахман устроил больного, поручил Сарвиназ, как и чем его потчевать и ушел.

* *баха - старшая сестра (лезг.)*

ГЛАВА IV

- Мама!

- ...

- Ну, мама...

Сарвиназ, занятая вязаньем, подняла голову.

- Что не отвечаешь? - надула губки Нигяр.

- Ну, что тебе?

- Мама, а ты хотела бы, чтобы Рахман халу был нашим папой?

Сарвиназ вздрогнула:

- Откуда это взбрело тебе в голову?

- Так.., - потупилась Нигяр. - Просто спросила...

Сарвиназ не понравилась такие речи. Но ей было ясно: Нигяр говорит то, о чем думает. Как все дети. Тем не менее, неожиданный вопрос дочери ее оgoroшил, ошеломил.

"Будто сама не хочешь того же..." - укорила она сама себя.

- Больше не говори этого, дочка.

- Ну, почему? Если Рахман халу станет моим папой - что в этом плохого? - Нигяр чуть ли не плакала.

- Замолчи! - рассердилась мать. - Хватит об этом!

Нигяр обиделась и ушла во двор, а расстроенная мать продолжала вязать. Вязание успокаивало, отвлекало от тягостных мыслей. Вязать она научилась сызмала у матери, которая вязала им всем исин гюлютар*.

- Почему ты себе носков не свяжешь? - спросила у нее как-то маленькая Сарвиназ, видя, что мать ходит в заштопанных носках, а их,

***исин гюлютар - шерстяные носки с национальными узорами (лезг.)**

мальцов, балует разноцветным рукоделием.

- Эх, доченька... Дел невоворот... Руки не доходят.

- А для нас время находишь?

- Вы же мои кровинки, - мать окатила ее теплом ласкового взора.

- Тогда я тебе сама свяжу!

Научилась, связала! Она подошла к матери, стащила с ее ног заштопанные носки и надела новые.

Мать расчувствовалась до слез. Она прижала дочурку к груди и расцеловала. Ей тогда было восемь лет отроду. То было первое рукоделие Сарвиназ. Потом она одела своим вязаньем всех домочадцев. Научилась вязать свитера, жилетки... Это станет для нее незаменимой отдушиной в будущей жизни...

- Доченька, сходи, поиграйся с подружками, нечего сиднем сидеть! - Журила, бывало, мать. Домовитость, усердие дочери ее радовали, но и тревожили. "Как бы не зачахла, не засиделась в девицах..." Но, ничего не попишешь - росла хозяйка. И стряпуха уже, и в стирке поднаторела, и корову доить научилась. И все-то сделает честь по чести, как заправская хозяйка.

- Ты - опора очага. Счастливцев тот, кому ты встретишься на пути, - хвалила мать.

Но, знать, не от твоего разума зависит счастье. Не всем оно выпадает, будь даже умница, красавица-раскрасавица. Недаром же говорят: не родись красивой, а родись счастливой. И вот, когда мать услышала, что ее ненаглядную дочурку силой ввели в чужой дом, слегла бедная от горя, занедужила. Боль пережитого потрясения не покидала ее до скончания дней...

Вспоминала Сарвиназ обо всем этом, и минувшие времена оживали перед ее взором, горько-щемящая волна захлестывала сердце. Ладно еще, что судьба ниспослала ей ласковых, послушных детей, а то бы не вынести, не перетерпеть адских терзаний, выпавших на ее долю в семейной жизни.

Она довязала последний узел шерстяного свитера, окинула свою работу строгим, придирчивым взглядом. Для Рахмана связала. Хорош

свитер, любо-дорого смотреть. Улыбнулась, довольная. И подумала, что за все эти годы Адилю не связала ничегошеньки. Детям - да, и все хвалили ее рукоделие, а вот мужу - ничего. Даже в голову не приходило. Да и душа не лежала, не было такого желания.

Рахману связала на удивление скоро и споро. Еще раз оглядев работу, она разгладила, бережно сложила и завернула свитер в плотную бумагу.

Со двора доносились звонкие голоса детей. А у Муслима - их "стационарного больного" дела шли на поправку, боли, колики прошли. Теперь ему не терпелось отправиться домой. То и дело твердил: пора мне восвосяси, хочу домой. А Сарвиназ ему: повремени, без ведома Рахман халу негоже уходить.

- Эх, баха, сейчас разгар страды, надо прополкой заняться... Сеном запастись... А то ведь животное без прокорма останется. Моя половина, с восьмерыми мальцами не управится. А я тут "загораю"...

- Ничего себе "загораю".

- Честное слово, я у тебя как в санатории... И отдых, понимаешь, и меню - отменное... Видишь, поправился. Тут, видать, и облепила Рахманова сыграла роль.

Как ни уговаривала она его обождать - не помогло. Ушел все-таки.

Через день, под вечер, явился с женой Сабирой.

- Да благословит вас Бог... Век не забудем... Облагодетельствовали! Всю жизнь будем помнить...

- Чего это ты рассыпаешься в любезностях, Сабира? - крикнул, усмехаясь, вошедший во двор Рахман. Он подошел, поздоровался и задержал взгляд на подопечном: аж щеки разругались. Рахман был доволен.

- Никак "выписывать" мужа пришла? - спросил он. - Вот заботилась бы о нем в свое время - не довела бы до жизни такой.

- Верно, Рахман стха, - Сабира не обиделась на подтрунивание.

- Хочешь сказать, впредь будешь холить и лелеять? Так я и поверил...

- А сам-то он - что? Не дитя ведь малое. Пусть следит за режи-

мом, требует, напоминает, ест вовремя...

- Сарвиназ, долго ли нам в дверях стоять? - проговорил Рахман с дружеской веселой укоризной. - Человек с дороги, пригласила бы в дом.

Муслим, смекнув, что Рахман не подозревает о его своевольном "бегстве", обрадовался.

Они шагнули к арбе, Сабира легко стащила привезенного барашка, да еще какой-то узелок.

- Это еще что за подношения?

- Меду вот чуточку привезла. И сыру...

- Только и всего? - притворно подосадовал Рахман.

Сабира приняла его слова за чистую монету и смутилась. Рахман с Сарвиназ переглянулись, не зная, как быть. Похоже, эти гостинцы их тоже повергли в конфуз. Сабира хотела было снести узел в дом, Муслим взялся за корзину, но Рахман удержал:

- Оставим пока тут, после поглядим.

Сели за ужин. Рахман наговорил подопечному еще целый ворох наказов, передал свои отвары-настои и растолковал, как ими пользоваться.

- Запомни, все это ты должен принимать месяц. Возобновятся боли - дай знать. Диету соблюдай. Никаких шашлыков, ничего острого!

Когда они спустились во двор, сыновья Сарвиназ уже погрузили дары на арбу. Муслим обиделся, Сабира - в слезы:

- Должно быть, не по душе вам наши дары.

- Эх..., своих детей обделили - а еще обижаетесь. Благодарите Бога, что я тебя за дверь не выставил! Еще раз такое увижу - разговаривать не стану! - выговорил Рахман и вошел в дом.

- Не сердитесь, ради Бога..., - попыталась загладить неловкость Сарвиназ. - Уж такой у Рахман-халу крутой нрав, ничего не попишешь. Если кому помогает, так от чистого сердца, без всякой корысти. Потому и вспылит. Так что, не обессудьте.

- Но как же так? - Муслим все еще не мог прийти в себя от конфуза. - Вы же столько нянчились..., лечили..., выхаживали..., ну, мы и решили за добро... самую малость... из сельских своих припасов...

Велика ли важность? Мы, видишь ли, люди бедные, но благодарные...

- Не берите в голову..., уж такой он человек... Его не переубедишь и не уломаешь. Лучше и не пытаться. Возвращайтесь с миром домой.

- Баха, мы все-таки..., - настаивала Сабира.

- Не надо вам переживать. Как-нибудь наведаемся в гости к вам в село - тогда и "расплатитесь".

Кажется, обещание возымело действие. Гости поднялись на веранду, чтобы попрощаться с Рахманом и укатили.

Нияр с Рахманом о чем-то беседовали. Азер цыкнул на сестренку:

- Хватит тебе языком молотить! Дай слово сказать.

- Что, Азер, хочешь сказать?

- Знаю, что из дерева фигурку вырезал, - вставила Нияр.

- Даа?.. пошли, покажи.

В смежной комнате Азер показал Рахману фигурку.

Это был воин с мечом в руке. Рахман ахнул: хорошо сработано. Сердце окатило теплой волной. Хотел похвалить мальчика, но решил повременить.

- Дай-ка сюда нож.

Рахман взял нож и подправил кое-какие корявые детали. Дети следили за ним, затаив дыхание.

Сарвиназ, застав их за этим занятием, притихших, удивилась. Но, ни слова не говоря, тихонько удалилась на кухню.

Рахман окончил работу, отступил, окинул взглядом фигурку и обратился к Азеру:

- Ну как? Автор не в обиде?

- Что вы!

- Поздравляю с первым произведением!

Он пожал мальчику руку и поцеловал в лоб.

- А какую отметку вы ему ставите, Рахман халу? - спросила Нияр.

- Четверку, - Рахман легонько шелкнул ее по носику.

- А почему не пятерку?

- Почему-почему, кочерыжкой по кочану...

- А все-таки?
- Не дотянул малость.
- В следующий раз он обязательно пятерку получит. Дай, слово на ушко скажу...

Рахман послушно склонил голову.

- Азер тигровую фигурку вырезает...
- Ай-яй-яй... Что же ты творческий секрет выдаешь...

Позже, уложив детей, Сарвиназ преподнесла ему подарок.

- Это я тебе связала.
- Надо же... Стоило ли так утруждать себя?
- Что, не нравится?
- Как это "не нравится"? Загляденье!
- Тогда надень.

Свитер оказался к лицу, ладно облегал крепкую фигуру.

- Тебе идет!
- Да ладно уж., какой из меня, старичка, щеголь! - Снял, бережно свернул. - Спасибо за труд, ты бы себе лучше связала.

Сарвиназ постелила ему и ушла к детям. Азер не спал.

- Что не спишь, сынок?
- Не спится.
- Почему?

Сарвиназ ласково обняла его и почувствовала: вырос, окреп ее сыночек.

- Сколько времени уже как отца увели?
- Четыре года.
- А что?
- Так...

Адиль сызмала невзлюбил Азера, то и дело ругал, да так затюкал мальчика, что в присутствии отца он вел себя тише воды, ниже травы, боясь пикнуть. Мать переживала, а Адилю хоть бы хны, не проймешь. И вот, мальчик охладел к отцу, вся отрада и утешение - мать. Сарвиназ души не чаяла в первенце, ранимом, чувствительном, ласковом сынишке...

- Мама, - говорил он, - вот вырасту - останусь при тебе. Габиба женишь - пусть переберется в другой дом, а моя невеста будет у тебя в услужении.

- Э, сынок, дожить бы до того дня! Сама буду вам служить!

- Нет уж, ты свое отработала, намучилась. Вырасту - не пущу, чтобы ты палец об палец ударила.

Она отвечала улыбкой, пряча слезы.

Появление Рахмана в доме радовало и Азера. Мальчику нравилось, что с ним обращаются на равных, не как с маленьким, а как со взрослым мужчиной. Причем Рахман это делал совершенно естественным образом, интересовался его делами, при случае ненавязчиво подсказывал, давал советы, учил уму-разуму. Как и все дети, Азер нуждался в мужском надзоре и участии, и общение с неожиданным наставником восполняло эту пустоту в мальчишеской жизни. Поэтому он не придавал значения нехорошим пересудам, доходившим до него в школе или на улице. Вернее, он не мог допустить и мысли, что вся эта дурная молва может иметь какое-то отношение к его обожаемому кумиру. Тем более, что мать ему рассказала столько хорошего об удивительной и нескладной судьбе этого странного человека. Молва задевала и его мать, но как он мог поверить рассказам злых языков, когда мать днем и ночью заботилась о них и была на виду. Конечно, душа его восставала против этих сплетней, и он переживал за людскую коварность.

- Не спишь?

- Нет.

- Я тебе хорошую новость принесла...

Азер приподнялся в постели.

- Рахман халу говорит, что в Баку конкурс проводится. Хочет, чтобы и ты принял участие...

- Думаешь, я смогу потягаться?

- Сможешь.

- Тогда... придется мне все свои изделия заново перелопатить... А какие там условия?

- Завтра Рахман халу тебе растолкует.

Наутро, увидев Азера, сидящего во дворе под тутовым деревом, Рахман удивился: тот возился с куском дерева, обретавшим очертания хищного зверя. Тигра, разумеется.

- Что это ты встал ни свет ни заря?

- Не спится. Решил поработать.

- Мать тебе ничего не говорила?

- Сказала про конкурс.

- Ну, тогда ладно. Ответственность, выходит, осознаешь... К тому же с утра голова ясная, дело спорится. Теперь держись: состязание не из легких.

С того дня Азер все время возился под тутовым деревом - "творческая мастерская" своего рода. Таскал из лесу, с округи причудливые коряги, придавал им очертания зверья, обнажал подсказки природы. Порой и о еде забывал, головы не поднимет, пока мать не отнимет у него подручный инструмент. Зрители и "критики" - сестренка, братишка, а там и окрестная ребятня приходили поглазеть на безусого мастера. Азеру было приятно внимание, потому он работал еще усерднее.

Как-то говорит матери:

- Самое главное, чтобы Рахман халу одобрил. А там мне какое жюри не страшно.

Вечером того дня, Рахман, потирая руки, в шутку предложил:

- Ну, давай-ка первый тур конкурса проведем.

И начал осматривать поделки попутно исправляя неточности - "недотянутые" детали.

Закончив осмотр он пожал руку автору:

- Первый тур ты прошел.

Вдвоем они уложили отобранное в коробку и через пару дней отправились в Баку.

Мать благословила сына и по обычаю плеснула воды вслед уходящим.

Неделя прошла - ни слуху, ни духу. Сарвиназ заволновалась: "Не стряслось ли чего-нибудь?"

В этот день все у нее из рук валилось, места себе не находила. Только она вышла во двор и взялась за метлу, как вбежал соседский мальчик:

- Включи телевизор, Сарвиназ хала! Азера показывают!

Когда Сарвиназ прибежала, дети уже сидели у экрана.

- Это, наверное, твоя первая победа в жизни? - спрашивает теле-репортерша у Азера.

- Да...

- О чем ты мечтал, направляясь на конкурс?

- Ну, прежде всего... увидеть Баку... Познакомиться с художниками, занимающимися народным творчеством. Посмотреть, как они работают...

- И показать свои работы?

- Да...

- Наверно, ты нашел себе много друзей?

- Да, буду переписываться с ними.

- А кто тебя учил резьбе по дереву? Есть, наверно, наставник?

- Это Рахман халу, лесничий. У нас в районе его все знают. Он не только хороший лесничий. Он и народной медициной занимается, людей лечит. А о том, что мастер резьбы по дереву, художник - мало кто знает. Руки у него золотые. Но себя показывать не любит.

- Дорогие телезрители! - Репортерша повернулась к камере. - Поздравим ученика седьмого класса Азера Кулиева с первой победой на республиканском конкурсе народного творчества и пожелаем ему новых успехов...

Передача окончилась, а Сарвиназ не сводила взгляда с экрана. Дети шумно и радостно обсуждали успех брата.

Сарвиназ, погрязшая в домашних заботах, бытовых неурядицах, несшая в опустошенном сердце горечь пережитой совместной жизни с привередливым мужем, впервые почувствовала, что в жизни

есть куда более важные, значимые дела, придающие смысл ее существованию. И это ей помог ощутить собственный сын.

Азер с Рахманом вернулись полные впечатлений. Досыта наговорившись Сарвиназ спросила:

- А отца навестили?

- Да.

- Ну и как он - обрадовался?

- Не знаю, - пожал плечами Азер.

- Как же, - вмешался Рахман. - Конечно, обрадовался!

Азер промолчал. Позже Сарвиназ поговорила с ним с глазу на глаз.

- Как отец, расскажи толком. Исхудал, наверно?

- Да нет. Вроде даже поправился.

- Меня спрашивал?

- Да.

- А твоей награде порадовался?

- Не почувствовал.

- Почему ты так решил?

- Потому что он на диплом мой даже не глянул. Буркнул: только художника нам и не хватало...

Сарвиназ больше не допытывалась.

Ответы сына расстроили ее. Это было неслыханно - так холодно встретить сына после долгой разлуки. Да он и прежде не отличался особой лаской к детям. Как-то Сарвиназ его упрекнула в этом, а он: "Нечего цацкаться с ними... А то носы задерут... Пусть знают свое место. Нас так воспитывали..."

Его раздражало, когда она ласкала детей, нянчилась с ними. Она убеждала, что от любви и доброты вреда не будет, напротив, так можно возродить и самые черствые, глухие души. Адиль ехидно усмехался.

Не помнила она добрых, светлых минут с ним. А чувства, которые она питала к Рахману были иного рода, смешанные, противоречивые - они окрыляли ее, и тревожили, будили жажду жизни и угнетали... Это был костер из сырых дров - он не греет, дымит, но все

же радует надеждой на тепло, или соломинка для утопающего, хрупкая надежда на спасение... Но она понимала, что эта призрачная надежда истает с возвращением Адиля, и возобновится старое постылое существование, ожидание горечи и безрадостного будущего жило в душе, как туманы на седой вершине Шах-дага...

- Мама, тетя Маиса пришла! - сообщила дочурка.

Сарвиназ вышла встретить ее.

- Добрый вечер.

- Входи.

Та нехотя прошла, присела на диван, огляделась, заметила вставленные стекла на веранде:

- Рука Рахмана чувствуется сразу.

- Да. Спасибо ему, - Сарвиназ сделала вид, что не заметила иронии. - В непогоду мерзли, мокли. А теперь - порядок.

- Ого! Кажется, и рамы двойные.

- Да. Я и телевизор сюда поставила, видишь. Вроде гостиная получилась.

- Руки у него золотые...

Опять насмешка в тоне.

- Золотые, - подтвердила хозяйка.

Она чувствовала: Маиса явилась неспроста.

- Ну и где же твой хахаль? - выпалила Маиса неожиданно и грубо, посеревав лицом.

Сарвиназ пробрала дрожь. Она села за стол, стараясь взять себя в руки.

- С тобой говорят!

- Подбирай выражения.

- Ты меня не учи. Где он?

- Откуда мне знать? - Сарвиназ пыталась сохранить спокойствие.

- А разве он перед тобой не отчитывается?

- С какой стати?

- А с той самой. Бросил семью ради тебя. Значит, перед тобой ему и быть в ответе.

- Не вали с больной головы на здоровую. Сама выжила. Женщина с умом так бы не поступила...

- Выходит, я должна была смотреть сквозь пальцы на ваши шашни?

- Не говори того, чего не знаешь. Не мерь на свой аршин...

- Как? Как это "на свой аршин"? Думаешь, все способны на твои фортели? Ошибаешься! Мы не того поля ягоды.

- Говори зачем пришла! - Сарвиназ посуровела.

- Верни мне мужа.

- Ладно. Вернула. Забирай!

- Издеваешься?

- Хорошо, что насмешку понимаешь. Это же курам на смех. Что твой муж - багаж, посылка, чтобы взять и вернуть? Уж если дорожила - не отпускала бы на все четыре стороны.

- Это я-то? Это ты, ведьма, его охмурила, заманила! Околдовала! Все думают, Рахман - колдун. Но я-то знаю - ты заварила эту кашу.

- Не я, а твое жало змеинное! Довела! Такого хозяина, заботника выжила! Случись с ним беда - ты и не охнешь, такая у тебя душа.

- Ах, ах, уж если у него такая заступница, ему и горе не беда.

- Иной бы на его месте давно плюнул бы на все, завел бы новую семью. К тому же, такой мужчина, не запылится.

- Зачем же ему искать? Нашел уже.

- Перестань! Ты ведь и меня, и его хорошо знаешь. Знаешь, что ни он, ни я на такую стыдобу не пойдем. У меня сын уже взрослый... Как я могу помышлять о таком?

- От тебя всего можно ожидать.

Сарвиназ задыхнулась обидой:

- Было бы за что - не было бы так обидно. Моя единственная вина в том, что позволила ему переступить мой порог, приютила. Пусть я ослепну, если между нами что-нибудь произошло! Почему ты не веришь мне? Знаю, скажешь: коль добрым именем дорожу, зачем же пускаю к себе чужого мужчину. Да какой же он чужой! Если хочешь знать, не одна пара мужских глаз на меня пялится... Хотя бы этот мой сосед окаянный Мамед...

- Цену, что ли, себе набиваешь? Свет на тебе клином сошелся что ли, других баб в районе нет?

- Есть... Но при всех мужья... Когда Адиль был со мной, кто бы посмел хоть краешком глаза глянуть в мою сторону? Хочешь верь, хочешь нет, но я сказала то, что есть.

- Не стыдно тебе? За дуру меня считаешь? Рахман издавна по тебе сохнет. А тебя, слава Богу, знаем, какого поля ягода. Сладкими речами кого хочешь с пути собьешь... Ладно, что было, то было. Но хоть сейчас - верни его. Не могу утешить Джалила - при живом отце как сирота. Его-то вина в чем?

- У себя спроси! Он всегда дорожил тобой, радел о сыне. Узнай он, что хочешь примирения, вернется.

- Нет, я ему впредь ни слова не скажу. Хочу, чтобы ты дала ему от ворот поворот. Как заманила, так и выпроводи. Знаю, у тебя сил на это хватит. Он только тебя и послушается.

- Что ж мне, прогнать его? Этого я не смогу. Я не такая жестокая, как ты думаешь.

- Прогонишь! Не то ослаблю на весь район.

- Дело твое!

- Ну, погоди, что я тебе устрою!

Видя, что угрозы не действуют, Маиса стала осыпать ее проклятиями. Сарвиназ закрыла уши, это еще больше взъярило "обвинительницу".

- Чтобы ты оглохла...

Вдруг из спальни вышел Азер, весь побелевший.

- Уходи отсюда! - кричал он срывающимся голосом. - Уходи!

Азер выпалил эти слова с такой яростью и решимостью, что Маиса молча встала и стушевалась.

Азер подошел и крепко прижался к Сарвиназ.

- Милый мой..., заступник ты мой...

...Наутро Рахман направился в верхнюю часть леса, более отдаленную от села и потому менее подверженную посягательствам "лесогубов". Он, в общем, не очень тревожился за эту зону, но раз-другой в месяц навещался. Его пленяла девственная, первозданная красота этой глухой лесной стороны. И трава здесь сочнее, гуще. Пройти сквозь заросли здешние непросто, проворство требуется.

Раздвигая ветви граба, акации, ольхи, тиса, ясеня, он пробирался вперед вот уже часа два по еле различимой глухой лесной тропе. Влажная замшелая земля дышала прелостью, ни пяди без ростка, без травы.

Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густую крону, били в глаза. "Ну вот и прибыли..." - облегченно вздохнул он. Перед ним заискрилась, засветилась удивительной красоты поляна, где полыхали огоньки нарцисса, ландыша, ириса, медуницы, чей медовый аромат висел в воздухе: белое, алое, золотое, розовое свечение... несметное количество и разнообразие цветов. Он мысленно называл их "по имени-отчеству" - василек, алтей розовый, горошек душистый, кувшинка, настурция, колокольчик... Насчитал с полсотни, остальные запамätовал... Здесь, казалось, сосредоточилось все щедрое цветущее многообразие земли. "Вот бы Сарвиназ увидела...", - подумал он и вслед всколыхнулось другое, невозможное чаянье: "Побывать бы нам вдвоем здесь... хоть единожды в жизни..."

Голова закружилась от этой сумасшедшей, пьянящей блажи. И в чарах этих хмельных грез он дошел до подножия горы. Тонкий дух холодайки витал в воздухе. "Значит поблизости родничок". И только сейчас почувствовал жажду.

До него донеслось журчание. Речка. Вода - слеза. Несомненно, родниковая. Пошел вверх по течению и дошагал до родника. Зачерпнул полные горсти воды, всласть напился, затем умылся и прилег поодаль на траве, уставившись в небо. Солнце слепило глаза.

Вдруг он услышал треск. Сперва он не придал этому значения. Потом шарахнуло громче, раскатистее. Тут Рахман приподнялся,

глянул метрах в ста двое горных туров, скрестив рога, "выясняют отношения". Зрелище захватывающее. Серые, с темнеющей на спине шерстью, гордые красавцы яростно сверлят друг-друга взглядом, встают на дыбы, издавая трубный клич и бьются.

Он затаился в высокой траве, чтобы не вспугнуть диких дуэлянтов. Знал, какой это осторожный зверь - тур.

Погодя, схватка завершилась. Бойцы опустили рога и, постояв в неподвижности, разошлись в разные стороны. А тут, откуда ни возьмись, турье стадо, самки. Один из недавних драчунов задержал шаг, повел глазом. На него, как говорится, ноль внимания. Вот уже последняя самка мимо шествует. Тур подошел к ней мелкими шажками. Наклонив голову, коснулся рогами ее рогов. Но, похоже, этот флирт пришелся турихе не по душе. Ухажер не отставал, пытаясь привлечь внимание и снискать расположение. Самка вдруг разволновалась и огрела приставаду ощутимыми тычками рогов. Тур безропотно снес обиду. Тут перед ним оказалась другая красуля. Тур - к ней. В отличие от недавней недотроги, эта оказалась покладистее и вроде, получала удовольствие от приставаний. Они взирали друг на друга с явной симпатией. Вдруг оба на дыбы и давай елозить, брыкаться...

Из-за скалы тем временем вышла еще пара четвероногих удальцов. Рахман следил: как-же эти себя поведут? Но те постояли, поглядели на "милующихся" и пошли своей дорогой.

Самец и самка ласкались, их витые, спиралеобразные рога сплетались, но уже без треска и шума.

Рахман ахнул: уже и целуются! Сцена этой любви отозвалась в сердце грустью, и он даже смутился, что исподтишка подглядывает за этой сокровенной близостью.

Туры ушли. Рахман принялся собирать в торбу целебную природную благодать. Насобирав чабреца, подорожника, холодянку не забыл, головчатку, веронику тоже отправил в суму.

Через пару часов двинулся назад, в чашу. Дошел до малинника. Подкрепился нежными, сладкими ягодами. Малины - завались.

За пять минут можно ведро насобирать. "Вот бы Сарвиназ с детьми сюда..."

Поймал себя на этой мысли и осознал, что где бы он ни был, о чем бы ни думал, невольно в ход его рассуждений нет-нет да и вторгнется Сарвиназ, и он как бы проверял свое поведение, свои поступки ее мнением: "Понравится ли это ей? Одобрит ли она? Что она на это скажет?" Она проникала в его существо, духовную суть, одухотворяла его жизнь особым главенствующим смыслом. Голос ее был все время на слуху, образ ее всплывал перед глазами, и тщетны были бы все усилия высвободиться, отрешиться от этого неотступного, незримого ее присутствия, этой магической власти, управляющей его волей. И, казалось, кроме этого столь же близкого, сколь и далекого существа не существовало никого на свете.

До райцентра Рахман добрался уже в сумерки. В квартале, где жила Сарвиназ, на углу о чем-то вели разговор соседки. Когда он проходил мимо, одна кумушка что-то шепнула другой и все разом примолкли. Он шел, чувствуя на спине колючие, цепкие и укоризненные взгляды: в последнее время он часто ловил на себе такие взгляды, случалось, слышал и шпильки, и ехидные реплики, отвечать на них было бессмысленно, но ядовитые слова ранили душу, занозой застревали в сердце; вот и теперь, почувствовав недоброе бабье внимание и шушуканье, он сжался, помрачнел и выдавив из себя неизбежное и подобающее приветствие, продолжал путь. Одна из кумушек что-то сказала, остальные приснули со смеху, и Рахмана прошиб холодный пот.

Дойдя до ворот, он толкнул меньшую створку двери и прошел во двор. Подниматься на веранду не стал, присел на стуле под шелковицей и уставился в одну точку, в ушах звучал хохот кумушек, и перед глазами стояли укоризненные, осуждающие взгляды.

Он чувствовал угнетенность, униженность, и только сейчас, кажется, стал осознавать, какая это страшная разрушительная сила - людская молва, злые языки... Эта медленная пытка лишала его привычной решимости, парализовывала волю.

Обхватив голову он думал свою невеселую думу. Сколько пробыл в таком состоянии, не помнил. Свет в комнате, где спали дети, погас. Дверь веранды открылась. Сарвиназ спустилась, подошла к воротам, задвинула засов и только сейчас, заметив неподвижную тень под тутовым деревом, вздрогнула, но обрадовалась узнав его.

- Добрый вечер.

- Вечер добрый.

По тону его понял: расстроен. Ее мгновенная радость улетучилась.

Насупленные брови, печальные глаза Рахмана заронили тревогу в ее сердце. Она присела рядом на табуретку, не решаясь заговорить, допытываться.

- Как ты? - тяжело выдохнул он.

- Ничего.

- Дети спят?

- Да.

Помолчали.

"Что стряслось?" - мучилась она в догадках. Рахман неподвижно смотрел перед собой.

- Что с тобой?

- Ничего.

- А все-таки...

- Голова побаливает...

- Нет, ты выложи, что на душе. Полегчает.

Сарвиназ устремила на него взор, полный мольбы.

- О чем говорить, какую задачу поведать? Много всего.

Столько отчаянья было в его голосе, что она не выдержала, встала, провела ладонью по его волосам. Он вздрогнул от неожиданной ласки и вскинул на нее изумленный взгляд:

- Скорее бы Адиль вернулся...

- Да уж... не томись... он большую часть срока отсидел.

Голос ее дрогнул, осекся.

Рахман безо всякой связи спросил:

- Сирень, кажется, расцвела?

И вдохнул воздух.

- Да, уже второй день.

Он встал, направился на верхи подворья и вернулся с душистой веткой.

- Принеси-ка мне косынку.

Принесла. Он приложил метелочку цветов с листьями ко лбу и повязал косынкой.

- Помогает, - объяснил он, перехватив ее взгляд.

- Пошли, я тебе чаю дам с гвоздикой, это лучше - решительно сказала она, и он послушался.

Почаевничали, беседуя вполголоса о том, о сем.

- Маиса приходила.., - решила она, наконец рассказать о происшедшем.

- Чего ради?

- Хочет, чтобы ты вернулся.

- Так и сказала?

-Да.

- А ты?..

- Что я? Верно говорит.

- Верно? - Рахман удивился. - Значит, все по ее хотению - захотела - скатертью дорожка, захотела - милости просим, да?

- Все бывает в семье... Не век же в ссоре оставаться... - Она произнесла эти слова с неожиданным хладнокровием.

- Ты действительно считаешь, что я могу вернуться?

- А почему бы и нет? Ведь сын у тебя, отцовский долг на тебе...

- Ты ведь знаешь - назад мне дорога заказана. Пока есть силы, чем могу - буду им помогать. Но о Маисе больше ни слова. Ты-то хорошо знаешь: не люблю я ее.

Сарвиназ, не раздумывая, выпалила:

- В твои-то годы о любви рассуждать...

Сказала и пожалела. Но слово - не воробей... Рахман устался на нее недоуменно, потрясенно. Впервые она так бесцеремонно напомнила ему о возрасте. Глядя на его побелевшее - даже в сумерках

это чувствовалось - лицо, она осознала свою оплошность, но было уже поздно. Она-то ведь знала, как вспыльчив и самолюбив Рахман, всегда стремилась в разговорах быть осторожной и деликатной, но сейчас обычное чувство такта изменило ей.

У нее сердце сжалось в предчувствии, которое охватывает обреченного человека. Ее испугала мысль: обидится - уйдет. Но какой-то внутренний гордый инстинкт побуждал ее скрыть смятение, не ронять себя заискивающим раскаяньем.

"Уйдет... Навсегда..." Страх сжимал сердце.

После долгого молчания он тихо попросил:

- Постели мне...

Она вняла просьбе, ушла к детям, легла, но до рассвета не смогла сомкнуть глаз. Вздremнула под утро. Когда встала - его уже не было. Припав головой к подушке, еще хранившей его тепло, она задохнулась беззвучным плачем.

* * *

...Увидев у своего дома "скорую помощь", Рахман встревожился. У постели бледного Джагила молодой врач и пожилая медсестра о чем-то спрашивали у Маисы.

- Неделю ничего не ест.

- Что сказал участковый врач?

- Прописал витамины.

- Надо его положить в больницу. Обследуем всесторонне.

Рахман поздоровался, нагнулся у изголовья сына и поцеловал. Потом повернулся к медикам:

- Спасибо за ваши советы. Но пусть сын остается дома.

- Не упрямитесь. Ведь есть же диагноз.

- Есть-то есть, но, может, у него дело осложнено другой напастью.

- Ничего другого нет.

- Послушайте, это же в ваших интересах. Мы в ответе за жизнь мальчика. - Врач повернулся к Маисе: - Баха, что же вы молчите?

Вы же мать.

- А он - отец, - отозвалась тихо Маиса.

- Тогда как знаете. Вам и держать ответ.

Врач, а следом и медсестра ушли.

Джалил, молча слушавший беседу взрослых, приподнялся в постели, явно радуясь тому, что избавился от больничного плена.

- Сам буду лечить мальчика! - решительно заявил отец. Маиса, похоже, приободрилась от его слов.

Рахман, ни слова не говоря, вышел и появился под вечер с козой, чье бляенье побудило озадаченную Маису выплянуть с веранды. Рахман привязал козу к грушевому дереву:

- Иди, подои.

Маиса хлопает глазами.

- Козье молоко нужно.

Маиса, скользнув взглядом по изможденному, обескровленному лицу мужа, вздохнула, прихватила на кухне кастрюльку и вскоре появилась:

- Через силу полтора стакана выдоила.

- Ничего. Если еще столько же выжмешь - будет неплохо. Вскипяти и дай ему выпить.

- А других никаких средств не надо?

- Нет. Только козье молоко.

В ворота постучали колотушкой. Пожаловал сам главврач детской поликлиники в сопровождении молодого врача "скорой помощи".

Главврач - его звали Забит - поздоровался с Рахманом, присел у кровати Джалила, прослушал, осмотрел. Затем вызвал Рахмана на веранду.

- Извини, Рахман, но я вынужден по долгу службы сказать тебе: ты нашему брату палки в колеса ставишь, работать не даешь.

- Не пойму, о чем ты?

- А что тут понимать? Со здоровьем людей нельзя шутки шутить. Самолечение до добра не доведет. Если что стряется, кому держать ответ?

- Пока что ничего не случилось.

- Да, но может случиться. Я тоже верю в народную медицину, знаю ее возможности, но все же наука остается наукой. У нас так - семь раз отмерь, один раз отрежь.

- Думаешь, я с бухты-барухты лечу, наугад пользую? Ошибаешься. Если хочешь знать, ко мне ходят те, кого ваши дипломированные специалисты лечили не так, как полагается.

- Ага... мы дали маху, а ты исцелил?

- Увы, бывало и такое... Вот привели ко мне сынишку Алимурад муаллима, Курбана. Годами маялся в больницах, да ты, наверное, в курсе, врачевали нарыв на руке, но тщетно. Искололи беднягу, мазями измазали, а проку нет. Я ему наложил на язву целебных трав - рассосало.

- Ну, случай выпал... Лучше бы тебе не браться за такую самостоятельность. Твое дело - лес. Вот и пекись о нем. А врачам не мешай.

- Да я и не рвусь перебегать вам дорогу. Помогаю, кто сам приходит, на меня уповает. И то - если знаю, как помочь. Народное врачевание - кладезь. Я-то знаю только крохи, азы. И пользую осмотрительно, если проверено. Есть хвори, которые травами скорее и легче излечиваются. И уж если могу - почему бы не помочь людям?

- Короче, мое дело предупредить. Если, не приведи Бог, больного загубишь, придется перед законом отвечать.

- Спасибо за напоминание о законе.

- Давай ближе к делу. Почему сынишку в больницу не отпускаешь? Не видишь, в каком состоянии?

- Да что я, зла, что ли, ему желаю? Я-то лучше вашего знаю, какая у него хвороба. И средство знаю.

- Ну, и какое?

- Козье молоко.

- Как у тебя все просто! Инъекции нужны, друг, таблетки.

- Так ведь козье молоко содержит витамины. Минеральные соли опять же. Я тут Америку не открываю. Во всем мире им пользуются. Вот, скажем, в Швейцарии есть лечебница - там лечат пациен-

тов только лишь козым молоком да горным воздухом...

- С тобой трудно спорить...

- Вот что. За заботу о сыне - спасибо. Но и я пекусь о нем же. Хочешь научную основу, пожалуйста: о козьем молоке и Авиценна пишет, и Мохаммед Юсиф Ширвани, и не только они признают его целительность. И мы не вправе не верить им. Козы, между прочим, стойки против болезней. Единственные из животных, не подверженные туберкулезу. Есть сведения о том, что во время эпидемии чумы только козы из живой твари выживали.

- Все это любопытно... Дело твое. И отвечать тоже тебе. Но если у тебя с лечением не получится, вези мальчика к нам.

- Ладно.

Неделю мальчика держали на одном козьем молоке. А после прибавили в рацион меду, сливок, печень и прочие питательные продукты. Джалил окреп, воспрянул.

Рахман каждый вечер - дома. Войдет - сразу: как, что и бежит к сыну.

- Главврач приходил, - однажды сообщила жена. - Посмотрел сына, удивился. "Чудеса", говорит.

- Да уж, действительно, чудо. Козье молоко - это тебе не шутка. Ребенку хотя бы раз на дню надо молочка такого давать. Пока не окрепнет. Мальчик слаб от рождения.

- Что ж, выходит, козой надо нам обзавестись?

- Выходит, так.

- Кто за ней присматривать будет? Кормить, пасти?

- Да какой там уход! Козе нянька не нужна. Охапку травы и все дела. А зимой - сена. Может и обедками обходиться.

Подозвал сына, уже бегавшего во дворе, поговорил и засобирался уходить.

- Может, перекусишь?

- Спасибо, нет.

- Будь и голодный - отказался бы, - обиделась Маиса.

Он, не ответив, ушел. В их отношениях потепления не произош-

ло, хотя Маиса и проявляла инициативу. Говорили только о сыне и заботах, связанных с ним. Маиса, конечно, была ему благодарна: поставил сына на ноги, выходил.

Но то, что он по-прежнему держался отчужденно, задевало ее за живое. И в ее душе просыпалась злоба на Сарвиназ, "отбившей" у нее мужа. Но в последнее время к этой ревливой неприязни примешивалось и другое чувство, это было ощущение пропасти, разделявшей их, прозрение той горькой истины, что человек, проживший с ней столько лет, странный, чудной человек, жил другим, недоступным, непостижимым миром, человек, вольно или невольно причинивший ей душевные терзания, давший повод кривотолкам, ронявшим ее в глазах окружающих, - и тем не менее, она не могла ненавидеть этого человека, держать на него зло, вычеркнуть из жизни, из памяти. Нет, она любила его, по-своему, но любила, его, которого иные сторонились, остерегались, которому перемывали косточки.

С таким тяжелым, горьким чувством она вернулась в комнату.

Было душно. Рахман сидел, прислонившись спиной к стволу тополя. В глазах рябило от снопа лучей, пробивавшихся сквозь листву. Кругом роилась, копошилась всевозможная летучая, ползущая лесная мелюзга, муравьи занимались своим неутомимым трудом, пауки ползали по своим воздушным владениям, поодаль лениво ползал черный жучок, а тут на них откуда ни возьмись спикировала лесная птица, но жучок мгновенно принял "боевую позу", то есть, вздыбившись, выпустил струю в пернатого агрессора, - птица вспорхнула, должно быть, от неприятного ощущения и улетела прочь. Жучок продолжал путь с видом победителя.

Как-то Рахман видел, как такой же жучок дал отпор дрозду - сработала "защитная система", дрозд чуть ли не взвыл и ретировался. Он поднял храброго жучка, подержал на ладони, - капелька выпущенной только что жидкости блестела на панцире. Коснулся пал-

бцем ее - теплая, "может, и горячая, когда плюется"... Откуда же в этой крохе источник подогрева, и какая здесь химия? Одна из бесчисленных загадок природы. Каждая тварь по-своему защищается от врага, у черепахи - панцирь, у ежа - иглы, у змеи - яд, зайца спасают ноги, хамелеон - цвет меняет сообразно среде...

Бабочка вспорхнула на траву-метелку, крылышки нарядные, а посреди огромные пятна - как глазницы. "Хитруня! Тоже ведь - пугает..."

Немного отдохнув он встал и пошел дальше. Дойдя до сторожки, он ахнул: Под "грибком" устроились Азер и Габиб.

- Ого, какие гости пожаловали!

Рахман обнял, расцеловал обоих, расспросил, каким, мол, ветром, занесло.

Шесть месяцев с Сарвиназ не виделись, а тут, видимо, гонцов прислала, усмехнулся он себе в усы.

- Что к нам не заглядываете? - заговорил Габиб. - Мы же беспокоимся.

- Дела...

- Мать вам афарар* прислала. - Азер выложил из портфеля на стол угощение, завернутое в скатерку.

- А... начинка с травой - звездчаткой?

- Ну да!

- Как же вы меня нашли..., не заблудились?

- Да мы же не в первый раз.

Рахман раскрыл скатерку, и они принялись втроем есть афарар. Азер полез в сумку и извлек оттуда банку:

- А это довга.

- Ого! Это ж пир на весь мир! - повеселел Рахман, принес стаканы, разлил довгу.

Азер вспомнил:

- Мать поручила нам насобирать здесь борщевик.

** афарар - лепешки с начинкой (напр. зелень, творог, мясо), (лезг.)*

- Я знаю одну поляну, там ее навалом.

Поев, они направились туда, - действительно, такие борщевики вымахали, в рост человеческий, бери - не хочу. Ребята принялись сдирать с толстых стеблей кожуру и запихивать в рот сочную мякоть. Потом набили мешочки срезанными побегами.

- Считайте, месячную норму витаминов приняли, - сказал Рахман, провожая юных друзей.

Вернувшись в сторожку, он переоделся в рабочую одежду и взялся обтесывать деревянный брус, подобранный в глухой чаще. Молодое было дерево, прямехонькое, статное. Он вырезал нужную часть, но потом как-то разохотился, забыл, оставив заготовку. Сейчас, очертив женский профиль на поверхности, он стал "доводить" его до ума. Увлёкся так, что забыл о времени. Наконец, добившись желаемых пропорций, он взялся за нож, чтобы осуществить замысел.

* * *

...Сарвиназ, спавшая всегда чутким сном, просыпавшаяся на любой шорох и шелест, в полночь поднялась с постели, огляделась по сторонам: ей почудилось, что кто-то ходит по саду, под окном. Затаив дыхание, она напрягла слух. Похоже, померещилось. Снова легла, стараясь ни о чем не думать. Но не могла унять расхолодившееся сердце.

Много таких тревожных ночей пришлось пережить ей после ухода Адиля. Темнота всегда наводила на нее смутный страх, странные ночные звуки будили в душе тоску, внушали чувство неуверенности. Напряжение не рассеивалось. Она знала, что уже не уснуть и стала с нетерпением ждать наступления утра. В темноте с трудом различила стрелки ходиков на смутно белевшем циферблате: половина второго. "Как долго ждать!"

Вдруг донесся хруст. Похоже, кто-то обломил ветку яблони. Это было очевидно. Она не могла ошибиться. Неужели к ним забрался вор? Она вскочила, не включая свет, дрожащими руками нашла

платье и надела, в прихожей прихватила запятанный топорик, отворила дверь и спустилась вниз. Обошла дом, зажал ей рот ладонью, другой рукой вырвал у нее топорик и отшвырнул в траву, и потом стиснул ее в объятиях. Она хотела было вскричать, но мгновенная мысль о детях заставила ее подавить крик: к тому же грубая, мужская пятерня все еще зажимала ей рот. Она все-же изловчилась укунить палец неведомого врага. Мужчина заохал и ослабил руки; она в миг вырвалась, обернулась и застыла: перед ней стоял Салим, прокурор. Сарвиназ задыхаясь от ярости и отчаянья пригрозила:

- Бесстыжий! Убирайся! Не то сейчас криком народ подниму!

- Закричишь - тебе же и срам! Как завтра детям в глаза посмотришь?

Глаза Салима по-кошачьи горели в темноте.

- На ночную охоту вышел?

Мужчина упал перед ней на колени.

- Сарвиназ!.. Ты лишила меня покоя... Никогда... никого я так не любил... Что ни скажешь - готов исполнить твоё желание... Только не отвергай..., не гони... Озолочу... Осыплю благами..., горя не будешь знать... Готов жениться на тебе. Только не лишай меня надежды... Заклинаю... умоляю...

Салим ткнулся ей в подол, спрятал лицо в складках платья. Она растерялась, отшатнулась, взяла себя в руки:

- Какой же ты толстокожий! "Озолочу!" Думаешь, все продается и покупается? С людей всеми неправдами шкуру дерешь, потрошишь - и в этом видишь смысл жизни!.. Не на ту нарвался! Прочь...

- Она пыталась высвободиться, разжать прокурорские лапы, обхватившие ее ноги.

- Почему ты не веришь в мои чувства? Как тебе доказать? Как рассеять твои сомнения? - плаксиво тянул "обожатель". Нет, слезы вроде взаврадошные. Она ахнула. Ну, не странно ли, - человек, наводивший страх на многих, внушавший почтительный трепет, раскис перед ней, упал на колени! Да, он внушал уважение и страх, этот ухоженный, холеный, голубоглазый блюститель закона, но

только не ей, и его слезные излияния нисколько не трогали ее, напротив, будили гадкое, враждебное чувство. Уж если он так вероломно забирается в чужой двор, одержимый грязными помыслами, - от него любой пакости жди.

Она отцепила крепкие пальцы и рванулась, но Салим, прервав кроткие излияния, вскочил, заграбастал ее, приблизил лицо, она закрыла лицо, задыхаясь.

- Пусти-и-и...

Он алчно тянулся к ее губам; она билась в отчаянии и ярости, чувствуя натиск грубой силы. И вдруг, убрав руки с лица, плюнула во взопревшую физиономию.

Салим оторопел. Взгляд его, до сих пор являвший отчаянную, кроткую преданную страсть, полыхнул недобрым огнем, как у разъяренного тигра, готового разорвать добычу. Сарвиназ попятилась, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Неожиданно нависшая опасность, лишившая ее сил, будто повергла ее существо в невесомость, в безвоздушное пространство. Оказавшись сбитой с ног, сцепившаяся с этим двуногим хищником в неравном противоборстве, она чувствовала, что внутри что-то обламывается, рушится. Мысль о том, что она может стать жертвой дикой похоти этого коварного и поганого человека, ужасала ее и парализовывала волю. "Все кончено... все погибло..." - сверлила ее сознание мысль, она хотела умереть сию же минуту, сей же миг, чтобы не пережить грозящего позора и бесчестия. "Рахман..." - исторгся из сердца полустон-полужов, но это была несбыточная, невозможная мечта, и горевшие перед ней голубые бездушные глаза, выкатившиеся из орбит, будили в ней отвращение, омерзение, ужас... "Боже, помилуй и спаси..."

Вдруг краешком глаза она заметила камень, лежавший в траве; исподволь, украдкой нашарила рукой и, собравшись с силами, обрушила его на голову насильника. Салим обмяк и завалился набок. Это произошло мгновенно. Теперь ее ужаснула мысль: "Убила!" Она похолодела от этого предположения. Лицо его было в крови.

Она быстро вбежала в дом и вернулась с бинтом и йодом. Перевязала голову недавнему ненавистному врагу. Кровь проступала сквозь марлю.

Постанывая и пошатываясь, Салим поднялся на ноги.

- Как-ты пойдешь в таком виде?... - спросила она, показав на изодранную, в темных пятнах крови сорочку. Он не отозвался и пошел к воротам. Она провожала его взглядом, заливаясь слезами. Гнев, ярость, отвращение, страх, переполнявшие сердце - все исходило плачем.

Небо наливалось с края белизной.

Двери запирать не стала: через час буренку к стаду надо проводить. Да что проку от замков?

Она присела под шелковицей, измученная, опустошенная, убитая. Но в сердце забрезжила уверенность: впредь Салим не придет. Не посмеет.

ГЛАВА V

"Здравствуй, Сарвиназ! Как жизнь? Как дети? Что нового слышно в районе?.. Можешь меня поздравить: срок подходит к концу. Бог даст, числа пятого июля приеду... Считаю дни и часы..."

Сарвиназ не дочитала, буквы поплыли перед глазами. Насколько радовался Адиль скорому освобождению, настолько же ее угнетало ощущение неотвратимо надвигающейся беды - повторения прежней участи. Казалось, Адиль покинул этот очаг не восемь лет тому назад, а вчера, и все произошло и минуло в одночасье - его арест, заключение и напасти, свалившиеся на ее голову.

Она и не предполагала, что весть о скором возвращении мужа так расстроит ее, что человек, ворвавшийся в ее судьбу, ставший неизбежной и нераздельной частью ее существования будет столь нежеланным. Чувствовала себя странником, оказавшимся в бушующем море, в лодке без весел и парусов...

Пока Адиль отсутствовал, она, по крайней мере, была избавлена от унижений и оскорблений с его стороны, и это была, какая-никакая, но свобода. Она была обречена на совместную жизнь до конца дней, с нелюбимым, даже ненавистным человеком, влача безрадостные дни и дойдя до последней черты, за которой небытие.

Долго Сарвиназ пребывала в оцепенелом, отрешенном состоянии, ничего не хотелось делать, все из рук валилось. Вечером, за ужином, она сообщила детям новость об отце. Дети ничем не выказали радости. По сути, иного ждать и не приходилось. Годы разлуки сделали свое разрушительное дело. Пустота, угнездившаяся в ее сердце, обесцветила, обессмыслила все и предвещала столь же бесцветный, бессмысленный быт. Днем она заставляла себя через силу браться

за хлопоты, впрягалась в работу и отвлекалась, но по ночам оказывалась все в том же беспомощном поединке с отчаяньем. Мысли бились в замкнутом, безысходном кругу - она в такие минуты ничего не видела и ничего не слышала, и жила в наивном желании оттянуть встречу, продлить оставшиеся десять дней, но время таяло, дни шли неумолимой чередой.

За три дня до возвращения мужа наведался Рахман. Сарвиназ поздоровалась сдержанно, поставила чай. Рахман, заметив сухость, смутился. От него не ускользнуло то, что она расстроена.

- Что случилось?

- Что еще может случиться! - ответ ее прозвучал с укоризненным оттенком. Рахман, теряясь в догадках, счел за благо все же не допытываться.

Они не решались взглянуть друг другу в глаза, как люди обоюднo виноватые. Скупo перекидывались ничего не значащими словами.

С улицы вернулась Нигяр и, увидев Рахман, обрадовалась.

- А ты знаешь, папа скоро вернется!

Рахман переменился в лице. Сарвиназ заметила его почти ошарашенную реакцию, и поняла, как этот человек ей дорог. Ей даже захотелось утешить его. Казалось, к возвращению мужа она сама приложила руку и это возвращение само по себе было ее виной.

Их взгляды встретились. Никогда она не видела его таким - глядящим сурово - отчужденно, даже безжалостно.

- Когда приезжает?

- В воскресенье.

Больше он ни словом не обмолвился. Посидел чуть, как пригвожденный, затем тихо встал и ушел. Она не пыталась его удержать.

...Ночью она не сомкнула глаз. В предчувствии тревог грядущего дня встала чуть свет, с первыми петухами. Спустилась во двор, повозилась, похлопотала, подогнала животину в общее стадо. Потом испекла хлеб, зарезала кур, общипала, выпотрошила, наполнила водой большую кастрюлю для плова и поставила на огонь; проделывая

все эти дела, она время от времени смахивала набежавшую слезу, исторгнутую угнетавшей ее глухой душевной болью, пытаясь отмахнуться от этого неотступного, мучительного бремени. Прослышавшие новость стали навещать, заглядывать, поздравлять, - как водится в сельской местности, в радости или в горе родня, близкие спешат, не дожидаясь приглашений и призывов, помогают, чем могут. Вот и сейчас в хлопотах и сестра Ширинназ, и золовка.

Адиля дождалась под вечер. Вошел он во двор одетый с иголочки, как встарь; Сарвиназ изумилась. Казалось, заключение, тюремный быт, годы нисколько не изменили его. Располнел, посвежел даже - как из курорта.

На подворье засуетились, все вышли встречать, привечать. Сарвиназ же обмерла на месте, не шелохнется. Наконец, придя в себя, она шагнула ему навстречу и подала руку:

- С возвращением!

- Спасибо...

Родня продолжала подъезжать, собираться. Все здоровались, поздравляли, садились за накрытый на веранде стол. Последним явился Рахман. Женщины, прервав разговоры, переглянулись. Сарвиназ нарушила неловкое молчание:

- Поднимайся наверх, Рахман халу. Адиль там. - Она проводила его, проследила, как они будут здороваться и вздохнула с облегчением: те обнялись, поцеловались.

- Мужа увидела - не так засуетилась, - зашущукала какая-то болтушка, но Сарвиназ ясно разобрала ехидную реплику, залилась краской и под каким-то предлогом отлучилась - спустилась в подвал.

Застолье длилось до полуночи. Гости разошлись. Адиль спустился во двор, подошел к жене, мывшей посуду, обнял за плечи.

- Знала бы, как я истосковался по тебе! - От него разило перегаром. Она ненавидела этот запах. И сейчас ей стало противно, но как бы то ни было, а выказывать свое отвращение в такой день - слишком жестоко.

Он коснулся щекой ее волос.

- Пойдем спать..., ты совсем уже из сил выбилась...
- Я тебе постелила... Приду... как управлюсь.
- Ну нет, - Адиль отнял у нее посуду, оставил и повлек за собой...

* * *

Жизнь входила в обычную колею. Визиты, поздравления, угощения закончились. Сарвиназ, как всегда, от зари до зари хлопотала по дому, а выдастся свободное время - бралась за спицы. Адиль хоть и мучился от такого чрезмерного "трудолюбия" жены, но крепился, досады не выказывал, пребывал в праздности, не мог устроиться на работу. Походив час-другой по городку, возвращался домой, ложился на диване у телевизора или сидел во дворе в теничке под деревом.

Сарвиназ тревожило и терзало то, что Адиль не мог найти общий язык с детьми, поладить с ними. Особенно дичилась отца Нигяр. Хотя повзрослевшие дети и слушались папу беспрекословно, но пообщаться, посидеть с ним охоты не проявляли. И мать не знала, кого винить, на кого пенять.

Как-то остались с мужем наедине. Она проворно, даже поспешно действовала спицами.

- Что суетишься так? - начал он. - Передохнула бы.

- Завтра конец месяца, должна сдать работу, иначе зарплату не получу.

Немного помолчали.

- Похоже, ты не рада моему возвращению.

- Зачем ты как говоришь?

- Спроси у себя.

Она продолжала вязать.

- Не отвечаешь. - В тоне Адила сквозили недобрые нотки. Она смутилась и попыталась разрядить напряжение.

- Почему тебе в голову лезут такие мысли?

Она понимала, что ее миролюбивые попытки тщетны: уж если ему взбрело что-то в голову, не переубедишь, хоть кол на голове теши.

- Я думал после долгой разлуки ты переменишь свое отношение ко мне. Перестанешь быть холодной... но ты стала еще бесстрастнее...

- Уж такая уродилась..., - слабо и вымученно улыбнулась она, но, увидев налившиеся злостью глаза, сжалась.

- С Рахманом ты обходилась ласковее, теплее...

Она вздрогнула, как от удара:

- Не надо. Ты не вправе говорить о нем ничего худого.

- Ого! Как о нем речь зашла - ожила! Или я за живое задел?

- Не будь Рахман халу, сюда всякое воронье повадилось бы... Не по-мужски это - грешить на него. Он кормил детей твоих... и меня от хвори излечил. Бог свидетель - безо всякой корысти. Ради вашей дружбы.

- Знаю, ради чего. Писем об этом получал много, - выпалил он зло.

Она отложила недовязанный носок, подошла, давясь слезами:

- Думай обо мне что угодно. Казни, убей, не пикну. Но заклинаю именем Бога, не думай о нем плохо. Не марай его имя. Это было бы великим грехом.

- Ладно, хватит лицемерить! Люди не слепые. - Он ткнул ее в плечо, поднялся и отошел.

В тот день он не обронил больше ни слова.

Через пару дней, увидев в шифоньере рубашку Рахмана Адиль взбесился и швырнул на Сарвиназ вместе с вешалкой.

- Откуда это?

Она подняла рубашку и направилась во двор, где тоже была кухня; заперев дверь изнутри, она поднесла рубашку к губам, вдохнула ее запах и прижала к щеке, получая тайную мстительную радость.

* * *

Шли дни, намеки, обвинения, укоры учащались. Адиль не упускал случая уязвить ее. Она молча сносила обиды, не перечила, не оправдывалась, продолжая заниматься своими делами, и старалась по-

меньше показываться ему на глаза, чтобы не слышать его брани. Она готова была повторно стирать уже отстиранное - лишь бы избежать тягостного и мучительного допроса и очередной хулы. Со времени приезда мужа она уже в который раз отшпаклевывала пол в подвале. Здесь, в укромном уголке она давала волю слезам.

Адиль оставался прежним, вздорным, злобным, даже еще более жестокосердным, - его болезненное воображение распаляла ревность. Как бы она ни старалась, что бы ни делала, угодить ему было трудно. Жизнь становилась невыносимой. Единственное, что связывало ее с домом - дети, дума о них, об их участии, будущем. Все она посвятила им, всем пожертвовала ради кровинок своих. Но нет, в заповедных, тайных глубинах души давало знать о себе еще и иное чувство, она боролась с ним. Оно нашептывало ей таинственные слова, подсказывало, что есть на свете божественная красота, сладостная мука - любить и быть любимой. И облик Рахмана, его взгляды, его слова всплывали в памяти, и она уже казнилась, сокрушалась, винила себя в том, что не смогла отстоять, упустила столь близкое, столь возможное счастье...

Как-то Адиль явился домой вместе с Рахманом. Они вошли во двор, толкуя о чем-то. У Сарвиназ сердце захолонуло. В другое время она бы рада Рахману, но тут, - душа заныла, зашлась предчувствием.

Рахман заметил эту перемену в ней, понял каково ей приходится. Под глазами круги, лицо осунулось.

- Адиль меня силком притащил, - сказал гость.

- Вот и ладно, - попыталась она улыбнуться.

- Я Рахману говорю: без меня - навевывался, о детях справлялся, заботился, что же теперь дорогу позабыл... - В словах Адила нетрудно было уловить иронию. Но Рахман, не придав этому значения, прошел под тутовник и сел. Адиль устроился рядом.

- Давай-ка, жена, нам ужин, да посытней.

Сарвиназ захлопотала на кухне. Вскоре она накрыла на стол и

хотела уже уйти, как Адиль удержал ее за руку.

- Куда? Перекуси с нами.

Она послушно села, и медленно, нехотя принялась за еду. Но кусок стал в горле поперек...

Мужчины вели разговор праздный, обо всем и ни о чем. Она слушала их в тревожном предчувствии. Странное выражение взгляда Адиль подсказывало, что произойдет нечто очень неприятное.

Рахман даже не прикоснулся к вину. Адиль же уже захмелел.

- Рахман, ты был мне дороже брата родного. Потому заботу о семье я вверил тебе. Ты же оказался ненадежным.

Рахман уронил вилку в тарелку.

- Ты действительно так считаешь? - Голос у него срывался.

- Положим, я и не думаю так, но стар и млад тычут мне этим в глаза. Я не могу людям в глаза смотреть. Писали мне - я не верил. А здесь - не могу не верить. Ну, может соврать один, нагрешить другой, третий, сотня, но не весь же район.

Адиль впился в него пьяным злым взглядом.

У Рахмана сдавило горло.

- Я все перетерпел за эти годы... ради дружбы. Думал, вернешься, спасибо хоть скажешь. Оберегал Сарвиназ от худой молвы, от грязных рук... Из-за этого семья моя, друзья-товарищи отвернулись от меня. Сказать, что все это-только ради тебя - значит, сказать полправды... Другая правда - Сарвиназ, ее честь, ее чистота, ее доброта - ради этого я сносил все наветы, пересуды... Ты никогда не знал ей цену... Будь даже у меня на уме худое, корыстное, - все равно не посмел бы открыться ей... Жаль, что досталась она такому бездушному деспоту, как ты. Будь на твоём месте другой - он бы ее на руках носил - за то, что все эти годы и краешком глаза не взглянула на других, растила - лелеяла детей, во всем себе отказывая, тянула лямку, вкалывала...

- Хотел бы тебе поверить... да не волен... не в силах... с собой совладать. Подозрения грызут..., чувствую себя опозоренным..., обману-

тым... кажется мне, что ты спал в моей постели...

Рахман резко вскочил, свалив стул, сверля бывшего друга горьким, презирающим взглядом.

- Впредь я тебя знать не хочу! Ноги моей здесь не будет!

И, не взглянув на Сарвиназ, ринулся к дверям, а у порога крикнул:

- Когда помру - и на могилу мою не смей ходить!

Адиль осоловело уставился на него.

Потом, пошатываясь, поднялся наверх, на веранду...

Сарвиназ словно очнулась ото сна, - мысль о том, что Рахман ушел навсегда, что никогда не переступит порог их дома была для нее пуще смертной муки. Рахман не бросал слов на ветер.

Навсегда... От осознания смысла этого слова повеяло духом мучительного конца, это был горький, скорбный, прощальный дух...

Не помня себя, она выбежала со двора. На улице ни души, тьма словно поглотила Рахмана... Перейдя улицу она дошла до угла магазина.

Отсюда шла дорога к лесу. Вдалеке, у четы чинар, она различила удаляющуюся тень.

Впотьмах зацепилась за куст держидерева, колено исцарапалось до крови, но она не чувствовала этого.

- Рахман халу-у-у! - вырвался из горла надсадный, хриплый крик, и она не узнала собственного голоса, - дыханье зашло от бега и волнения, но уже и бежать нет сил.

- Рахман-халу-у-у...

Рахман обернулся и, увидев Сарвиназ в десятке шагов от себя, засыл и устремил на нее отчужденный взгляд, она приблизилась - блеснули полные слез глаза, по голени темная струйка ползет...

- Перейму печали твои..., не уходи..., прости его..., нас... прости великодушно... Настродался ты из-за нас... Если можешь... Это он сгоряча..., спяну..., сморозил... Прости...

- Вернись домой! - повелительно-жестко отрезал он. - Нogu расцарапала... Прижги йодом...

И пошел своей дорогой.

Она опустила на пыльную дорогу и заплакала навзрыд.

* * *

...Что с тобой, баха? - участливо спросила Ширинназ, глядя на изможденное родное лицо.

- Не знаю... Есть не могу... Свет не мил...

- Может, после Рахмана... Адиль тебе опостылел?

- Что ты хочешь этим сказать?

- Ну, это самое... постельные дела... - Ширинназ лукаво хихикнула.

Сарвиназ как кипятком ошпарили.

- Ты думаешь, что я с ним спала?

- А то нет...

Сарвиназ не нашлась что ответить, оглушенная. Выдавила из себя:

- Ты... родная кровь..., сестра..., туда же... Да он меня и пальцем не тронул! Если уж и ты..., то как уверить остальных?

- Надо быть слепой, чтобы не видеть, как Рахман по тебе сохнет! Мужчину с ума свела... Как он переживал, когда ты захворала... Я уж думала: не приведи Бог, не встанешь на ноги - и он не переживет...

- Не веришь, значит...

- Да как я поверю? Ты же никакого места сомнениям не оставила. Столько лет встречала-привечала... обхаживала..., кормила... А теперь - ничего между нами не было... Огонь к вате поднеси - каково будет? Да и он еще мужчина в соку... не чурбан...

Говорить, убеждать было бессмысленно. У сестры была своя безжалостная, несправедливая, но и неопровержимая логика. Никакая божба, никакие клятвы не разубедили бы ее...

Никто никогда ей не поверит, ни муж, ни соседи, ни родня... До конца ее дней будут коситься на нее: "изменница". Как дико..., как это все нелепо... как она до сих пор надеялась, что все образуется... что истина обнажится... "Какая же я дура!" Она презирала себя за наив-

ную веру в справедливость.

...В конце августа, проводив Азера в Баку, в институт поступать, - она затосковала. Тревожная, и в то же время гордая материнская радость - сын вступает на порог новой, считай, самостоятельной жизни, не могла заглушить эту тоску. Азер, старший сын, значил для нее очень много, и хоть она никого из детей не обделяла лаской и заботой, первенец занимал в ее сердце особое место, и отношения их были наполнены и согреты теплом душевного понимания. Азер чувствовал ее настроение, угадывал с полуслова ее желания, и его чуткая отзывчивость чем-то напоминала ей Рахмана: такой сын мог быть у такого отца... И это удивительное сходство натур было маленькой, сокровенной радостью ее бесцветного существования, обремененного будничными заботами и хлопотами.

Впрочем, Габиб с Нияр помогали ей, как могли. В последнее время, после памятной и горькой пирушки во дворе, когда Адиль в пьяном угаре обидел старого друга безжалостными, нечестными, неблагодарными словами, после того, как Сарвиназ замкнулась в себе и как-то потухла, в Адиле произошла некая перемена, похожая на угрызения совести. Он обращался с ней осторожнее, бережнее; прежде никогда не ходивший на базар, в магазин, теперь он таскал домой сумки, набитые продуктами, но это подчеркнутое, даже несколько заискивающее усердие не могло сократить пропасти, возникшей между ними, и Адиль чувствовал, что эта пропасть неотвратимо увеличивается...

Сарвиназ не могла простить ему жестокого откровения, безобразной выходки - обиды, нанесенной Рахману. Перед ее глазами часто всплывало лицо лесничего, потемневшее, суровое, неузнаваемо чужое - там, на ночной дороге, ведущей в лес: его уход - навсегда, убил в ней всякую охоту жить, любовь к жизни... "Он презирает меня"... Эта мысль сводила ее с ума.

Шли дни, и разрыв Рахмана с этим домом, его отсутствие, исчезновение будило в ней глухой, безмолвный ропот, она не могла примириться с исчезновением человека, благодаря которому в ее душе

затеплился, забрезжил свет осмысленного существования, сладостно-мучительной полноты бытия...

И она ловила себя на мысли, что больше своих невзгод ее занимает и терзает неведомая участь всеми покинутого, забытого лесного отшельника, так щедро наделенного даром сочувствия и сострадания, но лишенного человеческого участия. Будь Рахман у себя дома, у своего очага, она бы так не казнилась.

Два месяца, как он покинул их дом. От него - ни слуху, ни духу. Никто его не видел. Никто даже не вспоминал. Будто не было такого человека на свете.

Как-то Адиль, проснувшись ночью, увидел Сарвиназ в слезах. Он поглядел-поглядел и взорвался:

- Все сохнешь по нему?

Он вскочил и схватив за ночную рубашку, ударил раз, другой, третий, но никак не мог унять дикий приступ ярости.

Она перестала плакать и молча сносила удары, ждала с безразлично-обреченным видом.

"Ничего... Пусть... Все кончится... Кончится же когда-нибудь..."

Да, закончилось все. Вернее, произошло неожиданное. Адиль вдруг сник, рука, занесенная для удара, повисла в воздухе. Опустилась в виноватой, просительной ласке ей на плечо. Он обнимал, осыпал ее поцелуями, тыкался беспомощной головой, и она почувствовала на щеке его слезы. Ей стало мерзко, противно. И с этим чувством она резко оттолкнула его от себя. Впервые она позволила себе такое.

- Прочь! Убирайся! Пойдешь за мной - сожгу себя!

Адиль понял: это не просто слова. И неведомый до сих пор липкий страх закрался в душу.

Она выбежала во двор, скрипнула дверь... Тьма. Тишина.

Она шла куда глаза глядят. Ноги несли ее неведомо куда, она спотыкалась, оступалась, но шла и шла. Прочь отсюда. Подальше. Забыть все. Забыться всеми. Она чувствовала, различала только дорогу.

Дорога выведет ее куда-нибудь, к неведомому порогу, завершению, разрешению, и она обретет желанный покой, растворится в этом покое, и ее мятущееся, взбаламученное сердце наконец умиротворится и утешится...

Холод сентябрьской ночи неощутим. Ветви, колючки царапают ноги, кровавят, отрывают клочки изодранной мужем ночнушки, - она не замечает. Она не чувствует ничего. Не осознает, что ее уже обступила таинственная лесная мгла, населенная непонятными странными криками, голосами, шорохами. Она пробирается по тропе, раздвигая оцетинившиеся кусты, распугивая птиц, выпархивающих из-под них, дающих стрекача, слыша скорбный вой совы, оплакивающей чью-то неведомую судьбу.

Лес поредел, и матово-лунной полосой проступила опушка, распахнулось смутно белеющее поле, и неожиданно на этом безлюдье заструилась мелодия песни, голос певца, выводящий протяжные слова, отчетливо различимые в ночной тишине:

*Вся округа в клеверу,
Клевер вымахал к добру.
Моя милая стройна,
Белолица, как луна,
Плачет горестно она...*

Песня всколыхнула ее, привела в чувство, она будто очнулась, опомнилась, огляделась окрест. И увидела себя, одинокою былинкой, застывшей на опушке холодно темнеющего леса, поежилась от страха, задрожала зябко и с ужасом подумала: как ей быть, как выбраться отсюда, в таком облачении...

До нее доносились голоса, рассыпался смех. Только сейчас она различила девушек, вязавших скошенную траву в снопы при лунном свете. Пахло знакомым, родным, сладостным запахом свежих покосов. Она вспомнила себя, юную, прежнюю, как на селе вот так же лунными ночами вязала снопы, как от зари до полуночи всем миром

заготавливали сено для домашней животины...

"Пойду к ним," - подумала она и двинулась к сельчанкам.

Вдруг раздался испуганный крик. Она вздрогнула, застыла на месте.

Девушки тыкали руками в ее сторону:

- Смотрите! Смотрите-е-е!

- Это же Блажная! - вскрикнула всполошенно другая.

- Та самая?

- Ну да!

Девушки в страхе сбились в кучку и... припустились к селу...

Сарвиназ, ничего не понимая, смотрела им вслед. Глянула на свои отрепья и сообразила. У нее запершило в горле.

Тут она заметила двоих крестьян неподалеку - они смотрели в ее сторону и переговаривались.

- Видишь Блажную?

- Так ведь Блажная, вроде, старая должна быть, седая.

- Бывает и молодая.

- А ведь хороша, черт побери.

- Не подходи. Заманит.

- Как?

- А так - протянет руки и - цап!

- Давай-ка сматываться. От греха подальше.

Мужчины удалились.

"Значит, за Блажную меня сочли..."

Луна зашла за гребень Шах-дага, вокруг загустела тьма. Издали доносился рокот горной реки. Она стояла обессиленная, потерянная, оцепенев от страха. Ей казалось, что сердце вот-вот разорвется. Там, где стояли девушки, она различила три чинары, показавшиеся очень знакомыми. От них в лес должна тянуться тропа, ведущая напрямик к сторожке Рахмана... В душе забрезжила надежда...

Она двинулась к тропе, преодолевая страх и холод, она уже бежала, и ей мерещились подстерегающие взгляды; она то и дело озиралась, не гонится ли кто за ней; да она и впрямь Блажная,

иначе что ей шляться по лесу на ночь глядя...

Эта мысль напугала ее пуще всего, и она рванулась к последней надежде, единственно возможному пристанищу.

Что-то мягкое коснулось ее лба. Она отпрянула, два больших круглых глаза уставились на нее, два жутких зловещих зрачка... Она завопила, и голос эхом прокатился по лесу. Сова взмахнула крыльями, взмыла и канула во тьму.

Рахман проснулся на дикий крик, встал, кинулся из сторожки в лес, он узнал этот голос, он не мог ошибиться. Под дубом он различил фигуру в белом. Перед ним была Сарвиназ, неузнаваемая, с распущенными волосами, в изодранной ночной рубашке, залитая лунным светом, похожая на привидение.

- Ты? - только и смог он вымолвить. Она кинулась к нему, припала к груди, и он, почувствовав похолодевшее, хрупкое, обессиленное тело, подхватил ее, понес в сторожку и уложил на тахте. Открыв глаза она застонала, как в бреду:

- Я... Блажная..., пришла увести тебя... - И впала в забытие.

...Она была в белоснежном свадебном платье, и лицо ее затеяла фата. Со двора доносилась томительно светлая лезгинская свадебная мелодия "Перизада". Ей предстояло отправиться невестой в дом жениха, ждавшего ее с нетерпением, облаченного в черный торжественный костюм, белую сорочку с галстуком.

Через полчаса или час для Сарвиназ начнется новая жизнь. И перед ней возникло лицо Адиля, вспомнился его голос, манеры, осанка, и ей стало тоскливо. Она поняла, на что обрекает себя - жить с этим человеком под одной крышей, дышать одним воздухом, спать на одном ложе... Ей хотелось закричать, позвать на помощь... И тут перед ней упал букет нежных цветов, и тонкий аромат их вскружил ей голову. Она кинулась к окну, за которым мелькнула тень: Рахман, черноглазый, бородатый, с рубашкой нараспашку.

- Это тебе свадебный подарок! - сказал он и был таков.

У нее сердце оборвалось.

- Не уходи! - вскричала она.

... И почувствовала на лбу ладонь. Это прикосновение источало теплые токи, наполнявшие все ее существо.

- Успокойся, - зашептал он. И шепот его прозвучал как колыбельная песня. Видение свадьбы исчезло, и, осознав это, она обрадовалась. - Сон приснился?

- Да... Часто снится такое...

Доносился знакомый аромат, такой же, как во сне.

- Чем это пахнет?

У окна, на столе, на полках благоухала лесная благодать... Целое пиршество красок...

- Да ты все цветы лесные сюда насобирали...

Она прижалась к Рахману, обвила его руками.

- Я никого... ничего... уже на свете не боюсь... Я знаю... Думаешь, только ты меня любишь... И я... я люблю тебя.

Рахман был ошеломлен этим неожиданно нелепым, странно свалившимся на него счастьем, близостью женщины, годами любимой, недостижимой...

Запах волос, в которые он уткнул лицо, пьянил его.

- Сама пришла... Все равно людей не переубедишь... На всякий роток не накинешь платок... Все твердят - мы были близки. Один Бог у нас свидетель. Но мы созданы друг для друга...

...Когда она проснулась от щекочущего ослепительного прикосновения солнечных лучей, было уже за полдень. Впервые она проспала рассвет.

Рахмана не было. В углу - фигурка улыбающейся женщины, вырезанная из дерева. И чем дольше вглядывалась она в черты этого воплощения, тем больше узнавала себя... Кто знает, сколько усердия, памятливого внимания вложил Рахман в безжизненный кусок дерева, чтобы вдохнуть в него жизнь и правдоподобное сходство!

В сторожке разлилась благодатная тишина. Она смежила глаза,

вспоминая ласки Рахмана. А вот и он на пороге. Подошел, склонился.

- Знаешь, чего не могу простить себе всю жизнь? То, что своими руками отдал тебя в объятия Адила. Я с первого же мгновения понял, что ты создана для меня. Кто знает..., если бы тогда я не умыкнул тебя, встретился бы тебе другой, достойный избранник, и зажила бы ты в мире и согласии, и моя судьба не пошла бы под откос... Но теперь думаю, что ради этого счастья стоило перетерпеть все муки. Я больше от жизни ничего не желаю.

Она провела ладонью по его волосам.

- И я...

Говорят - не наговорятся. Они преобразились, как чахнувшие без воды цветы, сподобившиеся, наконец, живительной влаги. Она рассматривала каждую складку его лица, морщинки на лбу, густые ресницы, окаймлявшие черные глаза, прямой нос...

- Что ты так смотришь?

- Хочу запомнить. Навсегда. Мало ли что может произойти...

Голос у нее дрогнул. И ему пришло на ум, что это негаданное, нечаянное счастье не может длиться долго, что оно может истаять так же внезапно, как появилось.

- Как подумаю, что придется мне уйти и больше не увидеть тебя - ничего не желаю себе, кроме смерти.

- Может, не уходить тебе, - неуверенно произнес Рахман.

- Почему ты так поздно встретился мне? Почему раньше не нашел меня? В чем мы провинились перед Богом, что он такую кару на нас ниспослал?..

- Давай поженимся... Хоть оставшуюся жизнь проживем вместе, - решился наконец вымолвить он.

- А дети?.. Нет... Об этом больше ни слова. Я только ради них и живу. Да и ты...

Когда стало смеркаться, она встревожилась.

- Пора.

- Так скоро?

- К ночи едва успею домой.

Он накинул ей на плечи пиджак. Они вышли.

- Со дня, как тебя увидел, мечтаю: вместе побродить по лесу. В нем есть такие живописные уголки... Мечтал показать их тебе, поделиться радостью. А ты вот - ночью явилась и ночью уходишь.

У холма, на подступах к райцентру, она остановилась.

- Посидим чуть-чуть.

Они молчали. Он видел ее налившиеся слезами глаза, и чувствовал, как у самого дрожат губы.

- Дай мне слово, - она заглянула ему в глаза. - Обещай, что вернешься к Маисе. Ради меня. Пожалей и ее, и себя. Годы пройдут, настанет старость, и тебе нужен будет женский призор. Дай слово.

- Ладно...

Она крепко обняла его в последний раз.

- Не гляди так, милый..., минутой раньше или позже расстанемся - не имеет значения. У меня одно утешение: как хорошо, что ты есть на свете...

- Прощай, моя Блажная...

- Прощай, мой Дервиш...

ЭПИЛОГ

Когда Сарвиназ, пройдя по обезлюдевшим, темным улицам дошла до своих ворот, взору ее предстал Адиль, сидевший на валуне и устремивший взгляд в неведомую точку.

- Где ты была? - Тихо, неузнаваемым голосом спросил он.

- У Рахмана.

- Ради Бога, где ты пропадала? Всякие страхи лезли в голову.

- Ты сам послал меня к нему.

- Ладно, брось чепуху молоть. Пойдем домой, а то простынешь.

Он не мог утаить радости.

1993 г.

**СЕРДЦУ
НЕ ПРИКАЖЕШЬ**

(Повесть)

До завтрашнего вечера она останется у няни. День, ночь и еще завтрашний день. И тогда только мама придет и заберет ее отсюда домой. Но как долго ждать до завтрашнего вечера! "Если бы произошло чудо... - подумала Айнур. - Чтобы я закрыла и открыла глаза - и завтра бы наступило..." Она зажмурилась, пытаясь представить, что завтра уже наступило, и мама пришла за ней, и вновь открыла глаза в надежде на несбыточное чудо. Но нет, никакого чуда. Ей стало тоскливо.

Она заплакала, тихо, беззвучно всхлипывая, как бы не услышала и не рассердилась Хаджар хала, гладившая белье в соседней комнате.

Айнур подошла к окну и стала наблюдать за жильцом одноэтажного дома напротив. Там, за столом у окна, сидел худощавый мужчина с добрым лицом и что-то писал на белых листах. Айнур уже привыкла видеть его за этим занятием, и ей было любопытно наблюдать за ним. Иногда мужчина поднимал голову и, ласково улыбнувшись девчурке, глазевшей на него из противоположного окна, продолжал свое дело. "О чем, интересно, он пишет?" - думала девочка. И удивлялась тому, с какой быстротой его перо скользило по бумаге. Иногда мужчина опускал голову на исписанные листы и оставался без движения, или обхватывал голову руками и подолгу сидел в такой позе. Айнур привыкла видеть его вечерами. Днем в этом окне никто не показывался.

Дни, проводимые ею в доме у няни, превращались для нее в медленную пытку, тоска охватывала ее маленькое сердце. Игрушки, куклы были не в радость, не забавляли ее. Ела она через силу, нехотя. Порой часами стояла у окна, не сводя взгляда с дороги: ждет - не дождется маму.

Хаджар хала ей не нравилась. Столько времени прошло - а привыкнуть к ней, прикипеть сердцем не смогла. В присутствии матери Айнур, она не скупилась на ласку, голубила девочку, целовала, со-

ловьем заливалась. А стоило Диляре уйти,- и хозяйка дома будто забывала о существовании ребенка. Тут же принималась раскладывать принесенные Дилярой мясо, зелень, бралась за готовку. Айнур стояла в сторонке и наблюдала за ней, не смея пикнуть. Иногда ей казалось, что няня попросту не замечает ее, тогда она подходила и становилась прямо перед хозяйкой. Но та продолжала заниматься своими делами. Изнывая от скуки, Айнур плелась в смежную комнату и рассматривала книжки с картинками.

Только к ужину хозяйка окликала девочку, чтобы накормить и напоить чаем. Айнур помогала ей убирать со стола. Потом, улегшись в постели, долго пыталась заснуть, чтобы поскорее настало утро. Наутро повторялась та же история. Хозяйка хлопотала по дому, стирала, гладила, стряпала, а девочка часами тихонько играла в другой комнате. Иногда няня брала ее с собой на базар, в магазин. На улице она становилась совершенно другим человеком. Говорила с девочкой ласково, терпеливо отвечала на все "почему" и "зачем". Айнур поначалу думала, что Хаджар хала, наверное, дома устает, ей не до разговоров, "потому так холодно обращается со мной". Но вскоре поняла, что это не так.

Когда мама приходила за Айнур, няня, по обыкновению, не могла нахвалиться на подопечную:

- Славненькая девочка Айнур. Я к ней, как к родному дитяте, привязалась. А как уснет - я от тоски и не знаю, чем заняться...

Айнур не знала что и сказать, каждый раз изумляясь этому лицемерию. И не переставая просила мать:

- Мама, не оставляй меня здесь... Ну, пожалуйста...

Диляра гладила ее по головке:

- Ты же у меня умничка! А умничка должна слушаться маму.

- Но мне же там скучно...

- Хаджар хала обожает тебя, а ты: "скучно"!

- Мама, ты ее не знаешь! Она ни капельки не любит меня! И всегда говорит тебе неправду, - пыталась переубедить маму девочка. Но Диляра сердито обрывала ее на полуслове, считая ее просьбу

капризом.

Хаджар была одинокой женщиной. По словам соседей, муж давно ушел от нее из-за того, что у них не было детей. С той поры и жила в двухкомнатной квартире, доставшейся ей от отца. А свой, однокомнатный домик во дворе сдавала внаем. Работала уборщицей в какой-то конторе неподалеку, а по субботним и воскресным дням пеклась об Айнур. Роль няни ее вполне устраивала, так как она особенно не утруждала себя хлопотами. Однако и нежных чувств к этой красивой чужой девчурке не испытывала.

Каждый раз, встречая маму после двухдневной разлуки, Айнур от радости была готова на крыльях летать. Вернувшись домой, вела себя по-взрослому, перенимала сумку у мамы, подавала ей тапочки и любую просьбу исполняла мигом. Слышать мамин голос, быть с мамой для нее было великим счастьем. После уборки, готовки мама предлагала дочери пойти на прогулку.

- Сходим в парк?
- Нет, мама, не хочу.
- А на качелях покататься?
- Не хочу.
- А мороженого?
- Нет.

Ничем не удавалось ее выманить.

- Я хочу побыть дома вместе с тобой.

Диляра ворчала:

- И не знаю, в кого ты такая уродилась. У других - детей домой не докличешься, а нашу и силком из дому не вытащишь.

Иногда дочь вызывала жалость. Она была не по годам рассудительная, серьезная. Мать не могла припомнить случая, чтобы Айнур сломала какую-нибудь игрушку, книжку порвала или платье запачкала. Увидит клочок бумажки на полу - тут же поднимет и в урну бросит.

Диляра редко когда ласкала дочурку. Малышка была рада малейшему проявлению нежности, теплой улыбке. Всякое доброе слово

согревало ее маленькое, озябшее сердечко.

... - Айнур, ты больше не плачешь? - В дверях показалась Хаджар хала в фартуке. Айнур не ответила.

- Ну, хватит нюни распускать! Идем обедать! - Хаджар хала взяла ее за руку и повела к столу.

* * *

В эту ночь Диляра спала очень беспокойно. Проснулась - лицо бледное, под глазами круги, на душе кошки скребутся. Может, потому, что сегодня было тринадцатое число. Как и множество людей, она относилась к этой цифре с суеверным страхом. И, главное, по своему печальному опыту знала - в такие дни ее обязательно ждут неприятности.

В приемную вошла пожилая дама.

- Доченька, начальник у себя?

- Нет.

- Не знаете, когда он появится?

- Нет.

- А вообще - будет ли он сегодня на работе?

- Не могу знать. Начальник передо мной не отчитывается.

- Тогда для чего тебя посадили тут?! - Дама покинула приемную с возмущенным монологом.

"Ну вот, началось!" У Диляры испортилось настроение. Она продолжала печатать на машинке. "Подумаешь, краля..."

Погодя, в приемную стремительно вошел, нет, ворвался энергичный мужчина и напрямик направился к дверям кабинета.

- Куда вы?

- К начальнику!

- Не мешало бы сперва спросить, здесь он или нет.

- А где же ему еще быть в приемные часы?

- По-вашему, он день-деньской должен безвылазно сидеть в кабинете? - Диляра начала злиться.

Мужчина ушел недовольный.

Не прошло и пяти минут, как появился высокий парень в модном костюме.

- Салам алейкум.

- Алейкум салам.

- Начальник не занят?

- Его нет.

- Где же он?

- Не знаю.

- У вас плохое настроение?

- Вас это не касается.

- Жаль, что такая красота досталась такой язвительной особе,- сокрушенно вздохнул посетитель.

Диляра смутилась от его слов. "Действительно, что это на меня нашло? Всех в штыки встречаю... Они-то в чем провинились?"

Как только парень покинул приемную, она достала зеркальце из ящика стола, всмотрелась в себя, поправила прическу, надушилась, постаралась придать лицу приветливое выражение, и это преобразившееся лицо ей понравилось.

- Вы секретарша Намика Дадашевича? - к ней подошел молодой человек вальяжного вида.

- Я вас слушаю.

- У Намика Дадашевича хороший вкус, - эти слова молодой нахал произнес у нее над самым ухом. Диляра залилась краской, но промолчала. Приветливая улыбка сразу сошла на нет.

- И прежняя секретарша у него была... недурна... Не пойму, отчего ушла... - Нахал лукаво прищурил глаза, пряча усмешку.

Диляра не смогла сдержаться.

- Послушай, шустряк, если ты не уберешься, я позову милицию! Вон отсюда!

Нахал, не ожидавший такого отпора, оторопел.

- Но что я такого сказал?

- Убирайся!

Парень еще некоторое время таращился на Диляру, потом молча

ретиrowался. Но вскоре вновь появился в дверях:

- Вы только... Намику Дадашевичу ничего не говорите. А то нехорошо, знаете, получится...

Диляра обхватила руками голову, от злости кусая губы. Сейчас для нее самое ненавистное слово на свете было: "секретарша." Всякий раз, когда ее называли так, она чувствовала себя униженной. И проклинала день, когда устроилась на эту должность. Искала предлога, чтобы уйти. Но не могла придумать ничего убедительного. Намик Дадашевич был человеком мягким, обходительным. Ни разу не повысил на нее голоса, ничем никогда не обидел. С другой стороны, Диляра заочно училась в институте. До окончания вуза оставалось полгода, и пора было подумать о работе по специальности.

- Как чувствует себя Диляра ханум?

Услышав мягкий, приветливый голос Намика Дадашевича, Диляра встала с места, поздоровалась.

- Что ты не в духе?

- Ничего, не беспокойтесь.

Намик Дадашевич прошел к себе в кабинет. Диляра почувствовала, что ее дурное настроение улечувивается. И движимая привычной заботой о шефе, она скоренько вскипятила электрический чайник, заварила чай, положила на поднос конфетницу, розетку с ежевичным вареньем, стаканчик "армуду"* с дымящимся чаем и, пройдя в кабинет, поставила на стол. Уже повернулась было, чтобы уйти, как начальник окликнул:

- Присядь на минутку, Диляра.

Она пододвинула стул, села.

- Ну, как живется - можетсч? Давненько мы не беседовали с тобой...

- Спасибо. Все у меня нормально.

- Как дочурка? Не очень изводит тебя?

- Нет.

- Да... трудно молодой женщине жить одной. К тому же такой

* *армуду* - стакан грушевидной формы (азерб.).

красивой. Не так ли?

Диляра пожала плечами.

- Прошу тебя, - продолжал шеф, - не считай меня чужим человеком. Будут какие заковыки - не стесняйся, говори. Ладно?

- Благодарю вас, Намик Дадашевич. - Диляру тронул искренне участливый тон.

- Зови меня просто по имени.

Она ответила кивком и вышла из кабинета. Слова начальника затуманили голову. Намик Дадашевич был импозантный, привлекательный мужчина. Он нравился многим женщинам. Да и сама Диляра была к нему равнодушна, хотя и боялась признаться себе в этом. За шесть лет, прошедших после развода, у нее появлялись и ухажеры. С иными даже встречалась, но ни с кем не могла общаться больше недели - другой. Намик не был похож на ее прежних легкомысленных кавалеров. "А потом говорят, что тринадцать - несчастливое число... Чертова дюжина... Но сегодня... Начальник... признается... мне... В чем?" Она смутилась своей бесспорной догадке. "Взбредет же такое в голову..." И вдруг рассердилась на себя. "Эх ты, бедолага... что ты видела на веку! Только и знаешь, что пеленки стирать... Губишь молодую жизнь ради ребенка... Да уж, вырастет - отблагодарит тебя... Жди..."

Мысли путались, мешались. Она то корила - журила себя, то оправдывалась. В конце концов ей осточертело это бесконечное самобичевание, самооправдание. Она сполна извела горечи одиночества. Целых шесть лет... сердце точила тоска, смута на душе, ни покоя, ни сна. Долгие, нескончаемые зимние вечера, осенние ненастные сумерки... Дни были похожи друг на друга, бесцветные, пресные, и проходили годы, не сулящие ничего светлого, отрадного. Но Диляру угнетало и другое. В последнее время люди отдалялись от нее. Старые друзья, подруги потихоньку меняли прежние отношения с ней, все реже навещали родные, все прохладнее относились соседи... Ее одинокая жизнь приобретала в их воображении предосудительный смысл...

Диляра все это чувствовала и понимала. Отчуждение окружающих леденило душу. И порой в ней все восставало против этой глухоты, против неласковой и горькой судьбы, и ей хотелось крикнуть этим благополучным и благоразумным кумушкам в лицо: вы все млеете в теплом гнездышке, под крылом своих благоверных, почему же вы отказываете мне в праве на душевное тепло, ласку, заботу?

Зазвонил телефон. Это был Расим. Познакомились они два года назад. Встречались. Потом Расима направили работать в Алжир. С тех пор не виделись.

- Здравствуй, Диляра.

Она ответила не сразу.

- Не узнала? Это я, Расим.

- Узнала. Здравствуй, Расим.

- Как ты?

- Ничего. Спасибо.

- Я так хочу тебя видеть...

- Когда приехал?

- Вчера.

- Навсегда?

- Нет. В отпуск...

- Как у тебя дела? Не женился?

- Нет. А как твоя личная жизнь? Есть новости?

- Все по-старому.

- Давай встретимся сегодня. Я привез тебе презент.

- Сегодня я не в настроении.

- Это я беру на себя. Договорились?

- Не знаю.

- Ну, перестань упрямиться. Ты не забыла, где я живу?

- Нет.

- Вечером в восемь я тебя жду. Не опаздывай. Пока.

* * *

Дождь лил как из ведра. Капли барабанили по крышам, хлеста-

ли по окнам, создавая невообразимый шум. Движение на улицах внезапно затихло, лишь изредка в многоголосую какофонию дождя врвался надсадный звук автомобильных сигналов.

Айнур глазела на залитую потоками улицу, забравшись на стульчик и прильнув личиком к холодному оконному стеклу. Тучи, пелена дождя сократили жизнь дня, и чем больше густела тьма, тем тоскливее становилось Айнур. Она подошла к книжному шкафу, взяла с нижней полки "Азбуку" и, чтобы как-то занять себя, стала читать вслух: "Айгюн ест айву. Бахрузу больше нравятся яблоки."

Она знала все буквы и помнила книжку наизусть. Поэтому "Азбука" была ей уже неинтересна. Она глянула на часы. Девять часов вечера. Включила телевизор и уселась на стульчик у экрана.

Показывали мультфильм. Когда по телевизору запели колыбельную, Айнур накрыла желтоволосую, синеглазую "Барби" одеяльцем и стала убаюкивать в такт песне. Вдруг, обняв куклу, она заплакала. Ее слезинки падали на румяное личико куклы, и казалось, что та плачет вместе с девочкой.

Вдруг очень захотелось поесть. Она прошла на кухню, впотьмах вскарабкалась на табуретку и дотянулась до включателя.

Утром мама накормила ее сладкой молочной кашей и, уходя, сказала: "Когда проголодаешься, поешь котлет, они в сковородке, на столе."

Она взяла холодную котлетку и стала жевать без хлеба. Захотелось чаю. Но мама запрещала ей подходить к плите, а о том, чтобы зажечь конфорку, не могло быть и речи. Налила воды из чайника в стакан, выпила, накрыла сковороду крышкой, выключила свет и вернулась в комнату. Раздевшись, аккуратно сложила платице и легла в постельку. Но сон не шел к ней.

В этот вечер ей снова пришлось сумерничать без мамы. К няне мама ее не отвела - та куда-то уехала. Девочка осталась одна. В сердце ее закрался безотчетный страх. И этот страх напрочь отогнал сон.

Она встала, накинула на себя одеяльце и вышла на балкон. С тоской устремила взгляд на соседний балкон, - там часто появлялся

Чингиз, детсадовский приятель, и с ним ей было интересно болтать о том о сем. И в садике она больше всего играла с ним, даже на утренниках выступали в паре, и Айнур как-то подарила ему плюшевого медвежонка.

На балконе, бывало, появлялись и мама, и папа Чингиза. Чингиз ласкался к папе, повисал у него на шее, теребил папины усы, а мама, посмеиваясь, любовалась на них. В такие минуты она завидовала своему приятелю, ведь у него был папа, а у нее нет. И никогда не будет.

На соседнем балконе - никого. На улицах пусто. В водостоке шумела вода. Одежду увлажняли дождинки. Девочка поплелась в комнату и снова легла в кроватку.

Мама предупредила ее, что вернется поздно, уезжает "по важному делу". В чем заключались эти "важные дела", девочка не понимала, но в душе очень злилась на маму.

Перед ее глазами всплывало мамино лицо, всегда такое красивое, а особенно, когда мама была ласкова, когда мама брала Айнур на руки, целовала, мамины глаза заслоняли весь мир, огромные, светящиеся, теплые глаза. Но потом это красивое родное лицо нахмурилось - Айнур вспоминала как мамины губы, нежно целовавшие ее, вдруг исказились и с этих губ стали слетать злые, нехорошие слова: "Чтобы ты провалилась! Чтобы руки твои отсохли!.."

Айнур не понимала причину этих внезапных вспышек гнева, с ревом убегала под стол - затыкала уши, чтобы не слышать ее брани... Но, дав волю своей иступленной ярости, мама вдруг сникала и сама начинала плакать - казнить: "О, Боже, прости меня... Отними жизнь мою, избавь от мучений!" И с виноватым, покаянным видом принималась голубить, ласкать Айнур, осыпая ее поцелуями. Айнур тихо приникала к ней, боясь пикнуть, опасаясь нарушить этот хрупкий мир...

Темнота пугала Айнур - холодная давящая темнота. И в этой темноте мама то улыбалась, то плакала...

* * *

Вот уже четырнадцать лет Гамид жил квартирантом у Хаджар. В этом большом дворе, где соседствовало более десятка семей, все любили-жаловали его. А Хаджар - в особенности. Гамид в конце каждого месяца передавал ей плату за жилье, аккуратно завернутую в бумагу. Квартиру он держал в подобающем порядке, ералаша не допускал и никаких шумных или вздорных гостей, а тем более пассий, не приводил. Скромный, обходительный, интеллигентный человек. Если и была причина для недовольства хозяйки, так это "пережег" электроэнергию. Но Хаджар, видя своего постояльца вечно корпящим над бумагами, пишущим или читающим, не решалась заикнуться о таком прозаическом обстоятельстве.

Собственно говоря, писательство - профессия, в общем-то незаурядная по существу, обусловила тот особый искренний пиетет, который он снискал в глазах соседей.

Но и характер его располагал к себе. О таких говорят: и мухи не обидит. Никто ни разу не видел его раздраженным или сердитым. И обстановка комнаты, где он жил, отражала непритязательный нрав постояльца: койка, стол, пара стульев да еще большой книжный шкаф, набитый литературой. Сослуживцы знали его как заядлого библиофила, как только заведутся деньги - тратил на книги. Читал их запоем, любил делиться прочитанным и дарить друзьям книги.

Вечерами, особенно в погожие весенние и жаркие летние дни, соседки собирались на посиделки. Замечая за раскрытым окном осунувшееся, бледное лицо вечного труженика, женщины сочувственно вздыхали, переглядывались, качали головами, вот, мол, изводит себя человек. Больше всех, кажется, жалела одинокого постояльца соседка Хаджара по лестничной площадке - хрупкая, тихая, неказистая Наиля. Она так привыкла к светящемуся допоздна окну, к тени от знакомой сутулой фигуры, падавшей во двор, что иной раз, при отсутствии этих признаков, чувствовала необъяснимое беспокойство. Она замечала и другое: как Гамид стирает себе белье, как развешивает

его в поздний час, когда опустеет двор, как натирает пол, возится у плиты... Все эти наблюдения отзывались в ее сердце жалостливой болью, она даже несколько раз порывалась пойти и помочь ему управиться с этими совсем не мужскими обязанностями, но ее удерживало стыдливое опасение превратной молвы. К тому же, и сам Гамид мог воспринять ее благой порыв иначе - так ей казалось.

Наиле не повезло в жизни. В год окончания мединститута потеряла отца, вскоре умерла и мама, три младшие сестренки остались, по существу, на ее попечении, и в этих заботах незаметно прошли молодые годы, так и не удосужилась подумать о своей личной жизни. Да и каких-то серьезных сердечных привязанностей не было. Возможно, будь она миловиднее, поярче, все бы устроилось, да вот не уродилась красивой.

В этот весенний вечер на нее нашла гнетущая тоска. Прилегла на диване, не включая света. В раскрытое окно жилище Гаида просматривалось, как на ладони. Вскоре у него погас свет, и Гамид пересек двор, направляясь на улицу.

Она вышла в коридор и столкнулась с соседкой. Та почувствовала, что у Наили неладно на душе, и пригласила почаевничать на балконе. Женщина догадывалась о чувствах, переполнявших сердце молодой соседки, перехватывая долгие взгляды, которыми она исподволь провожала Гаида, но ничем не выказывала своей догадки. Зная характер Наили, понимала, что делиться сокровенными чувствами она не станет. Хотя Наила выросла у нее на глазах, и, когда потеряла родителей, она как могла, старалась поддержать ее, облегчить бремя навалившихся забот, и при всей разнице в возрасте, они, можно сказать, души не чаяли друг в друге, - здесь на откровенность и не надеялась.

Пожилая, умудренная жизнью женщина понимала, что девушкам с таким нравом трудно найти спутника жизни. И Наила, как говорится, ждущая у моря погоды, так и засидится в девках. Казалось бы, сам Бог ниспослал Гаида в этот старый двор, вот же подфартило, не упусти, не проворонь свое счастье. Но время шло, Гамид живет

сам по себе, на Наилю никакого внимания не обращает, и она, такая неумеха, ничем его приворожить не может. Хаджар хотела было сама завести с Гамидом разговор на эту деликатную тему, прошу-пать, так сказать, почву, но поостереглась, - чего доброго, осерчает, не так поймет, да и Наилю ненароком можно поставить в неловкое положение.

И вот, чаевничая с Наилей на балконе, она впервые заговорила о Гамиде:

- Как бы вы с Гамидом подошли друг другу! Вы созданы друг для друга!

- Да что вы, Хаджар хала! - Наиля залилась краской.

* * *

Гамид, прогуливаясь по городскому саду, присел на скамейку. Сегодня ему не работалось. Старался заставить себя собраться с мыслями, но дело шло туго, перо застревало подолгу на начатой строке. Может, виной тому было веянье весны, запахи свежей травы, щедрый солнечный свет, в котором купался южный город. Терпкое дыхание весны несло с собой неясное томление.

На верхушке сосны оголтело и воинственно чирикали воробьи. Акации засветились белыми душистыми гирляндами. Да, это они, акации, будили в нем непонятную, тихую печаль. Он зачарованно уставился на белые гроздья цветов. Удивительно, что Гамид, всегда ожидавший пришествия весны с трепетным волнением, чувствовавший пробуждение каждого листочка, бутона, на сей раз, кажется, и не заметил начала этой феерии природы.

- Сынок, что ты скрестил руки на груди? Разними их... - прервал его размышления незнакомый голос.

Старушка, проходившая по аллее, произнесла эти слова с такой ласковой участливостью, что он невольно внял ее совету.

Вдруг ему под ноги закатился большой мяч. Он нагнулся, поднял

мяч, ища глазами его владельца, и... улыбнулся, узнав в маленькой девочке подопечную тетюшки Хаджар.

- Так это твой мячик?

- Да.

- А как тебя зовут?

- Айнур.

- А меня зовут Гамид.

- Я тебя всегда вижу в окно.

- И я тебя.

Они оба засмеялись.

- А что ты там все время пишешь?

- Разное...

- Разве можно так много писать?

- Откуда ты знаешь, что много?

- Знаю. Я считаю страницы.

- Правда? - Гамид удивился. - А до скольких ты умеешь .. считать?

- До ста.

- Молодец! Ты и читать умеешь?

- Конечно. И писать. Но не так быстро, как ты.

- Ничего. Вот пойдешь в школу - научишься.

- В сентябре и пойду.

- А с кем ты в сад пришла?

- С мамой. Во-о-он, на скамеечке сидит. - Айнур показала пальчиком на противоположный край сада.

- Где же она?

- Да вот же, встала, идет сюда.

К ним приближалась молодая женщина. Айнур, о чем-то подумав, спросила:

- А у тебя есть мама?

Гамид смешался от неожиданного вопроса. Девочка ждала ответа.

- Нет у меня мамы, Айнур... - он произнес эти слова так, как если бы сам был виноват в этом печальном обстоятельстве.

- Нет мамы? - Девочка искренне удивилась, смешно заморгав гла-

зами. Это означало, что она напряженно соображает.

- Почему?

Диляра уже подошла к ним, поздоровалась. Гамид узнал в ней женщину, часто появлявшуюся у Хаджар. Впервые они сошлись вот так, лицом к лицу, и Гамид, завороженный ее красотой, невольно поднялся и тотчас осознал некоторую неестественную поспешность своего порыва.

Диляра, уловив его замешательство, улыбнулась и взяла Айнур за руку.

- Пойдем, доченька.

Но Айнур приникла к ней и серьезно сообщила:

- Мама, у Гамида нет матери.

Диляра посмотрела на него извиняющимся взглядом и увела дочку. В воздухе остался нежный аромат, напоминающий запах горной фиалки.

Айнур часто оглядывалась назад и, дойдя до угла, помахала ему ручкой.

Наивный простодушный вопрос девочки всколыхнул в его памяти события недавних лет.

...Узнав, что Гамид, окончив институт, получил назначение в издательство и останется в городе, Гюльсум хала всплакнула. Наконец-то сбылась мечта сына, он уже печатается, издается... Оперился Гамид и покинул отчее гнездо, теперь снимает комнату у чужих людей. Радость и печаль смешались в материнском сердце. И еще грустила Гюльсум хала потому, что сын и слышать не хотел о женитьбе. Добрая молва о сыне разносилась уже по всему району. Когда ее спрашивали: "Ты - мать Гамида?" - она испытывала гордость. Что касается женитьбы, на все уговоры он отвечал: пока своего угла не будет - об этом и речи не может быть.

Не дождалась старая заветного дня. Так и покинула мир с затаенной тоской в сердце.

Каждый раз, вспоминая ее, Гамид не мог сдержать слез. Нет и не будет на свете человека, которого он любил бы так, как мать.

* * *

Зайдя к Хаджар хала с платой за постой, Гамид застал у нее Ай-нур. Девочка выглядела грустной.

- Что с тобой, Айнур? Или заскучала?

Девочка надула губки и не отозвалась.

- А хочешь, я тебе сказку расскажу? - Айнур мгновенно преобразилась.

- Хочу! - обрадованно сказала она, вскакивая с места. Гамид передал хозяйке деньги и попросил:

- Хаджар хала, если ты не против, Айнур немного погостит у меня.

- Пусть погостит. А то, как мать ушла, все тучей смотрит, - с готовностью согласилась няня.

Гамид привел маленькую гостью к себе:

- Вот мой дворец.

Айнур, увидев горы книг, разинула рот:

- Ой, сколько книг! Зачем тебе столько?

- Читаю...

- Разве все перечитаешь?

- Вот вырастешь - увидишь, что это не так уж трудно.

Айнур перевела взгляд на увеличенную фотографию на стене.

- Это кто?

- Моя мама.

Она испытующе уставилась на него:

- Вчера у тебя испортилось настроение?

Гамид удивился ее недетской наблюдательности.

- С чего ты взяла?

- Ты чуть не заплакал.

- Да ну? - притворно удивился он.

- Да-да. Это мне мама сказала.

Гамид не нашелся, что ответить, и решил, что пора начинать сказку. И он придумал историю про озорного медвежонка, который заблудился в лесу, гоняясь за бабочкой. История обростала все новыми

подробностями. Айнур слушала, раскрыв рот, а он, глядя на нее, все больше воодушевляясь сочинял новые неожиданные приключения, где смешивалась всякая небывальщина. Он и сам не ожидал, что способен так занятно рассказывать. Наконец, почувствовал, что пришла пора закругляться. Айнур спросила:

- А дальше что случилось?
- Продолжение в другой раз, - пообещал он и отвел ее к няне.
- Когда девочка заскучает - отпускай ее ко мне, - попросил он.

С тех пор "дворец" Гамида стал для Айнур манящим, волшебным миром. Гамид призывал на помощь всю фантазию, сочиняя сказочные истории. Айнур заворуженно слушала, жила и дышала этим придуманным миром - щебечущим, каркающим, рычащим, свистящим, ревущим. Гамид обнаружил в себе звукоподражательные способности и перевоплощался в пернатых или четвероногих персонажей, да так, что Айнур покатывалась со смеху.

Эти сказки не были похожи на те, которые рассказывала мама или телевизионные затейники, и от воспитательницы в детсаде она таких историй не слышала. Порой Гамид, увлекшись, сочинял и грустные сказки. Но вскоре он пожалел об этом, осознав, что девочка воспринимает придуманный им мир вовсе не как небылицу, а как настоящую явь, и когда одна из таких историй завершилась гибелью аистенка, Айнур так разревелась, что ему стоило больших усилий успокоить малышку. Пришлось призвать на помощь чародея, который воскресил аистенка. Впредь он стал придумывать сказки с непременно счастливым концом.

Однажды Гамид, возвращаясь с работы, повстречал Диляру.

- Как вы, Диляра ханум?
- Спасибо.
- А как мой маленький друг?
- Она в детсаду. Иду за ней.
- Если позволите, и я с вами пойду, - робко предложил он, опасаясь отказа.
- Айнур будет очень рада...

Только сейчас Гамид заметил, как удивительно Айнур похожа на маму - у обеих большие серые глаза, длинные ресницы, широкий лоб, точеный носик, светлые волосы.

- Айнур в восторге от вас, - сказала она, отчасти, чтобы нарушить воцарившееся молчание.

- Правда? - он искренне обрадовался.

- Она слово в слово пересказывает сказки, которые слышит от вас.

- А вам нравятся мои истории?

- Да... Но я давно не верю сказкам, - с улыбкой добавила она.

Он несколько смутился:

- У Айнур отличная память. И она очень впечатлительная...

Гамид вспомнил, как Айнур переживала гибель аистенка, но предпочел не говорить матери об этом: эпизод подрывал его репутацию "сказочника"...

По пути он заглянул в "Детский мир" и купил игрушечного жирафа.

Дойдя до детсада, Гамид неожиданно предложил:

- А что, если за ней пойду я, а вы нас подождете?

- Попробуйте...

Малыши собирались домой. Папы и мамы заботливо одевали их. Айнур увидев Гамида подбежала к нему, обвила ручонками шею. Диляра через окно наблюдала за этой восторженной встречей.

И вскоре они втроем шли по аллее - со стороны их можно было принять за дружную, благополучную семью...

* * *

Взаимоотношения Диляры с Намиком Дадашевичем давно перешли за рамки служебных. Шеф был ласков, заботлив, предупредителен, стремился обеспечить ее во всех отношениях, удовлетворить любую прихоть. Он был хорош собой и нравился ей, к тому же не был женат. Казалось бы, все шло к прочному, узаконенному союзу. Но Диляра хорошо понимала, что нити, связующие их, неп-

рочны, и достаточно пустякового толчка, случая, чтобы они оборвались. Знакомство с Гамидом укрепило ее в этом убеждении. Как правило, они встречались дома у Диляры, когда она оставляла дочь у няни.

Настал субботний день. С утра Диляра сходила за покупками, купила продуктов и себе, и для Хаджар, прибрала в квартире и отвела дочку к няне.

Она застала няню во дворе с Наилей, выбивающей ковер.

- Что это ты сегодня так рано привела малышку? - полюбопытствовала женщина.

- Мне надо отлучиться из дому...

- А-а, понятно... - Хаджар многозначительно переглянулась с Наилей. Та, впрочем, поспешила уйти, чтобы не мешать их разговору.

- Здесь, в сумке у меня - свежая баранина и еще кутум. Сварите мясо, рыбу пожарьте... Сами поешьте, и Айнур покормите.

Айнур нетерпеливо ждала, пока мама закончит свои дела, и, когда Диляра уже попрощалась, девочка взмолилась:

- Мама, ну, возьми меня с собой...

- Опять заныла? - сердито одернула Диляра. И обратилась к няне: - Капризничает. Не обращайтесь к ней.

- Ну, возьми меня с собой... - Айнур залилась слезами.

- Пока! - Диляра направилась к выходу.

- Когда забереешь ребенка? - крикнула няня вдогонку.

- Завтра вечером.

Хаджар уставилась на девочку, продолжавшую плакать.

- Ну вот, начала концерт! - Видя, что Айнур не успокаивается, женщина подошла к ней и грубо пихнула: - Ступай в комнату, там и реви!

Айнур, как ни странно, замолкла. Обида душила ее. Никогда не видела особой ласки от этой женщины, но и такой грубости от нее не ожидала. Она поняла, что чем больше будет плакать, тем сильнее разозлит эту чужую женщину.

Весь день девочка молчала. В ней проснулась ненависть к няне. К

еде не прикоснулась, как та ни уговаривала. Так продолжалось и на другой день. Вдобавок, как на грех, она ненароком задела заварочный чайник. Чайник упал на пол и разбился.

- Ты что, ослепла? - Хаджар дала волю накопившемуся гневу. - Издеваешься надо мной? Ах ты, вредина!

Она ударила девочку. Айнур почувствовала тупую боль, с трудом подавила крик и, убежав в другую комнату, ничком распласталась на кровати и зашлась плачем. Случалось, мама в сердцах больно шлепала ее, ругала нехорошими словами, но так горько, так обидно ей не было никогда. То, что на нее подняла руку чужая женщина, было оскорбительно, унизительно, хотя девочка, может, толком и не понимала смысла этих слов.

Когда няня занялась стиркой в ванной, она, на цыпочках, дошла до прихожей, тихонько открыла дверь, так же тихонько прошмыгнула через двор и вышла на улицу. Она знала дорогу к своему дому. Добралась до подъезда, поднялась по лестнице, дотянулась до дверного звонка, нажала кнопку. Она постучала кулачками.

Никто не отозвался. Похоже, что мамы не было дома.

Понуриив голову, она сошла вниз, добрела до сквера и села на скамейку.

И тут ее увидел Гамид, возвращавшийся к себе домой.

- Айнур? Что ты здесь делаешь?

Она подняла покрасневшие от слез глаза, Гамид почувствовал неладное.

- Что с тобой?

Девочка не ответила.

- Где твоя мама?

Она пожала плечами.

- Не знаешь? А как ты здесь очутилась?

- Я... убежала... от няни...

- Убежала? - Гамид терялся в догадках.

- Она меня ударила... я и убежала...

Гамид присел рядом, приобнял малышку:

- Должно быть, провинилась в чем-то? Ну-ка, признайся.
- Я разбила чайник.
- Ну, вот, видишь...
- Я же не нарочно...
- Вот беда-то какая... И часто тебе... от нее попадает?
- Нет.
- Тогда, может, ты все-таки простишь ее? Вернешься к ней?
- Она плохая. Со мной не разговаривает, не играет. И все время моей маме говорит неправду.

- Какую неправду?
- При маме божится - клянется: "Айнур люблю больше родного дитяти." А как только мама уходит, ей на меня наплевать.

- А ты маме говорила об этом?

- Да. Но мама не верит.

Айнур почувствовав искреннее участие, стала делиться своими детскими горестями - как мама оставляет ее у няни, а сама исчезает неведомо куда, как она томится одна в чужом доме...

Из сбивчивой исповеди девочки представала безотрадная картина. Гамиду захотелось как-то утешить бедняжку:

- Я сегодня думал о тебе.

- Правда? - оживилась девочка.

- Да. Я думал, почему тебя не видно в саду?

Айнур придвинулась к нему:

- Можно я тебя спрошу?

- Спрашивай.

- У тебя есть папа?

- Нет.

Она притихла и задумалась. Гамиду ее серьезный вид показался забавным.

- Можно, я открою тебе секрет?

- Конечно.

- Только, чур, никому не говорить.

- Даю слово.

- У меня тоже нет папы, - она произнесла эти слова утешающим тоном. Гамида растрогала ее наивная участливость. Он поцеловал ее головку. - Мама говорит, что у меня никогда не было папы. Она думает, я ничего не соображаю. Не будь папы, не было бы и меня. Разве не так?

Гамид не нашелся, что ответить.

- Кто тебе это все сказал?

- Чингиз. Это мальчик, с которым мы в садик ходим. Я только с ним играю. И живем совсем рядом. Мы часто с ним через балкон переговариваемся... Вот у Чингиза есть папа. - Последние слова она произнесла совсем тихо, еле слышно. Гамид сразу уловил печаль, таившуюся в ее словах. Гамид и сам пережил горечь безотцовщины. И слова девочки всколыхнули в его душе давнюю сиротскую тоску.

- Давай-ка я отведу тебя к няне. А то ведь она волнуется!

- Нет, я туда не пойду, - Айнур снова расплакалась.

- Ладно. Тогда пойдем на аттракцион.

Он покатал ее на "веселых горках", потом усадил на качели, угостил мороженым. И вот они вновь сидят на той же скамейке. Айнур смакует пломбир.

- Мама мне никогда не покупает мороженого.

- Почему?

- Боится, что горло заболит.

- Что же ты мне раньше не сказала?

- Не беспокойся. Это раньше у меня болело. Теперь - ничего.

- Все равно, если мама твоя узнает, крепко рассердится.

- Не бойся. Я ей не скажу.

Вдруг Айнур вскочила со скамейки и, подбежав к кусту олеандра, спряталась за ним.

- Что такое?

- Тсс... - прошептала она из-за куста. - Няня идет! Ты ей не говори!

Гамид увидел в конце аллеи ее, тревожно озирающуюся по сторонам. Женщина была не в себе, когда подошла. Гамид услышал ее

учащенное дыхание.

- Добрый вечер, Гамид. Ты давно здесь?

- Да, уже часок, наверное. - Он изобразил удивление. - А в чем дело? На вас лица нет...

- Ты видел здесь Айнур?

- Нет... А что случилось?

- Сбежала беспризорница!

Хаджар хала двинулась дальше. Его покорило от этого слова "беспризорница". Впервые он испытал неприязнь к этой женщине. Покружив по саду, она исчезла из виду.

- Выходи, Айнур. Ушла твоя няня.

Айнур, опасливо озираясь, вышла из "укрытия".

- Спасибо, что не выдал меня.

Уже смеркалось. Гамид, взглянув на часы, поднялся.

- Пора идти, Айнур. Каково будет маме, если не застанет тебя у няни! Ты знаешь дорогу к своему дому?

- Конечно.

Они вышли из сада и направились вниз по улице.

- Во-он, видишь две многоэтажки? Впереди - наш дом, - объяснила девочка.

- Мы же соседи!

- А ты не знал?

Гамид часто проходил мимо этого здания, но ему и в голову не приходило, что Айнур с матерью живут так близко. Теперь, направляясь к дому Айнура, он поймал себя на мысли, что движим не только желанием вручить девочку маме... Ему очень хотелось увидеть Диляру. Такая красивая женщина - и одна. Почему развелась с мужем? Он часто думал о ней в последние дни, и то, что задавался этим вопросом, казалось бы, не касающимся его, удивляло самого Гамида. Он ощущал странное и приятное волнение.

- Ты побудешь немного у нас?

- А ты хочешь?

- Конечно.

- Посмотрим...

- Не "посмотрим", а "хорошо". Ладно?

Айнур повела его ко второму блоку.

- Мы живем на третьем этаже.

Они уже поднимались на второй этаж, когда сверху, с лестничной площадки донесся негромкий мужской голос:

- Завтра увидимся?

- Нет. Завтра мне недосуг. - Это был голос Диляры.

- А когда?

- Договоримся.

Этот нечаянно услышанный диалог подействовал на Гамида как ушат холодной воды. Несколько фраз прояснили все. Он почувствовал себя оплеванным, обманутым. Ему захотелось сию же минуту повернуть назад, уйти, скрыться с глаз долой. Но тут Айнур радостно вскрикнула:

- Мама! - И, видя начавшего спускаться по лестнице Гамида спросила:

- Ты куда?! Пойдем к нам.

Гамид застыл, как вкопанный, не зная, как быть. Он невольно прикоснулся к неприятной, оглушившей его тайне. Смутилась и Диляра, никак не ожидавшая такого казуса. Она растерянно смотрела то на Намика, то на Гамида, то на Айнур. Наконец, выдавила из себя: "Здравствуйте". Хотела было представить мужчин друг другу, но сообразила, что это будет выглядеть нелепо.

- Это моя Айнур, - сказала она Намику.

- Какая славная! - Намик наклонился, пытаясь поцеловать девочку, но она увернулась и юркнула за маму.

- Ладно, я пошел. Счастливо оставаться. - Намик сбежал по ступеням.

- Мама, а ты знаешь, Гамид меня на качелях покатал!

- Сколько раз я тебе твердила: не "Гамид", а "дядя Гамид"! - Диляра хотела как-то загладить неловкость.

- Я сам разрешил ей, - Гамид заступился за девочку.

- Гамид меня и мороженым угостил, - проговорила девочка, но, спохватившись, поправила: - Хотел угостить, но я не пустила.

Диляру рассмешила эта ложь. И Гамид не удержался от улыбки.

- Где же Хаджар хала? - спросила Диляра.

- Я застал Айнур в саду. Одну...

- Как? Ты... сбежала от няни?..

Айнур потупилась.

- Ладно. Я с тобой потом поговорю. Марш в комнату! - И повернулась к Гамиду:

- Может, зайдете к нам?

- Нет, нет, у меня дела...

- Большое спасибо вам. Вы выручили нас.

- Простите, что вмешиваюсь... но, похоже, Хаджар хала не ладит с ребенком. Обижает. Будь я на вашем месте, не оставлял бы девочку на ее попечении.

Диляра отозвалась со странным спокойствием:

- Вы не очень-то верьте словам Айнура. Хаджар хала - женщина добрая.

- Я бы не сказал...

- Ну, кто ее знает, - Диляра не стала спорить.

- Во всяком случае, ребенок не станет возводить напраслину. Словом... До свидания.

Спускаясь по лестнице, он услышал вдогонку плаксивый укоризненный голос Айнура:

- Ты же обещал, что зайдешь к нам!

Дверь захлопнулась.

* * *

С этого дня Гамид не мог избавиться от внутренней смуты. ореол красоты, очарование, которое он испытал при первой встрече с Дилярой, было омрачено, осквернено банальной прозой открывшейся правды. Нет, это не ревность, убеждал он себя, я не имею никаких

прав и притязаний на место в жизни этой женщины... Но его неприятно поразило, даже возмутило ее эгоистичное равнодушие к судьбе маленького существа, которому она дала жизнь. Это не вязалось с его представлениями о материнстве, и он невольно соотносил эту черствость с безоглядной, жертвенной любовью своей матери.

Он был для матери всем. Но вот, откуда у этой красивой женщины такая душевная глухота? Если в ней есть хоть подобие материнского чувства, то как она может жить в свое удовольствие, обрекая свою родную дочь на бесконечную пытку ожидания в чужом неласковом очаге, лишая это маленькое хрупкое существо счастья общения, тепла, ласки? Его поражало, что при всем равнодушии, холодности матери девочка так стоически терпеливо, так благоговейно, трепетно ждала встречи с матерью, и эта преданность беззащитной детской души вызывала в нем бесконечную жалость. Он пытался отвлечься от этих тягостных мыслей, понимая, что бессилен и неправомочен вторгаться в уклад чужого неблагополучного гнезда. Корил себя за сердобольность. Но судьба Айнур никак не выходила из головы, тем более что девочка тоже привязалась к нему, неосознанно ища в нем недостающего человеческого тепла.

Однажды Хаджар сочувственно сказала ему:

- Ты не очень-то переживай из-за дочери этой гулящей. Завтра, глядишь, и эта пойдет по стопам матери. Яблоко от яблони недалеко падает!

Эти слова услышала и Айнур. Глаза у девочки налились слезами. И она впервые не захотела идти к Гамиду, молча прошла в смежную комнату и захлопнула дверь... Гамид был ошеломлен.

- Ну, почему вы такое сморозили при ребенке? В чем девочка-то провинилась?

- Да она же дитя. Такие вещи ей не понять.

Но Гамид видел, что это не так. Как-то он услышал разговор:

- Девочка в нем души не чает.., - говорила Хаджар.

- Что остается ей, бедняжке. - Это был голос Наили. - Света белого не видит. При живой матери - как сирота круглая.

- Уж больно Гамид цапкается с ней. Неспроста это. Похоже, он неравнодушен к ее мамаше. А то с какой стати столько возиться с чужим отпрыском, а?

Гамид, задетый за живое, повернул обратно и ушел к себе. С тех пор старался пореже показываться во дворе. По выходным уходил к друзьям, пропадал в библиотеке или наведывался к родным. Старался не попадаться девочке на глаза...

Айнур же было невдомек, куда пропал ее добрый сказочник. Конечно, догадаться о причине его исчезновения она не могла. Подолгу смотрела на закрытые ставни его окна...

Однажды она спросила у няни о Гамиде.

- Откуда мне знать! - сердито отозвалась Хаджар, - у него дел и без тебя хватает!

* * *

В очередной раз повторилась сцена - не хочу идти к няне, слезы, заклинания. Видя, что мать не обращает на это внимания, Айнур с горечью сказала:

- И Гамид больше со мной не играет...

Сказала так, что Диляра почувствовала всю боль ее маленькой души. Она догадывалась о причинах перемены в поведении Гамида. Почему-то она испытывала смутное чувство вины перед этим человеком, хотя, казалось бы, о какой вине могла идти речь. Она сама по себе, он сам по себе. Дочка же повторяла: "Гамид больше со мной не играет." Диляра прибегла к обману:

- Вчера я повстречалась с ним на улице, он сказал, что скоро уезжает в командировку. Вот вернусь, говорит, и расскажу Айнур новые сказки.

- Неправда, - девочка не поверила.

- Ты можешь сама у него спросить.

- А как спросить, если я его не вижу?

Она вспоминала ту встречу в саду, неловкую поспешность, с ко-

торой Гамид привстал с места, почтительно приветствуя ее, - теперь в этом искреннем порыве Гаида ей открылся и иной смысл. Она не могла припомнить, чтобы еще кто-то смотрел на нее таким взглядом. Гамид смотрел на нее... как если бы взирал на чудо... на совершенное творение... Она знала, что красива. Наслышалась и комплиментов. Но ее не очень прельщали витиеватые славословия. Истинную, искреннюю оценку своей красоты она прочла в тогдашнем безмолвном, восхищенном взоре Гаида. И она женским чутьем вообразила пропасть, в которую рухнули восторги Гаида при той злополучной встрече на лестничной площадке. Ощущение этой пропасти, этой разоблаченной интимной тайны жгло ее стыдом, и все попытки внутреннего самооправдания, иллюзорной гордыни не могли заглушить этот стыд. Она испытывала потребность увидеться с Гамидом. Но, как на зло, Гамид не показывался.

Наутро, оставив девочку у няни, Диляра поспешила было на работу, но вспомнив про оставленные на столе бумаги, вернулась. Подойдя к двери, она услышала крики, заставившие ее остолбенеть: Хаджар хала ругалась непотребной бранью, которая несомненно адресовалась Айнуру.

Диляра рывком открыла дверь. Дочка кинулась к ней.

- И часто такое у вас происходит?

Диляру трясло от негодования.

Айнуру испуганно жалась к ней.

- Как тебе не совестно, Хаджар хала!

Женщина, пытаясь скрыть свое замешательство, тоже подняла голос:

- Слушай, тебе ли говорить о совести? Чем оставлять сиротку свою днями у меня, лучше бы позаботилась о ее воспитании! Она мне перебила всю посуду! Забирай своего щенка! Хватит с меня!

Диляра не нашла, что ответить на эту заведомую ложь. Взяла девочку за руку и, не прощаясь, покинула этот дом навсегда.

* * *

- Ты с нами не играй! - румяная толстушка Махира оттолкнула Айнур. - Твоя мама гулящая! - толстушка вдобавок и язык высунула. Айнур не понимала смысла слова "гулящая", но почувствовала, что это нехорошее слово. Она несколько раз слышала его и от няни. Никак не могла понять, почему так обзывают ее маму. И теперь, услышав это слово от сверстницы, она рассердилась, ринулась на обидчицу и ухватила ее за косички, расцарапала ей лицо, изорвала платье... Мать Махиры, увидевшая эту сцену с балкона, выбежала во двор, больно оттаскала Айнур за уши и, уводя толстушку, крикнула:

- Расскажи своей гулящей мамаше, за что получила!

Айнур задыхалась от обиды.

- Не плачь, - сказал ей Чингиз. - Я скажу всем детям, чтобы больше не играли с Махирой.

Они стали возиться в песочнице и так увлеклись, что не заметили, как подошла к ним мама Чингиза:

- Пошли домой.

- Мама, дай еще немножко поиграть!

- Нет.

- Тогда разреши мне забрать машинку. Мне Айнур подарила...

Но мама тащила мальчика прочь. Айнур проводила их печальным взглядом.

Вечером она опасливо спросила у Диляры:

- Мама, что такое "гулящая"?

Диляра обомлела:

- Откуда взбрело тебе в голову это слово?

- Так... услышала...

- От кого?

- Нет, ты объясни...

Диляра терялась в догадках.

- Это Хаджар хала так говорила?

- Нет. Ну, прошу тебя, объясни...

- Ты сперва скажи: от кого ты услышала.

- От Махиры.

- От Махиры?! - Ясное дело. Девочка повторяла то, что говорили взрослые. Допытываться было ни к чему. Надо было спасать свою репутацию перед собственной дочерью. - Ты хочешь знать, что это такое? Так говорят об... уродливых, неряшливых женщинах...

- Но ведь ты красивая, мама. И никакая не неряха!

- Завистливых людей много, - вздохнула Диляра, - вот и болтают...

Но ответ не убедил девочку. Она всматривалась в маму, что-то соображая. Может, и вправду ей завидуют. Потому что красивая. Вот и Махира. У нее мама на бочку похожа. Не потому ли и дразнит?

За едой Айнур поглядывала на маму, продолжая думать о чем-то своем.

- Что с тобой? Почему не ешь?

Девочка, не отвечая, встала из-за стола, постелила себе постель и стала раздеваться.

- Спать хочется?

- Да, мама.

Легла и отвернулась к стене.

Она проснулась среди ночи. Должно быть ее разбудили голоса. Села в постельке. Когда глаза привыкли к темноте, она различила маму, сидевшую на диване рядом с каким-то мужчиной. Девочка узнала его. Это был тот самый мужчина, которого она видела на лестничной площадке - в день, когда сбежала от Хаджар. Рука мужчины легла на мамино плечо. Девочка остолбенела от изумления. Странно, почему мама сидит в ночнушке?

До нее доносился шепот, но она не различала слов. Вдруг мужчина обнял маму.

- Отпусти маму! - не помня себя, вскричала девочка. Оба вскочили с дивана. Диляра кинулась к ней.

- Айнур! Почему ты не спишь?

- Пусть он уйдет! - кричала девочка. - Скажи ему, пусть уходит!

При виде этого странного, отчаянного упрямства девочки Намик Дадашевич поспешил попрощаться и уйти. Только после этого Ай-

нур перестала плакать и успокоилась. И теперь Диляра дала волю своему гневу.

Айнур, стоя посреди комнаты, заткнула уши, чтобы не слышать потока брани, который обрушивался на нее, но это еще больше распалило Диляру:

- Ах ты, негодница! Ты и слышать меня не хочешь? Жизнь мою отравила, теперь издеваться вздумала?

Гамид, поздним вечером возвращавшийся домой, увидел свет в окне у Диляры, услышал детский плач, и, погодя, ему предстал мужчина в элегантном костюме, вышедший из подъезда и торопливыми шагами направившийся прочь. Затем до него донеслись проклятия. Он не мог поверить, что этот истерический крик принадлежит женщине, показавшейся ему при первой встрече неземным существом...

"Девочка помешала им, то-то взбеленилась...,"- подумал он и вдруг, резко повернув назад, рванул к подъезду, взбежал на третий этаж, и не успела Диляра запереть дверь, как она распахнулась от резкого удара.

Айнур стояла посреди комнаты, униженная, беззащитная, хрупкая.

Он с ненавистью уставился на Диляру, застывшую перед ним в ночной полупрозрачной рубашке, сквозь которую просвечивались все изгибы ее изящной фигуры.

- Бессердечная! Ты... у тебя... нет сердца! - С трудом выдохнул он ей в лицо и, вне себя от гнева, оступаясь, спустился по лестнице...

...Айнур юркнула в постель и, с головой накрывшись одеялом, свернулась калачиком. Уже засыпая, она почувствовала прикосновение теплой ладони и пальчиками сжала эту руку.

...Она держалась за мамину руку, а мама тащила ее за собой, и девочке приходилось чуть ли не бежать, чтобы поспевать за мамой. Прохожие смотрели на них с холодным презрением, и девочка спросила у мамы, почему люди так смотрят на них, но мама, не отвечая, продолжала идти все тем же торопливым шагом. "Мама, иди помедленнее, - просила девочка, - я устала". Вдруг какая-то толстуха из

толпы ткнула в маму коротким, засаленным пальцем и крикнула: "Гулящая!" И толпа, обступая их, подхватила: "Гу-ля-ща-я"... Орущие рты изрыгали непонятные злые слова, по недобрым глазам людей чувствовалось, что они хотят причинить зло маме, и девочка в страхе закричала: "Ма-а-ам-а-а!..."

Проснулась Айнур в поту, лицо горело, во рту пересохло, хотелось пить, и она, сойдя с кровати, сделала шажок, другой, закружилась голова, девочка упала на пол. Звук от ее падения разбудил задремавшую за кухонным столом Диляру.

* * *

Гамид лежал на койке с открытыми глазами, обхватив руками голову. Тоска камнем навалилась на сердце. Хотелось выплакаться, облегчить душу, но он давно уже не плакал. Никогда он не чувствовал себя таким одиноким, неприкаянным, беспомощным, и вся прожитая жизнь, работа, надежды, писательство, книги показались бессмысленным, ненужным антуражем, самообманом. Он был одинок - окруженный со всех сторон людьми.

Люди радовались жизни, дарили друг другу тепло, ласку, нежность, делились заботами, радостями и печалью, ждали друг друга, были необходимы друг другу. А он не находил человека, которому мог бы открыть свое сердце.

В комнате царила гнетущая тишина. В этом безмолвии ощущался кладбищенский холод. Перед глазами возникло видение матери. Два года тому назад, после похорон, когда люди разошлись, он упал на могилу пластом, обхватив голову. В тот летний вечер от могилы веяло ледяным холодом, пронзавшим тело, у него зуб на зуб не попадал. Родные с трудом оторвали его от могилы и отвели домой, и от этого горького воспоминания ему сдавило горло.

Утлая комнатуха сейчас показалась ему клеткой. Он приподнялся, опустил ноги на пол, хотелось выйти из этих стен, уйти из этого безмолвия. Но куда? Он глянул на часы. Казалось, что время засты-

ло, стрелки, обычно стремительно бежавшие вперед, оцепенели.

Подумалось, не написать ли письмо? Он перебрал в памяти родных, друзей, представил, как они читают его душевные излияния, удивляясь, сокрушаясь, сочувствуя. Вспомнился ему товарищ по общежитию, Гюлалы, который каждый день строчил письма - матери, брату в армию, дяде, тете, замужней сестре, жившей в сельском районе... кому только он ни писал, и Гамид удивлялся этому неистощимому энтузиазму...

Как-то ему на глаза попало недописанное послание Гюлалы бабушке: "Как живется-можется? Напиши мне, отелилась ли наша бу-ренка? Что-то захотелось мне отведать молозива. А как квочки - несутся ли?" Тогда Гамид хохотал до упаду, и каждый раз, видя Гюлалы за сочинением очередного письма, с трудом сдерживал смех. Вопреки Гюлалы, он был не любитель писать письма. Да и сам писем не получал. Связь с родными поддерживал тем, что раз в месяц звонил в село, просил соединить с домом председателя сельсовета, а председательские домочадцы бежали к Гюльсюм: мол, сын звонит.

Мать иной раз журила:

- Сынок, чем утруждать соседей, лучше бы черкнул пару слов!

Но, понимая, что Гамида не уговорить, мать просила:

- Вот ты столько понаписал о хороших людях, прославил их, написал бы и о нашем председателе!

Гамид отшучивался:

- Если писать о каждом знакомом, то и бумаги не хватит!

Гюльсюм хала обижалась:

- Ну вот, как дело доходит до Гусейна, у тебя отговорка!

В последнем телефонном разговоре с матерью он обещал ей впредь писать еженедельно и не беспокоить семью Гусейна. И соби-рался сдержать слово: купил пару конвертов, увы, через пару дней пришла телеграмма: "Мать плоха. Приезжай." Через неделю, похоро-нив мать, и вернувшись в город, бог весть сколько времени он непод-вижно просидел, уронив голову на пустые новенькие конверты - на несказанные, ненаписанные матери слова, на неоплатный сыновий

долг...

Он знал, что единственное спасение от тоски одиночества - работа. Но чувство опустошенности настолько завладело его существом, что он, казалось, напрочь потерял желание писать. На столе его ждали стопка бумаг, перо. Он вспомнил задуманную сказку про девочку, похожую на Айнур.

Само повествование уже зарождалось в его голове. Оставалось сесть за стол, взять перо. Заставить себя взяться за работу. Сидеть ночь напролет. Перенести на бумагу задуманное, поставить последнюю точку и... испытал блаженное изнеможение, задремать под утро на койке. Когда работа ладилась, он радовался, как мать, родившая дитя. Писательство для него было отдушиной, исповедью, излиянием души. Он поверял бумаге свою сокровенную боль, чаянья, грезы... Судьба Айнура, маленькой девочки с недетской печалью в красивых глазах, удивительным образом вторглась в его мысли, поменяла творческие пристрастия, реальные сюжеты все больше уступали место фантастическим, и он ловил себя на том, что вольно или невольно настроен на придумывание сказочных историй, и все ранее написанное ему казалось преходящим, ненастоящим, и именно сказки - его конек, его стихия. Резонанс в прессе, отзывы критиков утверждали его в этом убеждении.

Он поднялся, сел за стол, взялся за перо, вывел первые фразы, но работа не шла. Днем на работе случилась огорчительная незадача с распределением квартир, опять же, из-за его благородной уступчивости, во вред себе, - четырнадцать лет числился он в списке очередников, и уже дважды уступал свою очередь, председатель профкома уговорил его и в третий раз: дескать, у Фазиля, сослуживца, жена ждет ребенка, к тому же, на подходе новый жилой дом, каких-нибудь полгода до заселения...

- Ну что же, ждать так ждать, - сказал Гамид.

Попросили написать письменное согласие, он и написал, его все благодарили в один голос, но когда председатель профкома вышел из комнаты, Гамид почувствовал боль в сердце. Он переживал не

столько из-за своей покладистости, сколько из-за фальшивого гуманизма профкомовских активистов: все прекрасно знали, что двадцатичетырехлетний Фазиль - сын близкого друга директора издательства. Так что ларчик просто открывался. Никто и не заикнулся о Гамиде, не настоял на том, что по всем статьям квартиру положено дать ему. "Видно, у меня на роду написано быть вечным квартирантом," - думал он.

И вчерашние ночные крики у Диляры. Его собственный демарш, - как его угораздило ворваться в чужую квартиру, да еще с оскорблениями? "По какому праву? - ругал он себя. - Какое тебе, спрашивается, дело, что мать накричала на ребенка? Кто ты им? Ни брат, ни сват. И чего ты взъелся на женщину? Не из-за того ли, что встречается с этим... как его... Тебе-то что за дело? Молодая красивая женщина. Не будет же она век вековать одна... Или ты хочешь, чтобы она отчитывалась перед тобой?"

Гамид казнился, винил себя, и особенно угнетало и терзало его то, что Диляра ни слова не вымолвила в ответ на его странную негодующую выходку, так и застыв у порога в ночной рубашке, с широко раскрытыми, изумленно-вопрошающими глазами. О чем говорили эти глаза? Что означал этот немой взгляд? Он не мог найти ответа.

С отчаявшимся сердцем он решил, что эта встреча, если ее можно так назвать, положила конец их знакомству. Если у него есть хоть капля самолюбия, он не должен впредь показываться ей на глаза.

Внезапно кольнуло в груди. Он почувствовал удушье. Хватаясь за стулья, он устремился к дверям. Собрав последние силы, толчком открыл дверь, ступил на порог и... свалился как подкошенный.

На балкон вышла Хаджар хала увидев распростертого внизу постояльца, оторопела, а через мгновение кинулась бежать по лестнице и, всмотревшись в его бескровное лицо, закричала:

- Люди добрые, помогите! Наиля! Гамиду плохо! Вызывай "скорую"!

- Мама! Мама-а-а! - звал Гамид, пытаясь выбраться из-под тяжелой глыбы. - Мама, ты слышишь меня?

Мать была на противоположном берегу. Рокот горной реки заглушал его крик. Мать, не слыша ничего, собирала в корзинку сорванные пучки холодянки.

- Ма-ма!!! - закричал он из последних сил. Кажется, мать услышала. Оглядевшись, увидела сына, придавленного глыбой, и прыгнула в бушующий поток, который подхватил ее и понес вниз по течению. "Гамид, сынок!" - кричала она. Он видел ее обессиленные руки, взметавшиеся над водой, нечеловеческим напряжением сил толкнул глыбу, поднялся и пустился бежать вдоль реки. Но было уже поздно, бездыханное тело матери омывали бурные, бушующие волны. Он дико закричал.

...В палате слышали шепот, слетевший с его безкровных, посиневших губ.

- Похоже, приходит в себя.

...Гамид шел вдогонку за Айнур, девочка убегала от него, он звал ее, но она удалялась, и вдруг девочку настигли две женщины: старая и молодая, стали бранить ее, кричать, замахнулись, собираясь ударить. "Что вы делаете? Опомнитесь!" - крикнул он. Женщины исчезли. Осталась только девочка, уходившая за горизонт...

...Очнувшись, он увидел белые стены и две койки, на которых лежали незнакомые мужчины.

- Где я? - спросил он и не узнал своего голоса, будто исходившего со дна колодца.

- В больнице, - отозвался с улыбкой старик с ближней койки.

- Что со мной? - удивленно спросил он, пытаясь приподняться, но внезапно проснувшаяся боль в груди исказила его лицо.

- Почему ты его изводишь? - пожурил старик.

- Кого?

- Сердце.

Он успел вспомнить свое падение у дверей и снова впал в забытье. В глазах поплыл туман.

... - Как хорошо пахнут твои руки, мама.

- Это запах хлеба, сынок.

Гамид приложился губами к большой, огрубевшей ладони, похожей на мужскую.

Мать положила на скатерть теплый хлеб, рядышком - сыр, простоквашу, зелень.

- Никто не умеет печь такой вкусный хлеб, - сказал Гамид, отломил кусок и принялся с аппетитом есть.

- Ешь на здоровье, - ласково улыбнулась мать.

Он выпил простоквашу и прилег, положив голову на мамины колени. Мать погладила его волосы:

- Мой маленький-удаленький...

Голос матери звучал как колыбельная песня... Потом он увидел другие, белые руки, гладящие его волосы, и уловил запах горной фиалки...

- Какой прекрасный запах...

- Спи, Гамид, спи, - отозвался другой, молодой голос, и он узнал голос Диляры...

... - Доброе утро, - произнесла девушка в белом халате, сидевшая у койки на стуле. Гамид попытался приподняться, но боль снова сковала и скрутила тело.

- Болит? - спросила девушка в белом.

- Да, немножко.., - процедил он сквозь стиснутые зубы.

- Кажется, вам снился хороший сон. У вас было такое счастливое лицо...

- Да. Снилось мама...

Он всмотрелся в смуглую худенькую девушку и узнал в ней соседку Наилю.

- Извините. Не сразу узнал...

- Богатой буду.

- Так вы здесь работаете?

- Да.
- Ну и что со мной произошло?
- Микроинфаркт. Не бойтесь. Кризис миновал. Но пока вам нужен покой. Лежите тихо и старайтесь думать о хороших вещах. Я еще наведаюсь к вам.

Она вышла из палаты.

Старик повернулся к Гамиду.

- Говорят, вчера больной из второй палаты хотел всучить ей деньги. Наиля ханум так обиделась, что весь день к ним ни ногой...

- Ты об Аббасе? - отозвался с дальней койки молодой парень.

- Он, говорят, в больших чинах. Да разве бывает такое, чтобы врач отказался от вознаграждения, - сказал больной с ближней койки. - Наверное, цену себе набивает.

- Грех так говорить, Мамед! Разве Наиля-ханум похожа на хапугу? Все в один голос божатся: "Ни у кого и копейку не возьмет! Бескорыстная душа!" В той же палате другому больному за свои кровные она дефицитные лекарства покупала! - Старик повернулся к Гамиду: - Тебя как звать, братец?

- Гамид.

- А меня Аждар. Эта палата - как бы наша коммунальная квартира. Потому нам надо бы знать друг друга.

- У вас тоже сердце барахлит? - Гамид понял, что такой вопрос здесь звучит смешно.

- А как же. Думаешь, только у тебя есть сердце! - рассмеялся Аждар. Дверь приоткрылась.

- Здесь ли находится Гамид Алиев?

Гамид повернул голову на знакомый голос. Это была Хаджар. Увидев его, подошла.

- Как ты, сынок? Как сердечко твое? Отпустило? Ужасно ты нас напугал! - ее голос заполнил палату.

- Спасибо, Хаджар хала. Стоило ли тебе утруждать себя? Со мной все нормально. Через пару дней выпишусь...

- Дай-то бог. Но в тот день мы напереживались. Спасибо Наиле.

Мигом "скорую" вызвала и привезла тебя сюда.

- Наиля?
- Разве она тебе не говорила?
- Нет.
- Она до утра от тебя не отходила.

Гамид был до глубины души тронут участливостью девушки, которую толком и не знал, живя по соседству. Тем временем женщина домовито извлекала припасы из своей сумки и расставляла их на тумбочке.

- Хаджар хала, похоже, ты всю провизию из дому перетаскала сюда!

- Да что тут, сущие пустяки, сынок. Бульон, компот, немного фруктов, вот и все.

* * *

У Айнура был жар. Диляра глянула на градусник и у нее подкосились колени. Почти сорок градусов!

Надев шлепанцы, кинулась к соседке и стала чуть ли не колотить в дверь.

- Кто там? - отозвался встревоженный голос.

- Это я. Асмер, надо позвонить в "скорую"!

Дверь тут же открылась.

- Что случилось?

- У Айнура температура подскочила под сорок, - давясь слезами, ответила Диляра.

- Ты вернись к ребенку, я сама позвоню.

Диляра металась у постели девочки, не зная, что предпринять. Накрыла ее еще одним одеялом. Потом стала растирать ей ноги. Вскоре зашла Асмер. Приложила руку ко лбу девочки.

- Да она же горит! - Повернулась к Диляре, которую била дрожь.

- А ты оденься. Чего доброго, и сама простынешь.

Диляра только сейчас заметила, что все еще в ночной рубашке, и накинула халат. Наконец, приехала "скорая". Врач - пожилая жен-

щина, едва войдя, упрекнула:

- Что ж вы на ребенка нагромождали столько! Ей же дышать нечем!

Врач обследовала девочку, дала поручения медсестре. Айнур была в таком состоянии, что и не чувствовала инъекций.

- Двустороннее воспаление легких. В запущенной форме, - заключила врач. - Если не принять экстренные меры, то...

- Доктор, неужели все так угрожающе?

- Увы...

- Что же нам делать? Может, в больницу отвезти?

- Нет, оставим дома. Под наблюдением врача. Сейчас в городе разгулялся грипп. Так что лучше избегать контактов.

- А если ей вдруг станет хуже?

- Хуже не станет. Уколы подействуют. Но обязательно вызовите участкового врача. Пусть назначит лечение.

"Скорая" уехала. Поднялась и Асмер:

- Мне пора готовить Чингиза в садик.

- Прости, что столько беспокойства тебе причинила.

- Как тебе не совестно! Когда же еще сосед соседу нужен? Я позвоню в поликлинику. Эх, лучше самой заболеть, чем ребенку. - У порога Асмер замедлила шаг и тихо проговорила: - Диляра, будь у тебя и золотые горы, но без детей это все - ничто. Береги Айнур...

Диляра застыла как вкопанная. Все перевернулось в душе. Вся прожитая жизнь казалось никчемной. Судьба подвергла ее тяжкому испытанию.

Она часто вспоминала гневный возглас Гамида: "Бессердечная!" Наверное, он не нашел слов похлеще. В минувшую ночь она впервые призналась себе, что любит Гамида. Но все уже погибло. Она была убеждена, что Гамид ушел навсегда и никогда не вернется. Думая об этом, она доходила до безумия. Диляра не могла вообразить, что Гамид столь властно завладеет ее сердцем. Представляла, что он пережил, в какой ситуации оказался, и, думая о том, какую боль ему причинила, испытывала угрызения совести. Но, внезапная болезнь

Айнур истощила ее последние силы. "Береги Айнур, пока не поздно," - эти слова Асмер заставили ее очнуться от сна и вернуться к действительности. Материнская тревога заслонила все остальное. Она позабыла и о Гамиде. Мысль о том, что с Айнур может случиться непоправимое, что она может потерять ее, привела Диляру в ужас.

Она прошла в комнату, всмотрелась в дочку, неподвижно лежащую в постельке. Наклонившись, приложила ухо к ее груди, услышав слабые удары сердечка, вздохнула с облегчением. Вспомнилось ей младенчество Айнур: была она удивительной соней, спала по несколько часов без просыпа. И тогда Диляра часто пугалась из-за этих долгих спячек и то и дело прислушивалась, бьется ли сердечко у крошки.

Худенькие ручонки покоились поверх одеяльца. Она осыпала их поцелуями, заливаясь слезами и казнясь: "Это я довела ее до такого состояния, из-за моей черствости, эгоизма бедняжка света белого не видела..." Она вдруг увидела себя другими глазами, как бы со стороны, и эта женщина, представшая ей, ее прозревшей совести, была неприятна, отвратительна.

- О, Боже, помилуй, пощади Айнур! Иначе я не выдержу, не вынесу... Пусть все ее горести перейдут мне! Изувечь, погуби меня, только пощади мое дитя! - шептала она в слезах.

Она часто прикладывала компресс ко лбу девочки. Температура не спадала. Вдруг Айнур начала бредить:

- Отпусти! Сейчас же отпусти! Не трогай мою маму! Уходи отсюда!

- Айнур, лапочка моя, успокойся, здесь никого, кроме нас, нет. Это же я, твоя мама...

Но девочка не слышала ее.

- Скорее уходи! - Айнур взвилась в постельке. Диляра обняла ее, снова уложила. Наконец, девочка забылась сном.

Диляра не сводила взора с белого чистого личика, оттененного длинными ресничками, думая о том, что это родное незаменимое существо составляет весь смысл ее жизни. Она готова была бы вынес-

ти любой удар судьбы, пережить любое испытание, но без Айнур не мыслила себе жизни. Странно, что эта простая истина только сейчас предстала ей со всей неопровержимостью. Она шептала нежные, ласковые слова:

- Перейму печали твои...

Голос матери донесся до Айнур такой далекий-далекий. Она хотела открыть глаза, но веки не слушались ее. Наконец, с трудом подняла отяжелевшие веки, увидела родные мамини глаза, полные слез, и почувствовала теплые объятия мамы, все плавно поплыло перед глазами - мама покачивала и баюкала ее, напевая колыбельную. Как же давно она не слышала колыбельной... В ее детскую душу хлынула радость, смешанная с горечью, она окунулась в эту горькую радость и канула в забытие.

* * *

Трое суток Диляра не отходила от постели девочки, забыв обо всем. Трое суток девочка находилась на грани между жизнью и смертью. Температура то спадала, то подскакивала. Инъекции, лекарства не помогали, растирания раствором уксуса с аспирином не давали эффекта.

В дверь постучали. Диляра пошла открыть. "Наверное, Асмер", - подумала она. Но на пороге стоял Намик, как всегда одетый с иголочки.

- А, это ты...

- Ты не рада?

- Какая радость? - не выдержала она. - О чем ты говоришь? Я едва не потеряла Айнур...

Намик, не ожидавший такого приема, изменился в лице.

- Я... забеспокоился... Три дня, как ты не выходишь на работу.

- Я же говорю, Айнур больна. Девочка еле жива... - Она как бы опомнилась и смущенно пробормотала: - Извини... я совсем голову потеряла. Сама не знаю, что говорю...

- Может, нужна помощь? У меня есть знакомые - хорошие врачи. Могу привести.

- Нет, нет, ничего не нужно. Прошу тебя... уйди... Айнур так испугалась тебя, что все время бредит... И вообще... Нам больше не стоит встречаться... Прошу тебя...

- Откуда мне было знать, что это так может подействовать на ребенка, - виновато пробормотал он. - Я пришел еще затем, чтобы сообщить: хочу назначить тебя заведующей...

- Не нужно.

- Я думал, ты обрадуешься...

- Ошибся, значит.

- Не спеши с ответом. Подумай. Я буду ждать.

- Не стоит, Намик. И больше сюда не приходи. Как только девочка встанет на ноги, уволюсь с работы.

Намик оторопел, хотел было что-то сказать, но Диляра поспешила закончить объяснение:

- Прощай.

И закрыла дверь. У нее словно гора свалилась с плеч. Вернувшись в комнату, она увидела, что Айнур, проснувшись, ищет ее глазами.

- Ну как ты, моя деточка?

- Ничего, мама.

Это была первая фраза, услышанная Дилярой за три дня. Она приблизила лицо к щеке дочери и стала щекотать ее ресницами, как в пору ее младенчества. Девочка ласково прижалась к ней.

* * *

Диляра день-деньской нянчилась с Айнур, исполняла любую ее прихоть. Айнур нежилась в море ласки, радовалась, что благодаря болезни заслужила такую заботу, похожую на счастье. И ей хотелось продлить это блаженство, вот так бы и лежала в постели, лишь бы мама сидела рядом, говорила с ней, шептала ласковые слова, нянчи-

лась, ухаживала. И чтобы она ни с кем больше не водилась, не зналась, никого больше не любила. При мысли о том, что рано или поздно она поправится, выздоровеет и начнется опять прежняя жизнь, становилось грустно. В такие минуты Айнур тихо плакала. Диляра недоумевала: "Что с тобой?" Айнур отмалчивалась.

Иногда ей хотелось просто поболтать с матерью, всласть наговориться, но она тут же придерживала язык, опасаясь, что ее словоохотливость мама сочтет за верный признак выздоровления, и тогда все это кончится, опять мама будет отводить ее в садик, а по выходным дням - оставлять дома одну, уходя по неотложным, неведомым делам. Айнур со страхом думала о мужчине, которого дважды видела с матерью. И при мысли о том, что мама может любить еще кого-то, заботиться о ком-то, кроме нее, Айнур становилось не по себе. Ей казалось, что мама не должна любить никого, кроме нее.

Однажды, когда Диляра ушла на кухню, Айнур, соскочив с кровати, взяла свою любимую "Барби" и стала приговаривать:

- Ты моя хорошая..., единственная... Никого не люблю, кроме тебя... И дома одну не буду оставлять...

Диляра прислушалась и обомлела. Вновь со всей мучительной остротой обожгло осознание того, какая незаживающая рана таится в душе ребенка. Она и сама не могла понять, почему позволяла себе эти грубые, безжалостные срывы, вымещая на дочери накопившее зло, досаду... Ей казалось, что, давая волю своему гневу, она делает это в отместку своему бывшему мужу Акифу, отыгрывается на его дочери за свою искалеченную судьбу.

Когда они развелись, Айнур была годовалым ребенком. После недолгой семейной жизни Акиф признался Диляре, что это не первый брак в его жизни, у него есть четырехлетний сын от первой жены, на которой он женился в годы службы в армии. Теперь он, Акиф, понял, что второй брак был ошибкой, и он хочет переехать к покинутой семье, не может жить без них.

Диляру оглушила эта новость. Акиф обещал исправно платить алименты, помогать ей, чем может. Но Диляра слушая эти пустые,

бессмысленные заверения, чувствовала, что земля уходит у нее из-под ног.

Через неделю Акиф уволился с работы, собрал пожитки, попрощался с ней, поцеловал Айнур и покинул дом. Диляра, в свои двадцать два года, осталась с младенцем на руках одна-одинешенька в большом городе. Несколько дней она не могла прийти в себя от страшного удара.

Но надо было жить дальше. Диляра мало-помалу стала принарабливаться к новой участи. Но никак не могла простить Акифу его отступничество. Его ласковость, покладистость представлялись теперь ей лицемерием. Как бы он ни относился к первой семье, как бы ни был искренне привязан к своему первому ребенку, он пожертвовал ради них судьбами Диляры и Айнура.

Диляра чувствовала себя обманутой, униженной. Но она все еще любила его. Все еще теплилась надежда: может, он одумается, раскается, вернется. И свое неугасшее чувство она переносила на Айнура, лелеяла ее, не скупилась на ласку. Но шли дни, месяцы, а от него не было ни слуху, ни духу. Наконец, состоялся суд. Их развели. С той поры в душе у Диляры все оборвалось, сгорело, и на пепелище бывлой любви возшли ростки ненависти. Это холодное, злое чувство вольно или невольно сказывалось на ее отношении к Айнуру. Казалось, что это крохотное существо и повинно во всех бедах. Айнур росла, все больше обнаруживая сходство с отцом, и это сходство бредило раны Диляры.

Она мучительно привыкала к одиночеству. По ночам сон не шел к ней. Вздрагивала от любого шума, шороха. Потеряла всякий аппетит, стала безразличной к нарядам, жизнь текла блекло и уныло. Но рана со временем зарубцевалась. Сначала была пустота, потом пришла ненависть к человеку, обманувшему ее ожидания, ее веру, ее любовь. В ее ожесточившемся сердце глохла и чахла материнская нежность. Злость на бывшего мужа она как бы вымещала на дочери. Приступы гнева сменялись раскаянием, виноватыми ласками. Она и любила дочь, и не любила. То баловала, то бранила, то нежи-

ла, то вгоняла в слезы. Отношение к дочери отражало ее душевную смуту. И теперь, размышляя обо всем этом, она испытывала стыд и горечь.

* * *

- Не помешала вашему разговору? - Вошедшая в палату Наиля присела у койки Гамида:

- Да что вы, Наиля ханум! - отозвался Аждар. - Мы ждем-не дождемся, когда наш доктор появится!

- Как наш больной? Сердце не пошаливает? - Она проверила пульс Гамида, глядя на свои часы.

- Пульс в порядке. Вы по натуре человек спокойный, но пережили потрясение...

Гамид со вчерашнего дня намеревался как-то отблагодарить Наилю, обдумывал, какие слова ей сказать, но сейчас все вылетело из головы:

- Странно... столько лет мы жили по соседству, но ни словом не перекинулись... И вот где сулила судьба нам познакомиться, поговорить...- сказал он.

- Действительно... кто бы мог подумать...

- Наиля ханум... я и не знаю, как выразить вам свою признательность. Вчера меня навестила Хаджар хала, она мне все рассказала...

- Да что вы! Это мой долг...

Она ушла.

Удивительное существо все-таки человек, ко всему привыкает, - думал Гамид. За эти несколько дней он успел освоиться с больничным бытом, прикипеть сердцем к соседям по палате. Казалось, он был знаком с ними издавна - беда сплачивает людей. В больнице люди легко сближаются.

... - Эй, куда ты девал казенное полотенце? - Гамид поднял голову и увидел чернявую женщину невысокого роста.

Это была кастелянша Медина, не отличавшаяся покладистым

нравом.

- Что глазами хлопаешь? Не слышишь, что ли?

Гамид опешил, не понимая причину этого грубого упрека.

- Как вы разговариваете?

- Как хочу. Вы теряете казенное имущество, а мне отвечать.

- Поищи в тумбочке. Может, там...

Отлучившиеся из палаты соседи вернулись.

- Ладно... Образуется... Не переживай...

У Гамида затряслись руки.

Аждар, видя как он побелел, отвел настырную женщину в сторону и строго сказал:

- Что ты привязалась к человеку?

- Пусть вернет полотенце или оплатит стоимость! Может, сбавил кому-то... Я уже насмотрелась...

- Это что за сыр-бор разгорелся? - Услышав голос Наили, Медина пыталась стушеваться, но не успела. - Что ты опять раскричалась? Кто тебе дал право орать на больных?

- Доктор, я только хотела...

- Вон из палаты!

- Наилия ханум, Гамиду плохо! - всполошился Аждар.

Наилия подошла к Гамиду. На лбу у него проступила испарина. Рука плетью повисла. Взяв его руку, Наилия проверила пульс. Усталое, измученное сердце билось через силу...

Она опустилась на стул. Аждар тихонько вышел из палаты, за ним последовал и Мамед.

Наилия достала платок, утерла лоб, лицо Гамиду, провела рукой по его редющим волосам, но вдруг, словно спохватившись, одернула руку.

Придя в себя, Гамид увидел Наилию, уронившую голову на спинку койки.

- Очнулись?.. Вам же нельзя нервничать!

Больной беспомощно уставился на нее, похожий на ребенка, потерявшего любимую игрушку, готового расплакаться.

Как-то Айнур услышала разговор матери с врачом:

- Малышка выздоровела. Можете уже выходить на работу.
- Но она очень истощена. Даже разговаривать не хочет...
- Может, у нее депрессия...

Айнур дальше не стала слушать их разговор... В сердце закралась тревога: мама выйдет на работу, и опять она будет томиться одна. Она даже жалела, что выздоровела. Ночью долго не могла уснуть, ворочаясь в постели.

- Почему ты не спишь? - Подошла мама.
- Мне... нездоровится... все болит.., - солгала Айнур.
- Думаешь, болеть - это хорошо? - Мама разгадала ее обман и легонько щелкнула девочку по носику.

- Конечно, хорошо. Если бы я не заболела, ты бы не оставалась столько времени со мной...

Мама поцеловала ее в волосы.

- Нет, ты лучше не болей, а я буду оставаться с тобой.
- Почему же тогда ты оставляла меня одну? Разве тебе не жалко меня было?
- Больше не буду, дорогая.
- Поклянись.
- Клянусь твоей жизнью!

Айнур возликовала и на радостях, вскочив с постельки, расцеловала маме все лицо. Давно ее маленькое сердце не билось с такой упоительной радостью, ей хотелось прыгать, резвиться, смеяться.

Но вдруг, о чем-то вспомнив, она приуныла.

- Что на тебя нашло опять?
- Мама, не разрешай, чтобы они тебе говорили это нехорошее слово...

Диляра поняла, что у девочки на душе, обняла, прижала к груди, и Айнур, не сводя взора с маминого лица с большими серыми гла-

зами, разомлела в теплых волнах нежности, исходящей от самого родного, самого любимого человека, и в сердце ее вселялось чувство надежности, защищенности. Девочке казалось, что больше никто не посмеет сказать о маме то ненавистное, нехорошее слово.

* * *

После болезни мама впервые взяла Айнур на прогулку - целый месяц прошел. За это время Диляра никуда не ходила, кроме продуктового магазина, аптеки, рынка, дневала и ночевала у постели девочки.

Она придела Айнур, занялась собою у зеркала, видя, с каким нетерпением девочка ждет прогулки.

Дневная несносная жара спала. В саду все скамейки были заняты разморенными горожанами. Все наслаждались вечерней прохладой. Диляра высмотрела местечко на скамейке возле седой женщины, присела, Айнур устроилась рядышком и принялась пристально всматриваться. Диляра догадалась, что означают эти ищущие взгляды, но виду не подавала. Айнур тоже ни о чем ее не спрашивала. Со дня, когда девочка заболела и слегла, они словно заключили негласный договор: не говорить о Гамиде. Будто и знать не знали такого человека. С той самой ночи, когда Гамид неожиданно появился на пороге, они его имя словно вычеркнули из лексикона.

Между тем раньше Айнур могла день-деньской рассказывать о Гамиде, он казался ей необыкновенным человеком, и его сказки переносили девочку в магический, волшебный мир, и сам сочинитель их представлялся ей сказочным добрым героем. Он не был похож на обычных людей. Он стал для Айнур близким, почти родным человеком. Никто не уделял ей столько внимания, никто так не понимал ее. Так почему же он позабыл Айнур?

В дни болезни девочка часто думала о нем, вспоминала, каждый день жила ожиданием, надеждой, что ее добрый сказочник навестит ее, расскажет новую историю. Но Гамид не появлялся. И теперь, когда Айнур встала на ноги, от него ни слуху, ни духу.

Как-то девочка хотела было завести разговор с мамой о нем, но раздумала. С той поры, когда он ночью вырос на пороге и сказал матери резкие, сердитые слова, многое переменялось. Айнур это чувствовала, но не понимала, почему Гамид так говорил, почему мама так опечалилась и впредь ни словом не упоминала о нем.

Диляра знала: девочка скучает по Гамиду, привязалась к нему. Айнур радовалась прогулке еще и потому, что наивно надеялась, что в саду им обязательно повстречается Гамид. Да и Диляра втайне надеялась на это... Но сердце ей подсказывало: он не появится. Ни сегодня, ни завтра, ни через десять дней. Это повергало ее в отчаяние. Но надежда вновь и вновь пробуждалась в душе, она каждый вечер, наскоро управившись с домашними хлопотами, торопилась в сад, и бессмысленное, но непоборимое желание увидеть его, услышать его голос завладевало всем ее существом.

И на сей раз они просидели в саду допоздна и вернулись домой разочарованные. Так повторялось целую неделю. В сердце Диляры закралась тревога: быть может, с ним что-то стряслось? Ведь его путь непременно проходил через этот сад, - утром и вечером. Или он переселился в другую квартиру или с ним что-то неладное...

Диляра уже уволилась, несмотря на уговоры и заклинания Намика, нашла новую работу - с первого сентября ей предстояло работать в школе, куда она определила Айнур. Мать и дочка с нетерпением ждали этого дня, ходили по магазинам. Диляра купила девочке школьную форму, портфель, красивые бантики, достала учебники... Айнур была на седьмом небе от счастья.

Как-то они вновь направились на прогулку. Вдруг Айнур закричала на всю улицу:

- Гамид! Во-от он, Гамид!

И опрометью помчалась к высокому худощавому мужчине, шедшему впереди. Мужчина, услышав топот за спиной, обернулся. Увы, это был не Гамид. Айнур понуро поплелась назад.

Однажды, возвращаясь с рынка, Диляра увидела Хаджар, идущую навстречу, хотела было пройти мимо, вспомнив, как они нехорошо расстались, но потом сочла, что все-таки не стоит держать зла. Поздоровалась, расспросила про жите-бытье, осведомилась о Наиле, потом - осторожно о Гамиде.

Хаджар, неохотно поддерживавшая разговор, внимательно посмотрела на нее:

- Гамид вот уже месяц в больнице. - И не преминула добавить: - У Наили лечится...

Новость расстроила Диляру. Ее огорчила болезнь человека, который так неожиданно вторгся в ее жизнь. Но к огорчению примешивалось другое чувство. Хаджар неспроста упомянула о Наиле, прозрачно намекая, мол, знай, сверчок, свой шесток, не мешай им... Эта одинокая пожилая женщина, прикипевшая сердцем к Наиле, явно не питала симпатии к матери Айнура...

Диляра впервые начала испытывать ревность... Первым движением души было навестить Гамида, но воспоминание о последней встрече охладило ее порыв... Она долго колебалась, но под вечер, наконец, решила: "Будь что будет, пойду..." Быстро собрала, положила в сумку апельсинов, яблок, банку инжирового варенья, надела лучшее платье...

- Мама, ты куда? - всполошилась Айнур.

- В больницу. Надо навестить знакомого человека...

- Гамида?

- Нет... ты ее не знаешь... Ты пока посмотри телевизор... Я вернусь через полчаса. Ладно?

- Я тоже хочу с тобой...

- Нет, Айнур. Ты сама только что выздоровела. Еще, чего доброго,

заразишься. Там же, знаешь, всякая напасть бродит...

- Ну, мама...

- Будь умничкой. Я скоро вернусь.

- Честное слово?

- Честное-честное!

- Ну, посмотрим. Только не задерживайся!

Диляра вышла, заперла дверь снаружи, взяла такси, приехала, ушла в регистратуре номер палаты кардиологического отделения и, поднимаясь на второй этаж, столкнулась лицом к лицу с Наилей в белом халате и чепчике.

- Здравствуй, Наиля.

- Здравствуй, - Наиля как-то странно посмотрела на сумку в руке у Диляры. - Какими судьбами?

- Да вот... пришла навестить знакомого...

- Как у тебя дела?

- Нормально...

- А где Айнур?

- Дома. Она не захотела идти со мной, - солгала она и, сама же почувствовав неубедительность своей лжи, смутилась и шагнула по лестнице дальше, чтобы избежать дальнейших расспросов.

- А твоего знакомого как зовут? Случайно, не Гамидом?

Вопрос был задан без обиняков, и тут было бы смешно уклоняться от ответа. Она молча кивнула. Наиля неожиданно выпалила:

- Прошу тебя, Диляра... оставь его в покое...

Сказала и огляделась: не слышит ли кто-нибудь посторонний.

Диляру задела за живое эта просьба, и она хотела ответить резко, но, видя, как подрагивают губы у Наили, как она вся сжалась, какое страдание написано на этом уже увядающем лице, в запавших печальных глазах, не нашлась, что ответить. В ней проснулась жалость к этой неказистой "серой мышке", оказавшейся ее соперницей.

- Я не смогу жить без него... - выдавила из себя Наия.

- А он?

- И он... равнодушен ко мне.

И добавила:

- Ты молода..., красива..., пользуешься успехом... Можешь устроить свою жизнь..., выйти за любого... А я., вряд ли еще... Это - судьба...

Диляра собралась с духом, поднялась на ступеньку, другую, застыла, борясь с собой и осозная, что после всего услышанного она будет выглядеть "незваной гостьей".

- Хорошо... Я уйду... Но хотя бы скажи что с ним? - еле слышно проговорила она.

- Он перенес инфаркт.

- А сейчас как?

- Дела идут на поправку. Скоро выпишется.

Не говоря больше ни слова, Диляра стала спускаться по лестнице.

* * *

Гамид лежал у себя дома на койке с закрытыми глазами, но не спал. Его разморила нещадная августовская жара. В полдень, выпившись из больницы, он немного прошелся по городу. Но зной заставил его направиться домой. Раскрыл окна настежь и растянулся на кровати. В комнате - та же духота. Пот градом лился с него. Пора бы что-то поесть, но не было сил подняться. Казалось, прошла вечность, как он покинул этот кров и вернулся сюда совершенно из другого мира.

Гамид открыл глаза, окинул взглядом комнату. Стены побелены, пол вымыт, стол накрыт чистой скатертью. "Кто так постарался? Хаджар хала, что ли... Нет, скорее всего... Наия..." В этот момент

постучали в дверь. Гамид вскочил с постели. У порога - Наиля с узелком в руке. Вскоре она уже выкладывала на стол припасы. Комнату заполонил аппетитный запах долмы из виноградных листьев, за ней последовала простокваша, заправленная чесноком, свежая зелень, теплый домашний хлеб.

Гамид с трудом подбирал слова:

- Наиля ханум... я все знаю... Я никогда не забуду добро, которое вы для меня сделали... Никогда!.. Но... простите меня... Есть вещи, не зависящие от нас...

Наиля застыла, как громом пораженная. Она поняла. Взяла себя в руки:

- Что ж... сердцу не прикажешь... Да вы ешьте, ешьте... А то с утра, наверное, голодны...

Когда она ушла, Гамид, обхватив голову руками, уткнулся в подушку. Знакомая тоска охватила его. И он забыл обо всем - о жаре, о голоде. Всегда, когда на него находило это щемящее сердце чувство, он находил отдушину в работе. Сесть за стол, взять перо и поведать бумаге то, что тяготит душу. Или дать волю своей фантазии, отрешиться от житейских треволнений, придумать воображаемый мир и забыться в нем... Работа была единственным спасением. От боли. От невзгод. Он заставил себя сесть за стол, разложил чистый лист и вывел на нем: "Новая сказка для маленькой девочки."

...Когда он вышел на улицу, уже смеркалось. Неведомая сила влекла его к городскому саду. Он дошел до "своей" излюбленной скамейки под старым карагачем и услышал звонкий знакомый голосок:

- Ма-ма! Вот он, во-от!

Айнур, раскинув ручонки, бежала к нему. За ней медленными шагами шла Диляра. Гамид кинулся навстречу девочке, и через минуту она взлетела на его руках.

Диляра, остановившись поодаль, созерцала эту бурную восторженную встречу, не решаясь подойти. Гамид опустил девочку на землю и шагнул к Диляре: она похудела, и это придавало ей особое хрупкое изящество.

- Здравствуй, Диляра, - сказал он и увидел свет, вспыхнувший в ее больших глазах.

- Добрый вечер, Гамид, - отозвалась она так, как если бы на свете не было теплее и сладостнее этих трех простых слов.

- Где же ты был, Гамид? - надула губки Айнур.

- Болел... - виновато ответил он.

- О-о! Ведь и я болела! - обрадовалась она этому совпадению, хотя приятного в нем было мало.

- А чем ты болела?

- У Айнура было воспаление легких, - ответила Диляра. - Месяц мы промучились...

- Что ты говоришь?.. - Он погладил девочку по головке.

- Как сердце? - Диляра, похоже, вкладывала в этот вопрос не только медицинский смысл.

- В порядке. Немножко пошаливало. Отпустило.

- Ничего себе немножко, - укоризненно заметила Диляра.

Гамид грустно усмехнулся.

Айнур устроилась сидеть между ними, переводя взгляд то на маму, то на Гамида и наострив ушки.

- Каждый день мы приходили сюда. Айнур искала глазами тебя и каждый раз расстраивалась. Здорово ты ее привязал к себе. Ужасно скучала по тебе.

- А ты? - он всмотрелся ей в глаза. Она не ответила, опустила голову.

- Почему ты молчишь?

Диляра продолжала хранить молчание, опасаясь, что скажет чего то не так.

Наконец, поднялась, взяла Айнур за руку.

- Нам пора домой.

- Ну, мама... Давай посидим еще чуть-чуть... - взмолилась девочка.

- Поздно, Айнур.

- Гамид, скажи маме, чтобы мы еще немножко побыли вместе.

- Надо слушаться маму, - отозвался он.

- А завтра ты придешь сюда? - не унималась девочка.

- Завтра? - Гамид покосился на Диляру. - Конечно, приду.

- Правда? - Айнур запрыгала от радости.

Они расстались.

В душе у каждого из троих воцарилась надежда. Окрыляющая надежда, согревающая сердце.

1987 г.

НА ЗАКАТЕ

(Повестъ)

- **П**очему разводитесь?
- Не сошлись характерами.
- Сколько лет вы прожили вместе?
- 35.
- Что же разводитесь после стольких лет?
- Ждала, когда дети будут устроены.
- Ваше решение твердое?
- Да...

Подходил к концу судебный процесс, который затянулся на несколько месяцев. Еще немного, и брак супругов - шестидесятипятилетнего мужа и шестидесятилетней жены будет расторгнут на законных основаниях. Дети, внуки Зарият, которые сидели в зале суда, не могли поколебать ее в принятом ею решении. Магомед опустил голову. Лица родственников, близких друзей были омрачены печалью. Только Зарият казалась безучастной и спокойной. Ее состояние поразило всех.

* * *

Глубокая тоска ноющей болью давила на сердце, охватывала все тело. Зарият обессилела, занемогла от этой боли. Такое состояние не было непривычным и новым для нее. С тех пор, как она помнит себя, эта тоска жила в ее сердце, затмевала все чувства, где бы она ни находилась, с кем бы ни общалась и чем бы ни занималась. Даже в самые радостные и счастливые мгновенья в душе у нее вдруг неожиданно просыпалась тоска. Эта тоска нарастала со временем в ощутимую физическую боль. Вместе с болью зрело страстное желание покончить с нею раз и навсегда, - казалось, что сама боль с нетерпением ждет своего исхода. Она знала, что конец недалек, все ближе и ближе, он вскоре придет, как незванный гость. Это было неминуемо. Этот конец назывался смертью. Той самой, что рано или

поздно стучится в двери к каждому человеку.

Для Зарият смерть была мечтой. Вот уже долгое время она жила мыслью о ней, о легкой, спокойной, безболезненной смерти - уйти из жизни и обрести вечный покой, никому не причинив неудобств и неприятностей.

Давно уже истончились те нити, что привязывали ее к бренному миру. Она связала все свои надежды с мгновением, когда эти нити оборвутся вконец. Не оставалось ничего, что могло бы согреть ее остывшие мысли и чувства, пробудить в ней любовь к жизни.

После долгого пребывания в плену у безнадежной тоски, она, наконец, призналась самой себе, что в Баку ей не хватает воздуха. Здесь ей не обрести исцеления от своих тревог и страданий. Здесь она задыхалась. Впервые в жизни ей захотелось уехать куда глаза глядят. Впервые казался ей чужим дом, где она жила, где все было привычным.

Прошло всего два месяца, как ей исполнилось 60 лет. В их роду никто не переживал этот возрастной рубеж. Все уходило из жизни в одночасье, никому не успев докучить старческими недугами. Зарият нутром чувствовала, что и ее ждет столь же безболезненная и спокойная смерть. Только вот не хотелось ей отправляться в последний путь из города. Давно уже она облюбовала себе место на кладбище в Кусарах, где зеленые деревья разрослись, как в парке.

Месяц назад Зарият женила своего сына Агиля, младшего из троих детей. Вспомнила день его свадьбы. Невестка в подвенечном наряде, белая, что лебедь, стояла перед окном. Агиль сидел во главе стола и о чем-то говорил. Он встал, когда вошла мать. Зарият обняла и расцеловала невестку. Подозвала Агиля, села между ним и невесткой.

- Я желаю вам счастья, родные мои, нет у матери большего желанья, чем счастье детей. В этот волнующий день мне хочется вам сказать: всегда и во всем ищите взаимопонимания, любите друг друга.

Ее голос дрогнул. Вдруг она как-то сникла. А ведь только что не по годам легко кружилась в "Лезгинке". Веселая и говорливая, со всеми она была приветлива в зале Дома торжеств. Ее радости не было предела.

- Мама, что это с тобой? - спросил обеспокоенно Агиль.

Зарият ласково пригнула их головы к себе на грудь:

- Нет в мире ничего прекрасней, чем любить друг друга. До конца...

У Зарият будто ком застрял в горле. Она выдала замуж Айбениз, а после и Гюльбениз, но не была так растрогана. Сказала, улыбаясь, чтобы успокоить Агиля:

- Я плачу от счастья, сынок.

Она долго еще не могла совладать с собой... Ей доставляло удовольствие обхаживать нежную и ласковую невестку, готовить вкусные блюда для молодоженов. Но, как ни старалась, не могла утаить своей тоски. Это замечали и ее сын, и невестка. Что могла она им сказать? Что никогда не была столь одинокой, как теперь? Что тогда подумала бы о ней невестка? Разве не спросила бы, отчего ей должно быть одиноко при таком супруге, как Магомед?

* * *

Зарият с Магомедом возвращались домой, проводив из аэропорта в свадебное путешествие Агиля и Наргиз.

- Странная ты какая-то, жена, что-то не так? - спросил Магомед.

- Все в порядке, - ответила она, - не беспокойся.

Когда автобус приехал в Баку, муж взял ее под руку:

- Пойдем, жена, прогуляемся немного.

Они пришли в приморский парк.

- С чего это ты вдруг? - Это было сказано с иронией. Но в голосе также сквозила глубокая обида.

Магомед оставил вопрос без ответа. Он помрачнел. Когда же они были здесь в последний раз? Он не мог вспомнить. Сердце начина-

ло щемить при виде встречной молодежи, и пар идущих под руку.

Они присели на первую попавшуюся свободную скамейку. Оба молчали. Старались не смотреть друг на друга. Их взгляды остановились на паре преклонных лет, что устроилась напротив. Старик, зажав меж ладоней руку пожилой женщины, что-то тихо ей говорил. Та слушала с нескрываемым интересом. Чуть ли не час они вели свою тихую беседу. Но вот мужчина взял ее под руку, и они двинулись неспешным шагом, все еще переговариваясь о чем-то своем.

Зарият завистливо смотрела им вслед. Ветер растрепал ее волосы, аккуратно стянутые большой шпилькой.

- Как же поседели твои волосы, - сказал удивленно Магомед.

- Ты будто только что заметил, - обиделась Зарият. - Вот уже двадцать лет, как я поседела...

Погрустнела она, чувствуя, как ночной ветерок играет с ее седыми прядями. За долгие годы совместной жизни с Магомедом в ее памяти запечатлелось лишь одно - его невнимательность и равнодушные. Зарият унеслась в прошлое на крыльях своих раздумий.

...Постучала в дверь. Никто не открыл. Достала ключ из сумки и, как только отварила дверь, в лицо ударил сквозняк. Ветер трепал занавески. "Опять Магомед оставил распахнутым окно ", - подумала в сердцах. Села в кресло и включила магнитофон. Дурия Рагимова пела лезгинскую песню:

*Аквада заз вун ахварай, аквада,
Рахада зун вахъ галаз, рахада...
(Снишься мне ты снова и снова,
Молви же мне наяву ты хоть слово...)*

Слезы у нее лились ручьем. Она плакала, как дитя. В последнее время она не могла слушать музыку без эмоций. Музыка напоминала ей о том, как она одинока в своей жизни... Не заметила, как уснула. Проснулась от ласкового прикосновения к волосам - перед нею стоял Агиль. Только что пришел со школы.

- Что-то случилось, мама? - спросил он обеспокоенно.

- С чего это ты взял? - улыбнулась Зарият.

- Слушаешь свою кассету, - показал Агиль на магнитофон. Она записала свои любимые песни на одну кассету. Когда оставалась дома одна, слушала их часами. Дети догадывались об этом по ее заплаканным глазам. Как-то Агиль спрятал кассету, но, увидев, с какой тревогой искала ее мать, роясь в ящиках, сразу же вернул на место.

Зарият обняла сына и припала к его волосам. Больше всего на свете любила она этот родной для нее запах. Она поцеловала его в шею и сказала так неожиданно и прозаично:

- Пойди, поставь чайник на газ.

- Только сначала скажи мне "чан"* , - улыбнулся Агиль. Улыбка тронула и губы Зарият. Сын с детства привык не слушаться никого, если ему не говорили "чан".

Агиль был чувствительным ребенком, сразу улавливал, когда у матери бывало плохое настроение. В такие минуты он тихо прижимался к ней, не говоря ни слова. Ждал, как бы ей услужить. Не отходил от нее, пока не растает лед у нее на сердце.

- Я же попросил, чтобы ты сказала мне - чан, - все играл в капризного ребенка Адиль.

- Чан*, - сказала она, поцеловав его в лоб.

Зарият расстрогалась от сладких воспоминаний. "Где они теперь, интересно? Как им отдыхается?" - подумала она. Вспомнила про Айбениз и Гюльбениз, прослезилась. Дочери, выйдя замуж, переехали кто куда - одна в Закаталы, другая - в Ках. Мать с ними встречалась в году раз или два.

В Баку ничего уже не оставалось, что привязывало бы Зарият к родному дому. Она решила уехать отсюда раз и навсегда. Ей стало очень одиноко в шумной, бурлящей жизнью столице.

Вот уже неделю она разбирала свой гардероб, думая, что оста-

* чан - душа (лезг.)

вить, а что увезти с собой. Сложила одежду в две большие дорожные сумки. Поверх положила альбомы. Из этого дома больше ничего и не хотелось забирать. В районном городке ее ждал одноэтажный опрятный отчий дом под сенью зеленых деревьев. Многие годы, когда у детей начинались летние каникулы, Зарият ездила туда вместе с ними на отдых. Магомед, как правило, проводил месяц в санатории или на курорте, после чего наведывался к ним на два-три дня и возвращался в Баку.

В последние годы дети уже редко приезжали сюда. Из-за работы и семейных забот. Вот уже два года, как в этом доме никто не бывал, кроме Зарият. Для нее в мире не было иного места, куда бы ее так тянуло. Она была привязана к отчому дому всем своим существом, с ним у нее были связаны самые сладкие и дорогие воспоминания. Здесь, в родных стенах, ей был дорог каждый уголок, все привычное с детства убранство.

Дом этот всегда притягивал ее, как магнит. Ей верилось, что только там она обретет желанный покой. Только в стенах отчего дома почувствует облегчение. Этот дом, где она выросла, который полон бесконечными воспоминаниями солнечного детства и юности, станет обителью ее последних дней.

Дом словно тоже ею болел и не мог без нее обходиться. Магомед, который вырос в Баку, не желал понять любви Зарият к сельской тиши. Его удивляло, с какой нежной заботой она могла ухаживать за каждым деревцем, кустиком и даже цветочком.

В такие минуты Зарият говорила ему:

- Это не твоя вина. Как может почувствовать и полюбить запах земли и прелести сельской жизни человек, который вырос на голом асфальте...

Сделав последние приготовления и положив дорожные сумки перед дверью, Зарият вдруг оглянулась. Она обошла все комнаты, обвела последним взглядом их убранство. Вздохнула и ... переступила порог, чтобы больше сюда не возвращаться.

* * *

Магомед, придя домой после работы, не застал Зарият. Заваренный чай и обед, как всегда, стояли на слабом огне на газовой плитке. Он с удовольствием отужинал и выпил стакан чая. Стал просматривать газеты. Вскоре его одолела дремота.

Проснулся он в темной комнате один-одинешенек. Время шло к полуночи. "А где же Зарият?" - спохватился он. Никогда еще она не оставляла его в одиночестве в столь поздний час. Поэтому ее отсутствие показалось ему ужасающим. Как никогда, ему не доставало жены. Сердце вдруг сжалось, он обмяк, чувствуя что-то неладное. Беспокойно обошел все комнаты. Места себе найти не мог. "Вдруг с нею что-то случилось", - подумал он и от этой мысли кровь словно застыла в жилах. Теперь он походил на беспомощное дитя, потерявшее мать.

Не в состоянии больше пребывать в стенах квартиры, он спустился во двор. На улице стихло движение автомобилей, вокруг царил тишина. Тяжелыми шагами поднялся он по лестнице и вошел в дом. Казалось, всю жизнь дома встречала и провожала его Зарият. Обхаживала как дитя, потакала капризам. Такое было впервые, чтобы жена куда-то отлучилась без его ведома. Но куда? В Баку у нее родственников было мало. Да и с теми она встречалась от случая к случаю. Единственная сестра скончалась два года назад. У подруг не задерживалась до поздней ночи. Значит, что-то стряслось.

"Вдруг ее сбило машиной?" Он вздрогнул от этой мысли, не зная, что предпринять. Рука на что-то наткнулась. Это был конверт. Он быстро его вскрыл и достал записку. Дрожа от волнения, начал читать.

"Магомед, когда ты развернешь эту записку, я буду уже далеко от Баку. Поэтому возьми себя в руки, чтобы спокойно дочитать ее до конца. Сегодня я пишу тебе о том, о чем не могла сказать за все 35

лет нашей с тобой совместной жизни. Пишу потому, что никогда не сумела бы об этом сказать. Если бы и сказала, ты бы все равно не понял. Учинил бы мне допрос и свел все мои слова к бессмыслице. Ты каждый раз разбивал мне сердце, а я пыталась склеить осколки. Хочу, чтобы ты хотя бы теперь узнал про то, что всегда было у меня на сердце. Детей, слава Богу, мы устроили. Все они зажили своими счастливыми семьями. По крайней мере, лично я спокойна за них. Больше они не нуждаются в нашей опеки. Я всегда жила только во имя их благополучия. Их счастье было основным смыслом моей безрадостной жизни.

Ты никогда не слышал от меня жалоб, не видел, чтобы я выходила из себя, повышала голос. Годами я ничего у тебя не просила. Разве все это ни о чем тебе не говорит? Хотя бы раз ты подумал о том, что Зарият, возможно, в чем-то нуждается? Хотя бы раз приходило тебе в голову, что у меня тоже могут быть свои трудности? Ты никогда не был мне другом. Ты воспринимал меня как некое безвольное существо, которым ты один можешь помыкать. Ты воспринимал меня только как жену-домработницу. Я не была для тебя ни советчицей, ни единомышленницей. Годами я ждала часа, чтобы излить перед тобой все, что копилось в моей душе, чтобы ты выслушал и понял меня. Я полагала, что с годами ты станешь внимательней, изменится твое ко мне отношение. Но я ошибалась, сухая яма водой не наполнится, сколько в нее ни лей. Ты по природе своей, видимо, такой сухой, холодный, самодовольный и безразличный ко всему человек.

Помнишь день, когда я вошла невесткой в ваш дом? (Наверное, ты давно уже позабыл про тот день, а я хорошо его помню). В жизни человека нет, наверное, более желанного и прекрасного дня. Я ждала его как причастия к миру высоких таинств. А от тебя вместо нежности, внимания и ласки я услышала : "Ну, жена, как ты там?" Я ушам своим не поверила. А потом, каждый раз, когда ты ко мне так обращался, мне казалось, что ты имя мое позабыл. Сколь я была иск-

ренной, терпеливой, внимательной, столь ты был резок, ворчлив и груб. Тебе никогда и в голову не приходило поздравить меня с праздником. Как сейчас помню первый для меня день 8 марта в вашем доме (едва ли ты вспомнишь про него). Я спозаранок побежала на базар, приготовила твои любимые блюда, навела дома чистоту и порядок. Ждала, что ты придешь с большим букетом цветов, расцелуешь и поздравíš меня. А потом радостно преподнесешь мне подарок. Ты пришел домой только наутро следующего дня. Как ни в чем не бывало спросил про мое самочувствие. Не заметил, что глаза у меня покраснели от слез, а лицо распухло после бессонной ночи. Возможно, ты сделал вид, что не заметил. Я сердито спросила, почему ты не ночевал дома. Ты ответил с полнейшим безразличием: "Дела были". Я стала расспрашивать, что это были за дела. Ты же в ответ поднял на меня руку.

Очнулась я только в больнице. В тот день моя Айбениз появилась на свет на два месяца раньше срока. С тех пор между мной и тобою легла глубокая пропасть. С того дня ты живешь своей жизнью, а я - своей. Я так была занята тремя детьми, которых родила одного за другим, что полностью про себя позабыла. Дети все были слабые, больные. Поэтому я не знала ни сна, ни покоя. А ты был далек от всего этого, очень далек. Тебе было весело в кругу твоих друзей, подруг и знакомых. Жизнь у тебя была беззаботной. Домой ты приходил только лишь для того, чтобы переночевать.

Ты полагал, что единственной обязанностью для мужчины является материальное обеспечение семьи. Мне же пришлось одной возиться с детьми в четырех стенах, пока они не выросли. А потом я стала работать. Проводив утром детей в школу, бежала второпях на работу. После работы спешила домой. Детям не говорила ни о чем, но, бывало, они видели, как слезы катились у меня по щекам. В такие минуты они только и могли, что в молчаливом недоумении прижаться ко мне. Знал бы ты, как мне не хотелось, чтобы грусть омрачала их маленькие сердца. Утерев слезы, я присое-

динялась к их детским играм. Дом наполнялся нашими голосами.

Я знала, почему ты так холоден. Тебя несколько раз видели с женщинами, о чем не преминули меня предупредить. А как-то случилось мне поехать на окраину города. Там открылся новый большой хозяйственный магазин. Тебя, конечно, никогда не интересовали мои бытовые заботы. Думаю, и теперь не знаешь, чем отличается казан от обычной кастрюли. А в нашем доме он был необходим. Я нигде его не находила. Вот и поспешила в тот магазин. Вдруг... я так и застыла на месте. Перед магазином, шагах в пятидесяти от меня, ты вышел из притормозившего автомобиля, а вместе с тобой и какая-то женщина. Она взяла тебя под руку, и вы, мило переговариваясь, вошли в подъезд жилого дома по соседству. В тот день я похоронила тебя в своем сердце. В тот день я решила для себя, что как только будут устроены все трое детей, расстанусь с тобой, официально разведусь. Воздам тебе за мое растоптанное самолюбие, униженную гордость, утраченные мечты. Ты много мучил меня, глубоко обижал, но я все перетерпела во имя будущего детей. Все эти годы я только и ждала часа, когда, наконец, расстанусь с тобой. Что поделать, я никак не могу позабыть про все свои унижения.

Не раз я принимала решение, чтобы развестись с тобой. Но каждый раз отказывалась от своей затеи. Не хотела, чтобы дети росли без отца, чтобы сплетни и пересуды ранили их сердца... Много нелестного говорят вслед разведенной женщине, камни летят в огород к ее детям. Думая о них, я все перетерпела. Теперь, когда все они устроены, ничто мне не помешает.

Сегодня, после 35 лет нашей с тобой совместной жизни признаюсь: я ненавижу тебя, видеть тебя не хочу. Я подала в суд заявление на развод. Меня не ищи. Прощай!

Бывшая твоя жена Зарият".

Магомед так и застыл на месте. Его знобило. Каждая фраза Зарият вонзалась колючками в сердце. Веки отяжелели от внезапной

головной боли. Никогда еще он не чувствовал себя таким потерянным, одиноким, покинутым. Записка Зарият была откровением для него. Ему и в голову не приходило, что жена может в чем-либо его упрекнуть, обвинить.

Его будто молнией ударило. Парализовало мысли и движения. "Зарият уходит от меня? Как же я буду жить на старости лет без нее?"

В последние годы Магомед нуждался в Зарият куда больше, нежели прежде. "Значит, она знала про все, но виду не подавала. Она права, я был слеп, никого кроме себя не замечал, ничему не придавал значения. Другой на моем месте гордился бы такой красивой, умной женой, как Зарият. Отчего же я был так безразличен к ней? Может, перестал ее замечать оттого, что она постоянно была рядом? Все ее упреки справедливы. Но разве из-за этого разводятся на старости лет? Нет, нет, такого я не потерплю, мне и дня без нее не прожить".

Он только теперь вдруг осознал, кем для него была Зарият. Был готов ей в ноги упасть, лишь бы простила, вернулась, не оставляла его в одиночестве. И это в его-то годы.

Магомед плакал.

* * *

Сойдя с автобуса, Зарият вдохнула полной грудью чистого горного воздуха. Теплые лучи мартовского солнца, снежная шапка на видневшемся вдали Шах-даге, приветствовавшие ее и расспрашивающие про жите-бытие знакомые - все для нее было родным. Было удивительно легко на сердце. Она была довольна собой, будто выдержала трудный экзамен.

- Тетя Зарият, садитесь, пожалуйста, - окликнул ее, приоткрыв дверцу автомобиля Касум, сын ее здешнего соседа по дому Гейдара. Он положил ее сумки в багажник, сел за руль.

- Надеюсь, к добру в это время, тетя Зарият, - заговорил Касым,

тронувшись с места, - ведь вы обычно приезжаете летом.

- Что же остается делать пенсионерке, сынок, приехала подышать сельским воздухом, передохнуть.

- Вот и хорошо, - отозвался тот, - нечего вам пребывать в дымном и пыльном городе. Я бы не смог и дня там прожить. В городе мне не хватает воздуха, задыхаюсь. Что бы там ни было, я из Кусаров в жизни никуда не уеду.

Касым был уж очень говорливым. По пути успел поведать обо всех новостях в районе. Он довез соседку прямо до калитки.

Войдя во двор, Зарият вдохнула запахи ранней весны. Двор утопал в зеленой траве. На кустах, на ветвях деревьев завязались почки. Природа пробуждалась к новой жизни. Зарият особенно любила это время года. Чистые и нежные ароматы дурманили чувства.

Обычно она приезжала сюда в году по несколько раз. А с прошлого лета возможностей для этого не было - из-за хлопот с подготовкой к свадьбе сына. Сняв плащ, она присела на пень под раскидистым тутовником. Таял холод на сердце от ласкового тепла мартовского солнца. Даже боли в теле, в суставах, кажется, несколько подтихли.

Посидев и передохнув немного, она отварила дверной замок и вошла в дом. Все было на своих местах, именно так, как она оставила при последнем посещении. "Постель пропитана сыростью, нужно вынести на солнце, не то не заснуть на ней", - подумала она. Переделась и, протерев мокрой тряпкой веревку, натянутую во дворе между деревьями, вынесла на воздух матрасы, одеяла, подушки. Распахнув окна, стала наводить чистоту в комнатах. По привычке, все делала скоро, торопясь, будто ждала гостей. И вдруг опомнилась: "Кто ж это тебя гонит, несчастная? Теперь у тебя столько времени, что и деться будет некуда". Сердце сжалось от этих мыслей, словно только теперь она осознала, почему уехала из Баку и находится здесь.

...Ее так занимали хлопоты по уборке дома, наведению порядка

во дворе и в саду, что она не замечала, как проходят дни и недели. Перекопала весь сад, одолжила у соседей семян, рассады, понасажала цветов. Дом побелила снаружи известкой, покрасила частокол дощатой ограды. За этими заботами ей вспоминались детские годы, беспечные, светлые дни проведенные с родителями. Тогда их двор славился своими розами на весь район. Отец, Шахмир, очень любил эти цветы. Где бы он ни бывал, привозил с собой отростки редких сортов. Соседи, родственники, близкие, знакомые получали пышные букеты цветов с их двора на дни рождения, на свадьбы. Зарият унаследовала увлечение отца. Она с особым рвением ухаживала за клумбами, которые остались после его смерти. Только тем и занималась, что подрезала кусты, полола землю под ними, поливала.

Время проходило незаметно. Соседи часто навещали к Зарият и приглашали ее в гости. Она уже привыкла к своей новой жизни. Это была спокойная, размеренная жизнь. Во всяком случае, внешне именно так все выглядело, а о том, что творилось у нее на душе было ведомо одному только Богу. По ночам Зарият никак не могла отогреться в своем одиночестве в холодной спальне даже под несколькими одеялами. Каждое утро она встречала, так и не сомкнув глаз, и уже привыкла к тому, что отдыхала днем. Только книги и телевизор были для нее спасением. Она не могла доверять своей тайны приветливым, разговорчивым соседкам. Вообще в этом отношении она всегда была замкнутой. Оставаясь наедине, она часами могла разговаривать сама с собой, вновь и вновь переживая свои горести.

И вот однажды во дворе она увидела сидящего за столом под тутовником Магомеда.

- Мне переехать сюда, или ты вернешься в город? - Голос у Магомеда дрожал. Он заметно исхудал. А ведь прошел всего месяц с тех пор, как его оставила Зарият.

- Чего же ты молчишь? Я за тобой приехал.

Зарият резко обернулась к нему:

- Напрасно приехал. Никуда я отсюда не уеду.
- А как же я? Я ведь остался один, как перст...
- Отчего же ты один? А как же Агиль и Наргиз?
- А что мне до них?
- Не заботятся о тебе?
- Заботятся, чего уж там... Только ты - это ведь совсем другое.
- К чему эти слова? Я остаюсь при своем.
- Ты хочешь, чтобы мы опозорились перед людьми на старости лет?

- Для меня в прошлое возврата нет. Попрошу детей лучше присматривать за тобой. А что касается того, что, якобы, мы опозоримся, этого я не боюсь, пусть говорят, что хотят. А теперь можешь уходить, - Зарият указала ему на калитку.

Магомед уставился на нее пораженный:

- В твоем сердце и впрямь не осталось места для меня?
- Нет, - отрезала Зарият.

* * *

Она продолжала жить своей новой, одинокой и спокойной жизнью. Не привыкшая сидеть без дела, находила для себя все новые и новые занятия. Буханки хлеба ей хватало чуть ли не на целую неделю, за покупками выходила от случая к случаю. Во дворе у себя разбила грядки со столовой зеленью. Зарият зареклась, что денег не станет принимать ни от Магомеда, ни от своих детей. Небольшой пенсии хватало на то, чтобы покупать самое необходимое из продовольствия. Что же касается гардероба, то она решила, что сможет обойтись без его обновления. А при случае, если понадобится обновка, можно будет выносить на базар вишню, персики, абрикосы, смородину, яблоки, груши, словом, все из урожая в своем саду.

С раннего утра и до самого заката Зарият трудилась как пчелка. Но думы не покидали ее, и печаль в ее душе все не рассеивалась. Никак не отпускала накопившаяся тоска. Зарият словно была оби-

жена на весь мир за свою горькую судьбу. В жизни, казалось, нет ничего, что могло бы ее утешить. Все сводилось для нее к одинаково безрадостным серым дням. Время от времени по телефону говорила с детьми. Но они, занятые своими делами, едва ли могли догадываться о тревогах матери. Кто знает, может им и в голову не приходило, что она о чем-либо переживает. Ведь дочери и сын привыкли считать ее сильным, уверенным человеком. Мать всегда решала все их проблемы. Какие же у нее могут быть трудности?

Магомед звонил ей еще дважды, но, поняв по ее независимому тону и твердому голосу, что она никогда не изменит своему решению, больше не стал ей докучать.

Зарият обходилась без календаря, время давно уже остановилось для нее. Рассвет, наступление вечера, перемены погоды, тепло и холод, жажда и голод теперь уже ничего не значили для нее. Стиснув зубы, она выдерживала боль от своих многочисленных недугов. Готовилась к своему концу. Знала, что час ее близок. Она сердцем чувствовала, что смерть вскоре явится к ней, положит конец ее мукам, невыносимым горестям, неизбежным страданиям. Все останется в мире бrenном, а Зарият уйдет в таинственное и прекрасное царство. Смерть была для нее избавлением.

* * *

Еще до восхода, предвосхищая жаркий день, начал свой оглушительно звонкий концерт оркестр сверчков и цикад. С первыми лучами в хор вступила своим щебетанием партия птиц. Выступила и выдохлась куда раньше, чем в прежние дни. А вскоре, когда солнце поднялось над крышами домов и садами, в городе воцарился зной. Было так жарко, что люди попрятались по домам. Зарият стакан за стаканом пила холодную воду, но никак не могла утолить жажду.

К вечеру повеяло легкой прохладой. Детей и взрослых, молодежь и стариков словно вынесло из-под крыш во дворы и на улицы. Зарият всегда это нравилось здесь - все знали друг друга в лицо. Парни и де-

вушки, мужа и жены разбредались по домам только к полуночи. Прежде она и сама принимала участие в таких гуляньях. Но теперь уже не могла - болели ноги.

Сидя на скамейке перед домом, она с тоской и завистью провожала взглядом прохожих. Но, видимо, это занятие еще более усугубляло ее чувство одиночества. Она встала и прошла во двор.

В старом кресле под тутовником ей было куда удобней, чем на жесткой скамейке. Ночь обвевала ее прохладой и навевала то сладкие, то печальные воспоминания.

Вдруг, услышав шум в соседнем дворе, она насторожилась - ведь вот уже много лет никто не открывал дверей старого полуразвалившегося дома дяди Ибадуллаха. После его смерти ничья нога не ступала по заросшему сорными травами саду. Единственный сын дяди Ибадуллаха, говорили, уехал на заработки в Россию, да так там и остался, обосновавшись навсегда. Про этот большой двор вспоминали лишь к тому времени, когда созревали фрукты. Детвора саранчой облепляла деревья в саду и собирала плоды. "Пусть уж лучше малышам они достанутся, чем засохнут и пропадут, - думала Зарият, - возрадуется душа дяди Ибадуллаха". Она только просила ребятишек, чтобы не ломали веток и были осторожны, не дай Бог еще упадут.

Но плоды еще не созрели. Что же это за шум, кто вошел во двор? Зарият приблизилась к изгороди и глянула в соседний двор. Вдруг... она не поверила своим глазам. Старик с белоснежными волосами и седой бородой упав перед дверью, крепко прижался ладонями к земле. А потом он привстал и, воздав руки к небу, взмолился о чем-то шепотом.

Зарият не могла различить на слух слов его мольбы, но увидела, что слезы текут у него по щекам. Она была поражена этим зрелищем и не знала, что предпринять. Не переводя дыхания, все всматривалась и всматривалась в ночное видение: что же нужно этому незнакомцу в столь поздний час на чужом дворе? Отчего он плачет?

Вдруг она вспомнила про Самура, соседского сына. Он был тих

и по-девичьи застенчив. Книги были единственным увлечением Самура, отчего его недолюбливали сверстники. "Неужто это он?" - что-то дрогнуло в ее сердце. Накатило волною нежной, пронзительной грусти.

...Это было утром того дня, когда Зарият выходила замуж. Она проснулась от нежного аромата. Окно было распахнуто. На подоконнике лежал букет фиалок. Зарият, не поверив глазам своим, встала и осторожно взяла в руки букет цветов. Они источали тонкий дурманивший запах. "Кто же это принес?" - подумала она и тут же вспомнила про Самура. Глянула на окна их дома. Оттуда доносилась песня Дурии Рагимовой:

*Аквада аз вун ахварай аквада...
(Снишься мне ты снова и снова...)*

Эту песню Асефа Мехмана на его же слова в то время в Кусарах, как и всюду, любили и стар и млад. В ней пелось о том, как некий мужчина донес до седин свою первую любовь, как волшебный сон. Большая и печальная неразделенная любовь к той, которая все еще снится и снится. Кто знает, в какой уже раз заводил эту песню Самур. Но в тот день Зарият переполняли светлые чувства. Ей были неведомы печаль и тоска. Вывешенное в углу комнаты белое подвенечное платье вызывало новые, неизведанные до сих пор чувства. Оно завладело всем ее существом и не оставляло места ни для чего иного. Вскоре она позабыла и про букет фиалок.

Вечером, когда на улице засигналили автомобили, приехавшие за невестой, Зарият невольно глянула в сторону соседского двора. Самур сидел высоко на макушке черешневого дерева и смотрел в ее окно. Отчего-то сердце у нее вдруг затрепетало, как пойманная птичка в руках... Но в дом уже с шумом и гамом вошли сваты, и вмиг она позабыла про все на свете.

Когда ее, в длинном свадебном платье, усаживали в автомобиль, убранный красными лентами, она увидела у края тротуара Самура.

Он провожал ее печальным взглядом. В ее сердце вновь шевельнулась грусть. Их взгляды встретились. В тот же миг засигналил и тронулся автомобиль.

Пройдут месяцы, годы, но Зарият снова и снова будет вспоминать, как печален был взгляд Самура. Она вспоминала об этом каждый раз, когда накатывала тоска и жизнь казалась ей безнадежной. В глубине души она считала подлинной причиной всех своих неудач и несчастий эти полные печали глаза Самура. Эти глаза будто проклинали ее...

Зарият приоткрыла калитку и вошла в соседний двор, густо и высоко заросший крапивой. Старик оглянулся на шум и смотрел на нее влажными от слез глазами. Они внимательно приглядывались друг к другу.

- Вун яни, Самур?* - спросила Зарият, опасаясь, что может ошибиться.

Старик, пораженный, только и произнес:

- Зари?..

У нее дрогнуло сердце. Только один человек на свете ласково называл ее так. Юный, красивый и стройный, стеснительный Самур много-много лет назад звал ее этим именем. Никто, кроме него, никогда не называл ее так. "Зари", - старик повторил это имя таким родным голосом, с таким волнением, что Зарият вдруг вздрогнула.

Они обнялись. Расставшиеся в юные годы старик и старуха плакали, как дети. В их слезах было больше горечи, чем радости.

- Изменился ты, Самур.

- Ты тоже, Зари.

- Седая голова, седая борода. А был ведь таким красивым.

- А ты? Скольких ты пленила своей красотой?

- Как тебе живется, Самур?

- Как видишь, по среднему, по-стариковски. Был силен и пригож, стал слаб и негож. Так русские говорят.

* *Вун яни, Самур? - Это ты, Самур? (лезг.)*

- Где же ты был все эти годы?
- В России. У меня дом в Иркутске.
- А про здешний и не вспоминал даже?

Самур не ответил. Зарият поняв, что задела его больное место, постаралась сгладить свой промах:

- Прости, не нужно было мне так говорить.

Он отвел от нее свой взгляд, перевел разговор на другое:

- Случайно не у вас остался ключ от нашего дома?
- У нас, - ответила она, - папа показывал мне, где его положил.

Зарият пошла за ключом и вскоре вернулась. Ключ заржавел. Как они ни старались, но дверь не отпиралась. Самур толкнул ее плечом. Пошатнулась перекладина над косяком, осыпалась штукатурка.

Они прошли по узкому темному коридору в гостиную. Самур включил свет. Все убранство было покрыто толстым слоем пыли: стол со стульями, книги на полках, диван с коричневой кожаной обивкой, телевизор марки "Рекорд" на тумбочке в углу и позабытый на подоконнике патефон. На стене висела наклеенная на картон фотография Самура с дядей Ибадуллахом и тетей Салимой. Все трое улыбались: в глазах - искорки радости.

Самур откуда-то достал потертый конверт с грампластинкой и завел ее на патефоне. Это была песня Дурии:

*Аквада заз вун ахварай, аквада,
Рахада зун вахъ галаз, рахада...
(Снишься мне ты снова и снова,
Молви же мне наяву ты хоть слово...)*

Зарият припомнились школьные годы. Самур вечерами частенько заводил патефон, оставляя окно распахнутым, чтобы ее слышала Зарият.

Песня смолкла - игла царапала пластинку на холостых оборотах. Самур отключил патефон. Он перевел взгляд на фотографию на сте-

не, снял ее осторожно с гвоздя. Вытерев пыль рукавом, всмотрелся в счастливые лица, прижал картон к своей груди.

Их растрогали воспоминания давних лет. Друг детства, приехавший издали, казалось, полностью лишил Зарият власти над собой. Во всем облике, в движениях и словах Самура сквозила какая-та невыразимая печаль. Он был потерян и одинок.

- Что это с тобой? - спросила Зарият испуганно.

- Я болен.

- Болен? Что это за болезнь?

- Не знаю, как называют эту болезнь. Душа у меня болит. Оторванность от родных мест, тоска. Долгие годы я болею. Вроде работаю, ем, хожу. Но внутри все горит. Дух мой потерян. Знала бы ты, как я мечтал о Кусарах, об этом доме родном... В последнее время каждую ночь мне снились родные места. Сколько раз собирался приехать сюда в отпуск. Но кто у меня есть? К кому бы я приехал? Только теперь, на старости лет я понял, что ошибался. Родина - это не только твои родные, но и земля, где ты родился и вырос, воздух, которым дышал, вода, которая с детства тебя споила. Родина - вот этот ветхий дом, оставшийся без хозяев. Поздно я все это осознал. Но жена моя видела, как мне тяжело. Она силком спровадила меня в путь: "Поезжай, побывай у себя на Родине, может, легче тебе станет". Вот я и приехал. В последний раз. Перед тем, как умереть, - Самур с трудом сглотнул застрявший в горле комок.

- А дети есть у тебя? - тихо спросила Зарият.

- Двое сыновей, две дочери.

- А как их звать?

- Саша, Андрей, Света, Мария.

- По паспорту - лезгины?

- Да.

- А по духу?

- Мать - русская, окружение - русские...

Самур вздохнул. Зарият больше не задавала вопросов. Вдруг

вспомнила, что даже чаю не предложила гостю с дальней дороги.

- Пошли ко мне, Самур, ты с дороги, чаю выпьешь, подкрепишься, передохнешь, - сказала она. Тот молча последовал за Зарият.

На веранде, где они расположились, было светло и уютно от расставленных по углам глиняных горшков с разросшимися комнатными растениями. Самур едва притронулся к еде, а за чаем вернулся к прерванному разговору.

- Знаешь, из-за чего я решил поехать в Иркутск?

- Признаться, нет.

Он помедлил немного и глянул ей в глаза:

- Из-за тебя.

- Что? - изумилась она.

- Когда ты вышла замуж, - признался он, - мне было невыносимо оставаться в Кусарах, да и во всем Азербайджане.

- Я тебе нравилась? - она знала, что лукавит не по годам. Но ведь и старику не пристало признаваться в любви.

- А ты разве не знала? - ответил он ей вопросом на вопрос.

- Но ведь ты никогда не говорил мне об этом.

- Разве я мог осмелиться? - потупился он. Она промолчала.

- После того, как ты уехала, я понял, что и мне здесь не жить, - грустно исповедовался Самур, - отец понимал мое состояние, но виду не подавал. Помню, когда мать скончалась, он всю свою любовь мне одному и отдавал. А вскоре и он тяжело заболел, год был прикован к постели. Так и скончался. Я подумал, что больше меня уже ничто не связывает с этими местами. Поэтому, когда встал вопрос о высшем образовании, я решил, что лучше всего уехать из этих мест. Сложилось так, что попал в Иркутск. Там и осел. Пока был молод, особой тоски не знал. Да и не до этого было при занятости работой, семейными заботами, детьми. Но... - он перевел дыхание, - часто я вспоминал о тебе. В счастливые, хорошие дни, признаться, и не так уж часто. Зато в самые свои трудные минуты я мысленно обращался к тебе, просил твоего совета. С годами, когда дети уже были уст-

роены, начал понимать, что допустил в своей жизни непоправимую ошибку. Человек все же должен жить на родной земле, в окружении близких, в привычной с детства среде. Без этого невозможно быть счастливым. Если даже на чужбине и будешь жить в достатке, купаться в роскоши, душевного покоя все равно не обретишь.

- Хорошо, что родной язык не забыл. Там, наверное, живут и лезгини.

- За 30 лет мне было не с кем и словом перемолвиться. Встречался раза два-три с земляками, беседовал с ними. Мне трудно выразить, что я испытал тогда, слушая привычную речь, с детства для себя родную.

Зарият молчала, потрясенная тем, как глубоко переживал долгую разлуку с родными местами друг ее детства, который, казалось, чудом дожил до седин. У нее было такое чувство, будто она сама пережила все его муки. Ей и самой хотелось поделиться своими горестями с этим некогда красивым и стройным юношей, который теперь и ростом стал меньше, и лицом стал жалок, обмяк. А старик все говорил и говорил, впервые за долгие годы встретившись с понимающим его человеком. Изливая душу перед Зарият, он чувствовал, как ему становится все легче и легче.

Вдруг Самур осознал, что говорит без умолку, а про то, как живет Зарият, не спросил ни слова. Укорив себя в сердцах, он виновато улыбнулся:

- Зари, что же это я? Только о себе и говорю. А как тут все у тебя?

- У меня? - сказала растерянно Зарият, - что же у меня?

- Скажи мне, ты хоть счастлива?

Она горько усмехнулась:

- Ты спрашиваешь о счастье у человека, который одною ногою уже там. У женщины на закате дней.

- Прости, если обидел тебя, - виновато сказал Самур.

- Нет, почему же. Две дочери у меня и сын. У всех свои семьи.

С детьми мне повезло.

- А с мужем все плохо?

- Как это?

- Я так тебя понял.

Зарият покраснела:

- Но я ничего еще не успела сказать.

- Печаль в твоих глазах говорит обо всем.

Зарият прервала его:

- Не будем об этом, хорошо?

- Ладно, - согласился Самур и взглянул на часы - было четыре утра.

Зарият забеспокоилась:

- Да, заговорились мы. Тебе ведь нужно с дороги отдохнуть.

- И ты, наверное, уже устала.

- У вас дома не провернуться от пыли. Может, здесь и переночуешь? Завтра помогу тебе навести чистоту, - предложила Зарият.

- Нет, нет, здесь я не выдержу до утра. Вот уже сколько лет я ждал, когда окажусь в родном доме.

Самур сказал об этом с такой болью, что Зарият не стала возражать.

Ее разбудил шум. Выглянув в окно, она увидела на соседнем дворе Самура. Засучив рукава белой сорочки, он косил сорняки, поднявшиеся чуть ли не в человеческий рост. При каждом взмахе косы валились на землю пластами высокие стебли трав вперемешку с кустами крапивы и чертополоха. Зарият с любопытством наблюдала за движениями Самура. Она была поражена тем, как он похож на покойного дядю Ибадуллаха.

Зарият переживала неведомое ей до сих пор странное чувство радости. В теле была легкость, она заметно приободрилась. Вскипятила чайник, заварила чай, накрыла стол для завтрака под тутовником: сыр с маслом, хлеб. Подошла к ограде:

- Доброе утро, сосед!

Самур ответил на приветствие и спросил:

- Как ты, Зария?

- А как по-твоему, если гость до сих пор не завтракал?

- Не беспокойся, пожалуйста, мне и так неловко, что не дал тебе выпасться. Я в столовую схожу.

Зарият рассердилась:

- Оставь, пожалуйста, эти европейские "штучки". Заходи да умойся, я уже накрыла на стол.

Ее тон был непререкаем. Самур не мог не повиноваться. Он отложил в сторону свою косу и подошел к ограде. Отогнул коленом доски. Подгнившие, они тут же свалились. Он умылся над рукомойником и прошел за стол. Пахло свежим хлебом испеченным в "хьяре"*.

- Чан жуван хьран фу**. В мире нет вкусней нашего хлеба.

Зарият положила сахару в его стакан с чаем и, помешав ложкой, поставила перед ним. Пододвинула поближе к нему сыр и масло. Все это она делала машинально, по привычке, что выработалась у нее за годы жизни с Магомедом. Самур был тронут ее вниманием до слез. Он поцеловал ей руку:

- Большое спасибо, - сказал он так признательно, что это не могло ее не расстрогать. Да и руки ей никто и никогда в жизни не целовал.

Они смотрели друг на друга долгим и странным взглядом. Не могли и слово молвить. Что-то их стесняло, беспокоило. И он, и она в глубине души считали, что в чем-то виноваты друг перед другом. Но в чем? Они не могли ответить. Завтрак продолжался в молчании.

Зарият вдруг вспомнила про то, что хозяйке приличествует занимать гостя. Значит, ей и следовало нарушить молчание.

- На сколько же дней ты приехал, Самур? - спросила она.

* *хьяр* - лезгинская печь для приготовления хлеба

** *Чан жуван хьран фу* - Родной мой хлеб с хьяра

- Дней на двадцать, - ответил он, думая о чем-то своем.
- Ты работаешь?
- Нет уже, вышел на пенсию. А ты?
- Я тоже...

* * *

Весть о возвращении Самура, сына Ибадуллаха, с быстротой молнии разнеслась по всем Кусарам. К вечеру их двор был переполнен людьми. Проведать его пришли соседи, приятели детских лет, бывшие одноклассники, знакомые. Каждый старался сделать, что мог, чтобы земляк сполна ощутил радость возвращения домой. Соседи, не сговариваясь, расстелили ковры на траве под высоким орешником во дворе, развернули скатерти. Одни заваривали большой самовар, пекли лаваша на садже, другие чистили зелень и нарубали лук, раскладывая на скатертях тарелки с маслом и сыром, творогом, кувшины с айраном и пиалы с катыком, овощи, фрукты. Вскоре мужчины приволокли во двор за рога увесистого барана. Амирбек, мастер своего дела, в мгновение ока заколол барана у ног Самура по старинному обычаю восточного гостеприимства. Вскоре во дворе вкусно пахло шашлыком. Женщины и мужчины, молодежь и люди в летах расположились на коврах за разложенными кушаньями.

Самура усадили во главе импровизированного "стола". Было шумно, всюду слышались шутки и смех. Вспоминали про забавные эпизоды, весело подтрунивали друг над другом. Самур не успевал отвечать на бесчисленные расспросы. Он никак не мог прийти в себя от внимания своих земляков, от устроенного ими приема. Время от времени у него на глазах проступали слезы признательности и благодарности этим людям. Они и сами были растроганы до слез.

Самур расспрашивал о знакомых, которых не видел среди собравшихся. Казалось, его интересует жизнь и судьба всех кусарцев. В этом городе ему и впрямь были дороги каждый человек, каждый пе-

реулок и дом, каждый уголок. После долгих лет разлуки ему казалось, что видит во сне эти с детства знакомые лица, слышит звуки родного языка. Не верилось, что все это возможно наяву.

Неожиданно для самого себя он вдруг громко запел с детства запавшую в сердце лезгинскую песню:

*На хаму шив вацIа твамир,
ВацIавай яд къайиди я.
На ви дердер заз ахъаймир,
Зун валайни кайиди я.*

*(Не входи ты в реку на резвом коне,
В ней вода холодна.
О страданиях своих не рассказывай мне,
И своих мне хватает сполна.)*

Старая, грустная песня. Прекрасная мелодия, прекрасные слова. Всех собравшихся поразило, как этот человек, после 30 лет, проведенных на чужбине, запел народную песню на чистом лезгинском языке. А он уже завел другую народную песню, любимую всеми "Пейкяр баха" ("Сестра Пейкяр"):

*Я бахтавар лезги суна,
Гъваш сумагур, чайда чна.
Дердер-гъамар пара ятIа,
Веъ арадал, пайда чна.*

*(Вкусным чаем самоварным
Угости меня ты с пару.
Если горестей немало,
Мы поделим их на пару.)*

Все подхватили в один голос припев:

*Уф, чан аман,
Дердин дарман аман,
Бес мус къведа
Вун чаз мугъман?*

*(Твой взгляд, как бальзам,
Исцеляет боли, джан,
Когда ж придешь
Ты в гости к нам?)*

Вскоре Касум, сын Гейдара, привез музыкантов. Веселье скрасили переливы кларнета, переборы гармонии и ритм нагары. Раздвинулся круг, пары пустились в пляс - гремела зажигательная "Лезгинка". "Ас-са, ас-са!" - хлопали все в такт.

- А теперь очередь за Самуром, - крикнул кто-то, - покажи-ка, на что ты горазд!

Тот будто этого и ждал, живо не по годам вышел в круг. Земляки залюбовались тем, как он поплыл в танце. Вот он заплясал на месте перед Зарият, приложив правую руку к сердцу и нагибаясь к ней. Она без колебаний приняла приглашение и присоединилась к нему. Нарастал ритм, убыстрялись их движения.

Звуки музыки со двора дяди Ибадуллаха многих привлекали сюда. Люди все шли и шли. "Чья свадьба?" - спрашивали они, останавливаясь. Молодые с радостью шли танцевать, будто только и ждали этого вечера. С наступлением темноты они настояли, чтобы музыканты играли на улице, - будет больше простора. "Этой ночью возрадуются души Ибадуллаха и Салимы, что возвратился в родной дом их единственный сын", - думали соседи и, вздыхая, утирали невольные слезы.

Люди начали расходиться далеко за полночь. Проводив последних гостей, Самур подошел к Зарият, которая с утра была на ногах. Странное было выражение у него на лице - отражение перемешанных чувств изумления, удовлетворения и счастья.

- Ты не устала, Зари? - спросил он участливо и ласково.
- Вовсе нет.
- Может, чаю попьем? Сна ни в одном глазу.
- Сейчас заварю, - она прошла в свой двор. Просьба Самура пришлась ей по сердцу. Она бы и так не заснула.

Они сидели под тутовником и тихо переговаривались о том о сем, о незначительных вещах. Но эти пустяки занимали обоих. Над городком нависла волшебная тишина, какая бывает только в Куса-рах. Не доносилось ни звука, кроме привычной стрекотни сверчков.

* * *

За эти несколько дней Зарият словно помолодела, вновь ощутив вкус к жизни. Сердце пробуждалось навстречу чувствам радости и счастья, что возвращались к ней, как перелетные птицы в родные места по весне. Она оживала, будто земля вдоль иссохшего ручья, когда его переполняют весенние дожди. В теле появилась такая легкость, будто у нее отросли крылья, отпустили все боли. Любая мелочь обретала для нее особый смысл и значение, все радовало сердце. Самур приездом своим привнес в ее безрадостную жизнь тепло, которого так ей не хватало. У нее будто открылось второе дыхание. Легко порхая из угла в угол, она с удовольствием хлопотала по дому, делала все, чтобы порадовать гостя. Что ни день, подавала на стол вкусные блюда и кушанья национальной кухни, по которым тот, несомненно, изголодался на чужбине.

Каждый день Самура приглашали в гости. Он нигде не задерживался больше, чем на два-три часа. Ему все хотелось проводить больше времени со своей соседкой.

Они уже доверяли друг-другу свои самые сокровенные мысли. По рассказам Самура о своей жизни на чужбине, где иные обычаи и традиции, Зарият поняла, что это были холодные дни, месяцы и годы без любви. Оказалось, что ему не повезло не только с женой, но и с детьми.

Она, которая ни с кем не делилась своими горестями, тоже открылась перед ним. Ее голос дрожал, когда она вспоминала о подробностях своего несчастливого брака с Магомедом. Зарият верила, что Самур ее поймет и никогда не предаст. Разве мог этот человек, так много переживший за свою жизнь, быть безучастным к страданиям других? Тем более к страданиям Зари, как он ее называл!

Они искали и находили поводы для того, чтобы быть рядом друг с другом. Для него подворачивались дела во дворе у Зарият, а для нее - по его дому. Самур по утрам ходил за покупками на базар, хотя Зарият и возражала. Больше всего им нравилось время после десяти часов, когда стихали на улице шаги и голоса. Бывало, засиживались за чаем под тутовником во дворе далеко за полночь.

* * *

Дни были безоблачные. В Кусарах, где весной обычно часты дожди, будто уже воцарилось лето. А Самуру вскоре предстояло вернуться в далекий и холодный Иркутск.

Соседи и Зарият готовились достойно проводить земляка, который на этот раз, возможно, покидал Родину уже навсегда. Все уже было предусмотрено на день отъезда.

Утром Зарият проснулась с тяжестью на сердце. Глаза распухли от слез. По привычке подошла к окну и... замерла: на подоконнике лежал букет полевых цветов. Белые, желтые, красные, синие цветы наполняли комнату пьянящим ароматом. Легкая улыбка тронула ее губы, в сердце шевельнулась нечаянная радость. "Это Самур", - прошептала она. Глянула на часы - половина седьмого. "Когда же он успел сходить за цветами?" Она прижала их к своей груди, потом к щеке. Бережно опустив цветы в вазу с водой, залюбовалась ими.

Днем оба они были не в настроении. Самур ни разу не приходил к ней во двор, а она не выходила из кухни. С вечера договорились, что каждый будет заниматься своими делами, а с наступлением сумерек поужинают у Самура вдвоем.

Зарият казалось, что это самый длинный и грустный день в ее жизни. Она думала о том, что на следующее утро снова останется одна в своем доме, будет влечить безрадостную и бессмысленную жизнь. Еле сдерживалась, чтобы не зарыдать. Если бы не эти двадцать дней, не встреча с Самуром, она хоть как-то спокойно дожидая бы свои последние годы. Теперь же ей постоянно будет не хватать его участия и внимания. Ей не забыть, как он безо всяких слов понимал каждое движение ее души. Такое в ее жизни происходило впервые. А на завтра все это станет воспоминаниями.

Вечером из соседнего дома донеслась мелодия песни, с которой сроднилась она всем своим существом. Дурия растревляла ее чувства:

Аквада заз вун ахварай, аквада...

(Снишься мне ты снова и снова...)

Вот и Самур вышел во двор. Он был задумчив. Увидел Зарият по ту сторону ограды и сказал:

- Ты не собираешься к нам?

- Нужно еду прихватить, - она передала ему казан.

Зарият молча накрыла на стол, а Самур завел все ту же пластинку. Он вдруг упал на колени перед этой седой женщиной, любовь к которой пронес сквозь долгие годы:

- Девушка, подарите мне этот танец.

- С удовольствием, молодой человек, - улыбнулась она сквозь слезы.

За все эти дни они впервые оказались так близко друг к другу. Ее рука лежала на его ладони. Музыка пьянила их чувства. Они не были ни старыми, ни молодыми, а робкими и растерянными, как мальчик и девочка, впервые в жизни танцующие по-взрослому. Музыка заглушало для них биенье их собственных сердец.

Смолкла мелодия. Они сели за стол. Между ними невидимой стеной повисло молчание, отяжеленное их предчувствиями о пере-

живаниях завтрашнего дня.

- Значит, уезжаешь? - ее голос был глух.

- Что же поделаться, уезжаю, - ответил он в тон, - благодарен Богу, что мне суждено было побывать на Родине. Думаю, что в последний раз. Моя жизнь уже на исходе.

Самур о чем-то задумался на мгновение и после добавил:

- Если бы не ты, мне бы здесь столько горя испить...

- Не надо так говорить, - возразила Зарият, - ты же видел, чуть ли не весь Кусары праздновал твой приезд.

- Ты и сама знаешь, Зари, как я благодарен своим землякам. Но представь, каково бы мне было здесь, в этом ветхом доме без тебя. Нет мне человека родней тебя ни в Кусарах, ни на целом свете. После этих 20 дней мне и умереть не жалко.

Самур взял ее руку в свои ладони:

- Прости, я расстроился. Слезы с трудом сдерживаю. За эти дни я так привязался к тебе, что боюсь не выдержу.

Зарият еще ни от кого в жизни не слышала столь искренней признательности. Она будто во рту ощутила горечь своей запоздалой любви. У нее дрогнули губы:

- Что же это творится со мной? Лучше бы мы с тобой не встретились. Не знаю, как теперь мне жить, когда ты уедешь...

На глазах выступили слезы. Самур подсел к ней и пригнул ее голову к своему плечу. Он заговорил с досадою в голосе:

- Почему же Бог не дает людям двух жизней? В одной они допускали бы ошибки, проходили через испытания, трудности, а в другой исправляли бы все свои промахи, были бы счастливыми. Если бы мне представилась такая возможность, все бы сделал, чтобы ты была счастливой. И сам был бы счастлив.

- Бог, наверное, создал нас друг для друга, - тихо отозвалась она, - но мы не поняли этого. Мы далеко искали свое счастье, а оно, оказывается, было рядом. - Зарият вздохнула. - Верно говорят, что никто тебе такого зла не причинит, как ты сам.

- Если бы ты вышла замуж за меня, я был бы самым счастливым человеком на свете. И что я нашел там, далеко от родных мест? При жизни был одинок и потерян, а умру - то же самое произойдет с могилой моей. Кто придет, чтобы... - Самур не смог договорить.

Медленно занималась заря. Их ужин остался нетронутым. Два пожилых человека, ставшие самыми близкими и родными людьми друг для друга, с грустью, со странной тревогой встречали наступающее утро.

- Одним я только доволен, Зари, уйду из жизни без печали и боли на сердце. Ты дала мне понять, что это такое - быть счастливым - это быть рядом с тобой, слышать твой голос. Оказывается, так мало нужно для счастья.

- До твоего приезда я думала только о себе, Самур. Мечтала о тихой и легкой смерти. Жизнь больше ничего не значила для меня. Жить мне не хотелось. Я устала от жизни. Но ты во мне снова разжег любовь к жизни. Эти двадцать дней открыли новый мир для меня.

Они сидели, прижавшись друг к другу. В эти мгновенья они были вне времени и пространства. Запоздалая любовь разожгла последние искры в их сердцах. В этой любви был отдающий печалью аромат весенних цветов, вдруг распустившихся в зимнюю пору. Этот дурманивший аромат пробуждал странные сладкие раздумья. Но долгая ли жизнь суждена весенним цветам в морозы?..

- При других я не смогу попрощаться с тобой. Лучше уж сейчас... - Будто из глубины колодца прозвучал голос Самура. Чтобы скрыть свои слезы, он спрятал лицо руками.

- Прощай, Зари, прощай Кусары, мой дом родной.

Потом все было как во сне. Во дворе у дяди Ибадуллаха собралось много людей. Снова было пиршество под высоким орешником. Тосты и слезы, последние пожелания на прощанье. Самур, который осунулся и еще больше состарился за ночь, вглядывался в лица друзей, соседей, знакомых. Вид его навевал такую печаль, что многие с трудом сдерживали свои слезы.

Зарият запомнилось только одно - она выронила чашку, из которой плеснула воды вслед Самуру - на удачу в пути. Упавшая чашка разбилась на мелкие осколки. Что же потом? Да, грянул вдруг гром и тут же дождь полил. Как он полил! Землю с небом соединил. В Кусарах давно не было такого ливня.

Зарият слегла. Вернулись к ней старые боли, которые терзали все тело. Ныли кости - ни двинуться, ни встать. Пропал аппетит, за день с трудом проглатывала кусочек хлеба. Но разве это боли? Что они в сравнении с теми, что изводили ей душу? Она пала духом. Сердце изнывало от тоски. Но об этом никто не узнает. О таких вещах не говорят. К тому же, когда ты уже далеко не в юном возрасте.

Жить не хотелось. Ей было ни жарко, ни холодно... что светает, вечереет, идет ли дождь, солнце ли встало. Никого не желала видеть. Про Магомеда и не вспоминала. Никогда будто не было ей знакомо даже само его имя. Полное забвение. Теперь она и по детям не скучала, как прежде. За них Зарият не беспокоилась, знала, что все у них в порядке. Утром и вечером, днем и ночью ее думы занимал только один человек. Это был Самур. Она помнила его глаза, каждую черту лица, его голос, каждое слово. Ей было дорого даже самое незначительное воспоминание, которое было связано с ним. Но она знала: нет надежды в запоздалой любви, как в старости нет у нее здоровья. Все ушло безвозвратно. Только одно у нее оставалось - воспоминания. Лежать в постели и смотреть в потолок. Мысленно обращаться к Самуру. Вот и все. Тело слабело с каждым днем. О лечении и не думала: ее сломил неисцелимый недуг - ее не спасти никому на свете, кроме одного человека. А его уже рядом нет. И не будет...

Ненадолго дети ворвались переменной в ее жизнь. Оставались неделю в Кусарах Айбениз с мужем и двумя девочками, Гюльбениз со своей дочерью и Агиль со своей женой Наргиз. Они приехали, как только прознали про то, что Зарият заболела. Непривыкшие к тому, чтобы она болела, были подавлены ее состоянием, суетились вокруг нее. Им ничего иного не оставалось, как уговаривать мать отказать-

ся от своего решения обосноваться в Кусарах, просить, чтобы она переехала в Баку. Состояние матери в ее пожилом возрасте не на шутку встревожило их. А ее куда больше тяготшали заботы детей, нежели болезнь. С их настойчивыми уговорами, казалось, вот-вот придет конец ее терпению. Ее утомляли, обессиливали их бесчисленные расспросы. Она и без того была измождена своим неизбывным чувством. А теперь терпенье иссякло вконец. Она решила объясниться с детьми, Айбениз, Гюльбениз и с Агилем:

- Долго вы будете мне докучать здесь? Чего же вы ждете от меня? Может, я была плохой матерью для вас? Или в чем-то провинилась перед вами? Я не знала ни сна, ни покоя, пока не поставила вас на ноги, не устроила в жизни. Всем я пожертвовала ради вас - и молодостью и здоровьем. А вы думали только лишь о себе. Разве приходило вам в голову, что у матери тоже может быть своя боль? Я всегда старалась исполнить все ваши желанья, делала все, что в моих силах. Но мир моих печалей всегда для вас был закрыт. Что поделаешь, я - мать. Матери можно все доверить, обо всем ее попросить - она выслушает, сделает, что может. Понадобится - и жизнью пожертвует. Так чем же вы платите за мою любовь? За терпенье... когда мне так нужна ваша поддержка. Поймите же, наконец, отец ваш всю жизнь меня унижал, оскорблял, считал меня не больше, чем домашней прислугой. Он жил в свое удовольствие, взвалив на мои плечи все заботы. А вы и спросить не могли, счастлива ли ваша мать? Есть ли у нее горе? Мне было больно каждый раз, когда вы спотыкались, я переживала, когда вас продувало даже малейшим сквозняком. Что же вы такие черствые, непонятливые? Ведь я тоже человек, не полено, не камень. У меня тоже сердце есть...

Дети смотрели на нее удивленно, не зная, что и сказать. Зарият не успокаивалась:

- Вижу, вам не по себе. Сплетен боитесь. Опасаетесь, вдруг станут вас расспрашивать. Вы уж извините, я сполна исполнила свой материнский долг. Это вы в долгу передо мной. Но я никогда и ни

о чем вас не просила. Ничего не жду и теперь. Да и что мне нужно, старой женщине? Дотяну до смерти как-нибудь на своей пенсии. Только не приставайте ко мне, я ни на что не променяю свою свободу, которой дождалась наконец. Хотя бы теперь для себя поживу, позабуду про растоптанное достоинство. Разве я не имею на это права? Если вы любите своего отца, заботьтесь о нем, это ваш долг. А мое решение - твердое, я слову своему не изменю. Больше и не заговаривайте об этом, если не хотите, чтобы в душе у меня осталась обида на вас.

Зарият словно в одно дыхание выпалила свой монолог. Хоть в горле и першило от застрявшего кома, от слез она удержалась. Выговорила - намного легче стало, будто скинула с плеч тяжелый груз.

Айбениз обвила ее шею руками. Гюльбениз осыпала поцелуями руки матери. Агиль положил голову на колени Зарият и закрыл глаза. Они не находили, что сказать. Слова матери ранили, как тяжелое обвинение. Каждый из них принимал их на свой счет. Они не могли смотреть ей в глаза.

Зарият не ожидала, что так расстроит детей. Ей этого не хотелось, но... так уж вышло. Теперь ей нужно их как-то утешить.

- Будет уже вам, - сказала она, - распустили мне нюни.

Айбениз продолжала всхлипывать.

- Все, успокоились, - добавила Зарият, - вы счастливы, я вас люблю и с меня довольно. Слава Богу, повезло мне хоть в этом.

...Пробыв рядом с матерью неделю, дети также шумно уехали, как и приехали. После их отъезда Зарият впервые после своей болезни обрадовалась тишине, одиночеству и покою. Она собралась с силами и прибрала на кухне и комнатах, расставила все по местам.

За работой она невольно подумала о том, как утомилась от шумного вторжения детей в свою размеренную жизнь. Больше, пожалуй, ей такого не выдержать. Собственно, некого было и ждать. Только для одного единственного человека оставалось место в ее сердце. А он уже никогда не приедет. Время, как и вода в реке, утекает и не

возвращается вспять. Дни запоздалой любви прошли для Зарият, как неповторимо прекрасные мгновенья. Она не уставала задаваться в душе вопросами: "Где теперь, интересно, Самур? Чем он занят? Вспоминает ли обо мне? Может, он болен? Может..." - Она отгоняла это слово, думая про Самура. Берегла его для себя: "смерть". Но не всегда во власти человека его мысли. "Может, он умер?" - думалось ей и у нее при этом темнело в глазах...

* * *

Беспрестанными дождями, унылыми днями, длинными промозглыми ночами наступила осень. Ветер налетал вдруг порывами, срывая с деревьев тронутые багрянцем последние листья, мокрые насквозь от обильных дождей. Опавшей листвой устилало дворы, тротуары и улицы. Серое небо с пронзительными криками прочерчивали караваны журавлей.

В этот осенний вечер Зарият никак не могла справиться с собой. Всю сущность занимали печальные воспоминания: то яркие, то смутные. Ее душила неизбывная тоска.

Вдруг что-то ей припомнилось, она взяла ключи с вешалки на веранде и прошла в соседний двор. Отворила дверь и вошла в дом дяди Ибадуллаха. После того, как уехал Самур, она впервые переступала здесь порог. Ее охватило странное волнение. Пройдя за стол в гостиной, она села и словно впала в забытие. А потом вдруг заплакала, как дитя, вспомнив про последний ужин в этой комнате вдвоем с Самуром. Со слезами на глазах завела патефон, который стоял на тумбочке все в том же углу, как в прощальную ночь. Поставила пластинку, один лишь Бог знает, сколько раз прослушанную Самуром. Будто с того света, глухо зазвучал голос Дурии Рагимовой:

*Анжах тек са вун кІан хяна уьмуьрда,
Амма ваз зун кІан хянатІа, чидач заз...
(Я на свете любил только лишь тебя,*

А ты любил ли меня, я не знаю)

Эту песню Асеф Мехман будто для Зарият и сочинил. И мелодия, и слова были созвучны ее чувствам. Голос Дурии словно заколдовал ее. Этот голос убивал ее и вновь оживлял, он смеялся и плакал. Поддавшись его обаянию, Зарият, казалось, отрешалась от своей безбрежной печали, но он вновь возвращал ее к раздумьям о безысходной любви.

Сколько же раз она заводила песню? Голос Дурии уносил далеко-далеко на волнах мелодии чувства Зарият. Ей казалось бесконечной эта холодная осенняя ночь, которую пронизала тоска одиночества. Эти всплески волнения и боль тревог никогда не отпустят сердце. Эти чувства, поднявшиеся половодьем, никогда больше не войдут в спокойное русло. Пока не истечет эта тоскливая осенняя ночь, она не придет в себя, не обретет покоя.

Никогда и никого она так не мечтала увидеть, как Самура теперь. Она бы и жизнь отдала, чтобы еще раз увидеть его перед собой. Поговорить с ним в последний раз. "Размечталась", - горько усмехалась она в душе и тут же сама себя утешала: "Какое же это все-таки счастье, что Бог не запретил человеку мечтать".

Вдруг предстало перед нею ласковое, доброе лицо матери. Когда Зарият была маленькой, она часто говорила: "Человек добьется всего, о чем мечтает. Только нужно сильно этого захотеть". Зарият усмехнулась горько: "Так что же не сбудется моя мечта? Я ведь в жизни ничего не хотела сильнее". Она опустила лицо на руки, сидя за столом. Сон сморил усталую голову. Все трансформировалось в ней в причудливые образы.

Во дворе былолюдно. Знакомые и незнакомые лица. О чем-то все переговаривались. В стороне стояла красивая лошадь. Зарият не отрывала от нее глаз. Вдруг она увидела, что лошадь жеребится и чуть не закричала от страха. В тот же миг увидела возле лошади белоснежного жеребенка. Зарият залюбовалась им - у него была очень красивая, удивительно нежная грива. Но никто, кроме нее, этого не

замечал. Каждый был занят своим делом. Она бережно взяла жербенка на руки и перенесла в другой конец двора. Опустила на землю и ласково стала гладить по холке.

Очнулась она с легким чувством: "Дай, пророк Юсуф, чтобы было к добру. Прекрасный приснился мне сон. Видно, услышу добрую весть. Может, приедет Самур? Пути господни неисповедимы. Глядишь, вдруг входит, улыбаясь: здравствуй, Зари".

Хлопнула дверь, и Зарият, вздрогнув от неожиданности, вскочила на ноги. Она широко раскрытыми глазами вглядывалась в человека, который вошел. Это был он. Зарият зажмурила и снова открыла глаза. Хотела убедиться, что это не видение. Но нет, это было явью. Самур стоял перед ней, заглядывая в ее распухшие от слез глаза радостным и печальным взглядом:

- Здравствуй, Зари.

- Ты ли это, Самур?

- Я вернулся. Твой сосед навсегда вернулся. Ты не сердись на меня?

- Сержусь? Разве не видишь - я плачу от счастья...

Звучал голос Дурии:

Аквада заз вун ахварай аквада...

(Снишься мне ты снова и снова...)

С аккордами песни рассеивалась тьма холодной осенней ночи. В небе за окном проглядывали звезды в просвете меж облаков. Ветер стихал. Все предвещало, что наступающий день будет погожим.

1999 г.

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

(Повесть)

Она будто очнулась ото сна, услышав резкий скрежет затормозившего автомобиля и грубый мужской голос:

- Ты что, слепая?

Только теперь она увидела мужчину, который выскочил из "Москвич"а и сверлил ее гневным взглядом. А вокруг уже собралась толпа. Осознав свою вину, не находя, что сказать в оправдание, она от стыда покраснела до корней волос.

- Видно, шла в раздумьях несчастная, - сказал участливо кто-то из толпы.

- Слепла ты что ли? - никак не мог успокоиться водитель. Но Талиха уже ничего не слышала. Все потонуло для нее в густом тумане.

...Пожилой водитель сидел подле нее. Он с тревогой вглядывался в ее лицо. Талиха вдруг почувствовала нестерпимую боль. Казалось, будто кто-то колотил ее по голове тупым предметом...

- Что это со мной? - поморщилась она, открывая глаза.

- К счастью, все хорошо для тебя обошлось, - подсела к ней на койку симпатичная девушка в белом халате. "Врач,- подумала Талиха, - значит, меня уложили в больницу". А девушка продолжала:

- Только легкое сотрясение. Недельку отлежитесь, оправитесь.

Девушка кивнула водителю указав на Талиху и встала. Она вышла из палаты. Талиха успела перехватить ее многозначительный взгляд. Ее разозлило такое поведение врача. Между тем, водитель заговорил вкрадчивым голосом:

- Сестрица, я - беженец, с трудом содержа свою семью, целый год был безработным. Наконец-то сумел устроиться. А теперь мне нести ответственность из-за тебя... Ну, что было, то было. Отпусти меня с миром, заклиная тебя.

Талиха, недоумевая, спросила:

- Разве я держу тебя? Не пойму, что тебе нужно?

- Сейчас придет следователь, будет вопросы задавать. Скажешь ему, что ты переходила улицу на красный свет. Вот и все. Договорились?

- Хорошо, - отрезала она. Этот неотесанный широколицый человек действовал ей на нервы. Не в состоянии ни говорить, ни шевельнуться, она только и ждала, чтобы он оставил ее в покое. Сознание было затуманено, мысли мешались.

- А теперь уходите, я устала, - ее голос был едва слышен.

Водитель ушел. Пожилая женщина, лежавшая на койке справа, решила вдруг, что может выразить ей свое сочувствие:

- Э-эх, доченька, будь у тебя счастье, наехал бы на тебя бизнесмен. По крайней мере, потихоньку вызволил бы тебя из нужды.

Она участливо взглянула на бледное лицо Талихи:

- Теперь тебя так допрашивать станут, что про всю свою боль забудешь. Пожалеешь о том, что осталась жива.

- А с вами-то что?

- Меня сбила машина. Как и тебя. Вот уже месяц, как допекают расспросами.

Талиха и не заметила, как натянула обувь, сняла с вешалки и надела пальто. Пройдя по длинному полутемному коридору, она спустилась по лестницам. Голова раскалывалась от боли, но не это теперь ее занимало. Ей было не по себе оттого, что Талеху и дочерям не известно, куда она запропастилась, переживают из-за нее. К тому же эта усталость...

Ей так хотелось передохнуть... Положить голову на подушку и тут же заснуть - вот чего ей больше всего хотелось. Но такое было с ней впервые, ее не тянуло домой. Ноги вели не туда. А куда - и сама не знала.

Прошло уже пять часов, как Талиха вышла из дому. Она все плутала по улицам. Встретит скамейку - сядет, но усидеть и пяти минут не может. Вставала и семенила торопливым шагом, будто куда-то

спешила. Сколько раз она уже пересекала одни и те же улицы, ступала по одним и тем же тротуарам. Ее угнетало чувство глубокой обиды, собственной слабости, беспомощности. "Я, как старуха, потерявшая сверток с последними сбережениями", - думала она про себя. В кошельке у нее оставалось всего 20 гяпик. "Вот и все богатство - хватит на один проезд в метро". Эти грустные мысли изматывали ее не меньше, чем физическая усталость. Она горько усмехнулась в душе, вспомнив поговорку: не в деньгах счастье.

* * *

В последнее время жизнь для нее стала непомерным грузом, обернулась тяжелыми страданиями. Будто навсегда было утрачено все, что могло ее порадовать, дать ей во всей полноте ощутить чувства любви и счастья. Казалось, такого никогда и не было в ее жизни. Чем бы она ни занималась, как бы ни пыталась забыться, все было напрасно, никак не удавалось отделаться от одолевавших ее грустных раздумий. Ей ни с кем не хотелось делиться своими печальми. Ни с друзьями, ни с родственниками давно уже не виделась. Знала, что никто ей не поможет. Да и дома как-то не ладились отношения с мужем и дочерьми. Ее будто подменили - ничего не осталось от прежней мягкости, выдержанности и спокойствия. Она часто раздражалась из-за любой мелочи, из-за каждого слова.

У нее вошло в привычку часами оставаться в спальне, предаваясь глубоким раздумьям. Она все перебирала в уме горечь постигшего их вдруг несчастья (да, несчастья, как же назвать это по иному?), пыталась для себя уяснить, отчего же произошло с ними такое, искала выход из сложившегося положения. Так и плутала в лабиринте своих раздумий. Ее душили слезы беспомощности: "В чьей же власти - спасенье от этой напасти?". Поплачет, заплачет, оставшись наедине со своими горькими думами, - и рука невольно тянется к ручке. Она начинала писать - страницу за страницей.

Талиха сама и была прототипом своей героини. Поэтому писалось ей легко. Она поверяла бумаге собственные мысли и чувства, печальные раздумья о превратностях своей судьбы, неурядицах, которые пришлось пережить. Только это и приносило ей какое-то облегчение, словно возвращалась в свое русло река, вышедшая из берегов.

Она писала на любой бумаге, что попадется под руку. Это были и листы из школьных тетрадей дочерей, использованные наполовину, и чистая обратная сторона листов с настольного календаря, и поля старых газет. Дело было в том, что дома давно уже закончился запас писчей бумаги. Прежде она приносила ее с работы. Но в последний год и в самой редакции испытывали бумажный голод. Писали и на обороте листов. Весь коллектив был вынужден перейти на режим экономии. А Талиха стала экономить бумагу даже вдвойне и втройне. Обычно она писала торопливо и размашисто, но не особенно разборчиво, редактируя и переписывая написанное по несколько раз. А теперь почерк у нее стал мелким, текст - обдуманым, а каждое слово - точно подобранным, чтобы не изводить бумагу на переписывание. Только вот уже и не до экономии стало - дома она исписала все, что для этого годилось.

Ужасен был и тот день, когда Талихе вдруг нечем стало писать. Она не знала, что делать. Паста в обычных шариковых ручках вышла, а перьевыми и карандашами она не любила пользоваться - это рассеивало мысли. Талиха и не хотела посягать на ручки Талеха и дочерей. Ведь она за один присест исписывала по 30-40 страниц - пасты не напасть. Поэтому каждый раз ей приходилось покупать по 10-20 шариковых ручек. Друзья, знакомые часто дарили ей на дни рождения и праздники ручки. Они знали, что такой подарок очень ей по душе. Да и Талех всегда покупал для нее ручки. Поэтому недостатка в них она никогда не испытывала. Впервые Талихе стало нечем писать.

Она что-то решила про себя и вышла из дому. В последний раз Талех покупал для нее пять ручек по 20 гяпиков за штуку. Ей пришлось в голову, что за один манат она может приобрести такое же количество ручек. Но во всех киосках их продавали по 30.

После целого часа безрезультатных поисков она направилась в то место, про которое говорил ей муж - к подземному переходу на станции метро "Гянджлик". В толчее стала спрашивать ручки у мелких торговцев. Как назло, мальчишек, которые вечно здесь торговали ручками и след простыл. Она только было решилась приобрести их по 30, как увидела старика предлагающего стержни для шариковых ручек: пара за 10 копеек. Талиха проверила их "на роспись".

- Дочь моя, ты будто золото покупаешь, - сказал старик. Талихе стало как-то неловко. Она оглянулась, не слышит ли кто, и, чтобы оправиться от смущения, соврала:

- Мне здесь как-то подсунули "запасок" с подкрашенной водичкой вместо пасты, вот и приходится проверять.

- Я верующий, дочь моя, мне не пристало обманывать людей.

Старик был так искренен, что Талиха промолчала в ответ и купила у него десять стержней. Она была довольна своей покупкой: "Месяца два мне будет чем писать". Это была радость с оттенком печали.

Такую же радость ей суждено было испытать и вечером. На полке в подвале она обнаружила толстую стопку плакатов. Это была память о парламентских выборах: на листах мелованной бумаги - портрет председателя партии, членом которой год назад стал и Талех. Председатель, видно, не нуждался в деньгах, имел большие возможности. Он заказал свои плакаты столь большим тиражом, что Талех не успел до начала выборов расклеить их всех по городу. Оставшуюся увесистую пачку он и забросил в подвал.

Талиха прикинула, что из одного плаката выйдет шесть листов стандартного формата писчей бумаги. Она по одному аккуратно

разрезала все плакаты ножом. Ей словно полегчало.

* * *

Вот уже полгода, как Талиха оставалась без работы. Ей, привыкшей весь день проводить в стенах государственного учреждения, было как-то не привычно долго отсиживаться дома. Из-за материальных трудностей закрылась газета, в которой она проработала не один год. Сорок сотрудников редакции пополнили ряды армии безработных.

Талиха с юности работала в газете. Иного для себя и представить не могла. Каждый материал за ее подписью вызывал интерес читателей. Она дорожила своим журналистским именем. Работа в редакции помогла Талихе также и в смежной профессии. Ее знали как автора десятка книг. Газета стала для нее своего рода творческой лабораторией. Она часто засиживалась за рабочим столом, пытаясь проникнуться мыслями и чувствами своих персонажей, переживая все, что писала о них. Закрытие газеты для нее стало тяжелым ударом.

Собственно, в последний год, как и все в коллективе, она знала, что недалек день, когда газета перестанет выходить. В редакции давно уже не выдавали заработную плату. Ежедневное издание, которое некогда имело до ста тысяч подписчиков, теперь выходило раз в неделю или в декаду. Оно уже не окупало себя. Но несмотря ни на что, все как один продолжали выходить на работу. В душе у каждого тлел огонек надежды, что трудные дни все же минуют. Глядишь, и придет конец удручающему затишью в стенах редакции, по-прежнему здесь закипит жизнь. Но время шло, недели растягивались в месяцы, а долгожданный день никак не наступал.

Как-то редактор созвал всех сотрудников и объявил, что газета перестает выходить, ее материальные возможности упали до... нуля. Он сказал об этом нехотя, с горечью.

Это был день, который опрокинул надежды всего коллектива. В

жизни у Талихи не было более грустного, более печального и тяжелого дня. Он разбил все ее мечты. Она была, что садовник, у которого все деревья вырвало с корнем жестоким ураганом. Хотя и прошло с тех пор уже немало времени, день тот не выходил у нее из головы.

Она все еще пребывала во власти пережитой тогда горечи и боли. Поначалу ей казалось, что без работы она не останется. В условиях, когда перестали существовать многие газеты и вместо них выходили десятки новых изданий, когда профессиональных журналистов оттеснили на задний план новички без образования, которых отличала лишь расторопность и необычные, подчас странные подходы к традиционным темам, ей казалось, настанет час и для аналитиков. Для таких, как она сама.

Эти мысли побудили ее испытать свое счастье. В течение недели она наведывалась в редакции всех известных ей газет. Ее всюду встречали с большим уважением, вспоминали про ее публикации, отмечали их высокий профессиональный уровень, заявляли, что нуждаются в таких журналистах, как она, и в заключение добавляли с искренним, а бывало, и поддельным сочувствием: очень жаль, но нет свободных мест.

Каждый раз Талиха уходила, чувствуя себя униженной и даже оскорбленной. Сама на себя злилась, что роняет свое достоинство, переступает через собственную гордость. Но что ей оставалось делать - чтобы жить, нужно было где-то работать.

Разуверившись в редакциях газет, Талиха решила обратиться в столичные представительства зарубежных фирм и компаний. Она обошла до 30 адресов в надежде, что ее совершенное владение азербайджанским, русским и английским языками принесут свои плоды. Однако эта инициатива, к ее досаде, тоже не принесла никаких результатов. Повсюду на работу требовались только юные девушки, о чем ее уведомляли совершенно откровенно, безо всякого стеснения.

* * *

Каждый день Талиха спозаранок выходила в город и возвращалась домой после полудня, утомленная, усталая. Талех, который видел состояние жены, пытался утешить ее с присущим ему спокойствием. Казавшийся невозмутимым, он не мог не разделять переживаний супруги. Ему хорошо было известно, что это такое безработица. У него, квалифицированного специалиста в своей области, на счету было несколько значимых изобретений, но в научно-исследовательском институте, где он работал, вот уже более года не выдавали зарплату. Все свое время Талех проводил теперь в какой-то политической партии, в которую вступил. Все его попытки устроиться на другую работу не увенчались успехом, а случайных приработков едва хватало на продукты для семьи.

Общительный и веселый по натуре, он всегда был в окружении друзей. Но за последний год он сильно изменился, стих и сдал. По привычке каждый день навещался к себе на работу, а дома все свое время проводил в уединении за письменным столом. Талиха знала, что муж глубоко переживает из-за своего положения, хотя он и не выказывал этого.

Последние десять лет Талех занимался проблемами опреснения морской воды. Неделями, месяцами пропадал в библиотеке, где из научных книг и журналов подбирал материалы по теме, делал выписки из них. Много времени он проводил также в лаборатории, а придя домой, сразу же садился за стол, корпел над формулами и чертежами. Труды его не оказались напрасными и увенчались достаточно интересным изобретением. Но его разработкой так и не заинтересовались, не придав ей особого значения. Постучавшись не в одни двери, обратившись в целый ряд учреждений, Талех так ничего и не добился и махнул на все рукой. Смирился и пал духом. После длительного перерыва снова начал курить.

Талиха с болью в сердце взидала на то, как по ночам, когда дети уже засыпали, он уединялся в гостиной, где выкуривал сигарету за сигаретой. А днем его усталые глаза постоянно застилал туман глубоких раздумий. Прежде он делился с нею всеми своими тревогами, находил в ней понимание и поддержку. А теперь она ушла в себя, отдалилась от него. Ей и самой было нелегко. Вся какая-то издерганная, она стала легковозбудимой, сварливой, любой пустяк выводил ее из себя. Как ни странно, чаще всего именно на Талехе она и срывала свое плохое настроение.

Она и сама понимала, что не права в своих придирках к нему и каждый раз чувствовала себя виноватой перед ним. Но проходило несколько дней, и все повторялось помимо ее воли.

Талиха знала, что это только видимость, будто Талех привык теперь к своему новому образу жизни. Она замечала, что в последнее время им овладело странное безразличие, равнодушие ко всему. Его перестали беспокоить заботы по дому, о детях. Он отошел как-то в сторону, оставив жену наедине с бесчисленными проблемами. Ему будто и дела не было до того, где и на какие деньги покупает она продукты, во что одеты дочери, откуда средства на их карманные расходы. Это злило Талиху, выводило ее из себя. Но ей не хотелось обижать мужа, и она лишь корректно напоминала ему о том, что нужно искать работу, мол, под лежащий камень вода не течет. Но, увы, каждый раз получала один и тот же ответ:

- Думаешь, легко найти работу?..

Такие разговоры приводили к напряженности в их отношениях. Талех, обидевшись, отказывался от еды, часами ни с кем не разговаривал. Она зарекалась, что впредь не допустит ссор. Но ей это не удавалось. Проходило день-два, и начинались все те же разговоры. Доходило до препирательств. Талиха, злая и на себя, и на мужа, уединялась в спальне, а Талех угрюмо занимал свое место в гостиной. Так и сидели они часами - каждый предавался собственным думам.

Мало было того, что Талех остался без работы, теперь эта участь постигла и Талиху. Однажды она поняла, что все ее старания напрасны, ей нигде не устроиться. Пришлось признаться самой себе, что нет уже больше ни сил, ни желания обивать пороги различных учреждений. В какие бы из них она не навевывалась, стиснув зубы, собравшись с духом, раз за разом уходила земля у нее из-под ног, гасли надежды. Но она находила в себе силы и снова пускалась на поиски.

Когда стало ясно, что ей больше не светит стать литературным редактором или корреспондентом, она попыталась найти вакансию корректора. Но и это не удалось - в газетах не было свободных мест.

В день, когда Талиха окончательно осознала бесплодность своих стараний, жизнь вдруг утратила для нее всякий интерес. Она не знала, как теперь быть, что дальше делать... Сбежав из больницы, она все еще продолжала бесцельно бродить по улицам. Мучила тупая головная боль. Силы были на исходе. Талихе казалось, что если остановится, то потеряет равновесие, упадет и больше не сумеет подняться. Прошло еще несколько часов, когда изможденная вконец, она вернулась домой.

Талех, который открыл ей дверь, увидев, до чего она обессилена, обеспокоенно сказал:

- Что это с тобой, ничего не вышло?

Вопрос ее разозлил, она дала волю своим чувствам:

- Может, и тебе поискать работу? Уж лучше потрудились бы что-либо предпринять, чем выражать мне сочувствие.

- Что за муха тебя укусила? - сказал Талех не без обиды.

- Какая уж муха? Я как потерянная. Кручусь, как белка в колесе и все без толку, - ответила она раздраженно, - дома уже шаром покати, а тебе все нипочем.

- Шаром покати? Вот и не ешь!

Грубый ответ мужа еще больше ее распалил:

- Я-то обойдусь без еды, а дети ? Хотя бы их пожалей! Вот уже больше недели я не могу подать на стол горячего, на одном твороге сидим.

- А все другие в масле катаются? У некоторых и творага нет. Скажи, слава Богу, что мы хотя бы его не лишены.

- Мне уже не до чужих бед. Меня бесит, что я вот уже несколько месяцев извожусь в поисках работы, а ты и пальцем не пошевелишь. Не хочешь утруждать себя, ничто тебя не волнует. Будто дом этот чужой для тебя.

- Что же прикажешь мне делать, пойти воровать что ли?

- Можно подумать, все другие способы ты уже испробовал. Я же не говорю тебе, чтобы ты занялся мелкой торговлей, как многие из твоих друзей или родственников. Положим, этому мешает твоя гордость, так что ж ты иной работы не ищешь?

- Ты и сама много искала, а что нашла?

- Ты ведь мужчина, мог бы и в грузчики пойти.

- Хочешь сказать, чтобы я пошел батрачить, стал амбалом? - повысил голос Талех.

- Я хочу, чтобы ты перестал сидеть перед телевизором, закинув ногу на ногу. Чтобы ты вел себя как глава семьи, наконец! Взял бы на себя семейные заботы, осознал чувство ответственности.

Талех с силой стукнул по столу ладонью:

- Хватит, без тебя знаю, что мне делать.

Он прошел в гостиную, хлопнув за собой дверью...

В последнее время его глубоко задевало каждое слово жены. Ему казалось, что ее замечания пропитаны ядом, имеют какой-то подтекст. Ее вовсе не волнует, в каком безвыходном положении он оказался. Она стала черствой, будто сердце у нее окаменело.

Талех был зол на нее, видеть ее не хотел. Готов был бранью обрушить на нее всю свою злость. Но это претило его природе, да к тому же он знал: жена может выдержать многое, но только не ру-

гань. А его так тянуло на грубость. Такого с ним не было никогда. Потом вдруг ему захотелось ударить свою жену. Или разбить всю посуду в доме. Ему казалось, что это его успокоит. Только вместо этого он просто вышел на балкон. В лицо ударил легкий вечерний ветерок, что немного привело его в чувства. Легче стало дышать.

Талиха легла, чтобы забыться от головной боли и тяжести на сердце. Она смежила веки, прижала подушку к лицу, но никак не могла успокоиться. Нервы все еще были на взводе. Самое ужасное: усилилась боль в голове. Собственно, именно эта боль и явилась причиной срыва. Она пролежала в таком состоянии часа два.

Младшая дочь Айтен, которая вернулась из школы, поцеловала ее и, напевая какую-то мелодию, прошла в ванную. Талиха вдруг вспомнила, что должна была встретиться со знакомым из посольства - переговорить с ним о своем трудоустройстве. В сердце зажглась крохотная искорка надежды. "Может быть, что и получится", - подумала она. Поспешно оделась и, пройдя на кухню, налила себе чаю.

- Куда это ты собралась? - зло спросил Талех, закрыв за собой дверь из кухни на балкон.

- Прогуляться, - ответила в тон Талиха.

- Как ты любишь гулять! Просто как Сьюзен.

Сьюзен была героиней бесконечного сериала, который он смотрел по телевизору изо дня в день. Талиху задело за живое, что муж сравнил ее с женщиной, по его мнению, легкомысленной. Поэтому она вызываяще ответила:

- Это теперь для меня единственная радость.

- Только попробуй выйти, - в голосе мужа сквозила угроза.

Это вывело Талиху из себя. Каждый раз, когда она говорила ему о его недостатках, он мстил ей тем, что начинал играть роль ревнивого мужа. Ей показалось, что Талех и теперь вошел в эту роль. Но он по натуре был не таким. Поэтому ей стало неприятно как и всякий раз, когда тот примеривался к чуждой для себя роли ревнивца.

Талиха промолчала в ответ на его угрожающее предупреждение. Допив свой чай, она прошла к зеркалу и причесалась. Как только жена начала было обуваться, Талех встал в дверях:

- Ты что, оглохла? Разве я не сказал, что никуда не пойдешь?

- Что это за тон? Как ты смеешь говорить мне такое? - повысила голос Талиха.

- Я спрашиваю, куда ты идешь, а ты мне в лицо бросаешь, что гулять.

- Что же ты спрашиваешь, если тебе и так прекрасно известно, куда я могу идти.

- Откуда мне знать, к каким чертям ты там собралась.

- Ты это прекрасно знаешь, не нужно притворяться.

- Да ты всякий стыд утратила! - взорвался Талех.

- Что? Что ты сказал? Значит, я стала бесстыжей? Так, что ли? Вместо того, чтобы ты искал работу, это я обхожу за дверью дверь, чтобы хоть где-то устроиться, хоть что-то заработать, а впридачу ты меня называешь бесстыжей?

- Плевать я хотел на твои заработки, сиди лучше в своем чертовом доме! - в бешенстве трясся Талех.

- Не для тебя, а для детей я выбиваюсь из сил, чтобы завтра не стали побираться по улицам.

- Пока что я приношу в дом свою зарплату.

- Несчастный, твоей зарплаты даже на хлеб не хватает. Вот уже год я продаю вещи из дома. На вырученные деньги мы и живем. А теперь уже и продавать нечего. Хотела бы я посмотреть, как ты станешь выкручиваться.

- Ты мне зубы не заговаривай. Лучше скажи, к каким чертям собралась.

Эти слова довели Талиху до белого каления:

- Бессовестный! Бесчестный! Ты еще смеешь ревность изображать?

У нее занемели губы. Заледенели пальцы рук и ног. Ей с трудом удалось удержать равновесие, чтобы не упасть. Она прошла в спальню и захлопнула за собою дверь. Бросилась ничком на кровать и заплакала навзрыд. Слезы принесли успокоение. Будто излилась вся ее злость. Она пролежала некоторое время, презирая и себя, и мужа, ненавидя собственную жизнь. Вдруг вспомнила про что-то, встала, торопливо и кое-как привела себя в порядок, вышла из дому. Талех на этот раз не стал ей препятствовать.

Били по асфальту струи бесконечного ливня, отскакивая мутными пенными брызгами. Повсюду образовались лужи. Они были столь глубоки, что не пройти, не перепрыгнуть. Но ей было все равно - ноги уже промокли насквозь. При каждом шаге выдавливалась вода из сапожек с шипением, как из перекипающей кастрюли. Промокшая одежда пристала к телу. Волосы слиплись в пряди. Дождь все бил и бил ей в лицо. Но она ничего не замечала. Между тем, поднялся ветер, струи ливня превратились в жгуты. Талиха только одно и понимала, что шагает по улицам, но она не была в состоянии осознать, куда и зачем идет. Она не злилась на дождь, он ее не раздражал. Наоборот, этот ливень был для нее по-своему спасителем. Он смывал катившиеся по ее щекам слезы, будто не хотел, чтобы ей было неловко перед идущими на встречу прохожими. А слезы все лились и лились, бесконечные, как дождь.

Она не помнила, сколько времени прошагала по улицам, не знала, куда направляется. Одно только ей было ясно - этому длинному пути пока что не видно конца - пути страданий и мук. Но она осознала и то, что он спасителен для нее. Есть этот путь, и оттого она держится на ногах, куда-то идет. Этот путь не давал ей упасть.

В сердце бушевала буря. Как о берега билась бешеными, жестокими волнами, будто хотела умерить свой гнев и ярость. Сердце, казалось, готово вырваться наружу, его стук звоном отдавался в ушах. Это обессиливало Талиху. Ей все трудней и трудней удавал-

ся каждый шаг. А она все шла и шла. Из глубины ее души рвался крик отчаянья. Так хотелось заплакать навзрыд. В слезах изливалось наружу все, что подрывало ей дух, тревожило чувства. Нет, не слышать ее воли. Но в ушах продолжали отдаваться слова отказа, который она получила, казалось, в последнем пристанище своей надежды - в посольстве.

Талиха и не заметила, как и когда оказалась в приморском парке. Ноги привели ее сюда сами. Остались позади высотное здание бывшей гостиницы "Москва", Аллея шехидов, старинное здание Кабинета министров, Музей искусств, где она так любила бывать. Она чудом не угодила под машину на переходе у круга на площади Азнефть. Вот и набережная. Было безлюдно на полутемных аллеях. Она облюбовала место поближе к морю и присела на мокрой скамейке. Вокруг - ни души. Талиха всхлипнула, вся сжавшись в комок и дрожа, как озябший воробушек. Вой ветра, шум дождя и рокот моря заглушали ее рыдания.

Сколько времени она так просидела на скамейке под зелеными оливковыми деревьями в этот ненастный вечер? Талиха не отдавала себе отчета. Собственно, в своем состоянии и подумать не могла об этом. Ей казалось, что не она выплакивала в одиночестве свои чувства отчаянья и безысходности.

- Сестра, ступай домой!

Над нею склонился пожилой мужчина. Талиха слышала его голоса, и не могла понять, что ему нужно от нее. Этот человек, возникший будто из ниоткуда, не вызывал у нее никакого страха. Может, оттого, что взгляд у него был грустный и добрый? Нет, она и не думала об этом, не в состоянии была думать. А мужчина все говорил ей что-то...

Незнакомец исчез также незаметно, как и появился. Она плакала и плакала, удивляясь тому, откуда у нее берется столько слез. Снова появился перед ней все тот же знакомый мужчина. На этот

раз она, кажется, услышала его голос:

- Сестра, пожалей себя, так и заболеть недолго.

В глазах у него сквозила печаль. Всем своим обликом он располагал к себе. Вдруг ей захотелось поведать ему, незнакомому человеку о своих горестях. Как же давно она ни перед кем не открывалась, а в душе накопилось так много печали и горечи. С друзьями и близкими не поделиться, Талиха вот уже с год не общается с ними. Да и они перестали навещать ее. Все заняты выживанием, у всех одна забота - не оказаться на грани нищеты. Эта забота - общая для многих, встала стеной отчуждения между людьми.

Талихе никогда не было так одиноко. Ей просто не терпелось поделиться своими горестями с первым встречным. Тот смотрел на нее с пониманием:

- По плачь, сестра, поплачь, излей всю свою боль. Поплачь, сколько можешь, не то заболеешь.

Талиха подняла на него благодарный взгляд. Она перестала плакать, слезы высохли будто сами собой.

- У тебя большое горе ? - спросил участливо незнакомец.

- Большое.

- Ты потеряла близкого человека?

От этих слов ее бросило в холод. Она представила самых близких для нее людей: Айгюн, Айтен, Талех... Представила, что потеряла кого-нибудь из них. Эта мысль ужаснула ее.

- Нет, нет, я никого не потеряла, - сказала она встревоженно.

- Так, значит, и горя у тебя нет. Просто трудность какая, наверное, а трудности можно преодолеть.

Было что-то странное в том, что незнакомец, с которым она успела перекинуться лишь парой слов, вызывал такое глубокое доверие. Но, тем не менее, это было именно так. Ей хотелось продолжить с ним разговор, поведать ему обо всем, что ее волнует и тревожит.

- Садитесь, - Талиха показала ему место рядом с собой. Когда тот сел, она заметила, какое усталое у него лицо. Как знать, подумалось ей, может быть, его гложет горе. Она уже не думала про то, из-за чего оказалась вдруг на набережной. Ее заинтересовало другое - что же заставило этого пожилого человека бродить в одиночестве у моря под проливным дождем? Ей стало неловко от того, что хотела навязать ему свои горести. Она спросила:

- Что с вами?

- Сегодня годовщина смерти моей жены.

- Примите мои соболезнования. Видно, она была хорошим человеком.

- Что и говорить, мне ее очень не хватает.

- Значит, жили в мире и согласии.

- Конечно.

- А дети у вас есть?

- Трое сыновей. Но они - одно, а жена - совсем другое. Я остался одиноким на старости лет.

- А сыновья вас оставили?

- Нет, не оставили. Они самостоятельно живут. Невестки приходят убираться у меня в квартире, стирают, готовят. Но никто не заменит мне моей жены. Когда она умерла, я понял, что жизнь для меня станет мукой. У всех есть свой дом, теплый очаг, а мне суждено холодное одиночество. Я просто осиротел.

В глазах у него застыли слезы. Он посмотрел на Талиху долгим внимательным взглядом:

- А что случилось с тобою ?

Перед его горем своя собственная боль показалась ей настолько ничтожной, что она сочла неуместным говорить о ней:

- Да ничего такого.

Мужчина вздохнул:

- В жизни все поправимо, кроме смерти, - а потом добавил, - на-

верное, дома тебя заждались, беспокоятся. Вставай, а то еще просудишься здесь.

Он сказал это так, что Талиха не смогла послушаться и встала. Ей хотелось хоть что-то сказать ему в утешение, но не нашла слов и просто попрощалась. Отдалившись, она обернулась. Мужчина провожал ее взглядом. Она взглянула на свои часы - без четверти двенадцать. Пересекла улицу и через старинный парк и направилась к станции метро "Баки Совети".

...На ее звонок вышли все.

- Где тебя носило среди ночи? - сердито спросил Талех как бы в продолжение состоявшегося между ними днем неприятного разговора. Но по лицам девочек понял, как они беспокоились за мать. Невольно выдал, что и сам переживал:

- Что-то случилось?

- А что могло случиться?

Голос ее был так спокоен, что ни дети, ни муж больше не задавали ей никаких вопросов. Айгюн и Айтен помогли ей переодеться в сухую одежду. Потом Айтен прижалась к ней и сказала чуть ли не плача:

- Ма, милая, не пугай нас...

Талиха поцеловала ее:

- Я так устала... Пойду спать.

...Талеха, который задремал перед телевизором, разбудили стоны из спальни. Передачи уже закончились. Светился пустой экран. Стрелки настенных часов показывали половину третьего. Он снова услышал стон. Понял, что это Талиха. Он быстро прошел в спальню - жена в забытии металась в постели. Она пыталась что-то оторвать от своей шеи. "Видно, опять змея снится", - подумал он, вспомнив про ее кошмары. Положив ладонь ей на лоб, опасаясь разбудить ее, он зашептал:

- Талиха, не бойся, я задушил змею. Спи спокойно, я сейчас пой-

ду и закопаю ее. Слышишь, не бойся, больше ей не коснуться тебя.

Талиха раскрыла глаза, взглянула на него и тут же заснула. На этот раз - глубоким, спокойным сном. Талех проникся жалостью к жене, которую в последнее время часто мучил этот кошмар со змеей. Он постоял над нею, глядя на ее исхудавшее нежное лицо с запавшими ямочками на щеках. У нее и во сне были насуплены брови и наморщен лоб.

Она как-то по-детски смяла рукой ворот старой, застиранной ночной рубашки. Талех со сжавшимся от боли сердцем все всматривался и всматривался в родные для него черты. Никогда еще Талиха не казалась ему такой уязвимой и беззащитной. Он корил себя за свое грубое обращение с ней. Это было очень жестоко с его стороны - обидеть ее. Спящая, она походила на обиженную девочку. Как бы извиняясь перед ней, он осторожно погладил ей волосы. Коснувшись подушки, он вздрогнул - она была мокрая. Ему стало не по себе: "Слезы... сколько она проплакала? А я все сидел перед телевизором." Так и стоял он, задумавшись, опечаленный тем, что в последнее время все у них с Талихой как-то пошло наперекосяк.

Казалось, жизнь испытывала их чувства на стойкость своими неурядицами. Неужто им не по силам этот экзамен? Вспомнилось, как дружно они преодолевали все трудности. Ему было очень горько осознавать свою вину в том, что теперь между ними возникла холодная отчужденность. Сердце кольнуло острой болью от чувства одиночества и потерянности. Он бы заплакал как дитя, но не мог. Ему и не вспомнить, когда плакал в последний раз. Кажется, вообще этого не умел. А говорят, что слезы помогают. Хорошо, что хоть у Талихи глаза на мокром месте.

Он все вглядывался в лицо забывшейся сном жены. Обнять бы ее, приласкать-приглубить. Или просто прижаться к ней и помолчать, пока у обоих на сердце не воцарится спокойствие. Отчего же он этого не делал, не мог сделать? Талех этого не знал. Только было нечто

незримое и безымянное, что все больше отдаляло его от жены и детей. Это нечто было горькой отравой и для него, и для его семьи.

* * *

Талиха почувствовала, что дочь уже оделась и готовится выйти из дому. Но она не в силах была подняться с постели. Все тело пронизывала слабость.

- Айтен, ты позавтракала?- услышала девочка голос матери.

- Да, мама.

- Точно?

- Точно, мама.

- Деньги лежат на полке перед зеркалом. Возьми.

- Хорошо.

Талиха не услышала, как Айтен закрыла за собой дверь. Ее вновь одолел сон. Когда она проснулась, было уже 10 часов. Вспомнила, что так и не заперла входную дверь. Проходя к ней, она увидела оставленные перед зеркалом деньги. Дочь их не взяла. "Опять пошла в школу пешком", - с горечью подумала она. Вот уже несколько дней никто не притрагивался к этим деньгам. На кухне Талиха проверила чайник - он был холодным: "Значит, Айтен опять ушла, не позавтракав". В сердцах упрекнула себя: соня, не проводила девочку в школу. Она знала, что старшая дочь, как и Талех, не любила завтракать. А вот Айтен, ее толстушка Айтен, голода не переносила. Раньше через каждые два-три часа она открывала дома холодильник и доставала чего-нибудь поесть: на аппетит она никогда не жаловалась.

Но вот уже более месяца девочка обходилась без завтрака. Когда ей дома выговаривали за это, она отшучивалась: "Дайте же мне похудеть". В школу ходила пешком, чтобы не было лишних расходов. Прежде к такому ее было бы и не принудить - расстояние все же немалое. А теперь, будто и не замечала, что приходится тратить по полчаса на пе-

ший путь - туда и обратно.

Талиха застыла перед зеркалом. Нет, она не прихорашивалась, а все смотрела на эти несчастные деньги. Сердце пронзило болью обиды на жизнь. Чтобы не расплакаться вновь, она взялась за уборку в доме. Вскоре почувствовала, что проголодалась. Заглянула на кухню и поставила чайник на огонь. Открыла холодильник - в нем не было ничего, кроме кусочка масла и початой баночки джема. К маслу вот уже несколько дней никто не притрагивался. Талиха перетрясла коробки для сыпучих продуктов: все они были пусты. Хотела пошарить и в холодильнике на балконе, но вспомнила, что его пришлось отключить еще несколько месяцев назад. А было время, когда им не хватало и двух холодильников, она мечтала о третьем. Но вот, кажется, пришло время отключить и этот единственный. В корзине обнаружилось несколько картофелин и луковиц. "Сварю картошки", - подумала она. До зарплаты Талиха оставалось еще три дня. Как-то нужно будет обойтись. Муж говорил, что в кармане у него осталось всего полтора маната. Это на три хлеба - всего на один день.

Запахнул чайник на газовой плите. Вскипевшая вода, вместе с паром вырываясь из-под его крышки, закапала на пол. А Талиха так и сидела за кухонным столом, обхватив голову руками. Все размышляла. Вдруг заметила, что вода, которая выплескивалась из чайника под плиту, добралась до ножек стола. Она быстро набросила на лужицу половую тряпку, выключила огонь и начала заваривать чай. Вскоре маленькая кухня наполнилась запахом скисевшей заварки. "Это хорошо, что чай получился крепким, утолит чувство голода", - горько усмехнулась она. Достала из холодильника масло и джем - уж очень проголодалась, во рту и маковой росинки не было со вчерашнего дня. Но как только вспомнила, что муж и дети вышли из дому не позавтракав, у нее пропал аппетит.

Выпив свой чай без сахара, она прошла в гостиную и включила телевизор. Крутили рекламный ролик: разнообразные блюда, сладости.

А дальше рекламировали корм для кошек и собак. Раздосадовавшись, она переключила каналы, - ничего интересного.

Душа ни к чему не лежала. У нее кружилась голова. Видно, давало знать о себе пережитое сотрясение. Дома она промолчала об этом - зачем огорчать близких? Им и так нелегко. Она прилегла на диване. Увидев свое отражение в витрине серванта, поразились: исхудалое лицо с резко выступающими скулами. Девичье лицо, в точности как в ее студенческие годы. В ту пору она тоже испытывала нужду и была такой же беспомощной, как и теперь. Правда, не была такою несчастной, жила мечтами, с верой в будущее. Тогда она была молодой, красивой, талантливой. Жизнь для нее только начиналась. Она была свободна. А теперь и передохнуть не могла из-за забот о детях, бесчисленных житейских проблем.

За последний год семья совсем обеднела. Правда, была и радость - Айгюн поступила в Политехнический Институт. Но и здесь не обходилось для Талихи без печали. Дочь не могла одеваться по моде, как ровесницы. Хотя не подавала и виду, что это ее волнует. Талиха видела, что все свое время дочь посвящает занятиям. Только бы радоваться матери, а ей все казалось, что девочка это делает неспроста, хочет забыться, не думать о нужде. Ведь она даже не может позволить себе вместе с другими посидеть в кафе. А приодеться? Талиха даже опасалась порой, что вдруг ее девочку начнут принимать за "синий чулок". А что если нужда толкнет ее... Лучше уж не думать о таком, - гнала от себя тяжелые мысли Талиха.

Айтен училась в девятом классе. Не в пример старшей сестре была живой, общительной, любила красивые наряды. Но и она никогда не просила купить ей что-то из одежды. Не считала зазорным донашивать платья старшей сестры.

Талихе повезло с дочерьми. Они ее боготворили. Прежде во всем считался с нею и Талех. В семье всегда царили мир и согласие. В доме бывало весело, шумно, кипела жизнь. Станным казалось нас-

тупившее теперь затишье. Талех поздно приходил домой и часами засиживался в одиночестве перед телевизором в гостиной. Дочери занимались у себя в комнате, а Талиха возилась на кухне или же углублялась в писанину в спальне.

Талиха снова глянула на свое отражение в серванте. Раньше в этом стекле трудно было бы разглядеть свое лицо из-за расставленных на полках фарфоровых сервизов и хрусталя. Теперь сервант опустел - все было распродано. Она тяжело вздохнула, вспомнив, что годами собирала эти прекрасные сервизы и вазы на приданое для своих дочерей.

Каждый раз, нуждаясь в деньгах, Талиха обращалась к соседке Амине. Та была перекупщицей. Во всем квартале хорошо знали эту женщину. При своем образовании в 7 классов она глубоко усвоила главный секрет наживы - купить задешево, продать подороже. Она славилась еще и тем, что густо румянила щеки и безвкусно одевалась. Ее не любили за скандальный характер. Что ни день, она умудрялась повздорить с кем-нибудь из соседей. У нее была дурная привычка - выбрасывать мусор с балкона во двор. Вот уже столько лет никто не мог отучить ее от этого. Не помогали ни уговоры, ни требования, ни угрозы.

Конечно, прежде всего Амина была обязана своей славой благодаря торговле драгоценностями, хрусталем и фарфором. Раньше ей приходилось заниматься этим делом нелегально. А теперь необходимость в такой конспирации отпала. Они с мужем открыли в центре города магазин, который приносил им неплохой доход.

Талиха, столкнувшись с нуждой, продавала Амине вещи за полцены. Что же ей было делать, если иного выхода, чтобы сводить концы с концами, не оставалось?

...В дверь позвонили. "Кто это в такое время?" - подумала Талиха. Посмотрела в глазок: это была ее подруга Адиля. Позвонив еще несколько раз, она постучалась в дверь к соседям напротив.

Ей открыла Марал. Талиха, мучаясь угрызениями совести, прислушалась к их разговору:

- Может, уехали куда?

- Вчера они были дома.

- А сегодня?

- Я не видела их с утра.

- Прошу вас, передайте, пожалуйста, Талихе, что заходила Адиля.

Талиха прошла на кухню, откуда через окно проводила подругу взглядом. Ей стало совестно перед самой собой. Она была готова провалиться сквозь землю. Но вспомнила вдруг, что гостью нечем было угостить. Нашла, называется, себе оправдание! А было ведь время - ни дня без гостей.

Она утерла тыльной стороной ладони наворачнувшуюся слезу. В груди кольнуло, будто ужалила змея. Надо занять себя чем-нибудь, не то яд разольется в убивающую боль. Приготовить обед... Начала чистить картошку. Тонко, очень тонко снимала она кожуру с картофеля. Приходилось быть экономной. Прежде она не была такой, на килограмм картошки у нее выходило с полкило отходов. Правда, в то время всего было вдоволь, нужды не было ни в чем. Конечно, не в роскоши жили, но и не бедствовали. Денег хватало и на пропитание и на одежду, и даже на то, чтобы всей семьей выезжать на отдых.

Снова в дверь позвонили. Она бесшумно приблизилась к ней и взглянула через окуляр. За дверью стояла женщина и причитала: "Во имя Бога, подайте, да минуют вас все беды". Талиху удивило, что та была еще молода, не старше 40 лет. "Что же ты побираешься в свои то годы? Думаешь, в масле все катаются? Чем просить подавание, шла бы лучше работать", - обратилась к ней в сердцах Талиха. А после подумала: "Хотя, так ли легко найти работу?"

Побирушка настойчиво нажимала на звонок и, наконец

поняв, что ей не откроют, стукнула по двери ногой и последовала на следующий этаж.

А теперь Талиха догадалась, что звонит Айтен. Так прерывисто звонила только она. Талиха открыла дверь и расцеловала дочь в размякшие от холода щеки:

- Не проголодалась?
- А что есть покушать?
- Картошку я пожарила.
- Ой, как хорошо!

Талиха нарезала хлеб, достала соленых огурцов и выложила в тарелку жареной картошки. Она с удовольствием смотрела, с каким аппетитом ест Айтен.

- Ой, как вкусно, - смаковала дочь поджаренные ломтики картошки, - на маргарине?

Мать кивнула в ответ, и Айтен, которая всем и всегда была довольна, сказала:

- Маргарин как раз для картошки и создан.

Талиха вновь ощутила глубокую горечь. Вот уже больше года она не готовила на сливочном масле, используя маргарин и подсолнечное масло. Многие блюда утратили из-за этого всякий вкус.

- Ой, чуть не забыла, - Айтен вскочила с места и вернулась с деньгами в руке, - это тетя Амина передала, здесь 40 манатов.

- Да, - сказала виновато Талиха, - я сдавала ей на реализацию вазу для цветов.

Дочь сделала вид, будто не заметила ее смущения.

- Схожу на базар, - сказала Талиха, - нужно продуктов закупить.

* * *

На базаре было многолюдно. Покупатели толкались в узких проходах между прилавками, цепляясь корзинами, сетками. В этой толчее внимание Талихи привлекли две старухи в поношенных платьях.

Они следовали друг за дружкой между рядами. Первая подходила к прилавкам с выложенными на них фруктами, капустой, картофелем, луком, свеклой, начинала торговаться с продавцами и будто случайно роняла по несколько яблок и груш, картофелин или пучок укропа, а вторая подбирала их и забрасывала в свою старую сумку. Вскоре старухи вышли за ворота базара. Помогая друг другу, несли отяжелевшую корзину. Шли, явно стыдясь, пряча лица в черных шалях.

Талиха не любила отовариваться на базаре. Этим всегда занимался Талех. Теперь же она была вынуждена взять приобретение продуктов в свои руки - муж всякий раз, не задумываясь, брал самое лучшее и дорогое. Талиха же, как и большинство женщин, не считала зазорным торговаться с продавцами до последнего. Только так и можно было сэкономить хоть что-то в куцем семейном бюджете. Вот и сейчас она обходила прилавки, спрашивая цены. Выяснив, где что подешевле, купила четыре килограмма картофеля, по килограмму лука и сладкой грушевидной тыквы - бораны. В магазине поблизости она добавила к своим покупкам по килограмму риса и сахара, полкило сливочного масла. Вот и все расходы. Остались деньги и на хлеб.

Лицо у нее было хмурое. Ее мучил стыд, стыд за тех двух старушек на базаре, за себя и свою семью, оказавшуюся в бедственном положении. Она чувствовала себя униженной, оскорбленной.

Шла Талиха медленно, не спеша. Давно ей не приходилось бывать в этой части города. Здесь, на людных улицах, легко можно было уловить атмосферу повседневных забот, пульс жизни Баку. Она вглядывалась в лица встречаемых, пытаясь проникнуть в их заботы и тревоги, во внутренний мир. Это было конечно, интересно, но и утомительно. Серыми казались озабоченные лица людей. В серых тонах представлялось и все вокруг. "Может быть, таково мое восприятие?" - подумала она. Действительно, не все лица были серыми. Мимо проходили и очень хорошо одетые мужчины, сытые и до-

вольные, разнаряженные женщины. Но это были только единицы. Они резко выделялись в толпе - яркие пятна, что режут глаз.

Бывший социалистический город уверенно вступал в лоно капитализма. На каждом углу поджидали нищенствующие с протянутой рукой - дети и взрослые. Обедневший люд проходил мимо витрин магазинов, не смея заглянуть вовнутрь, где прилавки ломились от дорогого изобилия.

Талиха дошла до тихого уголка за рынком, где всегда любила прогуливаться, любуясь на утопающие в зелени дворики финских домиков. Здесь она давно уже не бывала, и поэтому ее потрясли резкие перемены вокруг. Вместо увитых плющом дворовых оград с калитками выросли заборы каменной кладки с широкими и глухими металлическими воротами. Талиха не верила глазам - над заборами высились особняки причудливых архитектурных форм - двухэтажки, трехэтажки, четырехэтажки. Не осталось и следа от маленьких домиков под красными черепицами чердаков, аккуратных двориков с цветущими садами, от всего, что так нравилось Талихе. А от новых особняков веяло ледяным холодом. Это тоже было приметой капитализма. Город уже формировался по-новому. Добротные дома в его центре приобретали те, кто сумел нажить капитал. А бедный люд переселялся на окраины. Похоже, что это устраивало обе стороны. Первые, продав свои квартиры, покупали жилье подешевле, а на оставшиеся деньги заделывали прорехи в бюджете. Вторые же сразу приступали к престижному ремонту в приобретенных квартирах, принаравливаясь ко вкусам и пристрастиям избранных.

В некогда захламленных и сырых подвалах старинных зданий, где гнездились лишь крысы, да плодилось комарье, также произошли разительные перемены. В расположившейся здесь бары и рестораны теперь вели мраморные лестницы. Яркие вывески над ними, оформленные со вкусом, придали улицам непривычно нарядный вид. Радовали взгляд чистота и порядок на тротуарах близ новых заведе-

ний. Но вынесенные наружу меню - щиты на подставках говорили о том, что предлагаемые блюда не каждому по карману.

Темнело. Талиха удивилась тому, что дочери вместе с Марал ждали ее во дворе.

- Что случилось? - спросила она встревоженно, забыв поздороваться.

- Ничего такого, - успокоила ее Марал, - к нам заходил англичанин, который арендует квартиру на шестом этаже. Он сказал, что его друг хочет приобрести или арендовать квартиру в нашем доме. Просил, чтобы я и с тобой переговорила.

Талиха была поражена. Накатило острой болью чувство собственной беспомощности и беззащитности. Никогда еще она не осознавала с такой остротой безнадежности того положения, в котором оказалась вместе с детьми и мужем. Ей был ненавистен этот иностранец, который мог позволить себе купить квартиру в любом уголке Баку. В любом, где захочет.

Из 18 квартир в блоке, где они проживали на первом этаже, почти половину арендовали иностранцы. Нужда вынуждала хозяев, ее коллег - журналистов сдавать свое жилье внаем. А себе они подбирали жилье на городских окраинах или же - в лучшем случае - перебирались к родителям. Те их встречали участливо: в тесноте, да не в обиде. Теперь дошла очередь и до Талихи.

- Я целых 15 лет ждала, чтобы получить квартиру. Ты представляешь себе - целых 15 лет! Это тебе не 15 месяцев, не 15 дней! В каждом году - 365 дней. Я считала не годы, не месяцы, а именно дни, пока не получила эту квартиру. Сколько лет Талех спал на полу, под столом, чтобы девочек не стеснять. Всего пять лет, как мы зажили по-людски. И вот новая напасть.

Голос у Талихи задрожал. Она умолкла - к горлу подступил комок. Только теперь заметила, какой у Марал потерянный вид. "Причем тут она? Что же ей выговаривать? Разве у нее положение лучше? Стоит

ли винить ее в том, что поведала о предложении англичанина?"

Выражение лица у Талихи смягчилось, но она заявила с достаточной твердостью, что не намерена сдавать квартиру. А потом, как ни в чем не бывало, мягко завела беседу о том о сем, давая понять Марал, что вовсе не хотела ее обидеть.

Дома вновь накатила тоска: безысходность. Талиха незаметно прошла в спальню. Когда выходила оттуда, глаза у нее были заплаканные. Айтен внимательно взглянула на мать.

- Ма, ну что случилось? - спросила она. Спросила так ласково, что Талиха почувствовала нежную жалость к ней и в сердцах упрекнула себя: "Какая же ты мать? Не можешь детей прокормить, приодеть, хотя бы их улыбки своей не лишай. И днем и ночью предстаешь перед ними с хмурым лицом". Сделала вид, будто и вовсе не расстроена, но это вышло очень уж наигранно. Да, не так-то легко изобразить безоблачное настроение, когда на душе у тебя кошки скребутся. Но Талихе захотелось позабавить Айгюн и Айтен.

- Кто скажет без запинки: "Вы из интернационализированных?"

Девочкам это никак не удавалось. То они не могли договорить фразу до конца, то искажали ее невольной перестановкой звуков. Всех троих это смешило до слез. Потом заговорили о разных пустяках и снова заливались безудержным смехом даже по самому незначительному поводу.

Талех поздно вернулся с работы. У него отлегло на душе, когда увидел, что отчего-то просветлели лица у жены и детей. Но что-то за этим скрывалось - от его внимательного взгляда не ускользнула печаль в глазах у Талихи, скрывающаяся за беззаботностью, что так старила ее лицо.

А она все еще раздумывала над словами Марал. Предложение англичанина не на шутку ее встревожило. В эту зимнюю ночь в квартире, где уже не первый год не было отопления, ей было зябко не столько от холода, сколько от мыслей о бездушии иност-

ранца. Он покушался на все ее мечты. Эта квартира стала для нее такой родной! Каждую комнату она обставила со вкусом, создала в них уют. Родственникам, друзьям так нравилось собираться у них. В гостеприимном доме все застолья любили завершать веселыми песнями и зажигательными танцами.

Когда они вселялись в этот дом, их ужаснула накопившаяся гора мусора перед дверью коммунального мусоропровода в их блоке. Как говорили, мусоропровод с самого начала был забит песком и щебнем, осколками кирпича - строители так и не убрали за собой весь мусор. Талех позаботился о вывозе сваленных бытовых отходов, а Талиха занялась озеленением очищенного участка. Теперь там разросся прекрасный садик с розовыми кустами и виноградной лозой, густо оплетавшей тенистый навес. С поры весеннего цветенья и до золотого листопада этот садик радовал глаз. Талиха заботилась о каждом кустике как о родном чаде. Радовалась каждому раскрывшемуся цветку! Гордилась неимоверно тем, что сумела создать своими собственными руками небольшой островок природы.

Здесь уже сложился свой микромир - налетели певчие дрозды, льнули к цветам желтые пчелы, порхали бабочки над зеленью, ползали по стеблям жуки.

С начала весны они всей семьей любили проводить свободное время в садике. Чаепитие под зеленым навесом, благоухание роз... Как можно переселиться куда-то и оставить этот чудесный садик?

После ужина Талиха сообщила мужу о разговоре с Марал. Талех, не повел и бровью:

- Какой же дурак покинет насиженное место, чтобы переселиться, бог знает, куда.

Сказал, как будто заранее все окончательно решил.

* * *

- Мама, подойди сюда поскорей, дядя Гашим переезжает! - крик-

нула Айтен.

Талиха, которая вошла в кухню, увидела в окно, что соседи грузят в машину мебель и домашний скarb. Сердце у нее сжалось. Рас-терян-но-грустным был взгляд у девятилетнего сына Гашима. Мальчик стоял, неподвижно застыв подле грузовика, в окружении при-тихших сверстников. Обычно их гвалт наполнял весь двор. А теперь они как-то понуро наблюдали за Гашимом и двумя мужчинами, ко-торые грузили мебель. На балконах никого не было видно. Соседи, наверное, не хотели быть свидетелями печального зрелища или усу-гублять и без того безрадостное настроение переселенцев. Возмо-жно, многие наблюдали за ними незаметно для них также, как и Та-лиха вместе с дочерью.

Когда несколько лет назад во двор въезжали груженные до верха машины, это вызывало всеобщую радость. Все высыпали на балко-ны и с нескрываемым интересом присматривались к новым соседям. Тогда положение было иное. Люди, годами ждавшие новоселья, по-лучив наконец жилье, искали повода поделиться своей радостью с другими.

А теперь все изменилось. Нетрудно было понять чувства людей, покидавших свои обжитые квартиры. Иные уезжали навсегда. Остав-шиеся, словно сговорившись между собой, не тревожили переселе-нцев лишними расспросами. Каждый думал, наверное, что завтра по-добная участь может постигнуть и его самого. Никто не знал, куда переселится Гашим вместе с семьей. Талиха помнила, что ее кол-лега решил сдать свою квартиру спустя восемь месяцев, как остал-ся без работы. Он говорил ей, что на время переедет к родителям.

Талиха незаметно для Айтен прошла в спальню и, заперевшись там, бросилась на кровать. Заплакала в подушку. Она была сломле-на ощущением своего бессилия. Осознав свою полную беспомощ-ность, у нее уже не оставалось сил противиться, как прежде, жиз-ненным неурядицам. Такова была горькая и жестокая истина. Тали-

ха была вынуждена это признать.

Реальность была такова, что завтра ей не на что будет купить хлеб. Она привыкла всегда, в самых трудных и сложных обстоятельствах полагаться на собственные силы, находчивость и волю. Ей казалось, что и теперь найдется выход. Где-то он должен быть. Но где? Она в душе упрекнула Талеха, который, как ни в чем не бывало лежит на диване и смотрит телевизор. "Жаль, что я не мужчина, пошла бы камни таскать, чтобы семью прокормить", - подумалось ей. Потом начала настраивать себя: "Встань, возьми себя в руки, соберись с мыслями, пораскинь умом, ищи выход из положения. Ты не имеешь права сдаваться. Ты в ответе за своих дочерей. Ты не имеешь права проявлять перед ними слабость. Не все дается так легко, как хотелось бы. На Бога надейся, сам не плошай".

Видно, самовнушение возымело свое действие. Она встала и убрала постель. Придав своему лицу выражение беззаботности, вышла из спальни. Как раз в это время зазвонил телефон. По голосу узнала свою подругу Расиму. Та как бы между делом сообщила, что один из ее соседей собирает литературу по истории философии. Перечислила названия книг, которые он хотел бы купить. Она хорошо знала, что все они есть в домашней библиотеке у Талихи. Как знала и то, что подруга испытывает денежные затруднения.

- Сколько он за них предлагает? - спросила приглушенным голосом Талиха.

- Лучше я сведу вас, договоритесь сами.

- Мне не до того, чтобы торговаться, - ответила Талиха, - пусть приходит и забирает нужные книги.

После этого разговора у нее заныло сердце, как это бывает при расставании с дорогим человеком. Вспомнила, как приобретала эти книги в Москве. В аспирантуре они помогли ей сдать экзамены и написать научную работу. Правда, Талиха так и не защитила свою диссертацию. Охладела к ней из-за жизненных неурядиц, постигших

ее в последние годы. Теперь эти книги как будто ей уже и не были нужны. Они только лишнее место занимали в шкафу. Но Талихе все же было тяжело с ними расставаться. Она очень любила читать. Еще со студенческих лет тратила на литературу каждую лишнюю копейку. Тогда и начала их собирать. Покупала, прочитывала, училась по ним. Ей и в голову не приходило, что иные пользуются книгами просто как украшением в доме, или же выставляют ради престижа. Со временем с недоумением поняла, что именно так и поступают некоторые из ее знакомых.

Снова зазвонил телефон. Теперь звонил сосед Расимы. Он поинтересовался состоянием книг, которые собирался купить. Узнав про их сохранность, спросил у Талихи адрес и сказал, что будет через полчаса.

Приехал он даже раньше. Это был высокий, худощавый мужчина 57-60 лет. Почтительно поздоровавшись, начал просматривать книги, что уже были сложены стопкой на столе в гостиной. Он делал это бережно, аккуратно откладывая в сторону нужные экземпляры. В итоге их оказалось 13.

- Вот ваши 50 манатов, - мужчина положил деньги на стол.

- Что же так мало? Ведь это редкие и очень ценные издания. Да и Расима мне сказала, что вы согласны заплатить нормальную сумму.

- Ладно, могу добавить еще 4 маната, устраивает?

Талиха промолчала, она никогда не занималась торговлей. Поэтому ей трудно было продолжать разговор.

Талех стоял в стороне и только наблюдал за происходящим. Гость ушел. "Любая трудная проблема может быть разрешена", - подумала Талиха. Она облегченно вздохнула - 50 манатов помогут продержаться целый месяц.

* * *

Утром, когда Талиха причесывалась перед трюмо в спальне, в боко-

вой створке увидела отражение мужа. Талех одевался, стоя подле кровати. Его длинные ноги до того исхудали, что казались еще длинней. У нее сжалось сердце - про Талеха можно было сказать: кожа да кости. Она давно уже перестала обращать на него внимание. Сейчас он всем своим обликом вызывал в ней жалость. Лицо у него было обиженным, хмурым. "Похож на приемыша в чужой семье, лишенного материнской ласки."

Она продолжала наблюдать за ним краешком глаза. Когда, наконец, натянув свои брюки, он прошел умываться в ванную комнату, Талиха вышла из спальни и, бесшумно проследовав ко входной двери, тихо закрыла ее за собой.

Ей сегодня никого не хотелось видеть. Начинался новый период в ее жизни. Прощай жизнь, полная чувств, раздумий и тревожных переживаний. Отныне она станет бездушным, хладнокровным человеком, умеющим вести всему счет, шагающим в ногу со временем. "А творчество?" Талиху взбесило это слово, которое вдруг выплыло из подсознания. Она очень рассердилась на себя: "Чтобы ты иссохла! При чем тут творчество? Что это такое? Кому оно нужно? Можно подумать, что его можно намазать на хлеб, как масло. Может, его пьют вместо чая? Ха-ха-ха! Творчество... Тоже мне - творец... Что за смешное слово? Кто его, интересно, придумал?".

Она переменила ход своих мыслей: "Перейдем к делу. Наконец-то я имею работу, буду получать зарплату: 200 манатов - это не так уж и мало. Спасибо и за это, спасибо тысячу раз. Вот уже сколько месяцев ни одного маната не приносила в дом. Докажу, что умею работать. А не то, потеряю и эту работу".

При последней мысли ей стало немного не по себе. Какие только пороги она не обивала за последние месяцы в поисках заработка, в каких учреждениях не побывала. При одном воспоминании об этом у нее закружилась голова. "Хватит, не буду думать о плохом. За темную ночь обязательно следует светлый день".

Она остановилась перед наружной дверью добротного двухэтаж-

ного дома за каменной стеной. Нажала на кнопку звонка. Дверь открыла женщина в летах:

- Вы пришли? Ханым только что спрашивала про вас. Подождите, сейчас она вас примет.

У Талихи от волнения запершило в горле. Чтобы скрыть свои чувства, она прокашлялась и, пройдя в помещение, села в кресло.

Дом этот скорее напоминал замок - красивый и холодный замок. По ту сторону двухметровой каменной ограды дышала привычная для Талихи жизнь, героиней которой была и она сама. А по эту сторону начинался мир совершенно иной, казалось - недостижимый. Ханым, к которой она пришла на прием, была Симузар. Когда-то она работала корректором в редакции. Ее уволили - не справлялась со своими обязанностями. Ее муж, получивший только среднее образование, теперь владел в городе несколькими торговыми заведениями.

"А мне-то что?" - попыталась Талиха отогнать от себя грустные раздумья. Она вспомнила про своего соседа, одинокого пожилого профессора, который подрабатывал мытьем автомобиля коммерсанта, годившегося по возрасту ему во внуки. Вспомнила и про другого профессора, скончавшегося два года назад, стоявшего с протянутой рукой у станции метро. Сколько ее знакомых педагогов подались в прислуги к иностранцам. А вчера в какой-то газете ей на глаза попались горькие строки: "Пожилая женщина вдруг упала без чувств, переходя улицу. Она скончалась до прибытия "скорой помощи". По заключению эксперта, в течение недели до происшествия женщина не принимала никакой пищи".

Талиха должна была присматривать за пятилетним сыном Симузар и обучать мальчика русскому языку. Рабочее время - с 9 утра до 5 часов вечера.

Пять минут ожидания показались Талихе долгим часом. Наконец, распахнулась внутренняя дверь, и в зал вошла Симузар ведя за руку своего сына...

К вечеру Талиха чувствовала себя крайне разбитой и уставшей. Глянула на мелодично прозвеневшие красивые настенные часы: 17⁰⁰. Она попрощалась с хозяевами и уже направилась к выходу, когда Симузар протянула ей два бумажных кулька с мусором:

- Вынеси это.

Талиху возмутил ее приказной тон. Если бы эта смуглая ханым обратилась к ней повежливей, возможно, она бы и не почувствовала себя оскорбленной. А та приказала, будто желала напомнить: знай, что тебе платят, при надобности и прислугою будешь!

Талихе показалось, что от унижения она стала меньше ростом, потеряла голос, обрела жалкий вид. Будто это была не она вовсе, а какая-то другая Талиха. Собственный облик, осанка, походка, манера говорить показались ей жалкими, как у бесчувственной и бездумной заводной куклы.

Она взяла кульки и вышла. Бросив их на свалку в конце улочки, усталым и тяжелым шагом направилась к автобусной остановке. Впервые почувствовала свой преклонный возраст.

Талех стоял на противоположной стороне улицы и наблюдал, как его жена, автор десятков книг, вышла из чужого дома с полными мусора кулками и бросила их на свалку. Горло сдавило подступившим комом. Чтобы не заплакать на людях, он поспешил в расположенный поблизости сквер. Уединился в тихом уголке, где присел на скамейку, обхватив голову руками: свою гордую, никогда не ронявшую достоинства Талиху он сегодня увидел такой потерянной, беспомощной и незащитной, такой униженной и жалкой... Талех отдал бы многое, лишь бы не были правдой мгновенья, которые он только что пережил. Чтобы эти мгновенья оказались не более чем дурным сном.

* * *

Вот уже около трех месяцев Талех каждый день задерживался где-то допоздна. Приходил с озабоченным лицом. Возвращаясь до-

мой, по обыкновению, ложился на диване в гостиной и смотрел телевизор. Ничего ни у кого не просил и, если ему подавали ужин, ел и там же засыпал. Талиху злил этот странный образ жизни. Правда, недовольства своего она не выражала. Казалось, что ей не изменяют выдержка, терпение и спокойствие.

На свой вопрос Талеху о том, где он задержался, она получала неизменный ответ: на работе. Изо дня в день один и тот же вопрос - один и тот же ответ. Талиха подавляла свою злость, не позволяла себе лишних слов и действий при дочерях. А Талех будто и не замечал состояния жены. Собственно, больше всего ее злило его безразличие и равнодушие.

В последнее время что-то разъединяло их, отдаляло друг от друга. Какая-то неведомая сила порождала между ними отчужденность и холод. Оба чувствовали, что скатываются куда-то в незримую пропасть. И он, и она дома старались казаться занятыми. Но Талиха знала, что муж просто разгадывает кроссворды, а Талеху было ясно, что жена только придумывала для себя лишний повод задержаться на кухне и в ванной. При этом они вели себя так, будто нет на свете ничего важнее этих их занятий. Притворяясь увлеченными своими делами, они пытались скрыть друг от друга, что главное для каждого из них - преодолеть гложущую сердце печаль. Он полагал, что ему удастся ввести жену в заблуждение. Ей же казалось, наоборот, что легко убеждает мужа в своей занятости. А если это так, то о какой печали речь?

Так они и жили, будто два чужих человека. Талихе порой казалось, что мужу вообще не до нее, она не интересуется его как женщина. Он очень изменился, чего нельзя было не увидеть, не почувствовать. За эти три месяца после того, как начал работать главным специалистом в каком-то проектно-институте, он стал другим, чужим. Каждую ночь засыпал на диване перед телевизором, порой даже утро встречал так и не раздевшись.

День за днем все больше Талиха копила злобу на мужа. Сотни раз на дню в ее сердце ядовитой змеей взметалась ревность. Она не находила себе места. "Видно, есть у него кто-то, с кем он проводит время, а не то не был бы таким холодным и бесчувственным", - думала Талиха. "Может, проследить за ним?" - за много лет совместной жизни ей впервые пришла в голову такая мысль. Правда, до сих пор между ними ни разу не возникало недовольства друг другом. Они жили в мире и согласии, без особых треволнений, разрушительных для чувств. А теперь Талиху мучило, изматывало, доводило до изнеможения собственное недоверие. Невыносимое, неодолимое, жестокое недоверие к мужу.

"Прослежу, узнаю, кто в этом возрасте доводит его до такой усталости?" - подумала она. И тут же задалась вопросом: "А что потом?" Болью пронизало все ее существо. У нее темнело в глазах, как только представляла, что у ее мужа есть близость с другой женщиной. Лучше бы ей оставаться в плену сомнений, чем узнать правду.

* * *

Когда Талех рано утром вышел из дому, Талиха незаметно для него увязалась за ним. Нужно было держаться на таком расстоянии, чтобы не терять его из виду и при случае увернуться от его взгляда.

Он сел в автобус. Талиха остановила такси:

- Двигайтесь за тем автобусом. На каждой остановке будете пережидать, пока он не тронется с места.

Талех сошел с автобуса у морского вокзала и направился к собравшимся в кучу мужчинам. Талиха сразу узнала этот "пятачок", называемый в народе "гул базары" - рынок рабов. Каждый раз, проезжая здесь, она с болью в сердце оглядывалась на мужчин, которые целыми днями выжидали случайных заказчиков на черновую работу. Вдруг ее бросило в дрожь, будто от холода. Она увидела, что Талех одет в старый поношенный костюм.

- Чуть подальше, пожалуйста, остановите, - сказала она водителю, с трудом удерживая подступившие слезы. Пока автомобиль замедлял скорость, она с горечью смотрела через боковое стекло на Талеха: исхудавшее до неузнаваемости лицо с резко выступающими скулами терзало ей душу.

К "пятак" подкатил новенький "Форд". Лихо притормозивший водитель открыл дверцу и крикнул:

- Мне нужны двое рабочих.

Мужчины побежали на зов. Был среди них и Талех.

* * *

Перед домом стоял грузовик. Переселялись - не избежала горькой участи и Талехова семья. Переселялись, но куда, зачем? Этих вопросов никто давно уже не задавал. Собственно, в них и надобности не было - ответ был известен.

- Ничего не забыли? - обратился Талех к жене и дочерям, которые печально застыли в опустевшей гостиной. Они были в таком состоянии, что ни ответить, ни двинуться с места не могли.

Зазвонил телефон. Трубку поднимать никому не хотелось. Телефон зазвонил еще раз - теперь уже настойчиво и протяжно. Талиха нехотя взяла трубку. "Да", "нет", - отвечала она еле слышным голосом и вдруг заговорила встревоженно:

- Что? Что вы сказали? Не может быть!

Ее волнение передалось и Талеху, и дочерям. Они смотрели на ее побледневшее лицо, не смея спросить, кто и почему звонил. Талиха сквозь слезы промолвила:

- Талех, это звонили из Лондона. Твой проект удостоен "Гран-при". Тебя приглашают на вручение премии.

Талех пребывал в состоянии шока, осознавая, что сумма премии достаточно внушительна даже для тех, кто не в чем не нуждался. В ушах у него все звучали и звучали слова отца: "Сын мой, труд ни-

когда не пропадает даром". А Талиха с дочерьми стояли, прижавшись друг к другу, словно вместе хотели насладиться большой радостью, по которой так давно истосковались их измученные сердца.

В глазах у всех четверых и даже в их слезах искорками радости зажглось сияние заглянувшего в окно предполуденного солнца. Казалось, это начала искриться сама печаль, светлая печаль, что так давно уже застилала туманом весь мир перед ними. На улице разгорался солнечный день. Наступала весна.

1995 г.

ПОТЕРЯ

(Повесть)

Крик его наполнил всю комнату: “Я ненавижу тебя. Никогда тебя не любил и не смогу полюбить. Ты отравила, погубила мою жизнь. Я готов на все, чтобы больше тебя не видеть. Ты ничто для меня, слышишь, ничто! Ну что ты за мать! Кроме себя, кроме работы своей ничего тебя в жизни не волновало. Ты никогда не интересовалась тем, как я живу. Все в тебе фальшиво - с головы до ног, ничего в тебе нет естественного”.

Взгляд у него был таким, словно он хотел раз и навсегда излить на нее всю свою ненависть. Будто это успокоит его нервы, натянутые, как тетива, поможет избавиться от переживаний, тяжелым грузом давивших на сердце. Только злость его никак не стихала, словно бушующий поток, разрушающий, валящий, вырывающий с корнем все на своем пути.

Ему было нестерпимо тяжело осознавать, что эта белолицая, полная и рослая женщина - его родная мать. Все в ней было ему ненавистно: взглядом, осанкой, всем обликом своим она казалась ему настолько чужой, что его бросало в дрожь, как от мороза. Видеть ее стало мукой. Ему было стыдно за мать. Он готов был обрушить на нее любую брань, всевозможные проклятья. Сделай он это, может быть ему и стало бы легче, могла бы растаять горечь, ядом разливавшаяся в его груди. Какой-то внутренний голос призывал его взять себя в руки, быть сдержанным и терпеливым. Но этой выдержки ему и не доставало.

Беспокойный и нетерпеливый по натуре, сегодня Сахиль никак не мог совладать со своими чувствами. Боль, копившаяся годами в его душе, муки, которые приходилось ему испытывать, будто именно этого дня и ждали, чтобы излиться как ливень, обрушиться гра-

дом на голову матери. Только после этого, казалось ему, он сумеет заснуть безмятежным сном, как могут спать невинные дети. Вот уже сколько лет ждал он возможности высказать в лицо своей матери все, что о ней думает, но случай не подворачивался. А теперь вот вдруг ощутил в себе неожиданную смелость, выложить перед нею все, что тревожит его. И с каждым словом ему становилось легче. Он продолжал свой гневный монолог, расхаживая по комнате, скрестив за спиной руки.

- Ты погубила мое детство, а затем и юность. Я всегда завидовал моим сверстникам. Всегда стеснялся их. Не помню, чтобы я смеялся от всей души, чтобы было легко на сердце. Я горько плакал, как только оставался один. У меня чуть сердце не разрывалось от зависти, когда я присматривался к другим детям, их родителям, взаимоотношениям между ними. А в нашем доме все было иным, ненастоящим, во всем сквозила какая-то фальшь. У нас не было нормальных человеческих отношений, которых мне всегда не доставало. Ни ты, ни отец не были для меня настоящими родителями. Правда, отец был не таким черствым, как ты, но и он изменился твоими стараниями, стал похож на тебя. Он, видно, всю жизнь был у тебя под каблуком.

Сахиль вздохнул и смолк. Но его распирало от чувств и он вновь заговорил о своих обидах:

- Я всегда стыдился того, что я твой сын. Я этого и теперь стыжусь. Если бы можно было менять родителей, я бы сделал это без малейшего промедления. Ты слышишь, я говорю об этом без зазрения совести. Рано или поздно ты должна была услышать от меня эти слова. Я не умею лицемерить. Говорю то, что думаю. Ты - не мать.

"Ты", "ты", "ты"... - Фазилат чувствовала, как прямо в грудь ей наносятся удары. Было больно, словно от множественных ран кинжалом. Ей казалось, что она вся истекает кровью. Опустив голову, глянула на грудь - никакой крови. Так что же это за боль?

"Ты", "ты", "ты"... - Сын будто к земле пригвоздил ее своими словами. Ей не верилось в то, что она слышит. Не могла понять, осознать этой речи. В самом ли деле слова сына относились к ней? Против нее ли все эти обвинения? Заслуживает ли она этого презрения, эту ненависть к себе? Может быть, все это снится Фазилат? Ведь наяву такого не может происходить. Лучше уж выждать, очнуться ото сна, все станет на свои места, все прояснится.

Но нет, это не было сном, все происходило наяву. Реальность выносила ей свой горький приговор. Она была готова провалиться сквозь землю. Сын бросал ей в лицо жестокие слова в присутствии невестки. Фазилат никак не могла оправиться от этих слов. Она чувствовала себя, словно как больная после наркоза. Ей трудно было управлять своим телом, будто вдруг очутилась в невесомости. То, казалось, она взмывает вверх и неподвижно парит в пространстве, то шлепается гулко об землю, потеряв равновесие, не находя в себе сил ни для того, чтобы сполна осознать смысл резких упреков собственного сына, ни для того, чтобы возразить им. Ей даже начинало казаться, что она пригвождена его обвинениями к стулу, на котором сидит, не смея ни пошевелиться, ни заговорить. Боялась - родного сына боялась.

Фазилат смотрела на побледневшее лицо и дрожавшие руки сына, чувствуя, что сама виновата в его срыве. В себе самой она находила причины всех душевных мук, беспокойного, нервного, тревожного состояния, в которое впал ее сын. Ведь ни с того, ни с сего никто не станет бросаться такими словами, выдвигать столь тяжкие обвинения. Видно, он говорит про то, что давно уже не давало ему покоя, теребило душу.

Видно, где-то далеко-далеко брал свои истоки этот гнев, готовый половодьем снести все преграды, плотины, ничего и никого не щадящий на своем пути. Много, очень много времени понадобилось для того, чтобы этот поток настиг наконец Фазилат.

Так, а где же была Фазилат, почему в свое время не догадывалась ни о чем, почему материнское сердце оказалось до того слепым, что она не сумела предвидеть всего, что ее ожидает?

В покрасневших глазах Сахилия было столько злости, что Фазилат и не знала, что ему ответить. Она была потрясена, ей не хватало воздуха, она задыхалась, как рыба без воды.

Натаван решилась возразить мужу:

- Сахиль, опомнись, подумай, что ты говоришь матери?

Но Сахиль прикрикнул на нее:

- Лучше перестань лицемерить. Ты знаешь, что я прав.

- В чем же ты прав, сынок? - спросила Фазилат приглушенным голосом, не в состоянии выдерживать всей тяжести боли, что легла ей на сердце. Это больше походило на зов о помощи, на стон, чем на вопрос. Будто Фазилат была на дне глубокого колодца, где задыхалась. Воздев руки вверх, она умоляла сына выволить ее оттуда, а сын взирал на нее сверху с жестоким гневом, неуступчивым высокомерием, нерастопимой ненавистью, не допуская и мысли о том, чтобы помочь своей матери, выволить ее из этой ямы. Фазилат показалось, что она вот-вот задохнется. Ей не хватало воздуха. По всему телу начала разливаться какая-то горячая волна, которой обдало ей сердце. Дрожащими руками она расстегнула ворот платья. Но это никак не облегчило ее состояния.

Сахиль видел, что ей стало плохо, но притворился, будто ничего не замечает. Видно, никак не затухало в его сердце пламя гнева.

- Вы вместе с отцом погубили мне жизнь. Я не могу простить вам этого и никогда не прощу. Сколько раз ты меня избивала по пустякам или отца заставляла меня избивать! Тебе доставляло удовольствие видеть, как я мучаюсь, как я плачу. Но никогда тебя не интересовало, как я живу.

Фазилат со страхом смотрела в его большие черные глаза, не находя, что возразить ему в ответ. И это был ее сын, ее родной сын.

Только недавно ему исполнилось 25 лет.

"Вправду ли это мой сын? Тот ли это, кому я дала жизнь? Кого вынашивала в чреве своем в течение девяти месяцев, с нетерпением ожидая появления на свет, любовью своей излечивала каждую хворь его, возлагала надежды на его будущее? Он ли мой воздух, свет моих очей, смысл жизни моей, моих мечтаний? Разве можно быть одновременно столь близким и столь далеким? Столь родным и столь чужим? В каком же уголке своего сердца он выпестовал столько ненависти к своей родной матери? Как это произошло? Зачем?"

От взгляда сына веяло ненавистью и холодом. Во всем облике этого человека, обвинявшего собственную мать в равнодушии, вместе с безнадежностью и отчаянием чувствовалась отчужденность. Было видно, что он вовсе не мучается из-за своей резкости и грубости. Собственно, именно это больше всего и ранило материнское сердце. В глазах у Сахилия не было ничего теплого, родного, - так можно смотреть лишь на чужих людей, на случайных прохожих на улице.

Схлынула, отошла горячая волна, что разлилась по телу Фазилат, теперь ее бросило в холод. Она почувствовала себя позабытой, брошенной всеми круглой сиротой, зябко съежилась в своей одежде, будто в ветхих лохмотьях. Суставы сводило нестерпимой болью.

- Сахиль, ты веришь в то, что говоришь? - спросила она с тревогой и страхом. Вопрос прозвучал скорей как восклицание.

- Конечно же, верю. Ведушь себя так, словно ни о чем и не ведаешь. Что ты сделала для меня? Раскрой же пошире глаза, взгляни, чего только не делают матери для своих сыновей.

- Что же они делают? - Фазилат утерла туманившую взгляд слезу беспомощно сжатой в кулак рукой.

- Обеспечивают нормальной квартирой, покупают автомобиль.

- Значит, нужно расстреливать родителей, которые не могут этого себе позволить, так?

- Нормальные родители имеют все возможности.

- Ни мои родители, ни родители твоего отца ничего нам дать не могли, мы все добывали собственными руками. Но несмотря ни на что, мы чтили своих родителей.

Сахиль усмехнулся с издевкой:

- Вы всю свою жизнь жили за счет моего деда и бабушки.

- Нет, сын мой, ты ошибаешься.

- Не называй меня своим сыном! Ты на это не имеешь права. Как быстро ты забыла то хорошее, что сделали дед и бабушка!

Фазилат никак не могла совладать со своими слезами:

- Значит, я была плохой матерью?

Сахиль вышел из себя:

- Еще спрашиваешь? Ты не имеешь никаких материнских чувств, - он будто только теперь увидел ее слезы, отчего еще больше распался, и глядя ей прямо в глаза, воскликнул, - послушай, не пытайся казаться мягкосердечной, не стоит плакать, я слез терпеть не могу. Слезами не смоешь грехов своих. Запомни, на свете я в долгу только перед двумя людьми - перед бабушкой и дедом. Они и были настоящими родителями для меня.

- Сын мой, опомнись, уж очень тяжелы твои обвинения. Нельзя так, не говори не подумав, не говори всего, что в голову взбредет. Почувствуй ответственность за свои слова, - сказала Фазилат до того жалким, до того упавшим голосом, который показался странным и ей самой.

- Началось! Не нужно поучать меня, я уже достаточно ученый.

- Откуда же в тебе столько ненависти, сын мой? Мне это трудно понять.

- Откуда? Будто не знаешь. Конечно, от вас. Вы ничему, кроме ненависти, не смогли меня обучить.

Фазилат видела в его покрасневших глазах какую-то пустоту, бездушность. Его жестокие слова, беспощадная логика огнем жгли

ей сердце. Для нее это было уж слишком - он еще ни разу не доходил до такой агрессии по отношению к ней. Его состояние нельзя было назвать нормальным. Человек в здравом рассудке не стал бы так говорить, так двигаться. Руки у него тряслись, то он входил на кухню, то выходил оттуда, с силой хлопая дверью. При каждом таком ударе начинали громко реветь трехлетний Самир и годовалая Самира.

Когда Сахиль в очередной раз хлопнул дверью, малыши заплакали так, что уже не прекращали громкого рева. Натаван обняла Самира, а Фазилат взяла на руки Самиру, но успокоить их никак не могли. Вдруг Сахиль вырвал девочку из рук матери и швырнул на кровать:

- Не трогай ребенка, не нужна ей твоя забота.

Униженная, оскорбленная в своих чувствах, Фазилат произнесла глухим голосом:

- Сахиль, дитя, ты болен, тебе нужно лечиться.

- Ты права, я болен. Но я заболел по твоей вине, по твоей! - сказал Сахиль, снова срываясь в крик. Чтобы не слышать этого крика, Фазилат зажала ладонями уши и поднялась с места. Для нее больше не имело смысла оставаться здесь. Слова, что давно уже хотела сказать сыну и держала в сердце, застряли в горле комком обиды.

Ей казалось, что стены в квартире сына вот-вот обрушатся на нее. Еще немного - и она, потеряв равновесие, упала бы навзничь. Но ее это не пугало, просто ей не хотелось, чтобы такое произошло в стенах этого дома, на глазах у сына. Ведь он и не почувствует ее боли. Что может быть унижительней и больней для материнского сердца? Нет, с нее уже хватит, больше она не потерпит унижений.

В эту минуту Фазилат молила бога лишь об одном - дать ей сил, чтобы вернуться домой. А после - будь что будет, все она примет. Устало волоча отяжелевшие ноги, прошла в прихожую, оглянувшись

назад на сына. Не нашлось, что сказать. Так и оказалась на улице с тяжелым грузом на сердце. Уже в подъезде услышала голос невестки:

- Ты нехорошо поступил, Сахиль.

Тот отвечал:

- Правильно и сделал, нужно было еще больше сказать. Ты ее не знаешь!

Длиною с век показалась Фазилат дорога до дома. Как только вошла, так и легла на кровать. У нее зуб на зуб не попадал. Замин был встревожен состоянием жены. Он укрыл ее двумя одеялами. Но Фазилат никак не могла отогреться.

* * *

В последнее время дела у Сахилия шли из рук вон плохо. Жил он в долгах, как в шелках, причину всех своих неудач возлагал на родителей, в основном - на мать. Фазилат знала, что у него накопилось немало долгов, вылезти из которых ему было очень тяжело. Знала, но ничем не помогала сыну. Вот уже более года, как мать и отец перестали интересоваться его житьем - бытьем, не оказывали материальной помощи молодой семье.

После женитьбы сына, в течение последних четырех лет они вели себя так, будто полностью исполнили свой родительский долг. Это и выводило Сахилия из себя. Он стал очень редко бывать в доме у своих родителей, наказал это и своей жене. Когда Натаван спрашивала, отчего вдруг у него так изменилось отношение к родителям, он начинал злиться:

- Что это за родители? Я тут с долгами никак не могу расплатиться, а они живут себе припеваючи.

- Отец твой - пенсионер, а небольшой зарплаты матери только на еду, наверное, и хватает, - возразила Натаван, - как же они помогут нам?

- Мы вчетвером, ты и я, да двое детей ютимся в двухкомнатной квартире, а они вдвоем трехкомнатную занимают, - ответил Сахиль, - сколько раз я предлагал им обменять ее на одну комнату, доплату хорошую получить. Не соглашаются. Долго ли жить им осталось, а вот не поступят никак своими удобствами.

- Не будь таким эгоистом, Сахиль. Твоим родителям еще жить да жить. Они ведь далеко не стары. Это ты просто рано женился.

Натаван никак не могла понять, отчего это вдруг так изменилось отношение мужа к своим родителям? Правда, в то время, когда она с ним еще встречалась, Сахиль часто сетовал на них. Он рассказывал ей такие подробности своего безрадостного детства, что она невзлюбила заочно его мать и отца. Когда же стала их невесткой и близко узнала своего свекра и свекровь, то, напротив, убедилась в их нежном и заботливом отношении к своему единственному сыну. Они оказались очень добрыми людьми, совсем не такими, как расписывал их Сахиль. Натаван сразу стала для них, что родная дочь. Было видно, что им доставляет удовольствие помогать ей и в уходе за детьми, и по дому. Была очень трогательной такая, казалось бы, мелочь - свекор и свекровь не забывали про гостинцы для детей.

Так чем же был недоволен Сахиль? Натаван вскоре поняла причину нелюбви мужа к родителям. Это было связано с его отношением к своей бабушке.

В последние месяцы Натаван много раз увещевала Сахилиа быть поласковой с родителями. Но все оказывалось впустую, и она просто перестала заговаривать с ним об этом. Его последнюю выходку - столь жестокое обращение с родной матерью простить не могла. Ей даже и смотреть на него не хотелось.

Тот закрыл глаза, обхватив голову руками. В памяти оживали эпизоды детских лет.

...Мать очень была рассержена двумя "двойками" в его дневнике. Сообщила об этом отцу, как только он пришел с работы. Отец

решил наказать его, а мать, которая по мнению мальчика только этого и ждала, теперь делала вид, что не выдерживает, как его бьют. Сахиль исподлобья смотрел на родителей ненавидящим взглядом: "Вот вырасту и отомщу вам".

Вспомнилось, как мать загоняла его купаться. Он этого больше всего не любил. Поэтому каждый раз возникали шумные споры.

- Отстань от меня, - кричал Сахиль, - не хочу я купаться!

Но ничего не помогало. В ванной Сахиль вытирался, так и не искупавшись. Когда он выходил оттуда, мать по его совершенно сухим волосам догадывалась обо всем. Разозлившись, она начинала избивать его. Все кончалось тем, что плакали оба: она - от злости, он - от обиды. Вот бабушка, думал Сахиль, никогда и ни к чему его не принуждает. Да и ни за что не повысила бы голоса, не подняла бы руки на него.

Бабушку, кажется, просто забавляло все, что бы не сделал Сахиль. А от родителей только тумачи ему и доставались. Они утихомирились лишь после того, как Сахиль поступил в институт. Правда, поучать его так и не перестали, но это все-таки не побои.

Больше всего не нравилось ему, когда его "воспитывают". Каждый раз после нравоучений он целыми неделями не заговаривал с родителями, сторонился их, как мог. Отец и мать наказывали его и за это. Сахиль с каждым разом ненавидел их все сильнее.

Безрадостные картины детства глубоко врезались в память - окрики, тумачи и слезы. Но всегда была и любимая бабушка: добрая, понимающая и справедливая. К ней можно было придти со всеми своими обидами - расцелует, обнимет, утешит. Он бабушку любил еще и за то, что она никогда и нигде не работала. Ей доставляло куда больше удовольствия, по ее собственному признанию, оставаться дома и заниматься своими детьми. Сахиль считал это очень важным - настоящая мать всецело посвящает свою жизнь детям.

Бабушке он поверял самые сокровенные мысли и чувства. Она

была для него лучшим другом. Сахиль только ей и мог пожаловаться, посетовать на своих родителей и всегда встречал понимание, бесконечное понимание.

- Э-эй, дитя мое, у твоей матери каменное сердце, - говорила она, - ничего и никого не видит, кроме своей работы.

Сахиль прижимался к ней, радуясь тому, что нашел единомышленницу.

Как-то мать опять за что-то лупила его. Бабушка, которая приехала к ним в гости, вырвала его у нее из рук:

- Ты же мальчика убьешь! Как это можно?

Сахиль со слезами прижался к бабушке.

Теперь, вспоминая про все это, он испытывал еще большую ненависть к матери. Не было в мире второго такого человека, которого Сахиль ненавидел бы сильнее.

* * *

Фазилат с горечью думала, что упустила из рук самое ценное для себя, навсегда, навеки потеряла расположение родного человека, единственного сына. Этого уже не вернуть, как ни стараться. Если даже стать волшебницей, теперь уже было поздно. Слишком поздно, чтобы что-либо можно было изменить.

Каждое слово сына глубоко врезалось в память, ядовитой стрелой вонзалось в самое сердце, отзывалось в нем жестокой болью.

Она терзалась вопросами: "Неужто я была столь суровой, жестокой и безжалостной матерью? Неужто я так не любила Сахилия, была с ним столь неласкова? Может, он прав, считая меня бессердечной, бесчувственной? А если это так, то стоит ли мне жить?"

Неотступным виденьем представало перед ней искаженное ненавистью лицо Сахилия. До чего же несчастной, до чего же потерянной чувствовала себя Фазилат! Ей было так тяжело осознавать, что "сыграла столь неблагоприятную роль" в жизни своего сына, она чувство-

вала себя такой виноватой перед ним, что и не знала, как ей дальше быть. "Где же я допустила ошибку? Что упустила из виду? Что я сделала такого, за что мой сын возненавидел меня?" - она пыталась найти ответы на свои вопросы. Их было много, ответ на каждый из них - непрост. Потрудней, чем в самом сложном кроссворде. Ей впервые стало ясно лишь одно - во всем виновата она сама. "Дети расправляются за грехи своих родителей. Хорошая мать не воспитает плохих детей. Мне не удалось достойно воспитать сына. Значит, я сама виновата".

За последние несколько лет Сахиль очень изменился, охладел к своим родителям. Он с детства сторонился и матери и отца. Был привязан к бабушке и дедушке. Что бы ни делала Фазилат, не нравилось ее сыну, он всегда был недоволен ею: "Бабушка так не считает", "бабушка так бы не сказала", "вот скажу я бабушке", "пусть бабушка решит", - давал он понять Фазилат, как мало считается с ее словом и мнением. Никак не найти было ей пути к сердцу своего сына. Будто незримая сила их разъединяла.

Бабушка очень любила Сахилия, дышала внуком. Но эта ее привязанность к внуку возымела и неприятные для него последствия. У нее вроде и не было трений и споров с невесткой, но все же она не благоволила к Фазилат. Невольно свою нелюбовь передавала и внуку, чего Фазилат не могла не почувствовать материнским сердцем. Но она как-то остерегалась говорить об этом.

Она старалась припомнить - в чем же еще могла провиниться? "Эх, не сумела Сахилия я грудью вскормить. Только два месяца он и знал вкус материнского молока. Пришлось перевести его на "смесь". А такие дети вырастают холодными".

"Ты ведь тяжело заболела, когда родился Сахиль, и молоко у тебя пропало", - подсказал ей внутренний голос. Но он был так слаб, что его заглушил упрек: "У хорошей матери молоко не пропадает".

- Ты не была мне матерью, бросила меня на попечение бабушки,

- после этих слов Сахилия для нее померкли все краски жизни.

Фазилат все еще лежала под теплыми одеялами в темной комнате, раздумывая над отношениями, которые сложились у нее с родным и единственным сыном. Она вынуждена была признать - у него есть все основания быть недовольным ею. Мальчику было только восемь месяцев, когда она оставила его в деревне и уехала в Баку - сочла, что работа была важнее. Это был самый нежный возраст, когда дети особенно восприимчивы. Да, она оставила мальчика на попечение бабушки, но ведь с ее же согласия. Фазилат помнит слова своей свекрови: "Поезжай, не беспокойся. Замину тоже пусть не будет в городе так одиноко. А я тут присмотрю за малышом". Скажи она невестке, чтобы не уезжала, та осталась бы, конечно, в селенье. Ведь Фазилат была еще молода, любила свою работу. Оттого и пришлось ей по душе слова свекрови.

Пока Сахилию не исполнилось четырех лет, Фазилат каждую пятницу ездила к нему в село. Два своих выходных дня с утра и до вечера занималась хозяйством в большом доме. В понедельник спозаранок возвращалась автобусом в город и прямо с вокзала направлялась на работу. Она была признательна свекрови, свекру, еще незамужним золовкам за их более чем заботливое отношение к своему сыну. Все они очень любили Сахилия. Этому можно было только радоваться.

- Ты исчезла, бросив меня на попечение бабушки. Эта она меня вырастила, взяла на себя все заботы обо мне, - этот упрек сына звучал для нее как смертный приговор. Ничего в жизни она не боялась так, как этих слов.

"Он прав, будь я хорошей матерью, не перекинула бы на других заботы о своем ребенке, которому едва исполнилось восемь месяцев", - подумала с болью в душе Фазилат. Ей вспомнились и трудности жизни в большой семье. Ей, как невестке, приходилось выполнять любую тяжелую работу по дому - это считалось в порядке

вешей. И сама она полагала, что это ее долг перед домочадцами - ведь они присматривали за малышом. Самой ей редко выдавалась возможность побыть с ним, приласкать, приголубить его. Бывало, только ночами могла она прижать ребенка к своей груди, досыта надышаться с ним одним воздухом.

Замин, который бывал по горло занят своими делами, был несколько холоден к Сахилю. Он только от случая к случаю ездил в село вместе со своей женой. В то время они как-то не ладили между собой. Свекровь не могла простить этого Фазилат. Конечно, ей хорошо было известно, что Замин любит веселые компании, часто устраивает застолья дома и пренебрегает семьей. Но все свое зло она вымещала на невестке.

Как-то Фазилат укладывала мальчика спать. Уставшая за день, она задремала от своей колыбельной прежде, чем уснул малыш. Открыла глаза от прикосновенья к своей руке. Малыш лопотал что-то и припевал: "Баю-баюшки, бай-бай". Фазилат прислушалась и не поверила ушам своим:

- Чтобы тебе без мамы ласти-выласти, баю-баюшки, бай-бай.

- Сахиль, что это за слова?

Он улыбнулся:

- Так бабушка класиво поет.

Когда она сказала об этом свекрови, та и бровью не повела:

- Э-э, разве можно верить всему, что говорит ребенок?

- Будто не от вас я слышала, что устами младенца глаголет истина, - обиженно бросила Фазилат, что не на шутку рассердило свекровь. Она повысила голос:

- Выходит, что больше веришь несмысленному малышу, чем мне, взрослому человеку?

Фазилат промолчала, не стала спорить. Но на душе у нее остался неприятный осадок. То было предупреждением, но Фазилат не придала случившемуся особого значения.

Когда Сахилию исполнилось 4 года, его забрали в Баку. Он был до того избалован и капризен, что Фазилат сочла лучшим выбором для него детский садик. А до этого бабушка увещевала мальчика:

- Джан, душенька ты моя, жизнью я пожертвую для тебя, твоя жестокая мать хочет отдать тебя в детский садик. Да разве ты выдержишь там?

Приучить его к детскому садiku оказалось куда сложнее, чем Фазилат ожидала. Каждый день приходилось его выводить из дома с громким плачем. Целый месяц ушел на привыкание ребенка к садiku. Ужасные это были дни. После отпуска по утрам, едва проснувшись, Сахиль умолял Фазилат:

- Мама, не отдавай меня в садик.

- Сахиль, пойми же, мне нужно идти на работу.

- Не ходи на работу, ну что тебе стоит, оставайся тоже дома, как это делает бабушка.

- Так нельзя, Сахиль. Если я не буду работать, кто же тебе будет покупать игрушки, костюмчики?

- Пусть папа покупает.

- Его денег на все не хватит, нужно, чтобы и я ему помогала.

- Не хочу твоих денег, хочу, чтобы ты оставалась дома со мной.

Сын был неумолим. Никакие уговоры на него не действовали. Каждый вечер, когда мать приводила его домой, он подолгу неподвижно сидел на стуле, обиженный на весь мир.

Как-то Фазилат вышла из кухни и, пройдя в гостиную, остановилась, как вкопанная. Сахиль со слезами на глазах обнимал за шею своего большого игрушечного коня:

- Ты у меня единственный. Никогда не отдам тебя в садик.

Так он выражал протест своего маленького сердца против того, чего не мог понять своим детским умом. Не мог понять и, значит, принять. Ему казалось наказанием, что родители отводят его в садик. Мальчик переживал, подолгу раздумывая над этим, как взрос-

лые над какой-либо дилеммой.

Воспитатели были в отчаянии:

- Впервые мы сталкиваемся с таким упрямством.

Пусть и очень трудно, но все же Сахиль попривык, наконец, к садику. Дело портило лишь одно - раз-два в месяц Замин увозил его к своим родителям. Это совсем не нравилось Фазилат. С каждой поездкой в село изменялось отношение мальчика к матери. Он становился не по-детски задумчивым и даже мрачным. Шли дни, и бывало, только начинал таять лед в их отношениях, как тут - новая поездка в село. И снова все повторялось.

Летние каникулы Сахиль, как правило, проводил вместе со своей бабушкой. Ждал этого времени с нетерпением. Летом это был другой Сахиль - с глазами, светящимися от счастья. Он не уставал бегать и прыгать, взбалмошный, надоедая всем. При этом к Замину и Фазилат был очень холоден, будто мстил им за то, что они отвозят его в Баку. Бабушка злорадствовала, видя такое отношение внука к родителям.

"Что и говорить, больше всех я сама и виновата. Вот и расплачиваюсь. Поздно своим ребенком занялась, чужим людям доверила его воспитание", - корила себя Фазилат, вспоминая, каким холодным взглядом смотрел на нее Сахиль. Опять ее бросило в дрожь. Невольно подумалось о том, что отчужденность Сахили началась уже давно, со слов колыбельной, что напевала малышу его бабушка. Только ли это? А сколько, наверное, было такого, о чем Фазилат и не догадывалась. Да, холодное отношение к Фазилат ее родного сына имело глубокие корни.

"Боже мой, ну что это был за взгляд? Так и на врага не смотрят. Открытая ненависть. Разве можно так ненавидеть свою родную мать?" - она ужаснулась от этой мысли. Вспомнила слово в слово жестокие упреки Сахили. Да, он ее ненавидит. В этом нет никаких сомнений. Фазилат осознала с тревогой, со страхом, что его неприязнь к

ней - уже навсегда.

Мир бывает прекрасным, и жизнь хороша для тебя с родными и близкими людьми, если есть между ними взаимопонимание. Знать, что ты им нужен, чувствовать, что в трудную минуту в каждом из них найдешь надежную опору и поддержку. Это, должно быть, есть подлинная мера полноты человеческого счастья. Нет страшной беды, если теряешь доверие самых родных и дорогих для тебя людей, как это и произошло с несчастной Фазилат. Она оказалась навсегда лишенной любви своего единственного сына. Как же теперь ей жить, для кого? Чему радоваться, чем гордиться? Какой жалкой выглядит она рядом с теми, кто беззаботен и счастлив. Кому она поведает свою печаль? Да и как сказать о ней, об этой печали? Не поделиться ею ни с кем. Если бы это было возможно, то день и ночь она говорила бы о ней, не выговорила бы. Значит, вся жизнь для нее сведется к неиссякаемой боли.

Все в этой жизни потеряло смысл для Фазилат. Чего же ей ждать от нее, если так жестоко обошелся с нею тот, кому сама подарила жизнь?

Невольно она начала перебирать в памяти разногласия в своих отношениях с сыном за последние дни. Кажется, что-то для нее прояснилось. Она в свое время взяла на себя решение всех забот и проблем Сахилия. В школе, в свое время он учился не так уж и хорошо. Пришлось воспользоваться связями, чтобы устроить его в институт. Да и там на всех экзаменах Сахилия аттестовали только благодаря ее знакомым. Близкие родственники шутили, что Фазилат окончила институт вместе со своим сыном.

Получив диплом, Сахиль, к удивлению всех, с достаточной твердостью заявил о том, что намерен жениться и жить отдельно от своих родителей. Ему только исполнился 21 год. Он и представления не имел о том, с какими может столкнуться трудностями и проблемами. Видно, не знал, как бывает, что и на хлеб насущный

порой зарабатываешь с трудом. Поэтому его пытались отговорить от поспешного шага. Но даже длившиеся целый год уговоры не возымели никакого воздействия. Он предупредил родителей, что если ему не позволят поступить на свое усмотрение, то он попросту покинет страну.

Разве могла допустить этого Фазилат? Нет, не выдержать ей было долгой разлуки с единственным сыном.

Справили свадьбу. Фазилат и Замин преподнесли молодоженам ключи от двухкомнатной квартиры. Близкие все полагали, что, возможно, теперь семейные заботы могут принудить его пересмотреть свое странное, холодное отношение к матери и отцу. Но проходили дни, месяцы, а он, против ожиданий, стал еще более холоден с родителями. Они были ему безразличны.

Сахиль с трудом сводил концы с концами. С появлением детей резко возросли расходы. Он никак не мог расплатиться с долгами. Каждый раз, когда сын попадал в трудное положение, Фазилат спешила к нему на помощь. Одалживала деньги, чтобы помочь выкарабкаться. Сахиль к этому привык, считал, что так оно и должно быть. Фазилат, хоть и спохватилась достаточно поздно, но все же, наконец, решила перевоспитать Сахилия, который не испытывал к ней никакой сыновней любви, привык считать ее своею палочкой-выручалочкой, умел подластиться к родителям, когда ему что-то было нужно, а, получив желаемое, забывал их и никогда не интересовался их житьем-бытьем.

В последний год Фазилат перестала оказывать сыну материальную помощь. Собственно, и не могла, при всем желании. Ей и Замину самим с трудом хватало заработанных денег. Она страдала: "Сахиль нуждается в материальной помощи". Бывало, пыталась успокоить себя: "Собственно, ведь это он бы должен взять ее и Замину на свое иждивение". И снова начинала корить себя: "Что же я за мать, если не могу помочь своему сыну?"

Да, семена последних обид Сахилия прорастали в течение целого года. И проросли. Мелких обид хватало всегда. Сын уж вырос таким - считал, что все у него в долгу, а сам никогда не вникал в заботы других.

Фазилат вдруг так затосковала по сыну, что болью защемило ее сердце! Прижать бы его к груди, окунуться лицом в его волосы и помолчать, помолчать о своей безграничной и всепрощающей материнской любви. Вспомнила, что вот уже года два даже в лоб его не целовала - Сахиль этого избегал. При каждой попытке Фазилат приблизиться к нему, сын отдалялся от нее все больше. А как ласков бывал он со своей бабушкой! Обнимал, ластился к ней, целовал в обе щежки, поверял ей и мысли, и чувства, делился своими радостями. Матери только мечтать оставалось о таких отношениях с сыном. Только Сахиль будто и не догадывался о ее переживаниях и желаниях. Он не любил оставаться наедине с Фазилат, не хотел слышать ее излияний, признаний. Ей не вспомнить, чтобы сын хотя бы раз поинтересовался тем, как она живет.

Она была хорошим ученым, с ее мнением считались коллеги, сослуживцы. Ее любили родственники, друзья. Все о ней говорили: добрая душа, и мухи не обидит. А теперь все ее мысли занимала только напряженность в отношениях с Сахилем. Его поведение порождало немало вопросов, тревоживших Фазилат, доставлявших острую боль ее материнскому сердцу. Она не могла говорить об этом с мужем. Он не придавал бы значения ее словам. Не осознавал всей серьезности положения. А как-то даже упрекнул Фазилат:

- Это твоя старая привычка - раздувать из мухи слона. Лучше бы тебе уюмониться и заняться своими делами.

Она обиделась на мужа и какое-то время не заговаривала с ним о Сахиле. Но как-то не выдержала, поделилась вновь с мужем своим беспокойством. Замин внимательно выслушал ее на этот раз и сказал:

- После твоих слов остается только одно - возненавидеть родного сына. Ты этого хочешь?

Тогда Фазилат решила, что больше не станет с ним делиться своими тревогами. Загнала все переживания внутрь - с кем же еще поговорить о них? Кто бы мог ее понять? Ей казалось, что ни у кого не случалось таких напряженных отношений, как между ней и сыном.

Фазилат знала ровесников сына, которые как и он, воспитывались бабушками. Но они выросли не такими, как Сахиль. У них не было никаких особых претензий к своим родителям. Отчего же стал исключением Сахиль? Почему он был так не похож на остальных? Почему постоянно был кем-либо или чем-либо недоволен? Откуда это в нем - брюзжать, считая, что кто-то в чем-то виноват перед ним, повторять это со все новыми подробностями из раза в раз. "Видно, другие родители лучше нас, более внимательны и чутки", - винила Фазилат себя и Замина. Все раздумывала, как спасти положение, но ничего не могла придумать. Ее попытки приблизиться к сыну, найти к нему подход, быть ласковой не увенчивались успехом. Она так и оставалась в одиночестве со своими мыслями, с печалью, которой не было конца. Единственный сын одарял ее только печалью.

Если в жизни и было такое, о чем могла тосковать и чему позавидовать Фазилат, так это искренние чувства любви между родителями и детьми. У нее от обиды за себя на губах высыпало, как от малярии, когда видела детей, внимательных и чутких к своим родителям. А Сахиль ее все избегал. Фазилат не могла появляться с ним у своих родственников и друзей. Его всегда больше тянуло к отцовской родне, к друзьям Замина. Раньше она не придавала этому особого значения. Но с годами убедилась, что его неприязненное отношение ко всем ее близким еще более усугубилось. Это уже не могло не тревожить. Несомненно, здесь не обошлось без влияния свекрови. Ее странные уроки воспитания, наставления год за годом

формировали душу Сахилия. А вода, как известно, и камень точит.

Сахиль с детства был жестоким. Ему доставляло удовольствие истязать животных. Как-то наловил в канаве с ведро лягушек и высыпал их в саду. Кричал от радости, услышав, как они заквакали. А после поймал одну из них и оторвал ей лапы. Фазилат наказала его за это. Сахиль со слезами на глазах от обиды и злости размозил камнем другую лягушку. Фазилат была потрясена. Два дня после этого она не могла прийти в себя, не знала, что делать. А однажды Сахиль утопил в воде своего кролика. Душа у Фазилат противилась жестоким проделкам сына. Она никак не могла понять, откуда в мальчишке такая безжалостность. Сколько не думала, так и не разгадала этой тайны. Было в этом нечто такое, чего она не могла постичь. Одно только ясно - многое мальчик проделывал, чтобы вывести ее из себя.

- Прошел твой озноб? - Это подсел к ней Замин.

- Пройдет. Это, наверное, грипп. Не беспокойся.

- Что-то не нравится мне цвет твоего лица, - сказал он, заглядывая ей в глаза.

- Не беспокойся, - повторила Фазилат, пытаясь унять дрожь в своем голосе.

- Может, чаю тебе принести?

- Пока не хочу. Спасибо.

Не было в жизни у Фазилат более печальной ночи. Ей казалось, что время остановилось. Но если это так, отчего же тикают часы? Да, это сердце стучит. Но она не помнит, чтобы оно у нее стучало вот так.

Фазилат, не мигая, внимательно вглядывалась в фотографию Сахилия. Вся в слезах только и шептала: *"Прости меня, сын мой, если можешь, прости. Я не сумела стать хорошей матерью для тебя, такой, о какой ты мечтал. Я достойна и гнева твоего, и нена-*

висти. Принять бы мне на себя все муки твои и страдания, всю горечь и боль твою. Я не была для тебя хорошей матерью, хотя бы ты стань хорошим отцом для своих детей, не обижай их, не повторяй моих ошибок. Знаю, много печали накопилось в твоём сердце из-за меня, многое делала я неправильно, было немало неприятного в моём отношении к тебе. Но во всем этом не было никакой преднамеренности, все происходило само по себе, помимо моей воли. Не зависело все это от меня. Будь уверен в одном, я всегда любила тебя больше жизни. Иначе и быть не могло. Ты ведь у меня один, единственный. Ведь весь смысл жизни для меня связан только с тобой. Жаль, что дети не могут видеть материнское сердце. Если бы увидели, никто из них не ранил бы сердца своей матери. Но и я не читала в твоём сердце, не сумела - не хватило для этого сил моих. Вернее сказать, недостаточно старалась. Все я оставила на суд времени, на волю судьбы. Хорошая мать не делает такого, будет бороться с жизнью, преодолеет все трудности, не отступит. Значит, я не была настоящей матерью, проявила слабость, беспомощность, когда следовало быть сильной для своего чада, не бросалась в огонь и воду во имя его любви. Чего-то стеснялась, чего-то боялась, чего-то остерегалась. Нет, не стала такой матерью, о какой ты мечтал. Прости меня за все это, Сахиль, прости мне мои бесчисленные недочеты, ошибки. Прости, прости, мой дорогой мальчик, свет очей моих..."

Фазилат затагнуло в водоворот безнадежности, беспомощности. Угасла любовь к жизни. Жизнь утратила для нее красоту и притягательность.

"Он всегда будет холоден ко мне. Отчужденности его нечего и противопоставить. Может быть, он опомнится лишь тогда, когда меня уже не станет. А пока я жива, ничего не изменится. Его может вразумить лишь потрясение. Таким событием и станет для него моя кончина".

Эта неожиданная мысль как будто принесла ей маленькое, слабое утешение. Стала молить Бога о смерти, ни о чем и никогда так не просила.

* * *

...Его разбудил телефонный звонок. Сахиль не понял, что говорит отец. Но он уловил дрожь в его охрипшем голосе:

- Твоя мать навеки закрыла глаза.

Сахиль похолодел. Мысль о чем-то неприятном заплутала в сознании.

- Я не пойму твоих слов. Говори поясней.

- Твоей матери уже нет.

- Как это - нет?

- Ночью... скончалась...

У Сахили закружилась голова, земля словно уходила из-под ног.

Натаван испугалась, увидев его лицо - оно побелело, как мел.

- Что с тобой? Что-то случилось? - встревоженно спросила она. Сахиль не услышал, а если бы и слышал, не смог бы ответить. Весть потрясла все его существо. Случилось такое, о чем он и подумать не мог. Его будто парализовало. Он еще не успел до конца осознать услышанную весть. Как это - мать скончалась? Ведь только вчера она была здесь, цела и невредима. Сколько же ей было лет? Кажется, месяц назад исполнилось 46. Что с того, что Сахиль не зашел к ней на день рождения, и по телефону не поздравил?

В его ушах снова зазвучал дрожащий голос отца: "Твоей матери нет". Невольно и горько подумалось: "Может, он шутит?"

Набрал телефонный номер родителей. Ответил незнакомый человек. Был слышен плач. Бросил трубку и пошел к выходу. Спустился по лестнице, перешел улицу. До родительского дома - 400-500 метров. Он чуть ли не бежал, будто за ним гнались. Не замечал, что дует холодный осенний ветер, что вышел из дому в легкой теннис-

ке и тапочках. Ничего и никого он вокруг не видел и не слышал.

Когда с лицом, бледным, как полотно, Сахиль, запыхавшись, вошел в дом, кто-то обнял его за плечи. Кажется, это была соседка:

- Мужайся, Сахиль, со всеми бывает.

Сахиль отстранил ее от себя движением руки и еле слышным голосом спросил:

- Где моя мать?

- Там, в спальне.

Мать лежала на своей кровати. Смерть еще не полностью тронула цвет ее лица. На первый взгляд даже казалось, что она просто спит. "Вот бы произошло чудо, открыла глаза и глянула на меня", - подумал Сахиль. Он стоял у двери, не смея приблизиться к ней.

- Проходи, сынок, посиди возле матери. Больше ты ее не увидишь. Не стой так, выплачь свое горе. Никто на свете тебе не заменит мать, - это говорила сквозь слезы та женщина, что встретила его у входа.

Женщина прошла в смежную комнату, а Сахиль все еще стоял в замешательстве. Вошел Замин:

- Ночью скончалась. Я узнал только утром. Вчера состояние было неважное. Но в последнее время с нею часто бывало такое. Вот я и не придал значения. Откуда же мне знать, что это произойдет.

Голос у отца задрожал. Сахиль только теперь заметил, как он состарился. Почувствовал жалость к нему: "Отцу будет тяжело". А тот начал говорить про что-то, кажется, про мечеть, про омовение, про то, что уже ездил на кладбище, что вынесут покойницу в 2 часа... Сахиль слушал и ничего не понимал. Не отрывая взгляда, продолжал смотреть на мать. Кажется, только теперь начал осознавать, что случилось непоправимое. Кажется, сделал свое дело дождь упреков, обрушенных им вчера на голову матери. Ее сердце не выдержало.

Сахиль робко приблизился к матери, пригнулся над ее изголовьем. Впервые с того дня, как начал осознавать себя, обхватил ее го-

лову руками и стал осыпать поцелуями уже похолодевшее лицо. Он плакал навзрыд, как дитя, обливая слезами волосы, лицо и шею матери. Но ей этого уже не было нужно. Ее уставшая, истрадавшаяся душа покинула этот мир. Лицо обрело землисто-желтый оттенок. Под глазами обозначились темные круги, волосы уже не назвать было седыми, они стали белоснежными.

Сахиль поднял к своим губам похолодевшую руку матери и вздрогнул, увидев зажатую в ее ладони фотографию. Это он сам - снимался в день окончания десятого класса. В последние мгновенья жизни мать вглядывалась в его фото. Сахиль был потрясен.

Время перестало быть реальностью для него. Он положил голову на грудь матери и забылся во власти воспоминаний. Впервые почувствовал, как пронизывает сознание свет и тепло безвозвратного детства, отрочества и юности.

...Сахиль лежал в больнице. Жар не спадал. Когда, наконец, открыл глаза, мать ласково прижимала его к своей груди, целовала в лицо. Она сильно сдала от усталости, недоедания и бессонных ночей над его изголовьем.

- Ах, Фазилат, что ты так убиваешься? Дети так и растут, болеют и выздоравливают, - пытались хоть как-то привести ее в чувство все, кто навещал в больницу. Но она будто ничего не слышала.

У Сахили тогда было заражение крови. Ровно двадцать дней пролежал он в горячке. Только после этого температура начала понижаться, и дело медленно пошло на поправку. Когда его выписали из больницы, от матери оставались лишь кожа до кости. Будто не он болел, а она.

Сахилию было семь лет. В селенье вместе с соседями пошли в лес. Он прятался от матери за деревьями: "Пусть подумает, что я заблудился". Она в панике начинала звать, окликать его, а он лишь усмехался себе, глядя на нее из своего укрытия.

Потом стали играть в казаков-разбойников. Ничего на свете не

любил Сахиль больше этого. Ему нравилось, что в этой игре присоединялась к детям и мать. К его радости, бывало, даже плутовала. Когда возвращались, у Сахили подвернулась нога. Мать несла его на спине больше двух километров.

...Как-то вдвоем с матерью поехали они в гости к родственникам в дальнее село. Фазилат, которая знала, как Сахиль любит лошадей, приготовила ему сюрприз. В его распоряжение на три дня предоставили скакового коня. Потом весь год он переживал впечатления от той поездки. По памяти написал десятки акварелей. Мать устроила ему персональную выставку в детской художественной галерее.

...В Баку, на пустыре за их домом из земли выходила какая-то странная глина. Каждый день, возвращаясь домой из школы, Сахиль специально проходил через пустырь, чтобы набрать этой глины в подол своей рубашки. Мать решила, что лучше для этого класть ему в ранец бумажные кульки. Но он все равно продолжал набирать глину в подол рубашки, чтобы разозлить мать. А она только немного поворчит и тут же выстирывала рубашку. Для нее не было секретом, что Сахиль увлекся скульптурой. Он лепил фигуру коня. Вот уже десять дней бился над этим. Несколько раз мать и сама ходила вместе с ним на пустырь за глиной. Она больше всех радовалась его творческим способностям.

Когда, наконец, скульптура коня удалась, ее поставили на шкаф. Получилась на славу. Мать не уставала любоваться. Вечером из-за неосторожного движения Сахили скульптура упала и разбилась. Сахиль заплакал с досады. Вместе с ним и мать. Тогда он разозлился на нее из-за этого.

...Угрызения совести запоздали. Теперь все в прошлом. Отныне он остался без матери. Ему не видеть и не слышать ее. Отныне не будет он обижать свою мать, досаждать ей напрасными упреками, отравлять ей жизнь.

Ему было не по себе от своих воспоминаний. Запоздали они,

пришли вместе с угрызениями совести лишь теперь, когда мать ушла навеки. Запоздало его раскаянье в своей несправедливости и жестокости к ней. Она уже никогда об этом не узнает.

Мать скончалась еще молодой и красивой в свои 46 лет, скоропостижно ушла из жизни. Сиротливо и пусто стало Сахилю без нее на свете. Он осознавал, что повинен в ее кончине. Любящее материнское сердце не выдержало его беспримерной жестокости. Это стало последней каплей, переполнившей чашу ее терпения.

Мать отвезли для омовения в мечеть. Оставшиеся дома родственники переговаривались между собой.

- Что толку откладывать, у нее только один сын и он здесь. Нужно сегодня же и похоронить.

Тети и дяди Сахилия старались не проливать слез. А бабушка плакала громко - на публику:

- На кого же покинула ты нас, невестка наша, вай-вай!

Это раздражало Сахилия. Впервые был так неприятен ему голос любимой бабушки.

В два часа похоронная процессия двинулась на кладбище. Сердце Сахилия пронзило острой болью. Мать уносили туда, откуда нет возврата. Она уже никогда не одарит его своей обаятельной улыбкой, не поговорит с ним, не спросит о делах, о заботах, не будет больше ее советов и помощи.

Он почувствовал себя таким несчастным... В ком теперь ему искать поддержки, кто протянет ему руку, если споткнется и упадет, кто дорогу укажет, если заблудится, кто утешит в трудные минуты? Ведь ни шагу в жизни не сделал Сахиль без материнского участия. Все было связано с ней - диплом, работа, армия, квартира, семья, дети. Теперь он останется один на один со всеми своими проблемами в этом огромном мире. Нет никого на свете, кто стал бы печься о нем, как мать. Кому он нужен? У каждого - своя жизнь.

Каждый раз, когда Сахиль обижал мать, она говорила:

- Мне нужно умереть, чтобы ты понял, кто я для тебя. Пока я жива, тебе этого не понять. Такова человеческая природа: что имеем - не ценим, а потеряв - плачем. Ничего, придет день, когда меня не станет. Тогда и поймешь, что такое материнское сердце.

Перед глазами стояло родное, ласковое лицо матери. Сахиль думал о том, что никого на свете не любил, как мать. Только отчего-то никогда не выказывал этого, стеснялся. Он таил свою любовь столь глубоко, будто боялся, что его четвертуют, обрекут на самое суровое наказание. Будто кто-то ему наговаривал, что это нехорошо - любить свою мать. Кто же его принуждал к дурным, необдуманным поступкам по отношению к ней?

Вспомнилось, что ни разу в жизни не преподносил матери цветов, никаких ей не делал подарков. Месяц назад был у нее день рождения. Она позвонила ему на работу - просила зайти. Позвонил и отец, не знал, что Фазилят его опередила. Оба звонили по несколько раз, но Сахиль так и не соизволил зайти к ним. Продемонстрировал свое равнодушие и безразличие к матери.

Сахилью вдруг стало так больно за свою мать, так жалко ее... Наутро после дня своего рождения мать, как ни в чем не бывало, заехала к ним, обняла и расцеловала невестку, поиграла с внуками. А потом выложила на стол сладости, которые привезла в большой сумке. Самое главное - любимый торт Сахили: ореховый. Он, в свою очередь, тоже как ни в чем не бывало, с удовольствием скушал кусок от этого торта. Опять сделал недовольный вид:

- Много ореха. Так и не научилась печь торт.

Натаван решила спасти положение:

- Не обращайтесь внимания на его слова.

Потом она принесла и поставила на стол бутылку шампанского. Обратилась к мужу:

- Вчера был день рождения твоей матери, хотя бы теперь скажи тост, поздравим именинницу.

Видя, что он сидит совершенно безучастным, сказала свекрови:

- Странный какой, вчера звонил домой через каждый час, говорил, жди, вот-вот буду, поедem к матери. А пришел домой только в 11 часов ночи.

Натаван пришлось самой раскупорить шампанское и разлить по бокалам. Тост она тоже произнесла сама:

- С днем рождения, мечтаю, чтобы наша дочь была похожа на вас.

Сахиль прервал ее:

- Не дай Бог!

Натаван виновато глянула на свекровь:

- Ради Бога, не обращайтесь на него внимания. Он и сам не знает, что говорит.

Мать и в самом деле, кажется, не обратила внимания на его слова. Взяла на руки Самиру, которая точь в точь была похожа на бабушку, ласкала и целовала внуку. Но когда уходила, была какой-то странной, растерянной. Сахилью это припомнилось только теперь, когда с того дня прошло уже больше месяца.

Он себя возненавидел. Он плакал из-за своих бесчисленных грехов перед матерью.

Больше матери не было, той, которую все любили, уважали, а он избегал, сердце которой ранил своей холодной отчужденностью, которой доставлял столько страданий. Нет матери, которая одна и сопереживала его горестям, вникала во все его нужды, любила и понимала его, всегда думала и пеклась о его благополучии. Никто и никогда ее не заменит.

Словно с того света доносился голос матери:

- Побойся Бога, не кури эту гадость.

Его пронизала дрожь. Вчера мать заходила к ним, чтобы об этом ему и сказать. Она его умоляла. А Сахиль возмутился, чуть ли не до безумия. Вчера он и слушать ее не хотел, мало того, что не

признал своей вины, да еще пытался доказать, что именно она является виновницей всех его несчастий. Вчера Сахиль был будто сам не свой. А сегодня все изменилось.

Он провожал свою мать в последний путь.

1998 г.

РАССКАЗЫ

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Пчелы, жужжа, кружили над ульями. Их назойливый гул никак не смолкал. Несомненно, это из-за него-то она и не могла никак заснуть. Не выдержав, встала и посмотрела на часы: не было и шести утра. На улице царила мелодия тишины, убаюкивающая в утренней прохладе. Вставать было рано. Зевнув, она попыталась снова заснуть. С детских лет она любила утренний сон, никак не могла насытиться им в школьные годы. Когда у нее не бывало первого урока, с вечера просила: "Мамочка, разбуди меня как обычно". "Но у тебя же нет первого урока", - напоминала та. Девочка отвечала: "Все равно, разбуди меня в обычное время, чтобы я смогла сказать, "ух, как хорошо это" и с удовольствием уснуть. Над этой ее причудой смеялись все домашние.

От этих воспоминаний ее губы тронула улыбка. Захотелось окунуться в сон, как в детстве, повторив "ух, как хорошо", но пчелы не давали ей покоя. Наконец, нехотя встав с постели, она подошла к окну.

Занималась заря. Небо окрасилось в неописуемо красивые цвета. Любуясь заревом, она ощущала, как сердце наполняется счастьем. Ветер доносил свежий запах слегка трепещущей листвы деревьев. Это успокаивало. Поначалу этот аромат, наполнив дом, принес ей облегчение. На душе становилось легко. Ветер играл ее распущенными волосами. Ей захотелось расправить крылья и взлететь в небо, парить в вышине подобно орлам. Хотелось искупаться в утренних лучах, поделиться умиротворенностью с небом, землей и всей природой. Но вот, прежний шум вновь коснулся ее слуха: "Жуууууууууу..." "Да, что же это такое? - она не знала, что делать, - все спят, а мне

эти звуки покоя не дают".

Вдруг ее взгляд скользнул по оконной раме. Она была засижена сотнями пчел! Целый рой... "Ого! Да здесь прямо митинг!" - сказала она, смеясь. Вспомнила слова своей дочери Экер. В детстве та, впервые увидев рой пчел, спросила у матери: "Они что, к митингу готовятся?" Пчелы, прилетевшие на "митинг", работали суетливо и шумно, - рой был похож на дергавшийся моток ниток. Он так завладел ее вниманием, что она не в силах была отвести глаз.

Вдруг заметила, что в уголке окна пчелы сооружали себе гнездо. Алей, не отрываясь, смотрела на этот своеобразный улей, на красивые "домики" в нем. Пчелы работали прилежно, без устали. Она была поражена. Пчелы строили себе дом как заправские мастера. Какая ловкость, какое трудолюбие... "Господи, ну и диво! Надо же, они выбрали именно мое окно для своего гнезда... Это маленькое гнездышко постепенно разрастется, потом наполнится медом. И мы все вместе будем его собирать", - размечталась она. "Желаньям человеческим нет конца, выполнять их, что лить воду в бездонный колодец. Вот и я, например, рассчитываю на дань из этого маленького улья, хотя у меня дома и стоит целый горшок с медом".

Но, увиденное радовало Алей: "Пчелы дома - это хорошо. Я никогда не видела, чтобы они строили гнездо в городе. Наверное, это к счастью. Ведь обычно пчелы выбирают тихие, недоступные места. Наверное, наш подоконник показался им именно таким".

Ей было необычайно весело, она радовалась, как маленький ребенок. После долгого наблюдения за пчелами, она, наконец, окликнула мужа:

- Мурад, вставай, глянь-ка, что творится за окном!

Муж не отозвался.

- Ты меня слышишь? Подойди сюда.

Тот сердито пробормотал:

- Ну, что ты хочешь? Дай поспать.

Алей не отставала:

- Открой глаза, ну, посмотри сюда!

Муж не сдвинулся с места и неохотно сказал:

- Я что ли виноват, что у тебя бессонница?

Видя безразличие Мурада, она прошла в другую комнату и разбудила дочку:

- Экер, вставай родная. С тебя магарыч за добрую весть!

Девушка сразу открыла глаза:

- Что случилось?

- Сперва скажи, что я получу взамен?

- Если новость хорошая, с меня генеральная уборка.

- Ну, если так, то иди за мной.

Увидев маленькое гнездо, Экер вскрикнула от радости. Девятнадцатилетняя девушка прыгала и хлопала в ладоши, как дитя. Их голоса разбудили, наконец, и Мурада. Он также был изумлен открывшейся картиной.

Несколько последующих дней, наблюдая за сооружением гнезда, в семье обсуждали это явление. Муж с женой, - вернувшись с работы, а дочка - с занятий. Они сразу же подбегали к окну и подолгу любовались на жужжащих трудяг, и только потом начинали заниматься своими делами. Гнездо постепенно росло, и радость в семье тоже росла. Все разговоры только и были о пчелах. Верили, что когда-нибудь это маленькое гнездо разрастется и наполнится медом.

Однажды, вернувшись с работы, Алей застала Экер расстроенной. Увидев свою всегда веселую, жизнерадостную дочь притихшей, она сказала:

- Что случилось, моя милая?

Девушка не отозвалась.

- Ты что, дала обет молчания? Я так заботливо растила красивую и добрую девочку, а она сейчас и поговорить со мной не хочет...

Подойдя к окну, Алей продолжала:

- Совсем скоро у нас будет много меда. Вам, городским, этого не

понять.

После этих слов Экер не выдержала:

- Мама, чему ты радуешься? Я только теперь поняла, почему пчелы собираются у нашего окна. Все говорят, что это не к добру... Мы должны их прогнать, иначе не миновать беды.

Алей засмеялась:

- Кто тебе наговорил таких глупостей, моя предсказательница? Запомни: пчелы селятся только в домах трудолюбивых и счастливых людей. Потому-то они и построили свое гнездо у нашего окна.

Экер так и не смогла переубедить мать и умолкла, сказав напоследок:

- Будь, по-твоему, мама. Как говорится, твоими устами да мед пить.

Алей никак не могла понять этой тревоги дочери. На память ей пришла история из далекого детства. В то время они жили в селе. Их семья содержала на самой окраине леса огромный сад. Его все называли "Бездонным оврагом". Каждый год он приносил тонны фруктов. Одних только груш было более двадцати сортов. Самым старым деревом в этом саду была "Медвежья груша". К нему с его маленькими невзрачными плодами никто не подходил. Дерево было таким же огромным еще при детстве отца Алей. Фруктов на нем бывало множество, но безвкусные плоды никому не нравились. "Медвежья груша" росла в одиночестве в дальнем углу сада.

Однажды ночью Алей услышала разговор отца с матерью:

- Айша, помнишь "Медвежью грушу" в "Бездонном овраге"?

- Конечно, помню. Сколько раз я просила тебя срубить ее, она только зря занимает большую часть сада.

- Так вот, хорошо, что я не сделал этого. Как гласит пословица, слушай жену, а поступай по-своему.

- Может ты нашел улей в дупле? - засмеялась мать.

- Да, нашел.

- Ладно тебе шутить!

- Я не шучу, это правда. Айша, сегодня я своими глазами увидел это чудо. Пчелы так и суетились в дупле.

- Не может быть!

- Может.

- Значит, у нас будет много меда...

- Сегодня я побывал в саду с Чигали. Кто лучше него разбирается в этом деле?

Чигали был отличным пчеловодом. Односельчане называли его "Чигали - Бычья кровь", так как пчелы никогда не жалили его. Когда приходило время подчищать соты, все соседи обращались к нему.

Проснувшись утром, Алей никого не застала дома, кроме младшей сестренки. Вспомнив подслушанный ночью разговор, она помчалась к "Бездонному оврагу". Мать, отец, старший брат и сестра вместе с Чигали стояли возле грушевого дерева. Указав на рой пчел, Чигали сказал:

- Кадыр, отведи подальше детей, ато, чего доброго, пчелы ужалят.

Затем он вытащил из кармана порох, поджег и бросил в дупло. Раздался хлопок, и пчелы всю засуетились.

Чигали еще дважды повторил свое действие. Оглушенные пчелы падали в бадью с водой, поставленную у дупла. Их было видимо-невидимо.

После очередного взрыва Чигали взял бадью и выплеснул воду с пчелами. Алей вместе с братом и сестрой пытались сосчитать убитых пчел, но их было так много, что дети сбились со счета.

Чигали полез на дерево. Найдя в дупле гнездо, он отломил маленький кусочек от сот, положил в рот и облизнулся.

- Сто лет не пробовал такой вкуснятины! - сказал он. Затем отломил еще один кусочек и предложил остальным: - отведайте вкус настоящего меда.

Отец отломил от сот и дал каждому по кусочку. Мед из нектара

весенних цветов был превосходным. Поудобней усевшись на ветке, Чигали сказал:

- Кадыр, подвинь к дереву самую большую бадью, и клади туда соты, которые я буду тебе передавать.

Чигали передавал соты Кадыру, тот складывал их... Увидев, что бадья полна, Чигали сказал:

- Кажется, нам придется работать допоздна.

Мать все несла из дома горшки, кастрюли. Сколько меда из одного улья! Это надо было видеть своими глазами... У Чигали даже затекла поясница. Глянув на всю переполненную тару, он сказал:

- Здесь еще много меда. Я чуть передохну, а вы принесите еще посуды.

Наконец, он завершил свою работу. Солнце давно село за горами, дул вечерний ветерок. Спустившись с дерева, Чигали взял корыто и засунул его в дупло со словами:

- Пусть побудет там до утра - в нем скопится весь оставшийся мед.

Отец с матерью были очень счастливы.

- Да, нам теперь на три года меда хватит, - улыбался отец.

Наутро, когда они снова пришли в сад, корыто уже было доверху наполнено медом. Увидев, что мед уже потихоньку перетекает через край, отец обратился к Алей:

- Доченька, принеси пару листьев лопуха, жалко терять эти драгоценные капли. Дети несколько дней облизывали листья, вновь и вновь заменяя их в дупле на новые.

Алей вспомнила еще один случай. Когда родился ее младший брат Рагдан, бабушка подарила отцу с матерью улей и сказала:

- Дорогой сын Кадыр! Пусть твое дитя будет таким же сладким, как мед в этих сотах! Пусть с рождением этого малыша ваша жизнь изменится к лучшему! А теперь вытащи гребни из улья и собери мед.

Отец принес улей домой, поставил на бадью, наполненную водой,

и поджег порох. Главной забавой для детей стало пересчитывание убитых пчел. Все гребни были заполнены медом, а улей полностью очищен.

Как-то весной Алей стала свидетельницей удивительного случая. Мать повела детей в сад, на место старого дома. После постройки нового, двухэтажного, отец захотел было разрушить маленькое одноэтажное строение, но дед ему не позволил: "Еще пригодится", - сказал он. С тех пор двери этого домика мать открывала пару раз в году.

Когда они дошли до старого дома, то страшно удивились: можно было подумать, что это не дом, а один большой улей. Сколько же там было пчел! Со всех сторон доносилось жужжание. Интересно, почему их здесь так много? - думалось каждому.

Мать, намотав на палку старую тряпку, подожгла ее и забросила в дом. Одурманенные дымом пчелы стали покидать свои гнезда. И перед ними открылась удивительная картина: вся стена веранды была полна медовых гребней. Пчелы так искусно "изрисовали" стену, что узоры напоминали работу настоящего художника.

- Пчелы селятся только в плодородных местах, - счастливо улыбаясь, сказала мама.

Тот год выдался действительно очень урожайным. Сады ломились от фруктов, а поля - от злаков.

...На работе Алей рассказала о своих пчелах пожилому сослуживцу. Тот нахмурился. Алей нетерпеливо спросила:

- Скажите мне правду, это к добру или же...

- Здесь нет ничего хорошего, дочка. Уничтожь это гнездо, разгони всех пчел, - сказал старик.

- Ну как я могу уничтожить гнездо? Ведь они с таким усердием строили его! И еще не достроили до конца.

- Да не рассказывай ты о них с такой любовью! Разгони их, а не то...

Алей прервала его.

- Разве не жалко? Они же живые существа. Получается, что я разрушу чей-то дом...

Погрузившись в работу, Алея не вспоминала о пчелах до самого вечера. А вечером у них были гости, поэтому к гнезду никто не пошел.

В полночь Алея проснулась с тяжелым чувством. На поясницу, будто что-то давило. Ей подумалось, уж не домовой ли ее допек. В голову лезли мысли одна другой грустнее, как на подбор. Она попыталась взять себя в руки: "Ну что с тобой? Не печалься, гони прочь дурные мысли".

Успокаивая себя, Алея вдруг вспомнила про улей. Вскочив с постели, она бросилась было к окну, но, вспомнив слова старика, остановилась. Тут ей припомнились и слова матери - она говорила, что дикие пчелы не дают меда. Алея только сейчас догадалась, что это не пчелы, а осы. Разом, возненавидев и их самих, и их труд, она решила про себя: "Я разрушу это гнездо!"

Утром Алея разбудил телефонный звонок. Она направилась к телефону, но трубку поднял ее муж, который был в другой комнате. "Интересно, кто это звонит ни свет, ни заря?" - подумала Алея и взяла трубку на параллельном аппарате. Она услышала разговор мужа с какой-то женщиной.

- Мурад, вот уже несколько дней от тебя ни слуху, ни духу. Почему не заходишь? - спрашивал нежный голос.

- Я не могу сейчас говорить, перезвоню позже.

- Когда?

- Как приду на работу.

- Жена дома?

- Да.

Алея словно кипятком ошпарили. Жизнь остановилась для нее. Слова мужа поранили ее. Алея показалось, что внутри у нее шевелится клубок змей. Ей захотелось пораньше уйти на работу. Кажется, Мурад понял, что она о чем-то догадывается. Чтобы рассеять ее

сомнения, он должен был что-то сказать. И сказал:

- У меня нет ни гроша! Дай в долг, верну, когда получу зарплату.

Алей хладнокровно ответила:

- И у меня нет.

Мурад сделал вид, будто не понял и опять попросил денег.

Алей резко ответила:

- Возьми у кого-нибудь другого.

И, хлопнув дверью, вышла из дому. Так и не оправившись от удара, Алей словно горела и задыхалась, как запертая в огромной печи без дымохода. Весь мир казался ей серым. Ее ничто не утешало, она никого не хотела видеть.

Только добралась до работы, как ей позвонила подруга из клиники:

- Сегодня у нас ведет прием известный профессор. Это очень опытный врач. Расскажи ему о своей проблеме.

- Хорошо... - нехотя ответила Алей. Когда она уже собиралась сесть в автобус, откуда-то вынырнула машина и остановилась рядом с ней. Это был Мурад:

- Куда ты идешь?

- В клинику.

- К профессору?

- Да.

- Садись, подвезу.

В машине они не проронили ни слова - каждый думал о своем. У самой клиники муж спросил:

- Ты надолго?

- Не знаю.

- Если я не приеду через час, возвращайся сама.

Пожилой профессор был высокого роста, с длинной седой бородой. Он задавал Алей подчас такие вопросы, которые другим врачам, возможно, и в голову бы не пришли. Она почувствовала, что он,

действительно, опытный специалист. После беседы, по его требованию ей пришлось пройти УЗИ. На экране компьютера профессор увидел нечто напоминающее цветок с раскрывающимися и закрывающимися лепестками, и показал это Алей. Понаблюдав некоторое время за этим "цветком", врач сказал:

- Ты видишь этот шар? Если бы его края были ровными, он был бы доброкачественным. Однако в твоём случае это не так. Он уже успел пустить корни, и я не знаю, как глубоко. Его нужно срочно удалить.

- Другого выхода нет? - дрогнувшим голосом спросила Алей.

- Как вам сказать? Я не могу обещать, но и пугать вас не хочу. Если в течение десяти дней не сделать операцию, то корни могут прорасти еще глубже.

Профессор вышел. Алей так и застыла, как оглушенная дубиной. У нее не было сил даже на то, чтобы подняться с места. Она не знала, что делать, как быть. "И зачем только я пришла сюда? Лучше бы я и не знала о своей болезни", - думала она. Но было уже поздно - сегодняшний день изменил всю ее жизнь.

"Вот и разбилась моя лодка", - печально думала Алей, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Что же, как говорится, лук без тетивы, годится только на дрова". Возвращаться домой казалось пыткой. "Как же мне не хочется домой. Мурад, наверное, даже порадует". То и дело вспоминалось утреннее: "Будь они знакомы недавно, не говорили бы так интимно. Значит, все это время Мурад обманывал меня. Ну что ж, ему повезло. Когда меня не станет, он сможет позволить себе все, что захочет. Да и что я могу изменить?"

В этот миг она ненавидела своего мужа, но была в этой ненависти слабость, печаль, горечь. При мыслях о своем несчастье и счастье мужа, мир казался ей невероятно тесным. Женщина, испытывавшая сегодня такие муки, походила на маленькую птицу со сломанными крыльями. "Такая операция стоит больших денег. Где я их возьму? Муж сам вечно одалживает у меня. Да и будь у него эти деньги, раз-

ве он дал бы их мне? Он нашел бы им лучшее применение. У кого же попросить в долг? Как сказать братьям? У каждого своя семья, свои заботы. А сестры? Эх, при слове "деньги" они тут же начнут жаловаться на жизнь". Думая обо всем этом, она печально сидела, застыв, не в силах сдвинуться с места.

- Ты идешь?

Это был голос ее сына. Увидев Рича, она обрадовалась, забыв о своем горе. Но сын, как всегда, торопился. Он даже не дал матери ответить:

- Я опаздываю! Отец попросил, чтобы я отвез тебя домой. Я не мог отказать ему. Не мешкай, садись в машину. У тебя две минуты, - на одном дыхании сказал парень.

- Разве я успею за две минуты, сынок? Ведь профессор должен дать мне бумаги.

- Ну, так давай, возьми их... Я опаздываю на работу... - сердито сказал сын.

- Смотрите же, не тяните с операцией... - Эти слова профессора услышал и Рича, но не придавал им никакого значения.

Алей обиделась на сына. Она смогла бы выдержать все - диагноз, поставленный врачом, любую боль, но только не безразличие родного сына. Ей хотелось толковать его реакцию по-другому: "Может он не расслышал. А может, не понял. Он ведь все-таки ребенок".

- Ты слышал слова профессора? - тихим голосом спросила она.

- Слышал. Ты идешь на операцию? - Не дождавшись ответа на свой вопрос, он включил магнитофон. - Хорошая песня? - спросил "ребенок" - двадцатилетний Рича.

- Очень хорошая, - ответила мать.

Больше они не проронили ни слова. Доехав, Алей вышла из машины и попрощалась. Дома ей подумалось: "Как хорошо, что у меня есть Экер. Увидит меня в таком состоянии и все поймет. Обнимет и расцелует".

Сейчас у нее было только одно желание - увидеть родную дочь и

поговорить с ней по душам о своем горе.

Экер прихорашивалась, куда-то собираясь. При виде матери, она спросила:

- Что с тобой, мамочка?

- Ничего, дорогая.

- Скажи правду.

- Я же сказала, ничего, - упавшим голосом ответила Алей. Но ей так хотелось, чтобы Экер подошла к ней, и, всмотревшись в ее глаза, спросила, что за горе ее гложет. Но, девушка, надев свой новый наряд, продолжала прихорашиваться перед зеркалом.

- Мама, ну скажи, что с тобой? - спросила еще раз Экер, глядя в зеркало.

- Ничего! - снова ответила та.

Экер обиделась:

- Ты даже не смотришь на меня...

Ни о чем больше не расспрашивая мать, она сказала:

- Меня ждут подружки. Вернусь через два часа. Не скучай.

Свекровь, приехавшая погостить из района, спала в другой комнате. Проснувшись от шума захлопнувшейся двери, она поднялась и вышла к Алей:

- Ты уже пришла?

- Да.

- Что нового на работе?

- А я из клиники. У меня проблемы со здоровьем, мне срочно нужна операция.

- Да не слушай ты этих врачей, они ничего не знают, - тихо проговорила свекровь и сразу же переменила тему. Начала рассказывать про свои болячки. У нее болели ноги. За десять дней она побывала у нескольких врачей, в нескольких больницах. Мурад каждый день отводил ее к новому врачу. Восьмидесятилетняя женщина ухаживала за собой как следует. "Здоровье - это дар божий", - постоянно повторяла она.

Алей поняла, что бесполезно рассказывать ей о своем горе. Слезы лились из глаз, кровью обливало и сердце. Ей так хотелось выплакаться, положив голову на колени родному человеку, она так нуждалась в мужском плече. Но муж сейчас был для нее самым далеким человеком на свете. Сын даже не вспоминал о ней. А у Экер не было времени - ее ждали подруги. Но может быть, вернувшись домой, она поинтересуется самочувствием матери? Семья, которую Алей создала, теперь была так далека от нее! Родные люди стали ей чужими. Они и знать не знали, что у нее на душе. Куда идти? Кому рассказать о своем горе? Она вспомнила о своей близкой подруге, вдове Саре. Может быть, та выслушает ее?

Сара, которая любила рассказывать о себе и своих проблемах, увидев Алей, обрадовалась:

- Как хорошо, что ты пришла. А то мне даже не с кем поделиться своей бедой, - сразу подступила она к Алей, не дав ей вымолвить ни слова. Так и ушла Алей от нее не высказавшись.

Она вернулась на работу. Ее коллега Самед, увидев Алей, удивился. Чувствуя, как к горлу будто подступил комок, она про все рассказала ему и добавила:

- Мне бы выплакаться...

Самед утешал ее, как мог. Но Алей не слышала его слов. Она, как грозовая туча готова была излиться слезами. Но выплакаться хотелось не в одиночестве, а рядом с близким человеком. Самед этого не смог понять.

- Я выйду в другую комнату, а ты поплачь, глядишь, и полегчает, - сказал он. Больной, одинокой и несчастной женщине уже расхотелось и плакать. У нее словно высохли все слезы.

Спустя какое-то время, Алей открыла дверь - Самеда уже и след простыл. "Куда он подевался?" - подумала она, вышла из комнаты, собираясь умыться, но тут же остановилась. У лифта шла негромкая беседа. Это был Самед, а рядом с ним стояла женщина, которая иногда заходила к нему. Алей они не заметили. У нее вдруг

запылали щеки, словно от крапивы. Так и не умывшись, она вернулась в комнату, взяла свою сумку и вышла на улицу. Все ее родные были заняты своими делами. В их жизни ей не было места - его заняли другие...

Как только она вошла в дом, зазвонил телефон. Это был Самед.

- Алей, почему ты ушла? Я вернулся, а тебя уже не было. Твой рассказ так меня расстроил, что у меня прихватило сердце, и я спустился в аптеку за лекарством, - соврал он. "А мою боль рекой размыло", - сказала Алей про себя. Дома она чувствовала себя бедной родственницей. "Интересно, сколько мне осталось жить?" - задавалась она вопросом, но не находила ответа.

Вдруг она услышала жужжание: осы достраивали свое гнездо. Алей рассердилась: "Какая же я глупая! Я не заметила беду, которая все это время была у моих дверей." Ее осенила мысль, что все беды из-за этого гнезда. Намотав тряпку на палку, она подожгла ее и бросила на осиный дом. Осы начали падать одна за другой. Но этого ей показалось мало, она взяла нож и передавила всех ос. Затем, сняв гнездо с оконной рамы, внимательно взгляделась в него: оно было пусто. Алей вспомнила слова матери: "Дикие пчелы не дают меда".

Это гнездо напоминало ей что-то. Что же именно? Она никак не могла понять. И вдруг она вспомнила про шаровидное образование, которое показывал ей профессор на мониторе компьютера. Гнездо было похоже на него. С исчезновением злополучного гнезда, кажется, прошли все печали Алей. Она успокоилась. "Не надо ничего бояться. Выше голову, Алей!" - сказала она про себя. Затем вспомнила все трудности, через которые пришлось пройти, чтобы исполнить все свои желания, добиться цели. Она уверовала, что все плохое, что с ней творилось теперь, тоже было лишь очередной трудностью на ее пути...

2002 г.

ЛЕЗГИНКА

Э то была склока - иначе и не скажешь. За истекшие пять лет между ними уже не раз происходили подобные размолвки. Они бросали друг другу упреки, что шли из глубины сердца. Сколько затаенных обид накопилось на душе! Теперь они выплескивали наружу все эти недомолвки и недовольство, что копились много лет. Порой они были готовы поубивать друг друга. Да, всему пришел конец: словно мост развалился, и эти двое оказались на разных берегах. Никто из них не хотел уступать, идти на компромисс.

Для начала свары хватало незначительного предлога. Чуть ли не каждый день вспыхивали искры взаимных обид, тлевшие в их сердцах. А потом, рассорившись, они долго отходили от обиды, случалось, целыми неделями не заговаривая друг с другом. Правда, после примирения быстро забывали о том, что произошло.

Случалось даже, что несколько недель, а порой и месяцев подряд они жили в ладу. Но затем снова начинались дразги. Раз от разу их ссоры становились все серьезнее. Они все более безжалостно травили друг друга. Казалось, что это не те люди, что в течение пяти лет любили друг друга, построили семейный очаг. Кто бы мог подумать, что когда-то они каждый вечер прогуливались по улицам Баку рука об руку, плечом к плечу, сладко воркуя и мечтая. Что же стало с теми, которые с ума сходили друг по другу, не выдерживая и дня расставания? А может быть, всего этого - взаимной теплоты и большой любви - никогда и не было? Что ж, как наши деды говорили, любому делу отпущен свой срок...

С чего начались эти нелады, уже не помнили ни Тават, ни Алпан. Они не знали, с чего все пошло, да и не хотели знать. Каждый

раз обиды перерастали в свару, от которой болело сердце у обоих. Каждое слово падало тяжело, как камень.

- Ты - настоящая ведьма! - повышал голос Алпан.

- А ты - упрямый козел! - не выдерживала Тават.

- Если сама вылезла из овчарни, зачем меня обзывать козлом? Потрясти тебя - только пригоршню проклятий и соберешь, - изливал Алпан свою злость.

- Ты хуже козла! Его хотя бы можно увидеть, а ты - как спрятавшийся скорпион, который жалит исподтишка, - отвечала Тават.

- А ты - змея подколодная! Гладкая внешне, а внутри яд спрятан. Ты злая кобра - когда голову поднимаешь, от страха все разбегаются. Ехидная, острая, колючая, как чертополох!

- Если я чертополох, то ты - лопух! Никому не нужный длинный лопух с ослиными ушами, - говорила Тават в свою очередь со злостью.

- Будь проклят тот день, когда мы повстречались! - не унимался Алпан. - Жил бы себе спокойно, коли попалась бы мне порядочная девушка, которой впрок пошло материнское молоко. Твои упреки мне всю душу вынули. Я привел тебя в дом, чтобы ты стала доброй и расторопной хозяйкою...

- Меня на базаре, что ли, продавали - "взял и привел"? Глядите-ка, какой самодовольный!

- А как же? На селе не было девушки, что сказала бы мне "нет". Но что же поделать, я был околдован, перед моими глазами вдруг оказалась ты. Досадно! Я не знал, что ты так неотесанна и глупа.

- Да ну! Наоборот, самая сладкая ягода обычно достается медведю.

- Прикуси-ка язык! - Алпан хлопнул об стол книгой, которую держал в руках. Стаканы и тарелки, подпрыгнув, попадали на пол и разлетелись вдребезги. Увидев это, Тават совсем взбесилась:

- Это ты мне свою силу показываешь, да? - и она грянула об пол

горку чистой посуды со стола.

В квартире снизу постучали по трубе парового отопления. Муж и жена притихли. Через несколько минут раздался стук в дверь. Ни Тават, ни Алпан открывать не пошли - постыдились. Они не смели издать ни звука, слыша за дверью сердитые голоса соседей.

После того, что произошло между ними, никто из них не знал, что делать дальше. Раздумывали и так и эдак, но не нашли путей к примирению. Такое с ними происходило буквально через каждые пару дней вот уже пятый год. Супруги уже привыкли к тому, что в семье вдруг словно поднимался ураган, принося с собой холод, после которого оставалась лишь злоба в их ноющих от боли сердцах. Нежные чувства, теплые слова, взаимопонимание, поступки, от которых становится радостно на сердце, - все это уступало место резким выпадам друг против друга и следующим за тем неловкости и сожалениям. Казалось, что родственники, близкие, друзья отвернулись от них. Молодые люди влачили свои дни, не уживаясь под одною крышей. Оба были измотаны этим противостоянием, однако ничего не могли с собой поделать.

Они уже были не в состоянии продолжать супружеские отношения, как невозможно бывает выправить криво проросшее дерево. Теперь им больше не хотелось спасать положение. Да, это было уже нелегко. В первый раз на суде им дали на примирение срок до одного месяца. Затем этот срок продлили до трех месяцев. Судья сказал: "Если за эти три месяца вы не помиритесь, примем меры". Они ответили, не стовариваясь: "Пусть пройдет и четвертый месяц, мы останемся при своем слове!" Однако, желали они того или нет, этот срок должен был пройти.

Дома они давно уже поделили между собой все пожитки. Каждый устроил себе отдельный уголок, чтобы коротать долгие дни. Когда она заходила в ванную, он расхаживал по комнате, когда она смотрела телевизор, он читал книгу. Будто всего этого было мало, Тават разрезала ножницами фотографии, где они были запечатле-

ны вместе. Части, на которых был Алпан, отдала ему, а другие оставила себе.

С того дня, как эти двое решили больше ничего не предпринимать, они, казалось, успокоились, как люди, смирившиеся со своим положением. Уже договорились о том, как поступят после расставания. Было решено, что Алпан выселится из квартиры, а Тават останется здесь вместе с Суадом. Сына, которому исполнилось четыре года, они отправили на три летних месяца в село, к родителям Алпана.

Как только наступили холода, между мужем и женой началось такое, что и не описать. Хотя внешне они и пытались казаться спокойными, но больше уже не могли выносить друг друга. Она не воспринимала голоса, слов, поведения мужа. А он цеплялся к каждому слову жены, стараясь довести ее до белого каления.

Оба были несчастны, у обоих наболело на сердце, им не давала покоя безвыходность положения. Теперь у них было только одно желание: скорей покончить с этими муками. Но, словно назло, дни тянулись долго, изматывая душу.

За три дня до суда позвонил отец Алпана: "Суад соскучился по вам, приезжай и забери ребенка в Баку". Родители в селе ни о чем не догадывались. Там знали только про небольшую размолвку между супругами и не подозревали, что творилось между ними теперь. Чтобы никто ни о чем не догадался, муж с женой решили поехать в село за Суадом вместе.

* * *

За эти несколько месяцев Тават впервые села в машину мужа. Она чувствовала себя не в своей тарелке. Печаль камнем давила на сердце. "Жигули", которые обычно были в грязи и пыли, теперь сверкали чистотой. Она подумала: "Ты смотри, как ухаживает за машиной! Интересно, с чего бы это? Наверное, есть кого посадить в нее". Отчего-то ей стало не по себе, но она попыталась утешиться

мыслью: "Какое мне дело? Пусть делает, что хочет!"

Тават нет-нет да и поглядывала на мужа, который сосредоточенно вел машину. Увидев, как он хорош приодетым, она нехотя подумала: "Нет слов, внешне выглядит он неплохо. Нетрудно ему будет найти хорошенькую девушку". От этой мысли у нее упало настроение.

Алпан слушал магнитофон, время от времени незаметно разглядывая жену в зеркальце обзора. "А ведь она вполне сможет кем-то меня заменить. Сможет найти мужчину и получше меня, и при деньгах. С такой внешностью разве пристало ей оставаться одной?" Он расстроился от таких мыслей. Нет слов, Тават была красива. Когда-то он так ее любил! Многие сельчане из числа сверстников Алпана сходили с ума по ней. Высокая, статная, она привлекала мраморной белизной кожи, длинными косами, черными глазами и тонкими бровями, алыми, что вишенки, губами. Всех в селе восхищала сладкая речь этой девушки.

У нее был милый, покладистый нрав. С младшими она могла вести себя как дитя, со взрослыми - быть взрослой. Эта девушка знала, как себя подать, как и что говорить. Алпан задался вопросом: "Так что же с ней случилось?" И сам себе ответил: "Просто вылезли наружу все ее недостатки". В мыслях возвратился к тому, что произошло несколько лет назад.

Тават была первой девушкой в селе, поступившей в мединститут. Поэтому односельчане стали относиться к ней с еще большим уважением. Алпан был старше ее на пять лет. Он выучился на инженера и работал в Баку. Хотя парню уже и пришло время жениться, ему не хотелось спешить: ни одна девушка ему пока не приглянулась.

Что касается Тават, то ей Алпан нравился. Когда она на летние каникулы приезжала в село, только его и выглядывала среди ребят. Немало было парней, готовых отдать ей сердце, но она была равнодушна именно к Алпану. И не могла понять, отчего Алпан избегает ее, будто его мало волновало ее присутствие.

Произошло это во время летних каникул, когда Тават отдыхала в селе после завершения третьего курса. Был самый разгар свадьбы ее двоюродного брата Довлятхана. На "дем", то есть лезгинский вечерний круг свадебных танцев, собралось все село. Как обычно, здесь была вся молодежь. Это был очень веселый "дем", где желающих потанцевать было хоть отбавляй. Алпан стоял поодаль от всех, любясь теми, кто выделял лихие коленца, и тут заметил, что все устремили свои взгляды на Тават.

Он впервые увидел эту девушку танцующей. Тават блистала в кругу, что белая роза. Односельчане глаз не могли от нее оторвать. У молодых играла кровь при виде нее, женщины в годах тосковали по юности, пожилые мужчины вздыхали. Алпан счел это настроение окружающих добрым знамением. "Смотри, красавица, как бы тебя не сглазили - перестань танцевать!" - подумал он. Девушка очаровала его.

Наблюдая за танцующими, Алпан, наконец, не выдержал. Он прыгнул в круг и бросил музыкантам:

- "Лезгинку!"

Заиграл кларнет, но немного погодя, музыкант, видимо, вошел во вкус. Он быстрым движением вынул из футляра зурну. Заиграл - и собравшиеся оживились, начали хлопать под эти чарующие звуки. Зурнач так играл, что ноги сами пустились в пляс. Алпан тотчас раскинул руки, что крылья орла, высоко вскинув голову и заплясал. Его ноги, напоминая барабанные палки, отбивающие дробь, двигались на удивление быстро и ловко.

- Живей играйте! Живей! - еще больше распалял он музыкантов.

- Баракаллах, Алпан, баракаллах! - подбадривали ребята танцора. Это означало: "Молодец, Алпан, молодец!"

Ни одна из девушек не решилась станцевать под этот бешеный ритм. Алпану это было на руку. Поплясав еще немного один, он глянул на Тават. Вокруг все зашушукались. Девушка не выдержала, когда увидела парня перед собой. Она будто этого и ждала. Они вдвоем

заплясали, раскинув руки. Только эти двое могли переплясать друг друга. То они проплывали друг мимо друга, то вдруг оказывались лицом к лицу.

В тот вечер после свадьбы Алпан проводил ее до дома. И тогда же признался ей в своих чувствах. Девушка целый год не отвечала ему ни "да", ни "нет". целый год уговаривал парень девушку, пока сердце ее не растаяло, как снег по весне.

Алпану вспоминалось все, что было. Теперь уже не осталось тех чувств, что согревали когда-то сердце, подумалось ему - одни лишь ссоры, склоки, обиды. Он больше не замечал красоты Тават. Сегодня он впервые думал о своей жене как о посторонней.

В таком же состоянии находилась и Тават. Ей как-то по-иному думалось про Алпана. Она не могла не сожалеть о том, как все сложилось между ними. За эти несколько месяцев она впервые пожалела мужа за то, что в последнее время он готовил и стирал себе сам. За эти несколько месяцев Алпан никуда из дому не выходил, кроме как на работу, и нигде не задерживался. Имея много друзей, любивших веселые застолья, все эти несколько месяцев Алпан все свободное время почему-то проводил дома. Это было удивительно. А с другой стороны, чему тут было удивляться? Разве сама Тават не проводила дома все свое свободное время? Ей не хотелось встречаться ни с родственниками, ни с подругами.

Алпан сменил кассету. Зазвучала "Лезгинка". Веселые, зажигающие звуки мелодии в одно мгновение привели его в радостное расположение духа. Они навевали приятные воспоминания. Вдруг стало тепло и так приятно... Невольно его настроение передалось и Тават. Мелодия, от которой душа наполнилась восторгом, взбодрила их обоих. Звуки зурны, гармонии, барабана так четко сливались в ритмичной мелодии, что устоять было невозможно. Они давно не слышали, чтобы музыканты столь искусно играли "Лезгинку". Музыка пронизывала душу. Она будила давно угасшие в их сердцах сокровенные чувства.

Вдруг Алпан стал отбивать пальцами ритм на рулевом колесе машины. Это означало, что он пришел в благостное расположение духа. У Тават на лице мелькнула невольная улыбка. Постукивая ногой по полу, она отбивала ритм "Лезгинки". Пока они ехали по дороге, мрачные мысли рассеивались, как весенний туман.

Алпан вдруг притормозил у края асфальта и вылез из машины, чтобы по-своему, по-удалому, сплясать. Тават улыбнулась, глядя на него, и невольно захлопала в ладоши.

Не выдержав, она, наконец, и сама вышла из машины, чтобы станцевать с мужем. Они радостно плясали, раскинув руки. Алпан время от времени становился на колени перед женой и вскакивал на ноги с криком "Асса!" А Тават кружила вокруг него, выкрикивая "Хейя!"

Этим танцем они словно говорили друг другу слова, которые уже давно позабыли. В глазах у обоих светились искорки счастья. Промокнув от дождя, который вдруг полил как из ведра, одурманенные своими чувствами, они позабыли обо всем. Водители проезжавших мимо машин глядели на них, плясавших "Лезгинку" под проливным дождем, как на сумасшедших, и проезжали дальше, решив, что эти двое, видать, малость подгуляли. Другие же останавливали машины и с нескрываемым интересом смотрели на двух чудаков. Никто не видел такой пылкой пляски, бодлившей дух, переполнявшей радостью душу.

Они же, не замечая ничего вокруг, продолжали плясать. Когда музыка смолкла, раздались громкие аплодисменты и одобрительные сигналы машин. Только тогда Алпан и Тават опомнились. Они вернулись в машину, стоявшую у края дороги. Вокруг них столпились зеваки. Алпан нажал на педаль. Из машины, тронувшейся с места, снова полилась мелодия "Лезгинки"...

2003 г.

ЗАВЕЩАНИЕ

Больше четверти часа она лежала неподвижно, с закрытыми глазами. Кроме еле пробивавшегося пульса, других признаков жизни у нее не обнаруживалось. Лицо побледнело, посинели губы. Кое-как открыв глаза, она взяла в свои ледяные руки ладонь Назима и тихо прошептала:

- Назим, не оставляй меня...

Увидев искажившееся до неузнаваемости, ставшее чужим лицо матери, Назим забыл о том, что он врач. Растерялся, не зная, с чего начать. Через мгновение, как будто очнувшись от тяжелого сна, он осторожно поднес приготовленный шприц к руке матери. Пальцы сильно дрожали, поэтому не сразу нащупал вену. Когда на лице матери появились признаки жизни, он вытер платком капельки пота, сверкавшие на лбу. Подержав ее руку в своей, он ощутил едва заметный прилив теплоты. У него на глазах выступили слезы.

Уже два месяца Хадиджа была прикована к постели. Просыпавшаяся с первыми петухами и позже всех ложившаяся спать, эта энергичная женщина, не мыслившая жизни без работы, теперь была не в состоянии самостоятельно выйти за пределы маленькой комнаты. Сделав несколько шагов, она останавливалась: перед глазами плыли темные круги, усталость ломила тело.

- Совсем я ослабла, - с горечью говорила она и устремив взгляд в одну точку, о чем-то задумывалась. Потом обращалась сама к себе: - Дел неуворот. Когда же я встану на ноги?

- Скоро поправишься, мама. Пока наберись терпения. Покой - лекарство от инфаркта. Полежишь спокойно месяц - слабость как рукой снимет.

Назим, как мог, старался приободрить мать, но чувствовал, что состояние ее ухудшается. Каждый миг мог обернуться страшным исходом. Но он скрывал это от отца, сестер, брата, жены Гюльджан. Не решался открыть родственникам безжалостную правду. Назим ненавидел себя за то, что не мог ничего сделать для матери.

Вспомнилась история, приключившаяся с ним в далеком детстве. Он резвился в доме, уплетая при этом кукурузу. Неожиданно от застрявшего в горле зернышка он стал задыхаться. Хадиджа, увидев метавшегося по полу посиневшего сына, подхватила его на руки и, забыв надеть обувь, босиком добежала до больницы.

- Еще пять минут, и ты могла бы потерять ребенка, - сказал пожилой врач, вручая ей кукурузное семя, извлеченное из горла Назима. Когда опасность миновала, Хадиджа заплакала, как ребенок.

Ее самой большой мечтой было увидеть сына врачом:

- Вот подрастешь, выучишься и станешь врачом. И когда я заболею, вылечишь меня, - говорила она.

Назим, как и предсказывала мать, стал медиком. Но сейчас, когда нуждался в помощи самый родной человек, он был бессилен.

- Назим, ты плачешь? - издалека донесся голос Хадиджи. Она потянулась к его голове, хотела погладить волосы, но в изнеможении опустила руку. Красивое скуластое лицо сына сильно исхудало, глубоко запали маленькие, такие же как у его отца Алетдина, глаза. "Ребенок выбился из сил", с грустью думала Хадиджа. Проводивший дни напролет в больнице Назим теперь выходил из дома, только если его срочно вызывали на работу.

Все знали, что его мать тяжело больна. Поэтому старались не тревожить его. Вырвавший сотни больных из лап смерти врач не мог спасти собственную мать. Его товарищи-медики, вызванные для консультации, известные бакинские кардиологи, признали единственно верными в данной ситуации применяемые Назимом методы лечения. Но отчего же тогда нет положительных сдвигов? Почему уколы и медикаменты не оказывают воздействия? Почему жизненные силы

стремительно покидают организм?

- Назим, позвони детям, пусть приедут. Хочу сделать завещание, - с трудом разжимая губы, произнесла Хадиджа.

- Опять начинаешь! Какое завещание? Чуть приболела, и на ум сразу приходят странные мысли, - полушутя отозвался Назим. - Они ведь только вчера уехали, пусть займутся своими делами.

Сын был прав. С того дня, как Хадиджа оказалась прикованной к постели, все потеряли покой. Вчера наступило едва заметное облегчение. Хадиджа смеялась, разговаривала, шутила с детьми. Возилась с пятимесячным внуком Анаром - сыном Назима - целовала его, ласкала. Старшая дочь Нигяр обняла ее и от нахлынувших чувств заплакала:

- Мама, как приятно видеть тебя такой!

Назим тоже не мог нарадоваться, глядя на белое, без морщин, милое лицо матери. Невестки ставили перед ней приготовленные блюда, и она, чтобы никого не обидеть, пробовала их на вкус. Впервые за два месяца дети спокойно разошлись по своим домам. Назим отправился на работу в больницу. Воспользовавшись моментом, Хадиджа и Алетдин могли излить душу друг перед другом.

Глубокая печаль обуревала сердце Хадиджи, когда она глядела на потускневшее лицо мужа. Каково придется Алетдину, если с ней что-то случится? Ведь тихий по натуре, скромный Алетдин ни с кем не делился своей кручиной, никому, кроме Хадиджи, никому не доверял сокровенное. Больше, чем себя, она жалела мужа: "Я умру, а он в день по сто раз будет вспоминать обо мне. Он же не молодой, чтобы как-то отвлечься". Хадиджа окинула взором поседевшие голову и бороду мужа, прикрытые складками приветливые маленькие глаза.

- Будь моя воля, не покинула бы тебя. Оставлять человека одиноким в таком возрасте несправедливо. Но, наверное, так и случится, - сказала она.

Старавшийся казаться уравновешенным и веселым в присутствии

жены, но проливший немало слез в одиночестве Алетдин чуть не расплакался после этих слов:

- Хадиджа, я безгранично благодарен тебе. Но что поделаешь? Мы оба бессильны.

Заговорили о детях. Они были довольны их судьбами. Всем дали образование, помогли создать семьи. Никто из них не перечил родителям. В домах детей они видели столько любви и почтения, что от переполнявшей радости готовы были летать, как птицы. На следующий день после инфаркта, перенесенного Хадиджей, в родительском доме появилась Саимат. У всех вызвало изумление ее бледное испуганное лицо. Хадиджа настоятельно просила Назима и Алетдина не сообщать детям о ее недуге. Но не прошло и двух дней, как все узнали о случившемся. Позже всех - Тахмина, жившая в соседнем районе. Ей снились беспокойные сны, и оттого она почти каждый день звонила домой. Ее успокаивали разными отговорками, а сновидения объясняли предстоящими родами. Наконец, она не выдержала и приехала навестить родителей. Увидев мать в постели, Тахмина бросилась к ней в объятия и долго молчала, нежно прижавшись к ней.

Были свадьбы, тревоги, боли в сердце, радости... Все это отразилось на ее здоровье, оставило неизгладимый след. Пять месяцев прошло после свадьбы Чингиза. Впервые она почувствовала сильную усталость. Тогда она в шутку сказала:

- Отныне буду жить только для себя

С момента рождения детей она ни минуты не думала о собственном здоровье, посвятила им всю жизнь без остатка. Теперь все они устроены и можно позаботиться о себе...

После женитьбы ее последыша - Чингиза тяжелое состояние в душе не проходило. Она чувствовала себя утомленной. Но скрывала это и, даже испытав чудовищную боль, не дала знать об этом детям - не хотела лишать их сна. Только утром, когда сняли кардиограмму, стало ясно, что Хадиджа перенесла инфаркт.

Теперь, лежа в постели, Хадиджа проклинала тот день, когда ре-

шила жить для себя. Назим же думал о ее состоянии. У матери случился довольно сильный сердечный приступ - она могла и не очнуться. Назим отчетливо ощущал в висках биение пульса. Серьезность ее состояния он почувствовал и тогда, когда мать заговорила о завещании. Она уже в третий раз пыталась сделать завещание. Назим теперь больше всего на свете боялся этого слова. "Что она хочет сказать? И так все мы выросли на ее назиданиях. Самая сокровенная ее мечта - чтобы дети были дружны. Слава богу, между нами нет обиды. Наверное, скажет: цените и уважайте отца. Мы и так его любим, мать знает это. Золота у нее нет, чтобы указала место хранения. Но что тогда она хочет сказать? Может, есть нечто важное?.."

Сердце сжалось, когда представил, как мать делает завещание, а он слушает ее завет: "Подумает, что положение и впрямь безвыходное, совсем разуверится".

- Назим, разреши, я продиктую тебе свое завещание, - сказала Хадиджа.

- Мама, отстань, почему тебе на ум приходят подобные мысли? Опять ты о завещании! - Назим произнес эти слова с тревогой в голосе. Хадиджа больше не заговаривала об этом.

Когда она заснула, Назим проверил ей пульс. Почувствовав ровное сердцебиение, он осторожно открыл дверь и вышел на веранду. Лег на диван - и не заметил, как погрузился в тяжелый сон. Но спустя несколько мгновений проснулся в поту, кинулся в комнату матери и увидел протянутые к нему обессиленные руки и губы, которые что-то шептали. Назим бросился к ней.

- Сынок, умираю, - она произнесла эти слова с трудом, еле разжимая губы.

- Не бойся, мама, это приступ. Сейчас пройдет - Назим пытался ее успокоить, но испугался собственного голоса.

Хадиджа задыхалась, ей не хватало воздуха. Как назло, накануне медсестра забрала кислородную подушку. Что же делать? Назим приник к губам матери, пытался сделать ей искусственное дыхание.

Кажется, помогло. Больная открыла глаза и посмотрела на него, пытаясь что-то выговорить, но - тщетно. Тяжелые веки опустились. Назим чувствовал как холодеют ее губы, становится вялым тело. Когда лицо Хадиджи стало напоминать ледяную корку, он отпрянул от нее. Все было кончено...

Назим сидел на ковре, поджав под себя ноги. События проходили перед глазами, как кадры кинохроники. Воспоминания сестер взволновали его. Он избегал взглядов Чингиза. Смерть матери больше всех потрясла его, он еще не мог осознать реальности случившегося, хотя прошло уже сорок дней. Трудно было поверить, что родная мать никогда больше не встретит на пороге дома, не прижмет к груди.

Всех коробила одна мысль: они не дали матери возможности сделать завещание, сказать свое последнее слово. По прошествии дней эта мысль усиливала горечь от потери. Больше других считал себя виноватым Назим, потому что он постоянно находился у ее изголовья. В последний раз, когда мать чуть ли не умоляла выслушать ее завещание, он безжалостно отверг ее намерение.

Заметив вздрагивающие плечи Тахмины, Чингиз встрепенулся:

- Тихо, отец услышит. Завтра придется весь день бодрствовать - пусть отдохнет.

* * *

Алетдина пронзила дрожь, и он проснулся. Стеганое одеяло не согревало его. Повернувшись на спину, он натянул одеяло на голову. Но озноб не проходил. Долго пролежал он без движения, а когда глаза привыкли к темноте, увидел, что в печи погас огонь.

Вдали у кого-то во дворе закукарекал петух. Откликнулись и другие соседские петухи. Залаляли собаки. Затем наступила тишина. Мороз украсил причудливыми узорами оконные стекла. С улицы доно-

силось завывание ветра.

В соседней комнате громко заплакал Анар. Послышался приглушенный ласковый голос Гюльджан. Ребенок замолчал, видимо, опять заснул. Алетдин поднялся, подошел к шкафу, вытащил меховое одеяло и накрылся им. Постель стала еще холоднее. Сон как рукой сняло.

... - Почему ты не укрываешься моим одеялом, Алетдин?

Родной голос Хадиджи послышался так отчетливо, что он невольно окинул взглядом комнату. С тоской посмотрел на аккуратно прибранную кровать Хадиджи.

- Не могу, Хадиджа.

- Почему?

- Боюсь.

- Чего боишься, Алетдин?

- Не знаю...

Прошло сорок дней, как не стало Хадиджи. Все это время вид пустой кровати жены причинял ему глубокое страдание, заставлял плакать. Когда он ложился в свою постель, то поворачивался спиной к кровати Хадиджи, чтобы та не напоминала о покойной. Но что бы он ни делал, ни о чем другом думать не мог, кроме как о жене.

Вдруг он почувствовал на лопатках тепло, исходящее от пальцев Хадиджи. Да так отчетливо, что лихорадка пробежала по телу. Хадиджа часто массировала мужа. И зимой и летом, почти полчаса каждый день, Хадиджа растирала ему ноги и спину. Как привыкают к курению и алкоголю, так и Алетдин пристрастился к ежедневным процедурам. Внезапно он так затосковал, почувствовал себя таким одиноким, что ком подкатил к горлу.

- Осиротила ты меня, Хадиджа. Остался я один-одинешенек в преклонном возрасте. Разве можно быть такой бессердечной?

- Не говори так, Алетдин, ведь рядом сын, невестка, внук.

- Ты знаешь, каждый сам по себе. Им не ведомо, что я испыты-

ваю.

- Алетдин, ты же не одинок. Назим и Гюльджан так и выются вокруг тебя, заботятся

- Не знаю, ей-богу, кажется, я стал немного обидчивым

- Болееешь, наверное.

- Да, Хадиджа, тело так и ломит...

Алетдин встал с постели, быстро оделся. Сверху надел жилет, который в прошлую зиму связала Хадиджа. Он так согревал тело, что каждый раз, надевая его, Алетдин с благодарностью вспоминал жену. Шерстяные носки, шапку тоже связала Хадиджа. Каждая вещь сохраняла теплоту ее рук. Убранство комнат, расположение мебели - все напоминало о Хадидже.

Вернувшись однажды с работы, Алетдин обратил внимание, что посуда в шкафу расставлена не так, как прежде. Это рассердило его не на шутку.

- Дочка, это твоих рук дело? - грозно спросил он невестку.

- Да, папа, пыль вытирала.

- Расставь посуду так, как стояла, - отрезал Алетдин.

Удивленная тоном обычно спокойного свекра, невестка быстро расставила вещи по прежним местам. В другой раз Алетдин разозлился, когда невестка попыталась заменить старые занавески на окнах:

- В этой комнате ничего не трогай! Если желаешь прибраться - пожалуйста, остальное - не твое дело.

Здесь все ему было дорого, потому что каждая вещь напоминала Хадиджу. Он вспомнил историю, случившуюся в прошлом году. Хадиджа хворала.

- Ломота в спине замучила, - пожаловалась она.

- Пройдет, жена, - бросил Алетдин и отправился на кухню. Невестка поставила на стол кушанье, и он с аппетитом стал уплетать приготовленное блюдо. Потом пролистал газеты, посмотрел телевизор. Перед сном Хадиджа опять обратилась к мужу:

- Алетдин, помассируй спину, проклятая боль не отпускает.
- Почему не попросишь невестку?
- Неудобно как-то.
- Люди приводят в дом невестку, чтобы служила им, а ты стесняешься.

Вошел старший сын, и разговор оборвался. Алетдин разделся и юркнул под одеяло. Хадиджа больше не проронила ни слова.

Ночью Алетдин проснулся от сильной боли в спине. Хотел повернуться на бок, но не смог даже пошевелиться.

- Хадиджа, - глухим голосом окликнул он жену. - Подойди ко мне, спину прихватило, мочи нет.

Хадиджа села на краешек кровати и стала растирать ему спину. От ее рук исходил жар. Алетдину казалось, что по телу рассыпаются пылающие угли.

- Почему у тебя горячие руки?

- У меня температура, - еле слышно произнесла Хадиджа.

Тогда Алетдин не придал ночному разговору внимания - боль в спине затмила все остальное, он думал только о себе. Нанесенную жене обиду он ощутил лишь сейчас. Перед глазами встала Хадиджа: сгорая от жара, она тяжело поднимается с постели и растирает ему спину. Сердце сжалось от мучительного чувства вины. "Алетдин, помассируй спину, проклятая боль не отпускает," - снова прозвенел в ушах голос Хадиджи. Собственная черствость не давала ему покоя.

Алетдин не находил себе места. Хадиджа, его верная подруга на протяжении сорока лет, делившая с ним все тяготы жизни, доверчивая, как ребенок, отвечавшая заботой на любой его каприз, в этот студеной зимний день покоится в земле, обернутая саваном. Он замерзает в теплой комнате, а каково Хадидже? Вновь ком подкатил к горлу, стало трудно дышать: "Как я вынесу это? Что буду делать без тебя? Как мне прожить одному?" Он открыл правую створку шкафа. Здесь висели платья жены. Из всего небогатого гардероба Алетдину больше всего нравилось платье кофейного цвета в белый

горошек. Хадидже оно было по душе - скрывало полноту.

Супруга вновь ожила перед Алетдином в этом одеянии. Черты ее лица, вплоть до выражения глаз, ясно представились ему. После кончины жены, как ни старался, не мог вспомнить ее лицо. Иногда он удивлялся, сам не мог поверить в это. Ее звонкий голос не шел у него из головы, в мельчайших подробностях он помнил ее рассказы. А вот лицо... Сегодня впервые после ее кончины возник у него перед глазами облик Хадиджи.

Он прижал платье к груди. От него исходил запах жены. Так просидел он, не двигаясь, некоторое время. Затем повесил платье на место и, закрыв шкаф, прилег на кровать. Но заснуть никак не удавалось. Как назло, утро наступало медленнее обычного, и это тоже накладывало отпечаток на настроение.

... - Рано ты ушла из жизни, Хадиджа!

- Я болела.

- Что ж ты мне не сказала о своем недуге?

- Говорила, - ты не слышал.

Алетдин и вправду не особо интересовался состоянием здоровья Хадиджи. Проводя отпуск за отпуском на курортах и в санаториях, он ни разу не задумался о том, что и жене не мешало бы отдохнуть и подлечиться. Он и представить себе не мог, что Хадиджа способна заболеть. Конечно, он знал, что жена хворает, но считал ее болезнь пустяковым недугом, не способным привести к серьезным последствиям. Вечно копошась в саду или во дворе, целиком занятая детьми и домашними заботами, Хадиджа никогда не говорила о своих болях. Но очень часто ее рука тянулась к сердцу. Раньше Алетдин не придавал этому значения. Теперь Хадиджа вспоминалась ему именно с рукой на груди, с лицом, искаженным болью. Другой Хадиджи в его памяти уже не существовало.

- Завещание мое не забудь передать детям.

- Ты говорила - по истечении сорока дней.

- Сегодня как раз и есть сорок дней.

Алетдин встал и зажег свет. Он открыл шкаф и, порывшись среди документов и прочих бумаг, вытащил завернутый в газету конверт и стал его рассматривать. Углы были крепко заклеены. Хадиджа передала мужу завещание за сутки до своей кончины. "Что она написала детям?" - думал Алетдин. Посмотрел на часы: половина седьмого утра. В большой комнате горел свет. "Опять не спят", - подумал он.

Когда Алетдин с конвертом в руке, состарившийся, с копной седых волос на голове, показался в дверях, дети невольно поднялись ему навстречу. Он попросил их сесть и сам опустился на ковер, скрестив под собой ноги.

- Все здесь? - спросил он. - А где невестки?

- Моют посуду на кухне.

- Позови их, - попросил Чингиза.

Когда жены сыновей переступили порог, Алетдин вытащил из кармана жилета конверт и протянул его Назиму:

- Завещание матери.

Все с волнением смотрели на конверт в руке Назима. У старшего сына дрожали пальцы, и он никак не мог вскрыть его. Наконец, аккуратно разрезав ножницами один из углов, он вынул вчетверо сложенный листок бумаги и стал читать:

"Когда это письмо дойдет до вас, меня уже не будет. Я просила Алетдина, чтобы он передал завещание, когда горе от потери небольшого притупится. Знаю, что сыновья на своих плечах понесут меня на последнее пристанище, дочери и невестки будут оплакивать меня. Я всеми вами довольна. Знаю, что материнское молоко пошло вам впрок. Просьба к невесткам: будьте родными детьми своему свекру, сестрами - золовкам и деверям. Никогда не становитесь чужими друг другу. Будьте рядом и в печали, и в радости".

Больше не оплакивайте меня. Все бы матери уходили из жизни такими счастливыми, как я! Ведь все вы нашли свое место в жизни, я спокойна за вас, успела поиграть со всеми вашими детьми. Не до-

велось только увидеть дитя Чингиза. Ничего, вместо меня побалуете моего внука.

Дети мои, тревожусь я только за Алетдина. У каждого из вас свой дом, своя семья, свои заботы. А Алетдин останется сиротой. Нет ничего хуже, чем остаться одиноким на старости лет. Алетдин был мне хорошим мужем, а вам - заботливым отцом. Поэтому не бросайте его. Это касается, прежде всего Назима и Гюльджан. Последняя к вам просьба: не оставляйте Алетдина в одиночестве, соберитесь вместе, посоветуйтесь и подберите ему подходящую по возрасту спутницу жизни. Пишу это, потому что хорошо знаю характер Алетдина. Завтра, постарев и обессилив, он даже родным детям не расскажет о своей боли."

Назим закончил читать. Наступило тяжелое молчание. Никто не решался первым нарушить тишину. Алетдин встал и тихо вышел за порог. Пройдя в свою комнату, он бросился на кровать жены и горько зарыдал, как ребенок...

1992 г.

ЯРГУ

Нередко приходится слышать, как плохого человека уподобляют животному - мол, такой-то бессердечен, как скотина. Я в корне не согласна с подобным утверждением. Заблуждаются те, кто полагает, что животные не имеют сердца и не могут испытывать привязанность. Только человек с ограниченным мировоззрением может так рассуждать. В большинстве случаев я не придаю значения мнению таких людей. Кто знает цену животным, тот знает, а кто не знает, пусть на себя и пеняет.

Я не видела животного столь же умного и бодрого, выдерживающего трудности, любящего хозяина, такого же красивого и до смерти гордого, как лошадь. Особенно такая, как Яргу. И эта история - о ней.

Мне было шесть лет. Отец работал в пункте по заготовке фруктов в селе Яргун. И там, во дворе пункта, построил дом для своей семьи. В дальнем конце этого большого двора находились различные хозяйственные постройки, а посередине была широкая асфальтированная площадка - как будто специально для Яргу.

Отец купил Яргу в Дербенте. Это была высокая лошадка черной масти с красивой длинною гривой. А глаза такие умные! Когда я впервые увидела, как отец вывел во двор эту двухлетку, мне будто подарили целый мир. То она была настороже, то беспокойно перебирала копытами. Эта гордая и строптивая лошадка не подпускала к себе никого, кроме отца.

Целую неделю она сторонилась и меня. Когда я ставила перед ней воду для питья и подавала сено, пытаясь обихаживать, она, сердито фыркая, лишь отворачивалась.

Со дня появления Яргу я места себе не находила, постоянно приходила в стойло и наблюдала за ней. Как только в руке у меня оказывалось что-нибудь съедобное, я несла это лошадке, пытаюсь ее умиловить. Но мне это не удавалось, и я каждый раз в отчаянии возвращалась домой.

- Она пока к новому месту не привыкла. Скоро присмирееет, - успокаивал меня отец.

Но отчужденность лошадки не прошла и спустя месяц. Наконец я не выдержала и как-то уселась на нее верхом, прямо без седла. Яргу осерчала, встала на дыбы и скинула меня наземь, так что я потеряла сознание. Когда я опомнилась, то увидела, как отец хлещет лошадку ремнем.

- Не делай так, не бей мою лошадку! - воскликнула я, вскочила и выхватила ремень из рук у отца.

Он понес меня домой. Оказалось, что я сильно расшиблась. Болело все: голова, ноги, руки. Я пролежала в постели четыре дня, а после сразу же пошла увещевать лошадку. Яргу была не такой, как всегда - в ее красивых глазах сквозила глубокая тоска.

- Чан, Яргу, как ты? - спросила я.

Она переступила копытами, опустив голову.

Поняв, что норов лошадки приутих, я осмелилась погладить ее по морде. Когда она отфыркалась и покорно зажмурила глаза, я обняла ее за шею и поцеловала в лоб.

Вскоре я уселась на нее верхом и вывела лошадку во двор. Яргу начала делать медленные круги, чтобы я не упала.

Мать, увидев меня с веранды, кликнула отца:

- Ребенок может упасть, побыстрее ссади ее!

Отец ответил спокойно:

- Теперь уже нечего бояться.

С тех пор мы с Яргу очень сдружились. Я любила ее больше всего на свете. Чистить стойло, кормить и поить лошадку - все это было моими любимыми занятиями. Яргу была очень чистооплотной - да-

же воду не пила, предварительно не подув на нее, чтобы сдуть соломинки.

Это огромное животное было так привязано ко мне, что это поражало всех - и взрослых, и детей. По моему требованию лошадка вставала на дыбы, издавая радостные звуки.

В то время в селе было мало дворов, где не держали бы лошадей. Но эти лошади в основном были тягловыми - их впрягали в телеги, фургоны. А у нашей лошадки вся прыть и красота была в ее ногах. Ее, такую стройную, жаль было впрягать в телегу или навьючивать вязанками дров. В дальние дороги отец пускался верхом на Яргу. В такие дни я места себе не находила.

Когда приходила весна, наставало наше с Яргу время. Частенько я, на зависть другим детям, верхом направлялась к реке Самур - купать лошадь. За мною увязывалась ребятня из нашего села Яргун. Когда мы добирались до реки, одни ребята по очереди усаживались верхом на Яргу, а другие купали ее. Наши радостные голоса, смешиваясь с шумом речных волн, разносились далеко по округе.

Промокнув до нитки, мы сушили одежду, лежа на камнях, прогретых солнцем. И Яргу неизменно была рядом. Свои мокрые волосы мне и в голову не приходило причесать, зато гриву лошади я чесала с великим удовольствием. С темнотой, когда с гор начинал дуть прохладный ветерок, уставшие и счастливые, мы возвращались домой...

У меня с детства был мальчишеский характер. Я даже ходила в брюках, подпоясавшись отцовским ремнем, который он привез с фронта. Мать всегда поручала мне мальчишеские дела. Порой отец с улыбкой на лице говорил:

- Ей надо было бы мальчишкой родиться!

Когда соседские ребята собирались куда-нибудь, то не брали с собою девочек. А меня они все давно уже держали за мальчишку, потому, что у меня был Яргу - всеобщая любимица.

Часто перед сном мать укоряла меня:

- Деточка! Верхов ездят только мальчишки. А у девочек должны быть свои заботы! Найди себе другое занятие. Тем более скоро ты в школу пойдешь... Будь умницей. Что люди о нас скажут?

Чувствуя, как от усталости закрываются глаза, я, не в силах разлепить веки, в очередной раз обещала матери: "Завтра же стану умницей". А наутро забывала о своем обещании.

Порой отец седлал лошадь и предоставлял ее в мое распоряжение.

- Покажи-ка свое умение, - приговаривал он. У меня будто отрастали крылья. Как только я натягивала узду, Яргу пулей устремлялась вперед. Мы совершали несколько кругов по селу. Мне казалось, что в мире нет никого быстрее нас с нею. От счастья я чувствовала себя на седьмом небе.

- Ты ребенка не жалеешь, даха* Может упасть и, чего доброго, голову разбить или ноги переломать, - упрекал отца мой дядя. Но отец ценил мою смелость и гордился ею. Он спокойно отвечал:

- Конь хорошо знает своего хозяина.

- Даха, Яргу не такая, как другие лошади - она ведь как молния!
- не успокаивался дядя.

- И у упругого прута бывает мягкая сердцевина, - возразил ему отец.

После таких слов моя любовь и уважение к отцу возросли. Я все больше привязывалась к своей лошадке - разговаривала с ней, висла у нее на шее, целовала ее красивые глаза, гладила гриву. Яргу, не шелохнувшись, внимала моим словам, а после взглядом, движениями ног показывала, что все понимает.

* * *

Наступили дождливые, туманные осенние дни, навевающие тоску. Домашние запретили мне ездить верхом. Но как можно было такое вы-

* *даха* - старший брат (лезг.)

держать? Сердце у меня ныло. Потеряв покой, я не знала, что предпринять. И наконец, через неделю, после мучительных раздумий, решилась тайком вывести Яргу из стойла.

- Но, балкІан*! - сказала я, и лошадь привычно тронулась с места. Но на сей раз она отчего-то быстро устала, начала замедлять шаг. Сделав всего четыре-пять кругов вокруг села, мы с ней вернулись домой.

После этого я три дня не выводила ее из хлева. Но на четвертый день отец застал меня заводившей в стойло изнемогшую, взмыленную лошадь. Он был очень мрачен. Значит, что-то не так, если уж отец смотрел на меня раздраженно - такого ведь еще никогда не бывало! Лишь наутро я узнала причину. Оказалось, Яргу была жеребая...

Тем временем пришла зима, начались снегопады. Отец и мать зачастили в хлев. И вот, в один прекрасный день, папа принес домой закутанного в старый тулуп жеребенка. Я была вне себя от счастья!

Детеныш был рыжий-прерыжий. Папа соорудил ему подстилку около печки. Жеребенок осторожно попытался встать, но его тоненькие, худющие ноги не держали его тельце. Мы гладили его мягкую, словно бархат, шерсть и приговаривали:

- Чан, цІарак**...

Так и прозвали жеребенка Цараком.

К весне он вырос в такого красивого и такого строптивого подростка, что просто загляденье. С его появлением Яргу будто вовсе забыла обо мне. Она столько любви вкладывала в свое дитя, что я даже ревновала ее к нему...

Как-то я, разобиженная на них, ушла в ближний лесок. Мне тяжело было выдерживать равнодушие Яргу, и я решила отомстить всем. Ушла - и заплутала. Стемнело, и я, испугавшись, забралась в дупло дуба. То ли от страха, то ли от холода меня бил озноб. И

* *балкІан* - лошадь (лезг.)

** *цІарак* - рыжик (лезг.)

вдруг... послышалось ржание! Я не поверила своим глазам, когда увидела прямо у дупла Яргу с Цараком. Вскрикнув от радости, я обвила руками шею преданной лошади, которая разыскала меня в темном лесу. Сев на Яргу верхом, я добралась домой.

Какие прекрасные были времена! Но эти счастливые дни продолжались недолго...

Однажды вместе с ребятами я взобралась на холм за околицей. Были с нами и Яргу с Цараком. Ярко светило солнце, земля была вся усыпана подснежниками. Детвора гонялась за жеребенком - всем нравилось, как он выделял коленца. Ребята и сами били ногами оземь, как Царак. Мы бегали с жеребенком наперегонки, обгоняя друг друга. А потом занялись обычными играми, забыв о лошадях.

Заигравшись, мы даже не заметили, как Яргу оказалась на самой вершине холма - только услышали ее пронзительный, душераздирающий крик, истошное ржание. Казалось, от него сотряслась земля. Увидев, как вдруг обезумела лошадь, мы встревожились и побежали к ней. Царака с ней не было. Мы поняли, что жеребенок сорвался с холма в глубокое ущелье. Все замерли, не зная как быть - страдания Яргу переполняли наши сердца болью.

Хотя мы и находились довольно далеко от села, отец мой прибежал на истошный крик лошади и мгновенно спустился в ущелье. С трудом он вытащил оттуда Царака.

Лошадь никого не подпускала к своему жеребенку, лизала его тельце языком. Из глаз у нее текли слезы. Мы все тоже плакали - и дети, и мой отец, и оказавшиеся поблизости другие сельчане. Царака похоронили на том же холме. Только поздним вечером отец, Яргу и я возвратились домой.

Утром, едва проснувшись, я сразу побежала проведать Яргу. Но ее в стойле не оказалось. Я нашла кобылу на холме: у нее был такой убитый, такой одинокий и несчастный вид! Обняв лошадь за шею, я шептала ей ласковые слова утешения. Но лошадь плакала как человек, так что у меня сердце разрывалось. Говорят, нет горя, которое неизбывно, но горе у Яргу было иным...

С того дня Яргу изменилась, словно все на свете ей вдруг стало безразлично. Она ничего не ела, не пила и буквально таяла на глазах. Кроме меня, она никого не подпускала к себе. Когда я ласкала и гладила ее, лошадь закрывала глаза. Я чувствовала, что Яргу глубоко несчастна. Она никак и не могла смириться со смертью своего детеныша. Изможденная, она стала часто пропадать. И каждый раз мы находили ее на том самом холме.

Однажды я услышала, как отец говорит матери:

- Кажется, Яргу долго не протянет...

В тот вечер я не смогла уснуть. "Если бы я не вывела тогда лошадей на холм, то не случилось бы такого несчастья!" - корила я себя.

Спозаранку, когда еще роса на траве не высохла, я кинулась в стойло. Яргу не было. Я отправилась на поиски. Когда увидела лошадь на холме, у меня будто сердце окаменело. Поднявшись наверх, я глазам своим не поверила: Яргу околела на могиле своего дитяти. Мой крик разбудил все село...

Через месяц наша семья переселилась из Яргуна в райцентр, в Кусары. Там, в городе, нас ждали новый дом, новая школа. Когда грузовик с домашним скарбом поравнялся со злополучным холмом, отец остановил машину и взглянул на меня. Я на одном дыханье взбежала на вершину, подошла к могиле Царака и Яргу. На сердце было несказанно тяжело... Но я нашла утешенье в том, что Яргу научила меня преданности, научила по-настоящему любить.

2003 г.

АНАФЕМА

Сейли, облаченная в подвенечный наряд, в свои только что исполнившиеся восемнадцать лет была неописуемо красива - так, что никто глаз от нее не мог отвести. Стар и млад, мужчины и женщины, взрослые и дети - все были поражены ее красотой. Она была так прекрасна, что и не описать. Бывает, что среди тысяч цветков альпийского луга один особенно выделяется. Ты теряешься перед этой блаженной красотой, не знаешь, как ее воспеть, как обласкать. От нее веет нежностью, чистотой и душевным покоем.

Как дурманит человека своим ароматом только что раскрывшаяся роза, так и Сейли покорила всех собравшихся на ее свадьбе. Каждый любовался ею по-своему: кто с изумлением, кто с любовью. А кое-кто и с завистью.

Она напоминала сработанную ваятелем из белого мрамора статую без единого изъяна. Девушек с такой безупречной внешностью не часто увидишь. Оттого и поражают они людское воображение. Сейли в подвенечном наряде одни сравнивали с цветком яблони, другие - с подснежником. До этих пор никто в селе не видывал такого роскошного свадебного платья. Было заметно, что оно очень дорогое.

- Асвар потратил на свадебные наряды кучу денег, - судачили односельчане.

Невеста счастливо улыбалась, сияя большими черными глазами. Многие полагали, что богатство смягчило, растопило как воск, бедную девушку. Сваты одарили ее на церемонии обручения огромным количеством драгоценностей. Наряды преподнесли один богаче другого, так что трудно было девушке решить, что надеть - до сих пор подобные наряды она видела лишь в фильмах.

- Счастливица! Только гляньте, как ее любит Асвар, - говорили сельские девушки.

- Долгих тебе лет жизни, Сейли! Ты завоевала сердце самого видного парня на селе, - шепнула девушке подруга Минарат.

- Да, так оно и есть, - соглашалась невеста.

- Говорят, что у Асвара в Москве хорошая квартира, дорогая машина, большие заработки - что еще нужно? - вмешалась в разговор Саяд.

- Да, - еще раз согласилась Сейли. Она знала, что по Асвару, парню с богатырским телосложением, сохнут многие девушки из их села.

Этому самодовольному мужчине, пока ему не исполнилось тридцать, не приглянулась ни одна из односельчанок. Каждый раз он отказывался от женитьбы, находя какие-то изъязны, недостатки в каждой. Когда до его отца с матерью доходили слухи о том, что у их сына в Москве наверняка есть невеста, они теряли покой. Хотя младшие братья и сестры Асвара давно уже обзавелись семьями, родные никак не могли образумить его. Мать, после долгих уговоров, сказала ему, наконец:

- Сынок, мы женим тебя на добропорядочной лезгинке, знающей родной язык, придерживающейся наших обычаев, которая будет заботиться о тебе. Возьмешь в жены одну из односельчанок. Тебе нужна хозяйка, которая сможет создать уют, станет хранительницей очага. Мы уже состарились, и когда покинем этот свет, душам нашим не знать покоя из-за неустроенности твоей судьбы.

Парень внял, наконец, уговорам и начал присматриваться к односельчанкам. Но ни одна из них так ему и не приглянулась. Поэтому он обратил свой взор на соседние села. Но и там не встретил Асвар той, которая ему понравилась бы.

Как-то, накануне его отъезда в Москву, в селении проходила свадьба. Отправившись вместе с друзьями на "дем", он заприметил там одну девушку. Парню она так понравилась, что он сразу же влю-

бился. Девушка оказалась внучкой его дальнего родственника Гад-жигайба.

- Вы искали мне невесту в соседних селах, а такой красавицы не замечали, - сказал он родным, когда вернулся домой.

Мать разволновалась:

- Родной, да ты что! Сейли ведь еще дитя! Даже школу еще не окончила.

- Либо она, либо никто, - уперся Асвар.

В конце концов, родственники все же собрались и пошли сватать Сейли. Ее отец и мать поставили условие, что согласятся на свадьбу только после того, как девушке исполнится восемнадцать лет.

Когда пришло время, сыграли свадьбу Асвара и Сейли. Спустя неделю молодожены уехали в Москву.

* * *

Прошло два года после свадьбы. За это время много событий произошло в селении. Про новоиспеченную семью односельчане вспоминали редко, а если и заговаривали о них, то расходились во мнениях. Не чувствовалось в этих разговорах прежней очарованности молодыми, а напротив, сквозило сожаление.

- Асвар и Сейли не ладят между собой, - говорили одни.

- Она с ребенком целый день в четырех стенах, Асвар же гуляет налево и направо, - поддакивали другие.

- Асвар больше не любит Сейли...

- Жаль девушку...

- Чем, интересно, занимается Асвар?

- Кто знает! Но, одно несомненно: деньги, которыми он сорит, не нажиты честным трудом...

Такого рода разговоры, доходя до близких Асвара и Сейли, расстраивали их.

- Как же быть, что делать? - думали и гадали те.

Наконец, Мабуд, отец Асвара, поехал в Москву провести моло-

дых.

Вести, с которыми он вернулся через неделю, ничем не порадовали родственников. Всех будто окатило холодной водой. Когда они убедились, что односельчане правы, от стыда не знали куда и деться.

Последовав примеру свата Мабуда, Эвсият, мать Сейли, тоже поехала к своей дочери. Спустя неделю она возвратилась в село вместе с нею и внуком.

Односельчане были обескуражены, узнав о том, что Сейли вернулась в отцовский дом, а не к родителям Асвара.

Минарат, близкая подружка Сейли, прибежав на одном дыханье к ней с другого конца села, вымолвила:

- Ай Аллах, что за дела? Ничего не осталось от прежней Сейли, пышной, что пирог!

Да, Сейли была не похожа на себя. Минарат обняла ее тонкую шею и заплакала навзрыд. Наконец, она дрожащим голосом спросила:

- Что с тобою сделал этот безбожник?

Она спросила так, что у Сейли слезы ручьем полились:

- Ничего у меня не спрашивай, Минарат...

На следующий день в их доме собралось чуть ли не все село. Односельчане пришли выразить сочувствие молодой женщине, которая в буквальном смысле иссохла, стала неузнаваемой от пережитого горя. Всем было не по себе от случившегося. Чужая дочь, чужая невестка вдруг стала всем родной. Отчего-то в случившемся односельчане винили и себя.

Так минуло два года. Красота Сейли расцвела вновь. Все, что с ней произошло, она вспоминала как дурной сон. Казалось, что она и Асвара позабыла.

В течение двух лет от него не было никаких вестей. О своей жене и сыне он не справлялся. Между тем маленькому Саиду, который сладко щебетал, уже исполнилось три года.

Вдруг по селу разнеслась весть, что Асвар вернулся из Москвы.

* * *

Внимание женщин, спустившихся к роднику, привлекла роскошная машина черного цвета. Молодой мужчина спортивного телосложения вышел из автомобиля и направился к ним, улыбаясь. Но, как только они узнали в нем Асвара, все разом отвернулись, словно сговорившись. Асвар не сразу обратил на это внимание. Он подошел поближе и поздоровался с ними. Но те ему не ответили. Тогда, заметив среди женщин Минарат, подругу Сейли, он спросил у нее раздраженно:

- Что это с тобой? Даже поздороваться не желаешь!

Та не выдержала и пустила в ход свой острый язычок:

- У тебя еще хватает наглости показываться в селе и заговаривать с нами? Другой бы на твоём месте и головы не поднял!

- В чем же я так провинился? - спросил он.

- Ты еще, оказывается, до сих пор не понял, в чем виноват? - горячо выпалила Минарат. - Сломал жизнь бедной девушке, сорвал и выбросил как цветок. Не ты ли оторвал ее от родного дома, чтобы дать ей на чужбине зачахнуть? Думал, что некому будет заступиться за нее? Или ты полагаешь, что сельчане смирятся с таким бесчестием? Как ты вообще посмел появиться в селе?

- Спокойнее, Минарат...

Асвар хотел было что-то ответить, но та не дала ему и рта раскрыть:

- Что заладил - "Минарат, Минарат"? Не произноси моего имени, уйди прочь с глаз моих!

- Да не хочу я с тобой говорить! Мне бы напиться из родника.

- Для тебя и воды из нашего родника жалко!..

Минарат, глядя ему в лицо, продолжала громко отчитывать его, и Асвар вынужден был удалиться, так и не напившись.

Родительский дом парня был расположен на окраине села, на

холме под названием Синт. Из-за того, что туда еще не проложили удобной дороги, Асвар каждый раз останавливал свою машину внизу, у дома бабушки Минасы, и дальше добирался пешком. Под раскидистым тутовником перед домом одинокой старушки Минасы всегда собирались ее сверстницы. Они, обычно занимаясь вязаньем, вели свои беседы, судили-рядили обо всем, что происходило в селе.

Увидев их, сидевших на разостланных на траве ковриках, поджавши ноги под складками широких подолов за нескончаемыми разговорами, Асвар остановился, опустив тяжелые сумки, и громко поздоровался с ними:

- Салам алейкум, дорогие бабули!
- Алейкума салам, - хором ответили те.
- Чей же ты будешь, родной? - спросила старушка Минаса.
- Ты не узнала меня, бабушка Минаса? - ответил он, - Я же Асвар, сын Мабуда!

- Аа-а-а, - тихо произнесла старушка, опустив голову, и продолжила довязывать шерстяной носок. Остальные старушки тоже последовали ее примеру.

Обычно каждый раз радостно встречавшая и расспрашивавшая Асвара о том - о сем бабушка Минаса в этот раз явно не хотела с ним беседовать. Ее странный поступок вселил в сердце парня тревогу. Огорченный, он продолжил свой путь.

В их дворе, под высоким орешником, сидел его отец с каким-то мальчуганом на коленях. Губы Асвара тронула улыбка:

- Добрый день, отец, - поздоровался он.
- День добрый, - ответил Мабуд, но не встал ему навстречу и не обнял сына, как бывало прежде. Асвар сделал вид, будто не заметил этого, и спросил:
 - Это чей ребенок?
 - Это сын Сейли, - сердито ответил отец. Затем он опустил мальчика с коленей и спросил у него:

- Ты когда еще наведишь дедушку?
- Завтра приду, - ответил ребенок. Мабуд вышел со двора. Растерявшийся Асвар, не зная, что делать, спросил у мальчика:
- Как тебя звать?
- Саид.
- Кто твой папа?
- Асвар.

Парня будто обдало кипятком. В это время Сейли в белой косынке на голове вышла из дому и подошла к орешнику. Асвар поздоровался с нею. Сейли покраснела, но сразу взяла себя в руки и оправила рубашку на ребенке.

- Мама, куда делся дедуля? Пошел за бабулей? - спросил Саид сладким голосом.

- Да. Скажи дяде до свиданья, нам пора.

Ребенок помахал ручкой Асвару, и они вышли со двора на улицу.

Окаменевший Асвар застыл на месте. Он не знал, что предпринять. От глубоких раздумий его отвлек мягкий голос матери. Она, как всегда, радостно встретила сына - обвила руками его шею и расцеловала. Затем утерла прослезившиеся глаза и осторожно, чтобы не обидеть сына, сказала:

- Разве можно было упускать такую красивую, умную и добрую жену? Несмотря на то, что ты ее жестоко обидел, она не стала враждовать с нами. Сынок, родной, как же ты нас расстроил... В селе от стыда голову поднять не можем.

Голос Асвара дрогнул:

- Почему ты так говоришь, мама?

- А разве мужчина не должен держаться за свою жену? Разве можно увезти чужую дочь и бросить ее, как ненужную вещь? В нашем селе такого еще никогда не бывало.

Затем явились братья и сестры Асвара. Они тоже после приветствия стали упрекать его, взывать к благоразумию.

До вечера Асвар сидел дома. Ему не хотелось выходить на улицу.

Отец еще не вернулся домой.

Друзья Асвара, которые обычно при его приезде слетались к нему, как пчелы на мед, на сей раз не появились. Это расстроило парня, он был опечален. От всего, что ему пришлось пережить по приезде в село, у него сжималось сердце, ему кусок в горло не шел.

Вечером пришел соседский парнишка и передал Асвару, что дедушка Зикруллах ждет его на сельском годекане.

Годекан находился в центре села, возле мечети. Под старым дубом старцы, как обычно, восседали в ряд. Зимой и летом, в тепло и стужу, аксакалы всегда собирались на этом месте. Здесь благословляли добро, осуждали за плохие поступки, выносили приговор. Так было заведено со дня основания села, так продолжалось и ныне.

Асвар, затаив дыхание, стоял перед аксакалами, которые сидели в папахах, облаченные в тулупы. Его отец Мабуд тоже был здесь. Он сидел между отцом Сейли Рзаханом и ее бабушкой Гаджигайбом.

Парень с нетерпением ждал, что изречет, наконец, дедушка Зикруллах. Этот старец был правоверным, мудрым человеком, который славился своими глубокими знаниями. Он всегда благословлял односельчан на хорошие дела, добрые поступки. Поэтому его слово в селе воспринималось как закон.

Дедушка Зикруллах заглянул в глаза Асвара и сказал:

- Сынок, твой дед Шабуд, упокой Аллах его душу, был честным, отважным человеком. Он жил и умер, как мужчина. Твой отец Мабуд верен предкам, всегда дорожит своим именем и честью родного села. Он вернулся с войны героем, в орденах и медалях. Из разных стран приходят добрые вести о его учениках, которым он преподавал в школе. Отчего же ты уронил честь своей семьи, нашего села? Почему ты унизил достоинство девушки, чистой, как ангел? И твоя вина не исчерпывается этим. Люди говорят, что непохоже на то, что-бы честным трудом заработал ты деньги, которые тратишь.

Дедушка Зикруллах сделал паузу, а потом опустил шапку на глаза и гневно произнес:

- Такой лезгин, как ты, ни селу, ни Родине не нужен.

Асвару показалось, что со всех сторон в него летят многочисленные стрелы, вонзаясь ему в тело. Его насквозь пронизывали строгие и безжалостные взгляды старцев, устремленные на него. Он едва стоял на ногах. Со стыда не знал, куда деться. Ждал, чем завершится этот суд, каков будет приговор.

Последнее слово дедушки Зикруллаха пронзило ему грудь, словно копьё:

- Больше не возвращайся в эти края. Твое село прокляло тебя.

...На заре, пока люди еще спали, из села выехала машина...

2008 г.

НЕ ПРИЕХАЛИ

З адыхаясь, мальчик бежал вниз по улице, к дому дяди Зала. Это был Аюб, внук его соседа Казихана:

- Зал халу, Зал халу!
- Что случилось, внучек? - спросил дядя Зал у него.
- На вашу черешню мальчишки залезли!
- Что? Что ты говоришь? А Махият разве не дома?
- Нет, ваша дверь заперта на ключ.

Дядя Зал рассердился:

- Что понадобилось им в чужом саду?! Своего добра не хватает, что ли? Мы ведь тоже были детьми, но никто из нас не забирался в чужой сад!

Когда, отперев калитку, он вошел в сад, то увидел ужасную картину. Деревья сгибались под тяжестью детей, которые резво, без передышки, обирали черешню. На каждом дереве - по семь-восемь ребят! Их было что пчел в улье!

У старика сжалось сердце при виде опавших черешен и сломанных веток. В саду стоял шум-гам. Дети резвились, прыгая с ветки на ветку, как птицы, и швырялись черешней друг в друга. Дядя Зал некоторое время сердито глядел на них. Наконец, он не выдержал и дал знать ребятам о своем присутствии:

- А ну слазьте, сорванцы!

При виде дяди Зала ребята растерялись. Они разом смолкли, будто их водой окатили.

- Сейчас увидите, что я с вами сделаю! - сказал дядя Зал и взял в руки большую палку. Дети, испугавшись, залезли повыше. Дядя Зал разозлился пуще прежнего:

- Слезайте, говорю, сукины вы дети! - крикнул он.

- Как же нам слезть, дядя Зал? Ты ведь нас побьешь, - боязливо, подал голос Абдул, внук вдовы Чигер.

- Как хочешь, так и слезай, отродье ослицы! Как же еще мне душу отвести, если не побить вас? Всех поубиваю! Только попадитесь мне в руки...

Дети на деревьях притихли - никто и пикнуть не смел от страха.

Вышедшая на шум во двор соседка тетя Саимат стала укорять Зал халу:

- У тебя никакой жалости нет, сосед. Стоит ли так детей пугать только из-за того, что они съели пару-другую черешен? Деревья-то старые, ветви вот-вот обломятся. Не дай бог, кто из ребят руку-ногу поломает. Будешь всю жизнь жить во вражде с их родителями?

- Пара черешен? Да ты погляди под деревья - все плоды оборвали эти негодники!

- Ну и пусть! Забыл, что каждый год плоды достаются скворцам и воронам? Разве они не пропадают оттого, что их некому есть?

Детям понравилось, что тетя Саимат заступилась за них. Они немного приободрились. Наконец один из них, Ахмед, сын Гейбата, преодолевая страх, сказал:

- Зал халу, ты отойди подальше, чтобы мы могли слезть. Валлах, мы больше никогда не тронем твои деревья.

Не выдержал и самый младший из ребят - Бачар, по кличке "Бац":

- Да, да, мы не хотим такую черешню - она слишком сладкая. У тети Минаджат черешня лучше! Да она и сама зовет нас, говорит, мол, поешьте, дети.

Его слова рассмешили всех. У дяди Зала тоже разомкнулись губы. Немного смягчившись, он сказал:

- Чтоб духу вашего здесь не было, поросята! Если я застану вас здесь еще раз, то увидите, что с вами сделаю!

- Дядя Зал, мы очень виноваты, больше никогда такого не сделаем, - отозвался за всех Ахмед.

- Ну, не мучь детей, - упрекнула хозяйина Саимат. Наконец старик поддался уговорам, бросил палку, которую держал в руке, и удалился в другой конец притихшего сада. Дети, сбросив оцепенение, мигом соскочили с деревьев и разбежались, перепрыгивая через ограду - тем же путем, как и забрались сюда.

Саимат обратилась к Залу:

- Сосед, эти твои деревья уже отжили свой век. Я бы их срубила - когда подсохнут, можно будет пустить на дрова. А так никакой пользы от них нет.

Собственно, уже в который раз поучала Саимат своих ближайших соседей Зала и Махият. Она надоедала им своей назойливостью. По ее мнению, черешневые деревья чахли от старости. Но подсыхали только верхние ветви. Правда, часть их нависала над садом Саимат - и случалось, что некоторые из них обламывались и падали.

Каждое лето черешни приносили хороший урожай. Но вот уже десять лет никто не собирал эти плоды. Даже когда они буквально чернели от спелости - есть не хочу, то все равно пропадали, поскольку их некому было собирать. Пчелы и осы отовсюду слетались на эти деревья, муравьи и жуки облепляли плоды на ветвях. Птицы всех мастей, устраивая шум и гам, с удовольствием вонзались клювами в сладкие, как мед, черешенки.

- Почему же вы не собираете черешню? - спрашивала каждый раз тетя Саимат. Ей было жалко видеть, как плоды пропадают на деревьях.

- Наши сыновья должны приехать, для них и бережем черешню, - слышала она каждый раз одно и то же от соседей. Вот уже много лет ждали приезда детей эти двое стариков. Отчего-то им казалось, что сыновья вернутся, если оставить для них на деревьях черешню.

- Откуда вы знаете, когда они приедут? - теребила соседей тетя Саимат.

- Кажется, вскоре будут.

- В прошлом году они тоже вскоре должны были прибыть.
- В этот раз точно приедут, - категорично отвечали старик со старухой.

- Не жалко вам, что столько черешни на деревьях пропадает? Пусть хотя бы соседская ребятня поест.

Как-то дядя Зал, разоткровенничавшись, сказал:

- Саимат, твои дети рядом с тобой, а наши находятся далеко от нас. Так пусть же, когда приедут, они смогут залезть на деревья и досыта вкушать этого блага.

- На базаре не найти, что ли, черешню? Вот и купите, когда они приедут. На этих деревьях двести-триста кило черешни. А вашим детям хватит и десяти кило. Поэтому я и говорю: чтобы плоды не пропадали зря, пусть уж лучше соседские дети их поедят, а вы заслужите милость Аллаха.

Такие разговоры происходили между соседями что ни день, но никто не признавал себя неправым.

У дяди Зала и тети Махият было трое сыновей. Все трое уехали далеко в поисках лучшей доли. Все трое женились на русских девушках. Обустроились они в Тюмени. Чтобы узнать, в чем нуждаются мать и отец, они обычно приезжали проведать их без предупреждения. Иногда приезжали на Родину издалека даже с женами и детьми. Когда видели, что родители хворают, жалуются на здоровье, внимательно вникали в их заботы. И каждый раз, уезжая на чужбину, оставляли достаточно подарков и денег на житейские расходы старикам.

* * *

Отчего-то давно уже не приезжал ни один из их сыновей. Но время от времени они присылали родителям деньги, по телефону спрашивались об их здоровье, интересовались бытом. В сердце у Зала и Махият поселилась тоска из-за того, что они влачили свою жизнь в одиночестве, не видя детей, невесток и внуков.

Они были обречены жить воспоминаниями о них, не находя в том никакого утешенья для себя. Ни один из троих сыновей не сохранил лезгинской закваски и должного владенья родным языком, ни один не придерживался лезгинских обычаев. За последние годы старик со старухой только дважды видели своих внуков. Так и не общались вдоволь с невестками и внуками. Да и как было говорить, если они не понимали друг друга? Старики развесили дома по всем стенам фотографии детей. В сердцах они лелеяли желание погулять на свадьбе у внуков. Порой им казалось, что сыновья, наконец, возвращаются на Родину, к отцу и матери. Стелили на пол ковер, надеясь, что вдруг неожиданно дети нагрянут. Но годы шли своим чередом, и они смирились, что их очаг уже навсегда останется холодным.

С одной стороны, дети ни в чем не были виноваты. Им не хотелось остаться без дела на Родине, где не было достойной работы, чтобы жить без трудностей, безбедно содержать свои семьи. Они хорошо обустроились в Тюмени. Поэтому старики подчас оправдывали своих детей. Как бы там ни было, они мечтали, что однажды сыновья все вместе приедут со своими семьями в летнее время, когда поспеет черешня.

Их большой дом, фруктовый сад заполнились бы детскими голосами, во дворе разносился бы запах баранины, поджаренной на вертелах. Это и была их мечта, которую они лелеяли в сердцах. Ближнюю родню, соседей тоже осчастливило бы исполнение этой мечты. Однако ведь, если исполнятся все твои желания, то уже не о чем будет мечтать. Если бы судьба давала нам все, что хочется, то и горя не знали бы!

Дядя Зал поднял голову и взглянул на кисти спелой черешни - они восхитительно смотрелись на ветвях меж зеленой листвы. Эти три дерева, стоявшие бок о бок, плечом к плечу, напоминали трех богатырей. Так много разлуки они повидали на своем веку! Деревья словно тоже уставились в ожидании на дорогу.

Эти черешни дядя Зал посадил двадцать четыре года назад.

"Пусть каждому сыну будет по дереву", - сказал он, заглядывая в будущее. В то время Мамедхан, Рзахан и Асланхан были еще детьми. Через несколько лет саженцы выросли, распустили густую листву и принесли плоды. У каждого из сыновей было свое дерево среди этих трех. Веселые, беззаботные голоса детей разносились по всей улице. У Зала с Махият сердце падало при виде того, как они, играя, прыгали по веткам. До конца июня дети не слезали с деревьев, как обезьяны. С раннего утра Махият им кричала:

- Дети, вы же можете упасть! Успокойтесь, не шалите!

А когда оставалась наедине с мужем, говорила: "Ты заслужил милость Аллаха - дети досыта едят фрукты! Иначе разве можно было бы напасть на них черешни с базара?".

На душе у них становилось легко, когда они любовались, с каким удовольствием дети уминают спелые черные ягоды.

Старики ухаживали за тремя деревьями бережно, как за своими детьми. Окапывали их, поливали, удобряли. Бывало, что и беседовали с ними по душам. Когда деревья уже потянулись вверх, распустили зеленые ветви, затенив соседский сад, они перестали нуждаться в уходе. Теперь они были сами по себе, как подросшие отпрыски, что покинули родительский дом, чтобы обустроиться самостоятельно.

Каждый год, когда проходили холода и наступал теплый сезон, тетя Саимат начинала причитать:

- Зал, ради Аллаха, срубил бы ты эти деревья... Будь польза вам от них, я ничего бы не говорила, но для чего же держать их - чтобы попусту место занимали? Толку от них нет, только засоряют пыльными ветвями сад у вас и у меня.

Но дяде Залу и в голову не приходило расстаться с этими деревьями. Такого и быть не могло! Он их воспринимал как живых людей, любил, как родных. Назойливые обращения тети Саимат не могли не задевать за живое этого немногословного, трудолюбивого старика, который день и ночь заботился о родном очаге. Внешне

спокойный, хотя и горевший изнутри, дядя Зал ничего не объяснял соседке. Он ее будто и не слышал. Так проходили недели, месяцы складывались в годы. Так проходила жизнь.

Завидовали соседке Зал с Махият. И вовсе не потому, что та была состоятельной, не нуждалась в еде и питье, а ее старший сын имел автомобиль. Завидовали они ей оттого, что дети ее были при ней, как у всех. Она справила свадьбы детей по лезгинским обычаям - женила сыновей и выдала замуж дочерей, соблюдая народные традиции. Их внуки соловьями разливались на родном лезгинском языке.

Сверстники Зала и Махият собирались по вечерам на посиделки. Но эти двое никуда не выходили. Их жгла боль за своих детей. Имея троих сыновей, они вынуждены были взвалить на свои плечи все тяжелые работы по хозяйству. Так и жили, пытаясь не выказывать своих переживаний.

* * *

Зима выдалась суровой. Когда ударили морозы, дядя Зал и Махият слегли - оба разом. Им нездоровилось несколько месяцев подряд. От изнеможения они не могли встать, чтобы растопить огонь в холодном доме. Оттого, что некого было послать за лекарством в аптеку, они лежали долгие дни и ночи, придавленные болезнью. Так продолжалось до наступления тепла. К лету дядя Зал встал на ноги, но вот тетя Махият таяла как свеча. Ей не удавалось даже сделать глоток воды без помощи мужа.

Черешни и на этот раз принесли немало плодов. Ветви облепили муравьи, жуки, налетели птицы. Дядя Зал, не отрывая взгляда, смотрел вверх, на деревья. Не мог налюбоваться их красотой. И вдруг птицы устроили такой залиvistый перезвон, что даже тетя Махият, с ее обострившейся болью, не выдержала и вылезла из постели. Сделав усилие над собой, она шагнула к окну. Дядя Зал обрадовался, увидев жену на ногах.

Тетя Махият, стоя перед распахнутым окном, почувствовала на

лице дуновение чистого утреннего ветерка и глубоко вздохнула. Когда старушка перевела взгляд на плоды черешни на деревьях, глаза ее наполнили слезы.

- Дети не приехали, - тихо произнесла она, - опять не приехали.

Когда дядя Зал уловил эти слова, они пронзили ему сердце.

Вдруг погода переменялась. Лик солнца затянуло черными тучами. Над верхушкой черешни закружила прилетевшая невесть откуда ворона. Она закаркала так истошно, что крик ее вселил неведомый страх в сердца стариков. Отчего-то им стало не по себе. Почуввав недоброе, старушка отвернулась и доплелась до постели. Вскоре глаза у нее закрылись...

...Услышав стук топора в саду у соседей, прибежала тетя Саимат. Зал срубил и повалил на землю два черешневых дерева, задумал свалить и третье дерево.

- Сосед, что ты делаешь? Разве не грех срубить эти деревья, которые принесли столько плодов? Терпения не хватило? - сказала тетя Саимат. Когда упало еще одно большое дерево с плодами черешни на ветвях, у нее сжалось сердце. Она почувствовала неловкость, что всегда настаивала на том, чтобы эти деревья срубили. Уголок сада стал так пуст, сиротлив и печален...

Вскоре из открытых дверей соседского дома доносились причитания Саимат:

- На кого ты нас оставила, не дождавшаяся своих сыновей, сестра Махият...

2000 г.

ОБ АВТОРЕ

Седагет Керимова родилась 30 марта 1953 года в Кусарском районе Азербайджанской Республики. Окончила среднюю школу №1 города Кусары. Еще со школьных лет занималась творчеством. С 13 лет ее стихи, рассказы и статьи стали печататься в республиканских изданиях.

Поступив в 1969 году на факультет журналистики Азербайджанского Государственного Университета, С.Керимова становится внештатным корреспондентом одной из популярных газет - "Азербайджан гянджляри" ("Молодежь Азербайджана").

Ее интересные очерки на тему морали, в частности о проблемах брошенных на произвол судьбы детей и стариков, всегда вызывали живой интерес у читателей.

Принимая во внимание интересные публикации и трудолюбие молодого журналиста, еще до завершения университета С. Керимовой предложили работу штатного корреспондента в газете "Совет кенди" ЦК КП Азербайджана, которая являлась одним из ведущих печатных органов республики. Здесь она проработала 17 лет. Позже заняла пост заведующего отделом в газете "Хаят" (ныне "Азербайджан"), была заместителем главного редактора в газете "Гюнай".

С.Керимова с 1997 года является главным редактором газеты "Самур", издающейся на трех языках - лезгинском, русском и азербайджанском. Это просветительская газета, главной целью которой является сохранение и изучение истории, языка, культуры, обычаев и традиций лезгин.

Перу С.Керимовой принадлежат более 7000 статей, очерков, корреспонденций, зарисовок, эссе и фельетонов. За заслуги в области журналистики она была удостоена премии "Золотое перо" и премии имени Гасанбека Зардаби Союза Журналистов Азербайджана. Она также является обладательницей премий имени Хуршудбану Натаван и Мехсети Гянджеви Независимого Профсоюза СМИ Азербайджана.

По приказу Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева в 2006 году Седагет Керимова была удостоена почетного звания "Заслуженный работник культуры Азербайджана".

Творческая деятельность С.Керимовой многогранна. Она писатель, публицист, поэт, драматург, композитор, автор 15 книг, более 100 песен.

Ее первый сборник повестей и рассказов "Немой крик" вышел в свет на азербайджанском языке в 1985 году и вызвал большой интерес у читателей. В 1989 году была издана ее вторая книга "Весенняя ночь". "Грустные трели" - ее первый сборник стихов на азербайджанском языке. Большую славу автору принес роман "Блажная", который стал знаменательным событием в литературной жизни республики.

Первая книга С.Керимовой на лезгинском языке "Сырай "Лезгинку" увидела свет в 1995 году. Писатели Дагестана и Азербайджана высоко оценили это издание.

В 1998 вышла книга стихов и поэм под названием "Вставай, вселенная, "Лезгинку" танцуй". На лезгинском языке были выпущены также сборники повестей и рассказов "Холодное солнце" (2003), стихов "Еще одна весна" (2003), книга для детей "Солнце улыбается" (2006). О сборнике ее повестей и романов "На закате" (2000) на азербайджанском языке на страницах СМИ было опубликовано 54 рецензий разных авторов.

В 2011 году увидел свет энциклопедический сборник С.Керимовой "КцІар, кцІарвияр - Qusar, qusarlilar", над которым она работала в течение 10 лет. Эта книга символ гражданского подвига, беззаветной любви к Родине, результат кропотливого, фундаментального труда автора. Написанная на лезгинском и азербайджанском языках энциклопедия посвящена истории, культуре, традициям лезгин на примере кусарцев.

Автору этих строк приятно отметить, что последние семь книг Седагет Керимовой, включая эту энциклопедию, выпущены нашим издательско-полиграфическим центром "ЗИЯ".

Отрадно, что в 2003 году с целью пропаганды творчества С.Керимовой Министерством Культуры Азербайджанской Республики и Азербайджанской Государственной Библиотекой имени М.Ф.Ахундова было издано методическое пособие под названием "Седагет Керимова - 50". Книга, составленная кандидатом филологических наук Бейбалой Алескеровым, посвящена ее жизни и творчеству. В выпущенной в том же году публицистической книге "Седагет" известный писатель-журналист Музаффар Меликмамедов также подробно рассказывает о

творчестве Седагет ханум.

Знакомство русскоязычных читателей с творчеством С.Керимовой началось с книги "Блажная" (2001) и поэтическим сборником "За семью горами" (2005).

Представленная вниманию читателей книга "Медвежий дождь" является третьим изданием на русском языке моего любимого автора и бесценного друга Седагет. В него включены романы и повести, переведенные с лезгинского и азербайджанского языков.

Уверена, что эта книга, отличающаяся глубоким психологизмом, оригинальной манерой повествования, интригующими сюжетами, неожиданными поворотами событий, интересными героями с их богатым внутренним миром, оставит незабываемый след в памяти читателей.

Севда Микайылгызы,
директор издательско-полиграфического центра
"ЗИЯ"

СОДЕРЖАНИЕ

РОМАНЫ	3
Медвежий дождь (перевод М.Гаджиева)	5
Блажная (перевод С.Мамедзаде)	159
ПОВЕСТИ	285
Сердцу не прикажешь (перевод С.Мамедзаде)	287
На закате (перевод М.Гаджиева)	343
Светлая печаль (перевод С.Мамедзаде)	383
Потеря (перевод М.Гаджиева)	425
РАССКАЗЫ	457
Осиное гнездо (перевод М.Гаджиева)	459
Лезгинка (перевод М.Гаджиева)	473
Завещание (перевод Р.Бабаева)	481
Яргу (перевод М.Гаджиева)	493
Анафема (перевод М.Гаджиева)	500
Не приехали (перевод М.Гаджиева)	509
ОБ АВТОРЕ	517

Седагет Керимова

МЕДВЕЖИЙ ДОЖДЬ

(романы, повести и рассказы)

Email: sedagetkerimova@rambler.ru

www.sedagetkerimova.com

www.samurpress.net

Компьютерный набор: Сабина Мамедова
Корректор: Севда Азизрин
Верстка: Ханум Азизова
Дизайн: Севда Микайылгызы,
Шамиль Гурбанов